

ВЕДА СЛАВЯН

БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ПРЕДИСТОРИЧЕСКОГО И ПРЕДХРИСТИАНСКОГО ВРЕМЕНИ

ОТКРЫЛ В ФРАКИИ И МАКЕДОНИИ

И ИЗДАЛ

СТЕФАН И. ВЕРКОВИЧ

ТОМ I

Перевод с древнеболгарского языка Барсукова В. Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АМРИТА

МОСКВА 2011

ББК 82.3(3)

УДК 398.2

ISBN 978-5-9901902-3-8

Аннотация

В книге С. И. Верковича «Веда Славян» том I, выпущенной в 1874 году в Белграде, (теперь репринтное издание в русском переводе) приведены собранные им эпические песни и предания в Родопских горах у народов помаков и марваков. В сборник вошли материалы о великом переселении праславян в Европу задолго до эллинов и кельтов со своей Прародины, которая по описанию климата и географического положения походит на северную Африку, что даёт материал для нового научного исторического открытия. Песни также содержат яркое описание древних обычаев, связанных с рождением, воспитанием и женитьбой знаменитых героев. Предания содержат множество заговоров и мистических сцен. Имеется много песен о гениальном певце и музыканте Орфее, также царе и жреце фракийского народа, в том числе «Древняя болгарская песня об Орфее», которая на первом археологическом съезде в Москве в 1875 году завоевала почетную грамоту, а сам Веркович был награжден золотой медалью и орденом святой Анны. Книга будет полезна всем, кто интересуется древней историей славян, а также доисторической, дохристианской Ведической культурой.

На лицевой стороне обложки картина сербского художника Дюбивоя Йовановича «Славянский бог родоначальник Сварог- Вышний»

На последней стороне обложки картина сербского художника Момира Янковича «Славянский бог Дажьбог»

ВЕДА СЛОВЕНА.

БЪЛГАРСКИ НАРОДНИ ПЕСНИ

ОТЪ ПРЕДИСТОРИЧНО И ПРЕДХРИСТИЯНСКО ДОБА

ОТКРИЛЪ ВЪ ТРАКИЯ И МАКЕДОНИЯ

И ИЗДАЛЪ

СТЕФАНЪ И. ВЕРКОВИЧЪ.

КНИГА I.

LE VEDA SLAVE.

CHANTS POPULAIRES DES BULGARES

DE THRACE & DE MACEDOINE

DE L' EPOQUE PREHISTORIQUE & PRECHRETIENNE.

Decouverts et edites par

ETIENNE J. VERKOVITCH.

VOLUME I.

БЕОГРАДЪ,

ДРЖАВНА ШТАМПАРИЯ 1874.

Belgrad, imprimerie de l' etat.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Из школьного курса истории и литературы мы знаем, что сохранившиеся самые древние летописи, а также материалы славянского эпоса записывались в монастырях христианинскими летописцами, которые описывали события своего времени.

Однако, мало кто знает, что сохранился дохристианский эпос южных славян, восходящий ко времени переселения славянских племён на реку Дунай в район Балканских гор. При этом устным народным творчеством у болгар-помаков сохранились эпические песни, унаследованные ими от своих далёких предков, первых славянских переселенцев, помнящих ещё свою жаркую Прародину.

Эпические песни были собраны знаменитым в своё время юго-славянским учёным, археологом, историком и этнографом боснийским сербом Стефаном Ильичём Верковичем в середине XIX века.

После получения образования в Загребе жажда к познаниям привела С. И. Верковича в неисследованный край болгарской Македонии, где он поселился в городе Серезе. Веркович с успехом воспользовался пребыванием в этом богатом памятниками старины и живым народным творчеством славянском крае. Собранные им древности и рукописи обогатили музеи и библиотеки не только России, но и западной Европы. С.- Петербургу посчастливилось получить в Эрмитаж многие археологические предметы, а Публичная библиотека получила прекрасную и ценную коллекцию древних славянских рукописей.

У Верковича возникла идея опровергнуть взгляд иностранных писателей, что славяне не внесли ничего своего в культуру человечества, но скорее ей вредили, время от времени истребляя опустошительными набегами накопленные культурные богатства талантливых народов. Интересуясь произведениями народного творчества, С. И. Веркович напал на след таких песен, каких никто до него не встречал. Песни эти он нашёл у болгар-помаков, живущих в Родопских горах, поэтому назвал их «Родопским открытием». Древнейшие песни помаков являлись носителями живой ведической традиции. Болгары-помаки формально приняли ислам, но продолжали исполнять древние ведические славянские песни, унаследованные от своих далёких предков. Родопские славяне сохранили живое предание даже о времени Александра Великого. Веркович находит вариант песни об Александре, две песни об Орфее и песню о переселении народов.

Первые упоминания о таких песнях сохранились в древней Греции, где поэт Гомер собрал существующие задолго до него героические песни и переработал их в две знаменитые эпопеи «Иллиаду» и «Одиссею».

В Шотландии и Ирландии до XIX века сохранились в устной народной передаче песни кельтского барда Оссиана, сына короля Фина, жившего в III веке н. э. Материалы песен, обработанные поэтом Макферсоном доставили Оссиану европейскую известность.

Эллеги́ческий тон Оссиана сближает его песни с наследием прибалтийской культуры, в т. ч. с финским эпическим сборником «Калевала», который собрал и записал поэт и учёный Ленрот в начале XIX века. Сборник содержал 50 песен и 22793 стиха. «Калевала» полно и ярко выразила народные мифические воззрения, которые обоготворяют материальные силы и явления Природы, а также человеческую жизнь. «Калевала» получила широкую известность и изучается даже в системе российского образования.

Также широко известны мировой древней культуре памятники восточного ведического эпоса: индийские «Веды» и «Авеста» древних иранцев.

На этом фоне совсем неизвестны не только мировой, но и европейской культуре шедевры величайшего славянского эпоса, собранного в Родопях Стефаном Ильичём Верковичем в 1865 году. В этом отношении «родопское открытие» представляет для истории весьма ценный источник, составляющий в самой большой степени достояние всего человечества.

В 1867 году С. И. Веркович приезжает в Москву, чтобы найти хороших учёных - славистов, которые поддержали бы его исследования и помогли напечатать часть песен. Вскоре в том же году на 1-м археологическом съезде в Москве С. И. Веркович доложил содержание песни об Орфее, где он является не греческим мифологическим героем, а реальной исторической личностью - гениальным певцом и музыкантом, а также царём и верховным жрецом фракийского народа. Это вызвало восхищение государя-императора Александра II, под эгидой которого проходил съезд. Стефан Ильич был награждён грамотой, золотой медалью и орденом Святой Анны. С. И. Верковичу была предложена престижная должность в итальянское консульство в городе Серезе, куда он вскоре уехал.

Часть собранных песен С. И. Веркович объединил в настоящую книгу и издал в Белграде, в княжестве Сербия, в 1874 году под заглавием «Веда Словена» книга первая, в которой вместе с текстом был помещён французский перевод. Французы особенно активно принялись исследовать «родопское открытие», так как до этого они имели большой опыт по изучению произведений индийской «Веды». Для проверки подлинности помакских песен ещё в 1868 году в Белград был направлен Альберт Дюмонт, член французской школы в Афинах. Затем немного спустя в 1873 г. министерство народного просвещения Франции поручило своему консулу Огюсту Дозону убедиться в подлинности помакских песен на самом месте, где эти песни были записаны. Во французских журналах обоими специалистами были даны подробные отчёты о подлинности собранных Верковичем песен.

О помакских песнях С.И. Верковича восторженно отзывались в печати того времени крупнейшие европейские специалисты и люди, интересующиеся произведениями устного народного творчества.

В связи с начавшейся русско- турецкой войной и угрозой ареста, С. И. Веркович вновь возвращается в Россию в 1877 году. Для того чтобы получить оценку русских специалистов, С. И. Веркович представляет материалы помакских песен на 4-й археологический съезд, который проходил в Казани 10 августа 1877 года. Выдающийся археолог и литератор, доктор славяноведения, действительный член Академии Наук Измаил Иванович Срезнёвский

представил подробный доклад о сделанном С. И. Верковичем «Родопском открытии». Помакские песни Срезнёвский называет поразительными по своему содержанию, ибо в них находятся воспоминания о самых первоначальных открытиях и изобретениях человека на пути образованности, например, об изобретении сохи, серпа, лодки, а также воспоминания о Троянской войне.

Однако, несмотря на положительные отзывы крупнейших славянских учёных, несмотря ещё на свидетельства французов, людей посторонних и не заинтересованных в деле, в среде участников съезда нашлись псевдоспециалисты-скептики, которые не допускают возможности существования подобных песен в Болгарии, так как в них содержатся сведения о такой отдалённой эпохе, воспоминание о которой не могло сохраниться в народной поэзии, что якобы Веркович старается своим сборником песен доказать, что южные славяне явились в Европу прямо из Индостана. Да, в этом вопросе Веркович немного ошибался, так как по описанию природы, географии и местоположению соседних народов в песнях упоминается северная Африка. Не зная содержания песен и проявляя некомпетентность псевдоспециалисты выступили с резкой критикой песен. Пугало их и «языческое» содержание песен, проклиняемое столетиями одиозными церковными иерархами.

Хотя эти псевдоспециалисты никогда не были в Родопах на месте, где записаны помакские песни, хотя имелись подтверждения французских специалистов о подлинности песен, им удалось навязать своё мнение съезду, и С. И. Веркович был обвинён в подлоге. Таким образом была предана забвению уникальная древняя Ведическая Культура Славян. Российская «патриотическая интеллигенция», какой её считал С. И. Веркович, оказалась по сути дела собранием благонамеренных, но недееспособных интеллектуальных трутней, лишённых самосознания и свободы воли. Об этом в своё время писал наш русский гений Д. И. Менделеев в книге «Заветные мысли», что главная причина многовековых бед нашего народа – в прозападной ориентации нашей интеллигенции, которая является антинародной по своей внутренней сути и мыслит, чувствует, живёт в соответствии с положениями западной (а не отечественной) культуры. Победило именно это направление в литературе, отстаивавшее основы западно-европейского либерализма, которое возглавляли Пыпин А. Н., Спасович В. Д., Макушев В. В. и др. Они-то и выступили в печати с яростной критикой песен, собранных С. И. Верковичем. Что касается их компетенции как литераторов, то Пыпин А. Н. преподавал в университете курс провансальской и французской литературы, являясь специалистом по западной литературе. Работал в журнале «Вестник Европы» и издал книгу «История славянских литератур» совместно со Спасовичем В. Д., который являлся профессором уголовного права и считался лучшим криминалистом, чем литератором. Макушев В. В. долгое время стажировался в Италии и издал книгу по истории славянства по материалам, найденным в итальянских архивах.

Другое направление в литературе принесло прекрасный материал как этнографического, так и художественного характера, осветив многие стороны народной жизни с исторической точки зрения. Сюда относились такие литераторы, как И. И. Срезнёвский, А. А. Краевский, И.С. Аксаков, П. А. Безсонов и другие.

У обоих литературных направлений возникли крайние разногласия во взглядах на активную роль народа в культурной истории. Поэтому на 4-м Археологическом съезде в Казани по сути не рассматривалась историческая концепция песен Верковича С. И., а велась борьба идей обоих направлений, окончившаяся для него неудачно.

В настоящее время внимание к сборнику «Веда славян» привлёк энтузиаст-историк А. И. Асов в своей книге: «Атланты, арии, славяне». Он также сделал несколько переводов из 1-го и 2-го тома книги, а также из неопубликованных источников С. И. Верковича. Из многих помакских песен А. И. Асов на русском языке создал поэтические сказания, посвящённые отдельным героям, изложенные в нескольких книгах, что представляет собой интересный литературный материал. Однако при этом был утрачен канон и ритуал обрядовых песен.

В настоящем переводе исходный помакский текст оставлен без изменения, но могут быть видны ошибки записывателя песен Ивана Гологанова. Так, в одних и тех же словах могут меняться буквы В и Ф, П и Ф, Б и П, О и У, Ю и У, и т. п., а также не выполнялись правила орфографии и синтаксиса. Так как книга написана на помакском языке, который является самым архаичным диалектом южнославянских языков, то сегодня не существует русско-помакского словаря, а также грамматики этого языка. При переводе использовались болгарский, македонский, сербский и старославянский словари, а также исследования русских славистов в области древнего языкознания.

Я с великим удовольствием благодарю моих друзей из Сербии – автора сайта SVEVLAD (www.svevlad.org.rs) Александру Маринкович-Обровскую и Александара Обровского, а также болгарский сайт <http://ziezi.net> за предоставление информации по древнеславянской культуре, в том числе из наследия С. И. Верковича.

Хочу высказать глубокую признательность Владимиру Васильевичу Белокрылову за постоянное содействие и добрые напутствия.

Выражаю глубокую и самую нежную благодарность моей семье: жене Наташе, детям Алёне и Серёже за душевную теплоту, создание благоприятных условий жизни и творчества, благодаря которым была подготовлена эта книга.

Также выражаю добрую признательность издательству АМРИТА, без которого этой книги не существовало бы.

В заключении выражаю самую добрую благодарность Краснодарскому, Анапскому, Ростовскому на-Дону и Московскому сообществам Ведической Культуры за активную поддержку, без которой появление данной книги было бы весьма проблематично.

Барсуков Валерий Гаврилович. E-mail: bevega@mail.ru

Академик Кубанской народной Академии

ВОСКРЕСЕНИЕ ДРЕВНЕГО СОЛНЦА

„ВЕДА СЛОВЕНА” - НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Перевод с болгарского языка)

По интернету в Болгарию была прислана книга „Веда Славян” – в переводе на русский язык. Перевод выполнил проф. Валерий Гаврилович Барсуков из России. Для меня он профессор и более, с полной убежденностью пишу это.

Я больше полувека живу в Родобах (Болгария), где Стефан Веркович собирал древние песни и сборник „Веда Славян” назвал «Родопским открытием». Как автор 12-ти книг про Орфея, я сам объездил 240 сёл в том районе, посетил 43 страны и могу на своём опыте делать сравнения.

Дискуссия по поводу песен „Веды Славян” продолжается уже более полутора века. По своему объёму она достигла уровня споров, как по Гомеровому вопросу. Откуда исходит такой огромный интерес?

Стефан Веркович /1827 – 1893 г./ покинул родное Косово, стал монахом, учил богословие в Загребе, был затем в Белграде, сбросил монашескую рясу и в течение 1850 г. поселился в городе Сяр /Серез/ - сейчас Греция. Там он начал собирать этнографические материалы и народные песни в Родобах и Македонии. Издал книгу „Народные песни македонских болгар” в Белграде, 1860 г. А следом это же издал сборником – том первый „Веда Словена” в Белграде, 1874 г. и позднее – том второй сборника „Веда Славян” издал в С.-Петербурге, 1881 г. Затем надолго поселился в Болгарии. Жил в Пловдиве и умер в Софии.

Стефан Веркович был реально командирован в Родопы от Министерства просвещения в Софии. До самой смерти он собирал многообъемный древний материал – песни, сказания, монеты, древние предметы старины. О первом томе „Веда Словена” Веркович пишет: „Песни собирались мной”.

Первые песни Веркович записал в 1850 г. и более 40 лет жизни посвятил этому делу /1850 – 1893 г./. Так, много старых песен записаны сначала от певицы Дафины, затем первые песни об Орфее записаны от деда Вело Гланчева, а после от десятка народных певцов и певиц – с указанием имени и села.

Песни датируются от „праисторического и предхристианского времени”. Имеется много обрядных песен, освещающих Языческое время. Записаны и опубликованы песни об Орфее, содержащие 3764 стиха. А собранные песни в сборниках „Веды Словян” содержат десятки тысяч стихов. Общий эпос „Веды Славян” составляет 450 000 стиха, которые по объёму равны 30 „Иллиадам” Гомера.

По этому поводу народный поэт и патриарх болгарской литературы Иван Вазов пишет: „Родопы – это море песен”.

Веркович подарил в болгарскую казну 1000 древних и неизученных монет, золотые сокровища, рукописи и евангелия. Он не использовал ничего для себя и умер в большой бедности. В конце жизни он признавался: „Я был золотой колодец для Болгарии”. Веркович записал лишь только „Помакские песни” – песни, спетые болгарскими мусульманами, живущими в Родобах, которые не

знают ни одного слова на турецком языке. Эти песни от Орфеева времени исполнены на архаичном родопском диалекте. Часто имеются отдельные непонятные слова – и для певцов и для слушателей. Например, выражение: „Вита е вила ветише”(Песенка эта про вдохновение от неба) нас возвращает к наиархаичному языковому корню – фракийскому и санскритскому языку. Три языка смешались в Родопах: язык на фракийском-беси, которым владеют горцы в Родопах, язык славянский, который принесли в Орфеевы горы, и язык праболгарский, также принесли сюда при заселении. От этих трёх этносов и родилась будущая Болгария (681 г).

География фольклорных источников „Веды Славян” охватывает районы от Неврокопа до Смолян и от Сереза через Доспат и Девин до Чепино. Это был большой район в труднодоступных горах.

Такая недоступность и трудная языковая среда доводит многих ученых до безсилia, сомнения и отрицания. Они не могут уразуметь глубокомысленного выражения Стефана Верковича: ”Чтобы мог человек проникнуть в мудрость родопских песен, надо быть ему гением”.

Что касается эрудированных учёных, то они не смогут эти песни спеть, не живя в Родопах и не зная с рождения родопский говор, а также не познав бытовую и языковую среду. Они рассматривают горское „Море песен” отдалённо и слышат лишь эхо от большого волнолома.

За полвека исследований, я открыл на горных вершинах в Родопах 6 каменных плит, с выдолбленными на них 5600 буквами. Такими же, как древние наскальные знаки и надписи с именем Орфея, обнаруженные по следам древних книг и руин разрушенных храмов. Так рухнуло большое научное заблуждение, что „фракийцы безписьменный и безкнижный народ”, как и славяне, как и праболгары. Как можно назвать их „варварами” при наличии 300 000 народных болгарских песен (только записанных). Франция имеет 8000 народных песен, Германия – 50 000 народных песен, а маленькая и порабощённая Болгария создала 300 000 народных песен. Это не есть ли огромный культурный феномен с Орфеевого наследства. Я сам являюсь соавтором „Антологии родопских песен”, где избраны 300 родопских песен. В них и сегодня дышат древние думы и мелодии, отшлифованные по истечению тысячелетий.

Один рефрен (главный припев) в „Веде Славян” повторяется до 10 раз и этот рефрен отшлифован так, что поётся и сегодня. Относится к молодой, влюблённой девушке:

*На челе её – ясно солнце,
На груди её – мясчико,
На подоле её – часты звёзды.*

Или другой отрывок из „Веды Славян”, отшлифованный в народном творчестве Болгарии. Ещё о молодой, влюблённой девушке:

*Когда стоит – солнце греет,
Когда ходит – ветер веет,
Когда говорит – жемчуг нижет.*

Первый, кто отрицал „Веду Славян” был Луи Леже из Франции. Но проф. Ходзько из Парижа защищал болгарский народ, который сказал такие слова:

«Народ, создавший такие песни, есть один из наиболее поэтичных народов на свете».

Имеется одно воспевание братьев Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности. Из него сохранилось выражение: "Восхождение Слова – великого и пространственного – обновит Лицо Земли болгарской". Академик Срезнёвский из России, делая доклад в Казани относительно „Веды Славян”, пишет за „Родопское открытие”: "Песни эти поразительны по своему содержанию”.

Таким трудным делом занялся проф. Валерий Барсуков из России. Он перевёл на русский язык „Веду Славян”. Его труд является большим литературным подвигом. Я бы назвал два пути Подвига. Первый подвиг, что он осуществил перевод с родопского диалекта на литературный Русский язык. И второй подвиг, что оригинал и перевод даны вместе на одной странице строка в строку – один с другим – и всякий читатель может сравнить сразу любой ряд.

Знаем про большие муки при переводе – необходимы долгия усилия для достижения оригинала. Но в этом случае проф. Валерий Барсуков ПРЕВЗОШЁЛ ОРИГИНАЛ. Он претворил родопский диалект на литературный русский язык так, как будто промывал золото. Содержание перевода не дублировало оригинал, а достигнутая языковая форма его превосходила. Перевод является читаемым, доступным, ритмичным и ясным. Проф. Барсуков опирается на глубокий славянский языковый корень – и фракийцы, и славяне, и праболгары имеют общий индо-европейский корень. Такова Орфеева цивилизация, раскрывающая в целостности своё богатство. Я сам по этому поводу писал : «Родопы есть Болгарское Эльдorado, а Орфей есть Болгарский духовный Эверест». Не случайно русский Академик Лихачёв назвал Болгарию „ДУХОВНОЙ ДЕРЖАВОЙ ”.

Проф. Барсуков сохранил подлинность корней (в словах), преодолел нарушения ритмики в оригинале, преодолел пропуски записывателя песен и промыл «духовное золото» не только через разум, но и через своё сердце.

«Веда Славян» документально подтверждает в песнях и наличие древней Орфеевой письменности (13 в. до н. э.) Каменные плиты также её документируют. Как и моя книга «Орфей и азбука», переведённая на английский язык.

Проф. Барсуков, следуя древним Орфеевым мифам, перевёл на русский этот стих так: «Когда летели, в книгу глядели». Так ведь и Платон пишет: «Видел кучи книг про Орфея» – на греческом языке.

Проф. Барсуков проясняет географию сюжетов – от Африки и Азии к Белому Дунаю и Чёрному, а также Белому морям. Эти упоминания о переселении, наши предки завещали нам в древних песнях.

Заслуга проф. Барсукова заключается в том, что он поливает наши древние корни, чтобы расцвёл Будущий наш день. И сегодня можно показать, что жив пример этой древности. В далёкие времена в Карпатах жило славянское племя «Смоляне». По ряду причин это Племя разделилось на два и сделало свой выбор за новое переселение. Одна часть от племени «Смолян» пересекла реку Дунай, перешла на сегодняшние земли Болгарии и остановилась в Родопах –

Орфеевых горах. Чтобы сохранить своё имя «Смоляне», они основывают древнее поселение, которое называют «СМОЛЯН» (сегодня областной город). Другая часть «Смолян» сделала свой выбор идти к Днепру. Они также решают сохранить имя своего племени „Смоляне” и основывают город «СМОЛЕНСК». Смолян и Смоленск – древнее родство и единое ведическое знание. Такое родство пронизывает всю нашу историю, язык и этнос.

Перевод «Веды Славян» проф. Барсукова проливает живую воду на «нашу великую в прежние дни Орфееву цивилизацию». Через полтора века научных споров, снова над горизонтом сегодня всходит ДРЕВНЕЕ НАШЕ СОЛНЦЕ. Оно нас согреет не только снаружи, но и внутри – как «солнце кровное». Это есть Орфеева любовь – обычаи и песни – на Крыльях свободы Творчества!

НИКОЛА ГИГОВ - Болгария,
Писатель, удостоен награды Мира
имени Леонардо да Винчи, а также
лауреат 15 международных и более
100 национальных почётных наград

ФЕНОМЕН «ВЕДА СЛАВЯН»

(Перевод с болгарского языка)

В далёком 1874 году в Белграде вышла из печати одна книга, которая разбудила духовность в научной среде и не даёт им покоя по сей день. «Автор» её был боснийский серб Стефан Веркович, а заглавие – «Веда Славян: Болгарские народные песни предисторической и предхристианской эпохи». Поставим «автор» в кавычки, потому что реально С. Веркович являлся только заказчиком, а истинным собирателем песен был болгарский учитель из Эгейской Македонии – Иван Гологанов.

Веда Славян был единственный особенный сборник фольклорных песен и преданий, собираемый в продолжении двенадцати лет среди болгар мусульман в Македонии и в Родопском крае (т. наз. марваки и помаки). Особенный, потому что изложенное в нём творчество имело необыкновенную тематику и содержание, оно говорит о языческих богах, сверхъестественных существах, мифологических героях, древних царях и государях, содержит знания, воспоминания, уходящие далеко не только до времени исламизации помаков, но и до христианизации всего болгарского народа. Такое содержание обрекает книгу на отвержение. Многие учёные, от исходных и до наших дней, объявляют её фальсификацией, они наиболее часто приводят аргументы типа «неправильная и неуклюжая форма» и ещё «фантастическое содержание». Такие утверждения, однако, не объясняют, откуда «горе-фальсификатор» сельский учитель Иван Гологанов мог бы иметь такие обширные познания о древнеславянской мифологии. По тому времени, когда он собирал песни, большая часть наших известных сегодня славянских и присутствующих в Веде Славян божеств, а также мифических персонажей, всё ещё не были известны науке. Да ещё оговорим, что тогдашняя Болгария всё ещё была под турецким рабством и едва ли в каждом селе имелась библиотека, снабжённая новейшей литературой в области славистики.

Вообще говоря, «неправильную и неуклюжую форму» имеет всякая народная песня – не правда ли, ведь это есть (просто)народное творчество, а не профессиональная поэзия.

С другой стороны всяческие исследования о диалекте песен заключают, что он выглядит вполне самобытно и отвечает Болгарскому Диалектическому Атласу.

Так или иначе, для нас спор относительно истинности Веды Славян вообще не существует.

Поэтому сэкономим время и место, а ещё обсудим несколько интересных моментов:

Имеет ли «Веда Славян» подражание индийским ведам?

Ничего подобного. На старославянском и староболгарском слово **вѣдь** означает мудрость, знание, познание и в этом смысле **веда** ещё означает книга (сборник) мудрости. И оттого – **веда славян** означает «славянская мудрость» на чистом славянском языке. Совсем отдельный вопрос, что подобно это значение и в индийском понятии «веда», который, однако, легко объясняется родством с индоевропейскими языками. Тогда напомним, что и древнеславянский язык, и

древнеиндийский санскрит принадлежат к одной языковой группе – это восточный индоевропейский (т. наз. «сатем») язык. По этой причине в санскрите имеется ряд терминов, сходных со славянскими – например bhagu (слав. богъ), phebvi (слав. небо, небе), mīgu (слав. миръ), aśhram (слав. храмъ), и пр.

Кто есть Вишна бог в Веде Славян – заимствование из индийской мифологии?

В сущности тут в песнях он наиболее вероятно называется Вишень богъ, т. е. высший бог, небесный бог и используется как синоним на определённое славянское божество. Этот подход также замечен и в некоторых русских песнях, где употребляется следующее словосочетание – Вышний бог.

Для славянских народов типично, что они называют божества синонимами и эпитетами, так как в славянской вере на произнесение истинного имени бога имелось табу.

Кто есть Шива бога – индийский бог Шива?

Другое заблуждение. Тут правильнее было бы спросить «которая есть бога Шива?», потому что в соответствии с диалектом «бога» имеет явно женский род от слова «богъ» и означает богиня. Таким образом и в польском то же означает. И в болгарском простонародном языке сохранилось определение «как бога», хотя и с изменённым значением. Так и в нашем случае Шива бога есть ничто иное, как извращённая запись имени славянской богини жизни и созидания Живы. Целый контекст песен отвечают характеристике этой богини.

С подобными объяснениями могли бы быть опровергнуты и все остальные приведённые «индийские» влияния на Веду Славян, которые часто рассматриваются как довод её недостоверности.

Какова ценность для нас, болгар, Веды Славян?

1. Песни, собранные в ней среди родопских и беломорских болгар мусульман содержат огромное число реминисценций из христианской и языческой религиозной практики, характерной для болгарского народа. Такая Веда Славян является неопровержимым доказательством в болгарской принадлежности т. наз. помаков из Южной Болгарии и Северной Греции. Она доказывает, что болгарские магометане в определённый исторический период разделяли с остальными болгарами славянские языческие верования, а позднее христианскую религию.

2. Песни собирались среди македонских болгар на специфическом болгарском диалекте и ни на одном месте не вспоминалось ничего такого, характеризующего их как «македонцы». Будучи сербом, Стефан Веркович издавал Веду Славян под заголовком: «Обрядные песни языческого времени, сохранившиеся устным преданием у Македонских – Родопских – Болгар – Помаков». Какое ещё лучшее доказательство болгарского характера у «македонцев», если сам серб собирал болгарские песни в Македонии?

3. Легенды в Веде Славян записывались в период 1860-1870 гг. и содержат мифологические воспоминания языческого времени, прославление языческих богов, языческих героев, духов, лесных русалок. Т. е. среди помаков языческие верования уцелели и после христианизации (IX в.), и после

исламизации их (XVI – XVII в.), что подтверждает их глубокую и очевидную истину, которую несли люди как святую и великую ценность. Эти существующие легенды доказывают, что языческая вера была необходима для народа и продолжалась почти до конца второго тысячелетия после попытки стирания её из народной памяти, живя на апокрифном уровне – среди обыкновенных людей в изолированной горной общности.

4. Ряд высказываний говорит даже за предславянские мифологические персонажи, известные специалистам от древних фракийцев – факт, разоблачающий утверждения в болгарской историографии абсурдной презумпции, что в формировании болгарского этноса участвовали единственно славяне и праболгары. Песни Веды славян показывают, что в фольклоре нам фракийцы оставили мистическое наследство, которое доказывает их важное участие в построении болгарской народности, культуры и системы языческих верований.

Георги Михов – Болгария, общественный деятель

(<http://free.bol.bg/slavpagan/vedaslovena.html>)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мало имеется племён рода людского, у которых древняя история такая неизвестная, как славянская! – При этом мы не сохранили следы воспоминаний о первобытной местности, откуда наше происхождение исходит, – как это существует у других цивилизованных народов, например хоть еврейского, который, как известно, через все потрясения и вселенские бури до нашего времени сохранил как обычаи и предания своей старины, так и все свои культурные произведения, которые почитаются и оберегаются как святыни, завещаются от одного поколения к другому, таким образом верно и чистосердечно передают, что они от отцов унаследовали, – нам же не были предоставлены благоприятным образом и не остались познания славянской старины до завершения нашего языческого времени, так как до нас ничего не дошло что-либо из их культурных или рукотворных неискажённых произведений, по которым мы бы могли судить насколько в мире с ними считались и посредством чего возможно бы было приблизиться к ним, узнать об их образе жизни и событиях их таинственного далёкого времени. – То очень малое, что есть о Славянах, знаем по иностранным источникам, где так всё неясно перемешано и необъективно представлено, что невозможно сделать заключение или что-нибудь несомненно понять.

Среди иностранных писателей и представителей современной цивилизации существует предрассудок, что Славяне не только не внесли ничего своего в культуру человечества, но скорее ей вредили, время от времени истребляя опустошительными набегами с большим трудом скопленные культурные богатства народов, одарённых выдающимися способностями и талантом. А такими просветителями народов были по их мнению предки Индийцев, Финикийцы, которые считаются предками Эллинов, Египтяне и ещё немногие, которые по мнению западных учёных распространяли по земному шару культуру и образованность между людьми. Великие такие же западники одинаково высказывались, что такого дара не имели Славяне, но только одно опустошение по миру оставляли! Наиболее страшные опустошители мира средних веков, которые все достижения языческого времени обратили в прах и пепел, как это были, например, Гунны, Татары, Вандалы, Готы и т. п. считаются ими такими же, или близкими товарищами и непосредственно родственниками Славян! – Они представляют, что до крещения Преславского державного дома у одних Славян не было никакого понятия и следов об азбуке и литературе, что в области нравственности и образованности их прошлое мало отличается от того, что сейчас видим у наиболее грубых азиатских племён.

Вот таково мнение странного писателя, который сам начинал узнавать о Славянах от других, вместо того, чтобы самому научиться познавать мир, а которые меня так учили, были, к сожалению, и сами собственно Славяне! Когда были случаи сделать какое-нибудь замечание о труде и деятельности выше упомянутых несравненных просветителей народов, учинённых человеческому роду, то всегда такое витиеватое высказывание сочиняется, что самому становиться стыдно и завидно, что и я не имею чести принадлежать к какому –

либо из упомянутых чудесных народов, а только параллельно с последними. Что они только поведали о происхождении мировой цивилизации, вообще все верили. Я никогда ни от кого не слышал что-либо плохое против Славян, поэтому для меня по другому не может быть иначе, но считаю, что о славянах надо узнавать, скажем, начиная от изучения азбуки и в продолжении всех своих школьных лет. –

Между тем поселившись в классической, полной дорогих воспоминаний Македонии ради исследования и сохранения памятников старины во время своих частых поездок, которые я предпринимал во всех направлениях непосредственно Балканского полуострова, по краю я собирал старинные предметы, исследовал и сравнивал их с особым вниманием и любопытством, Помимо собирания предметов, наблюдал также типы, склонности, свойства и обычаи разных племён, проживающих теперь в упомянутой знаменитой древней области, отечестве классической образованности. К моему величайшему удивлению, я заметил большое различие между тем, что я слышал в школе о греческом племени, и тем, что я увидел на самом деле своими глазами. А именно, что ему не достаёт кое-чего в цивилизаторском образовании, чего бы не должно быть, если бы было правдой то, что говорится о нём в этом отношении.

Оставляя в стороне всё другое, назову только музыку и поэзию, считающиеся краеугольным камнем первобытной человеческой культуры; склонности к ним у современных греков я не заметил, между тем как болгарские славяне отдаются им с таким энтузиазмом и любовью, что едва ли их может в этом отношении превзойти какое-либо другое славянское племя.

Много раз мне случалось летом проходить через поля и луга греков, переполненные рабочими, и никогда до моих ушей не долетали звуки какой-нибудь песни или весёлого говора; каждый раз по обеим сторонам пути владела такая тишина, что мне казалось, здесь работают не живые существа, а какие-то автоматы.

Напротив, проходя среди краёв, заселённых славянами, я ещё издали узнавал их и не почему-либо другому, а единственно, по звучному далеко по горам и долам разносящемуся эху их песен.

Не зная, как для себя разрешить эту загадку, как поступить в отношении славян с моим тогдашним мнением, позже дошёл до таких предположений: что неосновательны заключения об исключительных цивилизаторских дарах греков, что не только они были единственными учителями и просветителями человечества и, в частности, народов южной Европы, но что и славяне имели с незапамятных времён свою собственную древнюю культуру.

Но недостаточно, недействительно никакое предположение, если его несомненно нельзя подтвердить доказательством, поэтому я начал думать о том, как бы это моё предположение можно было несомненно доказать, подтвердить и объяснить. В письменных памятниках, при исследовании которых, такое доказательство могло созреть, искать нет надежды. Вначале нужно знать, что вся славянская культура языческого времени, как и всё иное милое и дорогое нам из далёкой старины наших дедов, позднее самым немилостивым и свирепым способом уничтожено их бессовестными крестителями. Можно со

всей вероятностью и последовательностью предположить, что если когда-то что и было, то единственно можно подтвердить сходство из этих воспоминаний, если была бы возможность предоставить какие-нибудь факты. С одной стороны, значит, предположение считается уместным, с другой стороны нигде не заметно намёка на следы письменных памятников, которые могли бы что-то подтвердить. Долго я сам мучился всякими неприятными сомнениями, пока, наконец, догадался: что была мудрая жизнь старых предков Славян, которые самые знаменитые и наиважнейшие следы и памятники оставили в простонародных преданиях, в народных песнях, былинах и притчах, в которых был отражён цельный их характер, способ видения и мышления самым верным образом; и такая светлая в моей голове родилась мысль: то, что так заботливо ищем, попытаемся отыскать в народных преданиях во всех славянских землях. Поэтому решим остаться с этим последним замыслом и отдадимся очень ревностно исканию древних народных песенных произведений и преданий, а также сказок простого народа, не были мы Богами, но воля героизм дала, чтобы разыскать какие-нибудь важные памятники нашего древнего прошлого времени, уберечь устные предания нашего простого добродушного народа.

Приступив к собиранию песен и сказок македонских славян, я с начала марта месяца 1856 года в продолжении четырёх лет успел собрать около тысячи песен и сказок, посылали мне и предложения поясняющего характера, но к сожалению, по ним ещё никак невозможно было осветить и объяснить ничего такого, что мне требовалось, что могло развеять мои сомнения и предположения, позволяющие подтвердиться на деле, это были большей частью женские любовные лирические песни, из них некоторые я издал и напечатал в Белграде в 1860 году.

Тогда я обратился с просьбой к некоторым приятелям с той солунской стороны, чтобы в народе спросить о песнях исторического характера, о царях македонских Филиппе и Александре, а также и о стародавних фракийских знаменитостях, например, о фракийском певце Орфее и других личностях из старинных тех местностей, в случае, если что похожее найдут, чтобы не пропустили и мне прислали.

Все любезно отозвались на мою просьбу. Но среди них были и такие, которые очень удивились и упоительно посмеялись над этой моей, по их мнению, очень странной затеей и намерением, заметивши мне, что не могли вдоволь надивиться «как мне могла прийти в голову такая мысль, зачем надо узнавать про Славян на Балканском полуострове, когда общеизвестно, что мельчайшего следа их не было до времени царя Ираклия, при таком условии, как же искать существующие песни и предания о таких личностях из старины, которые не только не были Славяне, но даже более того, на много веков раньше жили на свете до появления Славян в упомянутой стороне!» Но это не могло несколько поколебать моё намерение и надежду, чтобы таким путём можно дойти до важных открытий и доказать истину об уничтоженных и незнакомых доисторических сведениях этих Славянских народов.

Время от времени, благодаря тех же начинаний, мне доставляли свежие песни и былины, но все они были похожи на собранные мной ещё раньше. У

меня набралось множество песен и былин, но в них не было и следа воспоминаний о доисторическом и языческом прошлом Славян.

Почему-то за такое долгое время моя настойчивость и отважность не была удостоена возможности что-либо разыскать, чтобы было творение неизвестное до тех пор, значительное и великой археологической важности. После этого я начал ослабевать духом и охладевать, сама надежда заканчивалась и начала меня оставлять, я уже начал думать, что настало время, чтобы отказаться от этого значительного для меня, связанного с расходами напрасного труда и напряжения. –

В то самое время, пока я боролся с такими мыслями, представилось мне неожиданно одно новое знакомство в окрестностях известной горы Перин. Захотел я, значит, ещё от этого нового приятеля попытать счастья, но если ещё и от него не будет ничего, тогда буду бичевать себя несомненно, так как не могу это пережить на самом деле, потому что я предполагал получить нечто очень важное и очень старинное для объяснения тех древних незнакомых времён и мест обитания, значит, надо в здравом уме отказаться от напрасного, расходного труда и напряжения.

Новый приятель с крайней симпатией воспринял моё знакомство и даже настойчиво обещал, что надо для меня раздобыть песни и былины в целом отдельном удалённом мире, заключённым в неприступных горных местностях, где наш народ сквозь тысячелетия сохранил готовые неизменные свои обычаи и традиции. Приятель осторожно высказал мнение, что едва ли можно рассчитывать найти песни об Александре и Орфее, но заметил, как и первые приятели, что не верит, чтобы не было песен и преданий в его местности. То был март месяц 1865 года, в котором я сам 10 лет тому назад записал первую песню по сказанию тогдашней знаменитой певицы Дафины.

Между тем не прошёл и один месяц от этого последнего знакомства, а от него мне прислали один небольшой сборник песен, среди которых Божьей волей, была и одна такая, которая предвещала подтверждение моих смелых надежд и предположений, но которые были совсем противоположны тем, что до настоящего времени в общем считались как фундаментальные и неприкосновенные воззрения на древности Славян в этих землях. Это была небольшая песенка об Александре Великом.

Нет возможных слов выразить это приятное впечатление, которое я почувствовал в себе, увидев возможность оправдаться, так как был больше в одиночестве и строил воздушные замки, похожие на истину, значит и наши Родопские Славяне сохранили живую традицию даже о времени Александра Великого.

Итак, я благословлял усердно Божий промысел, избравший меня незнатного и недостойного для такой милости и благоволил явить из темноты забвения тайну значительной важности и значения для исторической науки. Я думал, что ещё ревностней и охотней стану исследовать аналогичные творения, предчувствовал, что неудача оставит меня в связи с этим успехом, чтобы тогда ещё больше подобного открыть в этой местности. В очередном недавнем письме к приятелю была моя просьба учесть, чтобы наряду с Александром и другими царями македонскими, не забывал также спрашивать и про письма об

Орфее. До конца этого года мне удалось получить ещё одну песню об Александре, которая очень незначительно отличалась от первой, и то расположением слов, а не содержанием. Теперь она в моём сборнике под номером 46 в той же подборке. В следующем же году в течение августа подтвердилось на деле, что относительно Орфея у меня было обоснованное предположение. Тогда я получил две песни (№ 15 и № 32), а за ними в следующем году, январе месяце нашлась одна о переселении народов (№ 2). Также мне открылась важная возможность представить полученные песни на московскую этнографическую выставку. Тогда эту вторую песню об Орфее под номером 15 я предоставил оценке и вниманию к открывающейся упомянутой выставке, о которой меня великодушно предупредили. После этого, благодаря трудам председателя выставки господина В. А. Дашкова, она была напечатана с приложением русского перевода.

После выставки удача мне начала улыбаться больше, ибо до конца этого года мне удалось получить 56 песен подобного содержания, которые содержали 17 000 стихов. Поскольку эти песни все были в одной книге, поэтому, чтобы отдать её редактировать и переписать начисто, я послал её в Белград моему давнишнему другу доктору Я. Шафарыку с просьбой, чтобы он позаботился и помог в том, чтобы эти памятники могли скорее обратить на себя внимание в учёном мире посредством печати. Как моя любезная, предупредительная и уважительная просьба, так и эти памятники, которые пережили своё время, достойны всякого внимания и уважения. Так с его благословения я послал ему одну часть этих древних памятников нашего народа, в которых по белому свету рассказывается о благоприятных и неблагоприятных случаях далеко забытой нашей старины.

Первая часть этих воспоминаний исходит из доисторического времени, представляющая нам одну, до настоящего времени непознанную, забытую мировую культуру, следов которой нет в старинных летописях и исторической литературе, которые все были погублены в тёмные века.

По содержанию тех традиций можно было предположить, что относится к первобытному развитию рода людского. Тут замечаем то, что в большинстве памятных мест, где была древняя славянская цивилизация, её такие народы окружали, которые ещё не были знакомы с необычными средствами существования, как это выглядит на примерах применения плуга и пшеницы, затем стада с молоком и сыром, но что они питались пастьбой на траве, словно животные! Больше всего в тех песнях воспоминаний о переселении осёдлого народа с «крайней земли на белый Дунай», и вероятно, где-нибудь он был другим неким народом до этой новой земли, от которого все эти воспоминания сквозь такое далёкое время до настоящего могли сохраниться посредством устной передачи от отца к сыну. А под именем крайней земли, думаю, подразумевается некая страна в восточной Азии, или индийского полуострова, потом и белый Дунай мог же быть такой, как наш Дунай, но некой другой азиатской большой рекой, может Инд или Ганг, если не Оксус или Яксартекс.

Мифология этих воспоминаний имеет такое чудесное родство с теми самыми гимнами Риг Веды и мне кажется, что она была не самая младшая сестра Веды, появившаяся из одного такого же источника и причины, но что

скорее всего наша мифология как бы была по своей простоте и старине матерью той; которая после самостоятельного развития при первом своём разделении пошла одна одним, а другая другим направлением.

Так как она тоже санскритская, но имеет кое-что, чего у той восточной нет, а причина была такая, что та происходила в благоприятные времена, с многими нововведениями, в нашем же случае встречаем беспрепятственное, непрерывное постоянство первого своего простого облика, который остался таким же, какой имелся сразу после оставления народом своей первобытной земли, но главное при этом родство сохранилось между направлениями – это Бог Вишну и Огне, как и обряд жертвоприношения чёрной индюшки, которая упоминается во многих песнях.

В этих воспоминаниях главную роль играет юдинское имя, которое было готово совсем исчезнуть из народного предания у южных Славян, так как совсем редко встречается в знакомых книгах народного творчества. Так на примере песен, притч и сказок; если верить, то только в одном месте приводятся в сербских народных песнях, и считается также, что, то же самое происходит у Болгар. Певица Дафина, от которой я сам первый раз услышал это имя, подразумевала под именем Юда существо сверхъестественных свойств и склонностей, скорее схожей с нечистыми духами, которые есть самые злые и плохие, что они и учиняют людям, являясь противниками всего доброго. Однако, с другой стороны они имеют очень высокое олицетворение познания о мире и может это случайность, что их звали отступниками праведного мира, они из-за этого вселяли человеку ужас и отвращение при их произношении, а обычно Юды имели крайнее озорство и шаловливость. Некоторые учёные, при подходящем случае, когда сами имеют некий опыт в таких песнях, ради репутации своей науки, заявляют, что этого имени никогда не существовало на земле ни у какого народа, что это есть настоящее баснословное измышление, и такое же мнение имеют о моих заключениях об этих памятниках. Следовательно, думаю, что имя Юда не может означать нечто другое, кроме проявления природы (олицетворение стихий – начальное зло, злобный Бог или Чернобог). Между тем по моему мнению, я никак не могу поверить, что это есть баснословная мечта, ведь предположим, что в одной очень далёкой старине действительно должен был существовать некий народ под этим именем, который имел тогда, вероятно, совсем различное значение морали, учитывая то, какое ему сейчас приписывается. Как мне кажется, что за ним могут стоять сокровенные события весьма значительной важности для всего человечества, которые же могут быть неожиданно появляться под своим старым великолепием, чтобы показать миру, что истину никогда невозможно совсем растоптать и забыть, ну что же, если бы так было, правда Божья вынеслась бы на свет и то я на это меньше всего надеюсь! Может быть, что человечество когда-то не знало этого пренебрежительного имени, а имело другое для первого начала своего развития, но которое как основа возвысило со временем всё, что имеет человек красивого и полезного в культурном обозрении.

Так же понимаем и содержание этих песен, потому что никак не могу убедиться, что всё это есть выдумка, но несомненно, что суть основывается на исторической истине и я буду за это бороться. Может быть в них имеется

больше реальности, чем у всех подобных мировых произведений европейского или азиатского прошлого. Особо стоит мифологическое существо Сура Ламия с тремя головами и семью хвостами, которое приближается по аллегории больше к басне. Также сочиняется как для басни и многократно упоминается, что Юда имела крылья – но возможно, был упомянутый народ, который в течение долгого времени до таких высот дорос в образованности и умении, что наряду с другими изобретениями, умел также делать и крылья, с помощью которых можно было летать, а такое искусство позже при мировых потрясениях совсем погибло, а сам процесс умения летать в какой-то очень далёкой памяти об этом сохранился в народных преданиях об Икаре и его отце Дедале, которые после всего выброшены из реальности в другое значение со всеми мифами.

Конечно, сейчас моё предположение, ради которого не могу найти многих доказательств из этих памятников, ещё не обосновано, но подождём же ещё, когда прогресс открытий станет больше наших и важнее, так как сам твёрдо уверен, что сейчас я раздобыл только один лист огромной живой людской книжицы, которая промыслом Божиим осталась цела, пережив и через себя пропустив столько событий и мировых бурь, чтобы нам вкусить счастливую пищу от того времени, а сейчас я жду честного и патриотического деятеля, который из сегодняшнего ненадёжного места всё нераскрытое и непознанное соберёт и для уверенности поместит в безопасное место. Это же, что нашлось сейчас, как раз есть в той книге памяти и стало ясно, что когда следующий листик откроется, то получим ещё один памятник из приведённой живой книжицы.

В этой книге памяти каждая новость необычная и имеющая великое значение, что не подлежит ни малейшему сомнению, поскольку могу исследовать и согласиться с тем, что я в них находил, но не я, а славянская и иностранная учёная публика компетентна определить их значение, для чего непристрастной оценке и суду их предоставим. –

Но если кто-либо меня может неправильно понять, то есть необходимость, чтобы я здесь ещё какие-либо объяснения изложил о мотивах, которые были главной причиной, почему у меня в голове зародилась подобная мысль.

Некоторые учёные, с которыми я что-либо осторожно обсуждал в смысле этих памятников и важности, которую они в науке могли бы иметь, не хотели даже слышать что-нибудь о моём мнении и помимо своего отказа заявляли, «ведь всё, что до этого времени мир имеет прекрасного и полезного в культурном отношении, имеет свою первую основу у Гомера и исходит от греков.» Все это знают и до настоящего времени верят и пишут так относительно возникновения мировой цивилизации, но рассматривают это как некую неоспоримую догму, по которой, чтобы не смели проводить никакого исследования и дискуссий, да ещё требуют в эту доктрину слепо верить. Что подобное требование нам неуместно и несправедливо, думаем, что это признал бы каждый правдолюбец.

Что Гомеру принадлежали прекрасные и наиважнейшие человеческие умственные произведения, нет никаких сомнений, но отсюда не следует, что невозможно посмотреть далее из-за него в темноту времён и разведать как всё

было ещё прежде него. Мы, значит, не вознамерились затенить и в сомнение вводить важность и значение, которое имели для человечества прекрасные и несравненные умственные произведения Гомера, но я хотел бы напомнить его старое правдивое происхождение – данные уточнить и устранить аномальное мышление в отношении Славянства; то есть существует, я точно узнал, великое родство и великое подобие между староэллиническим и славянским языками, как ветви единого индоевропейского дерева, почему-то это действительно близкое родство не признаётся и просматривается в крови их правителей как отчуждённость и противоречие между Греками и Славянами, как отношения между огнём и водой!

Некоторые учёные считают, что греческие и славянские племена изначально совсем одинаковые были и на одинаковых местах жили, где возникли и расплодились. Между одним из четырёх старых эллинических наречий, дорийским и славянским языком в древнейшее время большого различия не было, как между наречиями одного и того же языка, но в другом течение времени они чуть отделились один от другого, затем мало помалу совсем удалились друг от друга и разным направлением разошлись, но след этой их прежней родственной связи остался только у упомянутых языков.

У меня есть другое мнение, я думаю, что культура, в которой есть следы и воспоминания, находящиеся в собранных песнях, была свойственна только славянам, которую они с собой донесли ещё из старых своих поселений в дальнем азиатском востоке, о ней позаботились и для себя самостоятельно сохранили, а никак не здесь в Европе от своих соседей что-нибудь приняли. Значит, если между ними в основе упомянутого похожего языка можно какое-то кровное родство предположить, то оно не было непосредственное, а предположительно смешанным – то есть два совсем различного происхождения племени, изначально выросшие далеко друг от друга, с течением времени смешалось в одно – эта смесь могла случиться во время примитивного переселения рода людского.

Подходящим моментом, значит, для упомянутых мировых скитальцев было, когда отдельные племена Славян натолкнулись было на Греков, или наоборот эти последние пришли к Славянам, они или охотно взаимным договором и соизволением, или силой подчинили себе один другого, а после остались вместе навсегда. Поэтому можно предположить, что между ними могла быть взаимная брачная связь и несомненно в большом количестве, за это время, разумеется, само собой очень сроднились, но как говорил раньше, это родство было только посредническое. Что язык Славян изначально порой имел преимущество перед греческим, как это видим на примере дорийского наречия, вероятно надо приписать влиянию женщины-матери; – она мало помалу любовью и воспитанием детей кровь славянскую совсем адсорбировала в жилах греков от семитской жёсткости!

Теперь скажу кратко о происхождении этих песен, которые мои приятели, собиратели и переписчики послать мне смогли, вначале они не считали за важность место находки и имя певца при записывании каждой песни, пока только позднее просьбу выполнили лишь на моё напоминание.

Повествование их открытий начинается уже от Орфея. Этому случаю способствовало знакомство через учителя села Елешница Божича Атанасова;

Песня содержала 39 стихов под номером 32, которая была переписана от некоего Косты Стоянова, тот же Коста ещё рассказал песни под номером 8, 10, 37 и 56. Село Елешница в Валовиштовском округе удалено от Валовишта в двух часах ходьбы к северовостоку и находится у подножия горы Шерлии. Через того же учителя мы также узнали за знаменитого старого деда Велу Гланчева из села Радова, который рассказал Орфееву песню, потом напечатанную в Москве. Ещё другие две песни под номером 28 и 29 переписал у него же один учитель св. Предтеча и отец И. Економов. Тот же старик умер скоро от того, что было уже ему около 70 – 80 лет, а не 105, как это ошибочно указано было в случае сообщения об упомянутых его песнях в Москву, у него только отец был стар, от которого он слова песен выучил, тот же перенял их в свои молодые годы от некоего певца-слепца из Костурского округа.

Некий дед Ангел из села Ернекиой Демир-хисарского округа (Валовиштского), которое лежит вблизи побережья реки Струмы, рассказал ещё одну вторую песню о переселении, а один цыган Яне из того же села сообщил песни с номером 20, 21 и 38. Помак Димир Шапка из Горного Дранова песни с номером 7, 22, 23 и 24. Помак Алия Вылкодерецо из села Плетена песни с номером 11 и 50. Салия Пурнарёв из села Кочена песни с номером 35 и 36. Юмер Асанчев из села Доспата Пазарджикского округа рассказал песни с номером 9, 14, 40 и 41. Помак Алия из села Кочена песню номер 19. Помак Асан песню номер 4, 12, 13, и 49. Помак Алил из села Джиджово номер 6. Исиин Ловжие из Долне Дрянова песни номер 18 и 47. Некий старый помак из села Крушева песни номер 27 и 30. Коля Катаржинов, марвак из села Крушева, сообщил одну песню номер 44. Некий марвак Иован из села Белюва у горы Перин песни номер 39 и 55. Некий волох пастух, который летом пасёт стадо на горе Шерлии, рассказал одну песню о переселении народов за номером 3, которой его научил в молодости некий болгарин. Марвак Иован Немцов из села Германа, валовиштского округа, переписал одну песню об Александре за номером 51 от некоего Стояна из помакского села Скребатного. Под номером 43 песня добыта от некоего слепца из Разлошского округа. Под номером 48 песню рассказал некий Коста из села Клепушна Зихнанского округа.

Песню 53 – некий марвак из села Муклена, которое лежит на гребне горы Меникион по направлению к востоку. Тот же знаменитый старик знал около 100 песен, но не мог их переписать, потому что вскоре из-за этого на него ночью во сне дома напали некие разбойники, которые его посекли на части вместе с его сыном. 25 песня приобретена от одного марвака из села Баницы Серезского округа. 26 песня получена от некой марвачки Руменки, супруги Стояна Маринова из села Крушева Валовиштского округа, переписанную же их сыном Тодором, тогдашним учителем в том же селе. – За остальные песни нет никаких записей. –

Итак, все эти песни получены от помакского и марвакского племени. Первые находятся в Тракии в Родопских горах, а другие в северном крае Македонии, где имеет первое раздвоение река Мяста (от старого названия Nestus или Mestus). Они различаются значительно не только обычаями, но и

наречием. Встречаемые буквы **я** и **ѣ** играют большую роль в марвакском наречии : дѣтя, дѣд, дрян, вѣлика, вѣли и т. д. вместо: дете, дед, дрен, велика, вели – в помакском языке нет об этом никакого следа, но всегда звук слышится. Кроме этого различия имеется также значение и в речи, которая произносится с запирианием **â**, а пишется как обычное **@** **ž**, например: ф@рка, п@рва, р@ка, д@ржи и т. д. или фâрка, пâрва, рâка, дâржи, – от помаков слышится произношение с отпиранием или запирианием **ô**: форка, порва, рока, доржи.

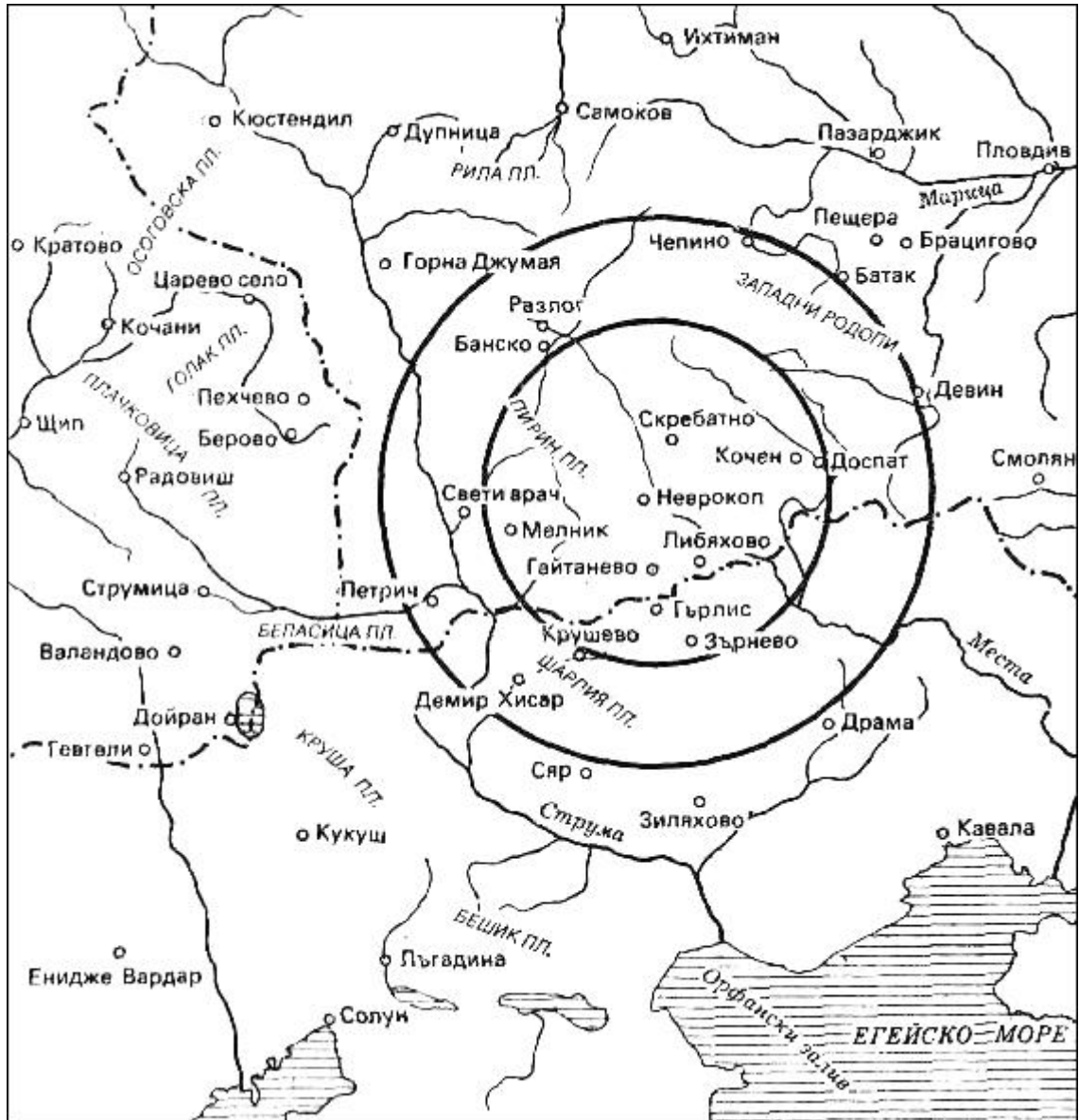
@ значит, в наречии марвакском не значит **я**, как некоторые ошибочно думали, а с запирианием **â**, вероятно, вот такое имело значение и в кирилловской письменности на тысячу лет раньше. – Такое же есть различие и между речью марваков: ке или ща – шта – которые произносятся у помаков: ша. – Такого краткое различие упомянутых языков двух важнейших племён и болгарских наречий. –

После всего считаю своим долгом изъяснить здесь мою благодарную признательность господину доктору Я. Шафарику за опору и соучастие, который постоянно проявлял внимание к моему тяжёлому труду, а особенно за эту святыню и также за его труд.

г. Серез в Македонии 5 – 21 марта 1874.

Ст. И. Веркович, сербо-хорват

Карта местности, где С. И. Верковичем собраны эпические песни

О Т З Ы В Ы
О
РОДОПСКИХЪ ПѢСНЯХ

Стефана Ильича Верковича.

(В отзывы помещены публикации, в основном, славянских учёных на русском языке. Не вошли в отзывы следующие публикации иностранных учёных:

Chants populaires du Rhodope.

Bulletin de l'école française d'Athènes N. III et IV (Septembre, Octobre 1868)

Les chants bulgares du Rhodope, d'après un travail de M. Dozon.

La Revue Politigue et Littéraire № 21 – 22 novembre 1873.

Le Veda Slave – Chants populaires des Bulgares de Thrace et de Macedoine de l'époque prehistorique et prechretienne decouverts et edites par Etienne J. Vercovitch – Volume I. – Belgrado 1874 –

Tip. dello Stato in 8 di pag. 545.

Giornale Araldico – Genealogico – Diplomatico Anno II. № 1. Pisa 1877.

(Переводы вышеуказанных статей запланировано поместить во II издании.

Примечание переводчика.)

С.ПЕТУРБУРГЪ

1879

Въ Бѣлградѣ 17 (29) февраля 1875 г.

Дорогой пріятель Верковичъ!

.... Впрочемъ, Вы не будьте такъ малодушны. Богъ знаетъ что можетъ грядущее будущее и завтрашній день принести: «non si male nunc et olim sic erit, dabit deus his quoque (*angustiis*) finem!» Но Вы исполняйте свой долгъ вѣрно и непрерывно собирайте и спасайте отъ гибели это народное сокровище и древнее сокровище древнихъ временъ и праотцовъ драгоценный завѣтъ, избавляйте его отъ окончательной гибели для потомства, для будущаго, и собственно для науки, пріобрѣтенія. Сознаніе того, что вы своему племени и человѣчеству сдѣлали одну такую значительную и важную услугу—да будетъ величайшею и пріятнѣйшею наградой для васъ; а если будетъ счастье и въ матеріальной пользѣ—поблагодаримъ и за это Господа Бога. И такъ, храбро впередъ! Я искренно вамъ говорю, что желалъ бы видѣть эти пѣсни напечатанными и изданными скорѣе чѣмъ получить въ подарокъ *тысячу наполеондоровъ*; ибо мнѣ уже 61 годъ и очень жалею, что время проходитъ даромъ; но дѣло очень затрудняется именно этимъ вашимъ требованіемъ французскаго перевода; если бы это переводить по-нѣмецки—то было бы гораздо легче, ибо это я самъ шутя могъ бы сделать; но я плохой французъ, потому мнѣ и трудно, а французы между тѣмъ слишкомъ щекотливы и потому не нравится имъ, если что не совсѣмъ по французски, это ясно показалось.—Я полагаю, что было бы гораздо лучше, если бы мы все это дѣло повели болѣе въ славянскомъ духѣ и для славянъ приготовили и издали текстъ одинъ съ объясненіями, а потомъ уже заботились бы о переводе для иноплеменниковъ; но теперь пусть идетъ какъ начали и скоро увидимъ какой окажется результатъ на западѣ, въ матеріальномъ отношеніи. Между тѣмъ желаю Вамъ здоровья и остаюсь

Вашимъ искреннимъ старымъ пріятелемъ
д-ръ Янко Шафарикъ,

Бѣлградѣ 11 (23) мая 1876.

Дорогой Верковичъ!

.... Я намѣренъ переслать нѣкоторыя изъ болѣе важныхъ обрядовыхъ и историческихъ Родопскихъ пѣсней въ Петербургъ въ Академію Наукъ для ихъ

пересмотра. Но зачѣмъ вы не пришлѣте ко мнѣ и то, что желаете напечатать въ загребскихъ газетахъ. Вѣдь это и для меня важно, чтобы вполнѣ вы оправдались, ибо однимъ словамъ никто не вѣритъ. Вы не имѣете основаія сердиться на Иречка, это ему сказали Болгары, которые у него бывають и которые его очень уважають. Знакома ли Вамъ его Исторія Болгарь?

Nota bene. Впрочемъ если вамъ удастся вполнѣ опровергнуть это сомнѣніе, то тогда именно и покажете всю важность и значеше родопскихъ пѣсень, которыя такъ древни и такъ замѣчательны, что просто невозможно усвоить, что нѣчто подобное могло сохраниться до сихъ поръ. Съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ отнестись къ этому дѣлу и смотрѣть на него, а не сердиться и браниться: это ни къ чему не послужитъ! Нужно действовать хладнокровно и искренно.

Другихъ порученій Вы мнѣ не посылайте, такъ какъ я болѣе не въ силахъ что нибудь сдѣлать, ибо я очень слабъ и въ безнадежномъ положеніи.

Кланяйтесь Вашей семьѣ, я желаю, чтобъ Господь Вамъ помогъ, и остаюсь
Вашимъ старымъ пріятелемъ
д-ръ Янко Шафарикъ.

Письмо это послѣднее, написанное мнѣ г. Шафарикомъ, который умеръ 8 іюля того-же года, слѣдовательно письмо писано за неполныхъ 2 мѣсяца до его смерти.

Въ заключеіе засѣданія И. И. Срезневскій представилъ свой докладъ о сдѣланномъ г. Верковичемъ «родопскомъ открытіи» т. е. о пѣсняхъ, собранныхъ г. Верковичемъ въ родопскихъ горахъ. Пѣсни эти поразительны по своему содержанію, ибо въ нихъ находятъ воспоминанія о самыхъ первоначальныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ человека на пути образованности, какъ напр, объ изобрѣтеніи сохи, серпа, лодки и т. п., а также воспоминанія о войнѣ троянской. Не менѣе поразительны нѣкоторыя пѣсни по своему языку: въ собраніи г. Верковича есть пѣсни не только болгарскія, но и изложенныя на иномъ языкѣ, который г. Верковичъ признаетъ древнимъ церковно-славянскимъ; далѣе встречаются пѣсни и на языкѣ совершенно непонятномъ, но отчасти похожимъ на санскритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не быть изумленнымъ тѣми объясненіями къ пѣснямъ, которыя предложены въ запискѣ г. Верковича: такъ, воспоминанія пѣсней о троянской войнѣ онъ считаетъ возможнымъ сблизить съ описаніемъ тѣхъ же собтій у Гомера, а въ двухъ Дунаяхъ, упоминаемыхъ въ одной пѣсне

видить воспоминаіе объ Индѣ и Гангѣ; вообще записка г. Верковича стремится доказать подлинность и древность собранныхъ имъ пѣсень близкимъ сходствомъ ихъ содержанія съ мифическими преданіями древнихъ грековъ и индійцевъ. Такого рода толкованіе со стороны г. Верковича несомнѣнно доказываетъ, что въ лицѣ его мы имѣемъ не простаго собирателя памятниковъ народнаго творчества, а человека, не лишеннаго образованія и нѣсколько знакомаго съ современными задачами исторіи народной поэзіи; по всему этому записка эта является весьма важнымъ документомъ, могущимъ дать удостовѣреніе въ подлинности и научномъ значеніи заявленнаго г. Верковичемъ «родопскаго открытія».

(Извѣстія о занятіяхъ четвертаго археологическаго съезда въ Казани, 1877).

Г-нъ Верковичъ и его славянская веда.

Вотъ ужъ второй годъ какъ въ нашей средѣ находится извѣстный юго-славянскій археологъ и собиратель народныхъ пѣсень (былинъ) г. Верковичъ. Уроженецъ Босніи, получившій образованіе в Загребѣ (въ Хорватіи), принимавшій участіе въ югославянскомъ, или, по тогдашнему выраженію, «иллирскомъ» движеніи 1848 года, центромъ котораго, какъ извѣстно, былъ главный городъ Хорватіи, и познакомившись съ знаменитымъ въ свое время Людевитомъ Гаемъ и другими вожаками этого югославянскаго движенія, г. Верковичъ сдѣлался ярымъ приверженцемъ югославянскаго объединенія и освобожденія славянъ отъ тяжелаго нѣмецко-мадьярскаго ига. Какъ кончилось юго-славянское движеніе 1848 года, всѣмъ извѣстно, и намъ не зачѣмъ пересказывать здѣсь эту печальную исторію. Но послѣ того, какъ на славянъ австрійскихъ снова налегъ всею своею тяжестью военный нѣмецкій абсолютизмъ, Верковичъ покинулъ Австрію и переѣхалъ въ Сербію. Получивъ мѣсто мелкаго чиновника въ Белградѣ, онъ сталъ ревностно заниматься исторіей и археологіей. Занятія эти въ скоромъ времени оказали свое вліяніе на его впечатлительную душу. Кругъ познаній его значительно расширился, а вмѣстѣ съ этимъ постепенно расширялся его взглядъ и политическія его убѣжденія: изъ горячаго югославянскаго патріота мало по малу онъ сдѣлался всеславянскимъ патріотомъ. Жажда къ познаіямъ не позволяла ему довольствоваться мѣстомъ простаго чиновника и не давала ему покоя. Ему хотѣлось всецѣло отдаться любимой имъ археологіи и археологическимъ разысканіямъ. Балканскі

полуостровъ, между тѣмъ, представлялъ собою *terram incognitam* во всѣхъ, слѣдовательно и въ археологическомъ отношеніи. Вотъ почему приманивалъ къ себѣ этотъ неизслѣдованный край любознательнаго и всѣмъ интересующагося археолога. И онъ въ самомъ дѣлѣ вскоре покинулъ Бѣлградъ, поселился въ г. Серезѣ въ Македоніи и, разъезжая по Македоніи и смежнымъ съ нею областямъ, сталъ собирать старыя рукописи, монеты, посуду и всѣ другіе вещественные и невещественные памятники старины. Ему удалось собрать довольно значительную коллекцію древностей, изъ которыхъ многія давно сдѣлались известными ученому міру. Многія изъ найденныхъ г. Верковичемъ древностей составляютъ теперь собственность монетнаго отдѣленія въ нашемъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ. Различныя европейскіе музеи обогатили свои коллекціи находками Верковича. Славянская археологія по этому ему много обязана за неутомимую дѣятельность его. Многіе памятники далекой старины спасены отъ вѣчной гибели и сдѣлались доступными изслѣдованію и оцннкѣ ученыхъ спеціалистовъ.

Кромѣ памятниковъ старины, г. Верковичъ обратилъ свое вниманіе по преимуществу еще и на произведенія народнаго творчества. Живя постоянно въ г. Серезѣ (въ Македоніи), онъ собралъ сборникъ «Народныхъ былинъ македонскихъ болгаръ» и издалъ его въ Бѣлградѣ еще въ 1860 году. Продолжая и дальше заниматься записываніемъ произведеній народнаго творчества, онъ наконецъ попалъ на слѣдъ такихъ пѣсень, какія никто до него не встрѣчалъ среди различныхъ народовъ, заселяющихъ Балканскій полуостровъ. Это—старинныя пѣсни, сохранившіяся въ устахъ народа, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ священный завѣтъ старины, и изображающія слишкомъ отдаленныя времена, быть можетъ, даже доисторическую эпоху человѣчества. Пѣсни эти, по разказу его, онъ нашель у болгаръ-помаковъ, живущихъ въ Родопскихъ горахъ, поэтому и назвалъ ихъ «родопскимъ открытіемъ». Пѣсни эти содержатъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, весьма важныя указанія на отдаленныя времена и представляютъ собою въ высшей степени интересный матеріалъ при изученіи произведеній устной народной словесности. Часть этихъ собранныхъ пѣсень г. Верковичъ напечаталъ въ 1874 году въ Бѣлградѣ въ кн. Сербіи, подъ заглавіемъ: «Славянская веда», въ которой вмѣстѣ съ текстомъ помѣщенъ и французскій переводъ. Другая часть, гораздо болѣе значительная, остается и до сихъ поръ не напечатанною именно потому, что Верковичу не достаетъ денегъ на такое общепольное дло. Вотъ для того, чтобы какъ нибудь найти деньги или человѣка, который взялся бы напечатать остальную часть собранныхъ имъ пѣсень въ Македоніи, и пріѣхалъ Верковичъ въ Россію и остается въ ней ужъ второй годъ, не будучи въ состояніи осуществить свои цѣли и намѣренія.

Въ прошломъ году, во время засѣданій нашего «Четвертаго археологическаго сѣзда» въ Казани, г. Верковичъ отправился туда, чтобы

представить свой сборникъ ученому сонму представителей русской науки. И чтожь вышло? Въ засѣданіи 10 августа, какъ гласятъ «Извѣстія о занятіяхъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани» стр. 175, нашъ мастистый филологъ Измаиль Ивановичъ Срезневскій представилъ свой докладъ о сдѣланномъ г. Верковичемъ «родопскомъ открытіи», т. е. о пѣсняхъ, собранныхъ г. Верковичемъ въ Родопскихъ горахъ. Пѣсни, по словамъ г. Срезневскаго, поразительны по своему содержанию, ибо въ нихъ находятся воспоминанія о самыхъ первоначальныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ челоѵка на пути образованности, какъ напимѣрь, объ изобрѣтеніи сохи, серпа, лодки и т. д., а также воспоминанія о войнѣ троянской. Не менѣе поразительны нѣкоторыя пѣсни по своему языку: въ собраніи г. Верковича есть пѣсни не только болгарскія, но и изложенныя на иномъ языкѣ, который г. Верковичъ признаетъ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Далѣе встрѣчаются пѣсни на языкѣ, совершенно непонятномъ, но отчасти похожимъ на санскритъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не быть изумленнымъ тѣми объясненіями къ пѣснямъ, которыя предложены къ запискѣ г. Верковича: такъ воспоминанія пѣсней о троянской войнѣ онъ считаетъ возможнымъ сблизить съ описаіемъ тѣхъ же событій у Гомера, и въ двухъ Дунаяхъ, упоминаемыхъ въ одной пѣснѣ, видитъ воспоминаніе объ Индѣ и Гангѣ. Вообще записка г. Верковича стремится доказать подлинность и древность собранныхъ имъ пѣсень, близкимъ сходствомъ ихъ содержания съ мифическими преданіями древнихъ грековъ и индійцевъ. Такого рода толкованія со стороны г. Верковича несомнѣнно доказываютъ, *что въ лицѣ его мы имѣемъ не простаго собирателя памятниковъ* народнаго творчества, а челоѵка, нелишеннаго образованія и нѣсколько знакомаго съ современными задачами исторіи народной поэзіи: но всему этому записка эта является весьма важнымъ документомъ, могущимъ дать удостовѣреніе въ подлинности и научномъ значеніи заявленнаго г. Верковичемъ «родопскаго открытія».

И этимъ дѣло и кончилось.

Правда, еще раньше, чѣмъ происходило засѣдаіе это, о сборнике Верковича знали спеіалисты и вообще люди, интересующіеся произведеніями устной народной словесности; знали они также, съ какимъ рвеніемъ принялись было французы за повѣрку собранія Верковича. Пѣсни изданныя были дѣйствительно «изумительны по своему содержанию, такъ что трудно было повѣрить, существуютъ ли дѣйствительно эти пѣсни въ народѣ самомъ, или, быть можетъ, онѣ являются искусною поддѣлкою г. Верковича. Знаменитый Бюрнуфъ, чтобы увѣриться въ подлинности сборника родопскихъ пѣсень г. Верковича, командировалъ еще въ 1868 году въ Бѣлградъ Альберта Дюмонта, члена французской школы въ Афинахъ. Провѣривъ рукопись Верковича, г. Дюмонтъ въ

своемъ письмѣ, напечатанномъ въ *Bulletin de l'Ecole francaise d'Allienes*, между прочимъ говорить следующее: «Нельзя сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи этихъ пѣсенъ въ Деспото, равно какъ и въ подлинности сборника г. Верковича, который не ищетъ никакой прибыли для себя изъ своихъ 13,000 стиховъ и хочетъ напечатать ихъ въ Белградѣ единственно изъ желанія быть полезнымъ».

Немного спустя, французское министерство народнаго просвѣщенія, чтобы еще лучше убѣдиться въ подлинности сборника г. Верковича, поручило своему консулу въ Филиппополь, г. Дозону, челоуѣку хорошо знакомому съ югославянскими нарѣчіями, произвести провѣрку собранія Верковича на самомъ мѣстѣ, гдѣ пѣсни эти записаны. Дозонъ отправился въ Серезъ, и послѣ шестинедѣльныхъ тщательныхъ разисканій, въ двухъ своихъ донесеіяхъ, напечатанныхъ въ *Journal officiel* отъ 17 и 19 февраля 1873 г. и въ *Annales des missions scientifiques*, подтвердилъ подлинность и несомнѣнность упоминаемыхъ пѣсеней. По поводу донесеній Дозона, парижскій профессоръ славистики, Луи Лежеръ, напечаталъ въ *Revue politique et litteraire* (№ 21, ноябрь 22 1873 г.) статейку, въ которой, основываясь на донесеніяхъ Дозона, говорить о важности родопскихъ пѣсенъ и выражаетъ желаніе видѣть ихъ поскорѣе напечатанными.

Когда ужъ въ 1874 году вышла «Веда Словена», то въ итальянскомъ *Giornale Araldico Genealogico-Diplomatico* (1877 г. іюль), издающемся въ Пизѣ, напечатанъ отзывъ неизвѣстнаго автора, гдѣ между прочимъ говорится, что пѣсни, напечатанныя въ «Славянской ведѣ», по своей важности и обширности, занимаютъ первое мѣсто между всѣми литературными памятниками старины, не исключая и знаменитой индійской Магабарати.

Не смотря однако на свидѣтельства Дюмона и Дозона, людей совершенно постороннихъ и не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, людей вполне компетентныхъ, не смотря на отзывы другихъ, въ срѣде славянскихъ ученыхъ явились скептики, которые на основаніи различныхъ соображеній все же ни-какъ не допускаютъ возможности существоваіа подобныхъ пѣсенъ въ Македоніи. Такъ гос. Иричекъ, авторъ исторіи болгаръ, въ *Sitzungsberichte der konigl. bohm. Gesellschaft der Wissensch.* 1874 и А. Н. Пыпинъ въ маленькой своей замѣтке, напечатанной въ «Вѣстн. Европы» 1877 г., кн. іюльская, вполне отвергаетъ «родопское открытіе» Верковича. Профессоръ же загребскаго университета, г. Гайтлеръ, въ своей книжкѣ: *Poeticke tradice Thraku i Bolharu*, напечатанной нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Прагѣ, подвергая сомнѣнію объясненія Верковича, не сомнѣвается въ подлинности этихъ пѣсенъ. Нашъ же ученый молодой В. Миллеръ, принимая на вѣру пѣсни Верковича, старался объяснить ихъ иначе,

чѣмъ это дѣлаетъ Верковичъ, т. е. онъ доводитъ ихъ въ связь съ «Калевалою» финской поэмою. (В. Е. 1877 г. іюнь мѣс.).

Въ только что вышедшей въ Варшавѣ первой книгѣ *Revue slave*, помѣщена статья г. Куррьера *Poesie populaire Bulgare*, гдѣ авторъ по преимуществу останавливается на «Славянской Ведѣ» Верковича и хотя и допускаетъ, что г. Верковичъ, увлекшись ложнымъ патріотизмомъ, придавъ пѣснямъ арійскій оттѣнокъ, вставляя въ текстъ имена индійскихъ боговъ или передѣлывая по своему имена славянскихъ божествъ, опять таки признаетъ несомнѣнное достоинство ихъ и утверждаетъ, что «Веда Словена» обогатила славянскую мифологію новыми данными.

Но за то проф. В. Макушевъ въ 218 № *Голоса* положительно утверждаетъ, что эти пѣсни чистѣйшій подлогъ, что онъ, Макушевъ, нисколько «не довѣряетъ указаніямъ Верковича на лицъ, сообщившихъ будто бы эти пѣсни», и что всѣ пѣсни отъ первой до послѣдней признаетъ подложными, и *сочиненными* Верковичемъ, хотя въ нихъ и есть кое-что, заимствованное изъ народныхъ пѣсень.

Но наши славянскіе ученые, отвергающіе подлинность сборника Верковича, основываются, какъ сказано, исключительно на однихъ соображеніяхъ. Ни Иричекъ, ни Пыпинъ, ни Макушевъ не были на мѣстѣ, гдѣ; пѣсни эти записаны, и не могли прибавить несомнѣннаго доказательства о поддѣлкѣ Верковича или кого либо другаго. Ихъ мнѣніе — мнѣніе составленное *a priori*. Однако, благодаря авторитетности этихъ ученыхъ, мнѣніе ихъ разделяется многими, и дѣло напечатанія остальной части собранія не подвигается ни на одинъ шагъ впередъ. Но неужели Дюмонъ и Дозонъ были введены въ обманъ? Неужели Верковичъ такъ нагло осмеливается обманывать насъ?

Въ виду важности и того великаго значенія, какое пѣсни, собранныя Верковичемъ, могутъ имѣть для славянской исторіи, мифологіи и народной словесности, было бы весьма желательно на самомъ дѣлѣ рѣшить вопросъ о подлинности ихъ. Что касается объясненія смысла этихъ пѣсней, пускай ученые спорятъ и толкуютъ о немъ, сколько имъ угодно. Но прежде всего рѣшимте же, господа, первый вопросъ какъ вопросъ первостепенной важности. Если въ самомъ дѣлѣ пѣсни эти существуютъ въ иародѣ», то стоитъ только отправиться въ Македонію и увѣриться самымъ осязательнымъ образомъ въ ихъ подлинности. Если же эти пѣсни поддѣлка г. Верковича, или его агентовъ, то навѣрно мы не услышимъ пѣсней этихъ изъ устъ народа.

Французы изъ любви къ истинѣ и наукѣ посылали уже двухъ своихъ ученыхъ провѣрять сборникъ Верковича еще до напечатанія его; мы же въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлали, какъ будто бы это дѣло насъ совсѣмъ и не касается. Но неужели же вопросъ о подлинности «Слав. Веды» интересуеъ

больше французовъ, чѣмъ насъ, славянь? Неужели мы вѣчно должны ожидать, чтобы другіе, иностранцы, показывали намъ что у насъ есть и чего нѣтъ.

Соображенія нашихъ ученыхъ хороши, и ихъ критическое отношеніе къ дѣлу заслуживаетъ всякой похвалы; но еще лучше, по моему, фактическая провѣрка и тщательно произведенный опытъ. Находящіеся за Дунаемъ, в особенности въ Румеліи, наши офицеры оказали бы огромную услугу славянской наукѣ, еслибъ они, по крайней мѣрѣ, взялись провѣрить на мѣстѣ действительность собранныхъ г. Верковичемъ болгарскихъ пѣсней.

О—ичь.

С.-Петербургъ

20-го августа 1878 года.

(«Современныя извѣстія» № 356, 1878 г.).

«С.-Петербургскія Ведомости» пишутъ: Болгарскія народныя пѣсни, собранныя г. Верковичемъ, вышли первымъ выпускомъ. Эта книга чрезвычайно важна для исторіи и мифологіи славянской; она вполне уничтожаетъ прежнія догадки. Мы поговоримъ объ этомъ очень важномъ трудѣ въ другой разъ. На этотъ разъ мы скажемъ только, что все собраніе заключаетъ въ себѣ 180,000 стиховъ и что въ первомъ выпускѣ ихъ напечатано 7000. Эта книга вводитъ насъ въ особенный міръ, столь мало намъ знакомый. Когда все это собраніе будетъ издано, когда знаменитый Колбергъ окончитъ свой важный трудъ по этнографіи и, когда будутъ изданы пѣсни Бѣлорусскія, в особенности Пинскія, только тогда, можетъ быть, мы поймемъ и выяснимъ себѣ первобытную славянскую религію. *Всѣ славяне должны бы содѣйствовать и помочь тому, чтобы народно-болгарскія пѣсни Верковича были бы изданы въ наискорѣйшемъ времени.*

Изъ крайнскаго литературно-научнаго вѣстника «СЛАВЯНИНЪ» за 1875 г. № 5. Издав. въ Целовце (Klagenfurt).

1. Преселение народа уть крайна земе на Дунавъ.

Камяну, мари Камяну!
Чула ли си, Камяну, или не си?
Вчера си ми хабар дойде уть долна земя
Уть долна земя презморна,
Сиву голабче ми донесе бяла книга
Бяла книга църну писму;
Крила си голабче трепна,
Та си ми пудаде бяла книга,
Бяла книга си напява:
»Ой ти кралю, Дунавска кралю!
Утре рану тъкмешъ да са тъкмишъ,
Да дучакашъ млада краля Читайска.
Той си е ойския путръгналь,
Сась сите земни крале ке се бия;
Земя иска да си разшири.
Негува земя мощне са е наплодила;
Села си му честумъ стуютъ,
Ляха мясту и селу гуляму!
Нить урачи иматъ що да урать.
Нить волове паша да пасать.
Тоя мольба, кралю, Вишну Бога си услуже,
Презъ тоя земя читайска краля да помине,
Тоя земя запустена да зауре,
Той диви люде да укроти!
Лу негу мощне харну да дучакашъ,
Немой нящу зло да му чинишъ.
Така си книга, Камяну, напява,
Та си са чудумъ чуде що да праве
Що да праве що да сторя:
Да ли харну да гу дочакамъ,
Или силна ойския да си събера,
Да не си плени моя дива земя.
Поболе, кралю, ойския да съберешъ,
Та не харну да си гу дучакашъ,
Чи ке ти земе сита земя.
Още рече Камяна не отрече,
Хаберъ си кралю дойде,
Чи е навървилъ читайска краля
Презъ тоя земя Харапска,
Презъ това моря гуляму;
Лю уть да си замине,
Сита земя пупленява;
Що е младу та църну заробюва.
Робинки си църни рьки кършетъ,
Църни рьки кършетъ сълзи ронеть,
Чи си тяхна земя устаетъ,
Уть майка си са дялба раздилать;
Я що бьяше тяхна краля, хми зборува:
Ми, девойки мои робинки, плачете,
Немой църни рьки кършете!

1. Переселение народа с Крайней земли на Дунай.

Камяна, эй ты, Камяна!
Слышала ли ты, Камяна или нет?
Вчера дошла весть с нижней земли
С нижней земли приморской,
5 Сизый голубок принес белую книгу
Белую книгу чёрного письма,
Крыльями голубок трепещет,
Да мне подает белую книгу,
По белой книге она напевает:
10 «Ой ты, король, Дунайский король!¹
Завтра утром будь готов, подготовься,
Да подожди молодого короля Читайского.²
Он своё войско в путь отправил,
За все земли, король, будет биться,
15 Землю свою хочет расширить.
Его земля очень плодородная,
Но сёла у него часто расположены,
Немного места, а село большое!
Пахари не имеют земли, чтоб пахать.
20 Нет пастбища, чтобы волов пасти.
Твою мольбу, король, Вышний Бог³ услышит,
Чтобы твою землю Читайский король миновал,
Твою землю запущенную, чтобы распахал,
Твоих диких людей, чтобы приручил!
25 Его очень хорошо встретишь,
Не надо никакого зла ему учинять.
По такой книге Камяна напевает,
Да раздумывает, что же делать
Что же делать, да что предпринять:
30 Толи его очень хорошо встретить,
Или надо собрать сильное войско,
Чтобы не пленил мою дивную землю.
Побольше, король, войско соберешь,
Да не очень хорошо его встретишь,
35 Тогда ты все земли захватишь.
Ещё речь Камяна не досказала,
А весть уже до короля дошла,
Что направился Читайский король
Через ту землю Харапскую,⁴
40 Да через это море великое,
Лишь его он только миновал,
Да все земли он в полон взял,
Чтобы чёрная молодёжь работала.
Работницы чёрные руки заламывают,
45 Чёрные руки заламывают, слёзы роняют,
Что они свою землю оставляют,
С матерью совсем разлучают;
А кто стал их король, им говорит:
«Что вы, девочки, мои работницы, плачете,
50 Не надо чёрные руки заламывать!

Язь ке си вазе откарамъ на земя родувита,
 Ел' не знаятъ люде да я работеть;
 Вия тяхъ ке си научите;
 Какъ са земя работи,
 Та ке бидете тяхни господари;
 Я кога умрете, како Божове ке ве иматъ,
 Оти ги сте научили,
 Какъ да си пуста земя работеть,
 Рожба млогу да си ражда.
 Робинки какъ ми чуха, сълзи сибършетъ,
 На краля си са поклонъ поклониха,
 Поклонъ са поклониха и гу с' фалба фалать,
 Оти иска да научи диви люде,
 Какъ си са земя работи.
 Лю уть де си заминовать, кралю,
 Сичку имъ са диву гляда;
 Дойдоха си вейке ду той бяль Дунавъ.
 Краля си вели ютговори:
 Неке можетъ мои бяль Дунавъ да заминать;
 Дунавъ са е мощне харну размързналъ;
 Та и бяль Дунавъ да заминать,
 Язь си събрах силна ойскя,
 Не хми давамъ да дойдать на моя земя.
 Читайска краля си стои на край бяль Дунавъ,
 Та са чудумъ чуди що да прави,
 Що да прави какъ да си Дунавъ заmine?
 Та да иде на родувита земя.
 На ойскя си вели ютговори:
 Сяки пу куляна да си падне,
 Куледу Богу молба да са моли,
 Да си прати вятрувита Самувила;
 Тя да си задуя силанъ вятаръ,
 Дуръ да си пумързне ду бяль Дунавъ,
 Пу нег' кату пу суху да си заминать.
 Сите паждасть пу куляна на земя-та,
 Куледу Богу си са молба молять,
 Да си прати вятрувита Самувила.
 Тя да си задуя силанъ вятаръ,
 Дур да си пумързне ду бяль Дунавъ,
 Пу нег' кату пу суху да си заминать.
 Та си имъ Куледу Богу молба услыше;
 Си прати ду негова вятрувита Самувила,
 Та си заду силанъ вятаръ,
 Дуръ си пумързна ду бяль Дунавъ,
 Та си ойскя пу негу кату пу суху замина;
 С' тяхъ си замина и вятрувита Самувила,
 Да имъ на ойскя-та, помогне,
 Да си надвиетъ на Дунавска краля.
 Уть Богъ нашла Камяна девойка,
 Що си приучи Дунавска краля,
 Да събере ду негува силна ойскя,
 Да си ценкъ устори сасъ Читайска краля.
 Та си услыше Камяна девойка,
 Що си бяше негува биларка;

Я вас отвезу на землю урожайную,
 Однако, не умеют люди там работать;
 Вы их там этому научите,
 Как нужно на земле работать,
 55 Там будете их хозяевами,
 А когда умрёте, как Боги им будете,
 Потому что вы их жить научили,
 Как на пустой земле работать,
 Большой урожай выращивать.»
 60 Работницы как услышали, слёзы вытерли,
 Да королю низко поклонились,
 Низко поклонились и похвалой прославили,
 Потому что он хотел обучить диких людей,
 Как на своей земле работать.
 65 Лишь как отсюда уехать, король,
 Всем нам на диких посмотреть;
 Дойдём только мы до Белого Дуная.
 Король их молвит, говорит:
 «Не могут они Белый Дунай перейти,
 70 Дунай очень сильно растаял,
 Да и как Белый Дунай перейти,
 Я собрал своё сильное войско,
 Чтоб не дать им дойти на мою землю.»
 Читайский король стоял у Белого Дуная,
 Да раздумывал, что же делать,
 75 Что же делать, как перейти Дунай?
 Чтобы выйти на плодородную землю.
 Войску он говорит такой наказ:
 «Всем надо на колени упасть,
 80 Да Коледе Богу⁵ с просьбой помолится,
 Чтобы прислал ветродуйную Самувилу,⁶
 Она должна задуть сильный ветер,
 Пока промёрзнет Белый Дунай,
 По нему как по суху чтобы перейти.»
 85 Все упали коленями на землю,
 Коледе Богу с просьбой помолились,
 Чтобы прислал ветродуйную Самувилу,
 Да она задула бы сильный ветер,
 Пока промёрзнет Белый Дунай,
 90 По нему как по суху чтобы перейти.
 Тут их молитву Коледа Бог услышал;
 Да послал к ним ветродуйную Самувилу,
 Она задула сильный ветер,
 Пока промёрз Белый Дунай,
 95 Да войско по нему как по суху перешло;
 С ними перешла и ветродуйная Самувила,
 Да им в войске очень помогла,
 Чтобы одолеть Дунайского короля.
 Бог покарал девочку Камяну,
 100 Что нагадала Дунайскому королю,
 Чтобы собрал своё сильное войско,
 Да бой принял с Читайским королём.
 Послушал он девочку Камяну,
 Что была у него жрица;.

Та нехтя глава да си пуведе,
 Ам' си събра ду негува силна ойскя,
 Та ми утиде на край бяль Дунавъ,
 На край бяль Дунавъ на широку поля,
 Да са сась Читайска краля ценкъ удари,
 Немой земя да му земе.
 Та си заду вятрувита Самувила
 Хемъ и топаль, хемъ и студанъ вятаръ;
 Що бяше на читайска ойскя, топлу си дуеше,
 Я на Дунавска ойскя студну си дуеше,
 Дуръ са сита ойскя замързна,
 Та си станаха кату дарве изсъхнали!
 Та си земя загуби Дунавска краля.
 Я що бяше Камяна девойка,
 Какъ ми чу чи са Читайци земя убзели,
 Та са е земя заселила уть тяхни млади,
 Тие села направили сите диви заробили,
 Та ги научили какъ да си земя работеть,
 Уть желба са фърлила фафъ бяль Дунавъ,
 Та си са удави млада зелена;
 Немой Читайска краля да я мъчи,
 Чи си тя била кралева биларка.
 Това стори Читайска краля!
 Уть тога е устаналу
 Тая пясна да са пяе.
 Уть Бога здраве, уть меня пясна.

105 Да нерешительного главу увлекла,
 Тогда собрал он своё сильное войско,
 Да пришёл на берег Белого Дуная,
 На берег Белого Дуная, на широко поле,
 Чтобы с Читайским королём бой принять,
 110 Нельзя, чтобы забрал он их землю.
 Тут задула ветродуйная Самувила
 Однако тёплым, но и студёным ветром;
 Где было Читайское войско, тёплым дула,
 А на Дунайское войско студёным дула,
 115 Пока всё войско заморозилось,
 Так что они стали как одеревенелые!
 Да потерял землю Дунайский король.
 Такая была девочка Камяна,
 Как услышала, что Читайцы землю забрали,
 120 Да эту землю заселила их молодёжь,
 Свои сёла переселили, дикарей просветили,
 Да их научили, как на земле работать,
 От скорби бросилась в Белый Дунай,
 Да утопилась младая и зелёная;
 125 Читайский король не очень мучился,
 Что она была королевская жрица.
 Такова история Читайского короля!
 С того времени установили,
 Чтобы песню эту петь.
 130 От Бога здоровье, а от меня песня.

II. Пакъ за преселение-то, но различно.

Ойскя са е потръгнала
 Уть Читайска мощне далечна земя,
 Со ойскя си е изляль и читайска царя,
 Да са со сички крале бия,
 Земя да си разшири,
 Чи му са е земя наплодила.
 Честумъ села си стуютъ,
 Урачи нема де да си урать,
 Ниту волове де да си пасать.
 Навървилъ е презъ тая земя Харапска,
 Презъ това моря гуляму;
 Лю уть де си ойскя помине,
 Сичка земя пупленява,
 Моми робинки си закарувать.
 Робинки си ръци кършетъ,
 Ръци кършетъ, сълзи ронеть,
 Чи ке си земя уставеть,
 Уть майка ке са утдялеть.
 Царя хми вели ютговори:
 Ми, моми робинки, плачете!
 Язъ ке ва откарамъ на земя плодувита,
 Ел' не знаятъ люде да я работеть,
 Вия тяхъ ке научите,

II. Ещѐ о переселении, но другое.

Войско направилось в путь,
 От Читайской в очень далёкую землю,
 С войском выступил и Читайский царь,
 Да со всеми королями бился,
 5 Чтобы землю свою расширить,
 У него есть земля плодородная
 Сёла же очень близко стоят,
 Пахарям нет земли, чтоб пахать,
 Негде волов своих пасти.
 10 Направился через землю Харапскую,
 Через это море великое,
 Лишь, где его войско пройдёт,
 Вся земля забирается,
 Девушки работницы уводятся.
 15 Работницы свои руки заламывают,
 Руки заламывают, слёзы роняют,
 Что они свою землю оставят,
 От матери они отрываются.
 Царь⁷ им говорит, отвечает:
 20 Что вы девушки, работницы плачете!
 Я вас отведу на землю плодородную,
 Где не знают люди, как надо работать,
 Вы их там этому научите,

Какъ са земя работи;
Та ке станете тяхни господари,
Кога умриете кату Богини ке ва иматъ,
Чи ги сте научили,
Какъ да земя работетъ,
Рожба млогу да си ражда.
Робинки си сълзи избърсаха,
Цару си са поклонъ поклониха,
Поклонъ му са поклониха
И гу с' фалба пофалиха,
Чи си иска люде да научи,
Какъ са земя работи.
Лю утъ де си ойскя заминоваше,
Сичку хми са подивену глядаше,
Си стигнаха ду край гулямъ Дунавъ.
Дунавъ са бе размързналъ,
Ни можеха какъ да поминатъ;
Си са чудеть що да праветь,
Що да праветь какъ да Дунавъ поминатъ?
На плодувита земя да си идатъ.
Царя си имъ вели ютговори:
Сяки на земя да си падне,
На Куледу Богу молба да са молятъ,
Да си прати силна Самувила,
Студанъ вятаръ да задуя,
Гулямъ Дунавъ да пумързне,
Пу негу да си поминатъ.
Сички си на земя паднаха,
На Куледу Богу молба да са молятъ,
Да си прати силна Самувила,
Студанъ вятаръ да задуя,
Гулямъ Дунавъ да пумързне,
Пу негу да си поминатъ.
Та си хми Куледу Богу молба услыше,
И си прати силна Самувила,
Та задуна студанъ вятаръ,
Та си Дунавъ пумързна,
И си ойскя пу негу помина;
С' тяхъ си помина и силна Самувила,
Да си хми на ойскя помогне,
На Дунавска царя да надвиятъ.
Дунавска царя какъ си виде толку ойскя,
Нихтя да хми са поклони,
Ам' си събра ду негува силна ойскя,
Та утиде на край Дунавъ,
На край Дунавъ на равну поля,
Да са с' читайска царя бия,
Немой земя да му земе.
Лю какъ си са ойскя удари,
Силна Самувила си задуна
Тихунъ вятаръ топлу и студну:
На читайска ойскя топлу си дуеше,
Я на Дунавска ойскя млогу студну,
Дуръ са ойскя замързна,

Как с землёй работается,
25 Там станете их господами,
Когда умрёте, как Богини им будете,
Потому, что вы их научили,
Как на земле надо работать,
Большой урожай, чтобы уродился,
30 Работницы свои слёзы вытерли,
Царю они низко поклонились,
Низко ему поклонились
И его с хвалой прославили,
Что хочет он людей научить,
35 Как на земле работается.
Лишь где войско проходило,
Все они удивлёно смотрели,
Да достигли берега великого Дуная,
Лёд на Дунае был подтаявший,
40 Не могут по нём никак перейти,
Да раздумывают, что же делать,
Что же делать, как Дунай перейти?
На плодородную землю, чтоб идти.
Царь им говорит, даёт наказ:
45 «Всем на землю надо припасть,
Да Коледе Богу с просьбой помолиться,
Чтобы прислал сильную Самувилу,
Студённым ветром чтоб задула,
Великий Дунай, чтобы промёрз,
50 Да по нему можно было пройти.»
Все на землю попадали,
Да Коледе Богу с просьбой молятся,
Чтобы прислал сильную Самувилу,
Да задуть студённым ветром,
55 Чтобы промёрз великий Дунай,
Да по нему можно было пройти.
Тут их молитву Коледа Бог услышал,
И направил к ним сильную Самувилу,
Она задула студённый ветер,
60 Да Дунай совсем заморозила,
И всё войско по нему перешло,
С ними перешла и сильная Самувила,
Чтобы их войску ещё помогать,
Да осилить Дунайского царя.
65 Дунайский царь, как увидел столько войска,
Не захотел им поклониться,
А собрал своё сильное войско,
Да подошёл к берегу Дуная,
На берег Дуная, на ровное поле,
70 Чтобы с Читайским царём биться,
Дабы не отдать ему землю.
Лишь только войска столкнулись,
Сильная Самувила начала дуть
Тихий ветер тёплый и студённый:
75 На Читайское войско дует тёплым,
А на Дунайское войско очень студённым,
Пока их войско замёрзло,

Си станаха кату дарву изсъхналу!
Та си царя загубиха!
Земя хми Читайци пуплениха,
Там' села си направиха,
Сички люде пуплениха,
И ги научиха земя да работеть.
Уть тога е устаналу земя со уралу да са работи,
И тая пясна да са пяе.

Они стали, как одеревенелые!
Да и их царя погубила!
80 Их землю Читайцы забрали,
Там сёла везде создавались,
Всех людей они собрали,
И их научили на земле работать.
С того пошло землю пахать и обрабатывать,
85 И эта песня, чтобы пелась.

III. Пакъ за преселение-то, но инакво.

Сада краля нема де да седи!
Земя му е мощне заселена,
Нема никой де да седи;
Люде си са колку пилци що са пу небе-ту!
Колку му е земя берекетлия,
Па не может да са прихранеть,
Житу засеяха и пу камня!
Чудиль су е Сада краля що да прави
Що да прави що да стори:
10 Какъ да люде куртолиса?
Чи ке земать вейке единъ другумъ да су ядать!
Де му на умъ дойде,
Сички - старци и подкрали да скалеса,
Да ги пита що да прави
Що да прави що да стори:
Да ли има няйде земя незаселена?
Тамо той да иде да заседне;
Да закара с' негу и все млади и младици,
Скору ная земя пуста да заселять;
20 Я старци и бабици на земя си да устави,
Тие харну да си поминать.
Та скалеса сички старци и подкрали,
Си ги пита: дека има земя незаселена?
Таму той да иде да заседне.
Сички старци искараха
уть пазуфи пу единъ китипъ,
25 Та си гледать да ли има няйде земя незаселена;
Сички китипе прибъркаха,
Па не может да си найдат земя незаселена.
Най що бяше старецъ, на краля си ютговори:
Ой ти кралю, наше кралю!
30 Млогу умну са си разумило,
Та си терашъ земя незаселена,
Таму ти да заседнешъ;
С' тебе да закарашъ и все млади и младици,
Я старци и бабици да оставишь на тая земя,
35 И тие харну тука да поминать;
Зере зеха вейке единъ другумъ да су ядать!
Мене си ми татку казуваше,
Чи си има тука близу бяли Дунавъ;

III. Ещѐ о переселении, но иначе.

Королю Саде⁸ негде стало жить!
Земля его очень густо заселена,
Никто не может уже поселиться,
Людей столько, сколько птиц в небе!
5 Насколько его земля урожайная,
Но не может всех прокормить,
Жито посеяли даже по камням!
Размышлял король Сада, что делать
Что делать, да что предпринять,
10 Чтобы спасти людей?
Или будут уже один другого есть!
Тут ему пришло на ум,
Всех – старцев, королевичей пригласить,
Да спросить их, что же делать,
15 Что же делать, да что предпринять:
Может найти землю незаселённую?
Туда бы он пошел, чтобы заселить;
Да забрал с собой всех молодцов и молодиц,
Скорее эту пустую землю заселить;
20 А старцев и бабушек на земле оставить,
Чтобы они хорошо пожил.
Тут пригласил он старцев и королевичей,
Их спрашивает: где есть земля незаселённая?
Туда он пойдёт, чтобы заселить.
Все старцы вытащили
25 Из карманов по одному свитку,
Да смотрели, есть ли где незаселённая земля;
Все свитки вместе собрали,
Но не могут найти нигде землю незаселённую.
Наистарый дедушка королю так отвечает:
30 «Ой ты, король, наш король!
Много ума надо разумеется,
Чтобы искать незаселённую землю,
Там ты должен остаться:
С собой заберёшь всех молодцов и молодиц,
35 А старцев и бабушек оставишь на их земле,
И они хорошо бы тут пожил;
Иначе один другого уже будут есть!
Мне мой отец рассказывал,
Что имеется здесь вблизи Белый Дунай;

Уть татакъ негу има поля широку,
 Поля широку мощне запусену,
 Лю диваци има заселени,
 Що ни знаятъ ниту земя да урать!
 Нити къщи да си праветь!
 Ел' су млогу силни
 Млогу силни инатчии;
 Никому ни даватъ на тяхну поля да су засели;
 Лю кой при тяхъ иде жювь си гу появать !
 Аку идете вие, краля, на тована поля,
 Лесну вие ке хми надвиете,
 Оти имате сряли мощне отровити,
 Съ отровни билки намешени;
 Ел' си има друга злина погуляма:
 На край Дунавъ седи люта ламия,
 Сасъ седемъ глави, сасъ седемъ опашки;
 Никому ни дава да помине презъ бяль Дунавъ;
 Лю кой ду Дунавъ наблизи цал си гу поглища!
 Ламия лесну не су утепува:
 Аку хи утсечешъ една-та глава,
 На мясту хи други две излявать!
 Сада краля вели ютговори:
 На диваци лесну ке надвиеме!
 Ке закарамъ сички млади,
 Борба с' тяхъ да су борятъ,
 Со наши отровити сряли ке ги надборятъ;
 Саму за ламия кажите ми що да праве
 Що да праве що да сторете?
 Ламия е мощне люта,
 Неке можемъ, никакъ да я надборимъ,
 Сички назе ке пояди!
 Старци велеть и говореть:
 Инакъ ламия, кралю, не су надборюва:
 Молба Огнену Богу да су помолиме,
 Курбанъ Громну Богу да заколеме
 Деветъ пуйки, деветъ гъски:
 Огнени Бога оганъ да си всякне,
 Я Громна Бога громъ да си пусне,
 Да, погуреть люта ламия;
 Вие туга Дунавъ да поминете,
 Пусту поля да заселите.
 Та станаха сички старци и крали,
 Огнену Богу молба су помолиха,
 Да си всякне пламенена оганъ;
 Я шо бяше първа краля,
 В' ръки си обзе сребрена ножа,
 Та си курбанъ закла Громну Богу
 Деветъ пуйки, деветъ гъски;
 С' громъ да погури люта ламия;
 Още молба не свършиха,
 Още курбанъ не дуклаха,
 И си оганъ на небе светна,
 Громъ си на земя падна,
 Та погури люта ламия.

40 Вокруг него есть широкие поля,
 Поля широкие очень запущенные,
 Дикими людьми они заселены,
 Которые не знают как землю пахать!
 Не могут дом себе построить!
 45 Однако, они очень сильные
 Очень сильные и притом упрямы,
 Никому не дадут на тех полях поселиться,
 Лишь кто туда идёт, живо они появляются!
 Если пойдёте вы, король, на те поля,
 50 Легко вы их одолеете,
 Они имеют стрелы очень ядовитые,
 Ядовитыми травами пропитанные,
 Однако имеется другая зловредность поболее,
 На берегу Дуная живёт лютая Ламия,⁹
 55 С семью головами и с семью хвостами,
 Никому не даёт перейти через белый Дунай,
 Лишь кто вблизи Дуная, целым его поглощала!
 Ламию не легко уничтожить:
 Если отсечёшь ей одну голову,
 60 На её месте две другие вырастают!»
 Король Сада говорит, отвечает:
 «Диких людей мы легко одолеем!
 Приведём всех молодцов,
 Чтобы в битве с теми сразиться,
 65 С нашими ядовитыми стрелами их победим;
 С самой Ламией скажите, что мне делать
 Что делать, да что предпринять?
 Ламия, оказывается, очень лютая,
 Не можем никак её победить,
 70 Всем быть начеку, чтобы не съела!»
 Старцы ему говорят, отвечают:
 «Иначе Ламию, король, не победить:
 Надо с молитвой просить Огнебога,¹⁰
 Что воздадим требу Богу Перуну¹¹
 75 Девять индюшек и девять гусок:
 Огнебог чтобы огонь высек,
 А Бог Перун громом бы грянул,
 Чтобы сгорела лютая Ламия;
 Вы тогда Дунай перейдёте,
 80 Чтобы пустые поля заселить.»
 Тут встали все старцы и короли,
 Огнебогу с просьбой помолились,
 Чтобы высек пламенный огонь;
 А кто был первый король,
 85 Он в руки взял серебряный нож,
 Да воздал требу Богу Перуну
 Девять индюшек и девять гусок,
 С громом чтобы сгорела лютая ламия;
 Ещё молитва не завершилась,
 90 Ещё всю требу не воздали,
 А огонь уже на небе вспыхнул,
 Гром на землю грянул,
 Да погорела лютая Ламия.

Сада краля тури тйляль,
 Да личи низь негува земя:
 Кой е млади и младици
 Сички да излягатъ на бяль Дунавъ,
 Саму старци и бабици да устанатъ;
 Аку някой уть млади-те си устане,
 Скуру глава ке му земать.
 Та излягоха сички млади
 и младици на бяль Дунавъ,
 Насетне излезе и Сада краля;
 Уть старци и бабици прошка си потеря,
 Прощка си зе, прошка си хми даде;
 На млади и младици вели ютговори :
 Пливните сички да испливаме бяль Дунавъ,
 Да идеме на дивачка земя,
 Диваци да надбориме,
 Тяхна земя да плениме;
 Ке ги научиме какъ са земя работи,
 Тие на насъ роблукъ ке робувать!
 Си пливнаха сички млади
 и младици низь бяль Дунавъ;
 За два дни гу испливаха,
 За три дни на дивачка земя излягоха.
 Диваци какъ видеха толку люде ябанции,
 Чи изпълниха тяхна пуста земя,
 Излягоха борба да су борягъ,
 Дано си хми надвиягъ,
 Жюви да си ги поядатъ.
 Какъ искара Сада краля
 ду негуви люти сряли
 Саму той си ги надборилъ.
 Та си плянъ плениха сички диваци;
 Тяхни дяца заробиха.
 Тога са диваци научиха,
 Какъ су земя работи,
 Та си дава максуль за ядене;
 Земя хми су обработи,
 Я тие су с' роблукъ поробиха.

Король Сада спрятал нож,
 95 Да прошёл через её землю:
 Кто был, молодцы и молодницы,
 Все направятся на Белый Дунай,
 Старцы и бабушки сами останутся;
 Если кто из молодых останется,
 100 То скоро главой его назначат.
 Да поведёт всех молодцев
 и молодниц на Белый Дунай,
 Затем появился король Сада,
 У старцев и бабушек прощения попросил,
 Прощение ему дали, прощение он принял;
 105 А молодцам и молодницам он ответил:
 «Поплывём все, да переплывём Белый Дунай,
 Чтобы идти на землю диких людей,
 Дикий народ мы победим,
 Да землю их освоим;
 110 И научим их, как с землёй работать,
 Они на нас работниками будут трудиться!
 Тут поплыли все молодцы
 и молодницы через Белый Дунай;
 За два дня, наконец, его переплыли,
 За три дня пришли на землю диких людей.
 115 Дикари как увидели столько людей чужаков,
 Что захватили их пустую землю,
 Выступили, чтобы в битве сражаться,
 Хотят, чтобы им победить,
 Да живых им, чтобы съесть.
 Как выпустил король Сада
 120 по ним свои лютые стрелы
 Да сам он их победил.
 И взял в плен всех диких людей;
 Их детей он научил работе.
 Тогда же диких людей научил,
 125 Как с землёй надо работать,
 Да свой урожай давал на пропитание;
 Землю им они обрабатывали,
 128 А те трудились работниками.

IV. Пакъ за преселение-то, но различно.

Читска земе мощне се заселила,
 Леха месту и селу гулему!
 Ураче се единъ другумъ биеть,
 Оти нема де да оратъ;
 Сита стока имъ измреела,
 Оти нема де да пасать.
 Плачь утиде дуръ на крале:
 Ой ти кралю, Сада кралю !
 Що ми седишь на стола си,
 Та си гледашъ сииръ пу земе-та?

IV. Ещё о переселении, но другое.

Читайская земля густо заселилась,
 Полоска земли, а село большое!
 Пахари один с другим дерутся,
 Потому что нет земли, чтоб пахать;
 5 Вся домашняя скотина вымерла,
 Потому что нет места, где пасти.
 Плач дошёл даже до короля:
 «Ой ты, наш король, Сада король!
 Что ты седишь на престоле,
 10 Да глядишь сиротливо на землю?»

Станй не ми седи на стола,
Лу си гледай дека люде ша наместишь
Единь другумь вече ша се ядать,
Оти нема земе да си орать.
Ниту просу белу да си сееть.
Хаберь на крале си утиде,
Я той незнае шо да прави,
Шо да прави дека да си иде?
Та си собра ду негуви бануве,
Да ги пита да ги праши,
Шо да прави дека да иде?
Сите бануве велеть и говореть:
Е бре, кралю, Сада кралю!
Шо на питашь, шо на прашишь
Нийде нема месту за фодене,
Сита земе е мощне заселена;
Тука долу близу ду бяль Дунавь
Има поле мощне на широку;
Таму има люде диви подивени,
Не ми знаеть поле да работеть,
Ниту белу просу да си сееть!
Таму бива да заселишь тое земе потеснена;
Тои люде да заорать поле широку,
Да засееть белу просу.
Ела на бяль Дунавь лежи сура ламие,
Има три глави сусь седемь опашки,
Та не дава ниту чувекь да помине,
Ниту пиле да прифъркне;
Хемь и люде подивени млогу се инатчии;
Лу какь ша си видеть тои люде,
Ша излегать ценкь да си праветь
Та колку се диви подивени,
Още толку погулема сила имать,
Сусь камене тои люде ша побиесть!
Хеле поле не си давать.
Утговори Сада крале:
Я сега кажите ми шо да праве
Шо да праве шо да стореть?
Колку за сура ламие,
Наемь ша се наема да я убие;
Шо ша праве сусь люде диви подивени?
Кату имать сила и инате.
Сова рече крале не отрече,
Де се дойде юда Самувила:
Уть лику й грее ясну сонце!
Афь гръди има ясна месечина!
В' скути й се дребни звезды!
На крале си вели утговори:
И за сова ли, кралю, какьрь берешь?
Утре още рану да си
туришь тилияль да личи:
Шо е младу ду сто години,
Лу шо ша ми сонце изгрее,
Сите да излезать на бель Дунавь;

Вставай и не седи на престоле,
Лишь погляди, где людей разместишь,
Один другого скоро будут есть,
Потому что нет земли, чтоб пахать.
15 Нет белого проса, чтобы сеять.»
Весть о плаче до короля дошла,
А он не знает, что надо делать,
Что надо делать, да куда идти?
Тут собрал он своих князей,
20 Да их пытается, да их спрашивает,
Что надо делать, да куда идти?
Все князья говорят такую речь:
«Гой еси, король, Сада король!
Что нас пытаешь, что спрашиваешь!»
25 Нигде нет места за поймой реки,
Вся земля очень густо заселена;
Только внизу, ближе к Белому Дунаю
Имеется поле большое и широкое;
Там живут люди дикие, предикие,
30 Они не знают, как в поле работать,
Никто белое просо там не сеет!
Там можно поселиться, ту землю потеснить;
Твои люди вспашут широкое поле,
Да засеют его белым просом.
35 Однако, на Белом Дунае лежит Сура Ламия,
Имеет три головы и семь хвостов,
Да не даёт ни одному человеку пройти,
Даже птица там не пролетит;
Также и люди дикие очень упрямые;
40 Лишь как только увидят те люди,
Что пришли чужаки, чтоб работать
То поскольку они дикие, предикие,
Ещё также громадную силу имеют,
То камнями те люди могут забить!
45 Особенно поле могут не дать.»
Отвечает им король Сада:
«Но сейчас скажите мне, что делать
Что делать, да что предпринять?
Что относится к Суре Ламии,
50 То найдём наёмников, да её убьём;
Что делать с людьми дикими, предикими?
Которые имеют силу и упрямство.»
Свою речь король ещё не досказал,
Как появилась Юда¹² Самувила:
55 От лика её сияет ясное солнце!
На грудях имеется ясный месяц!
На подоле у ней частые звёзды!
Королю она молвит, говорит:
«За свои слова ли, король, беспокоишься?
Чтобы завтра, пока ещё рано
60 соберёшь подданных к себе:
Кто есть, от мала до дедов сто лет,
Лишь только солнце взойдёт,
Всем выступить на Белый Дунай;

Да си карать жени и деца;
 Чи ша идать на широку поле,
 Тие да заорать широку поле,
 И да засеетъ белу просу.
 Кога сите идать на белъ Дунавъ,
 И тина сусъ либе да си идешъ;
 Хемъ да земешъ пуйка
 ниту бела нит' шарена;
 Да е църна поцърнела,
 Чи ша бодe желувитенъ курбанъ;
 Я шо си е тое първе либе,
 Да закара крава ялувита,
 На белъ Дунавъ курбанъ да заколете:
 Тина курбанъ да заколешъ на Огнена Бога,
 Да си всякне искра огань,
 Да погури сура ламие;
 Тое първе либе курбанъ
 да заколе на Громна Бога,
 Сусъ громъ да удари сура ламие,
 Уть нея споменъ да не устане;
 Кога заминете ду белъ Дунавъ,
 И язъ ша ви помогна,
 Да надвиете на люде диви подивени.
 Сова рече Юда не отрече,
 И си фъркна та утиде афъ гора-та.
 Та си тури още рану
 Сада крале тияляль да личи:
 Шо е младу на сто години,
 Лу шо ша си сонце изгрее,
 Сите да излезать на белъ Дунавъ;
 Да си карать жени и деца,
 Чи ша идать на широку поле,
 Тие да заорать широку поле,
 И да засеетъ белу просу.
 Та шо беше младу на сто години,
 Сите излезуха на белъ Дунавъ.
 Дуръ тога ми утиде и Сада крале,
 Сусъ негу кара млада кралица;
 Какъ ги видела сура ламие, зоби закърцала!
 И се кани сите да затруе.
 Та ми закла Сада крале
 Църна пуйка курбанъ на Огнена Бога;
 Да погури сура ламие;
 Я кралица курбан си закла
 Ялувита крава на Громна Бога,
 Сусъ громъ да удари сура ламие,
 Уть нея споменъ да не устане.
 Още курбанъ нефтасали,
 Небе заечилу, затрещелу,
 На небе се огань всекна,
 Та си падна громъ на белъ Дунавъ,
 Та удари сура ламие,
 Уть нея споменъ не устана;
 Уть шо си бе огань млогу налютень,
 Да забрать с собой женщин и детей;
 65 Будем идти на широкое поле,
 Им, чтоб вспахать широкое поле,
 И засеять его белым просом.
 Когда все придут на Белый Дунай,
 И молодец с любимой, чтобы подошли,
 Только нужно им взять индюшку,
 70 но не белую и не пёструю;
 А чтобы была чёрная, пречёрная,
 Да воздать требу,¹³ чтоб желанна была,
 А что нужно твоей первой любви,
 То привести корову яловую,
 75 На Белом Дунае требу воздать:
 Молодец требу воздаст Огнебогу,
 Который высечет искру, да огонь,
 Чтобы погорела Сура Ламия:
 Твоя первая любовь чтобы,
 Воздала требу Богу Перуну,
 80 Он громом ударит Суру Ламию,
 Чтоб она в помине не осталась;
 Когда перейдёте Белый Дунай,
 То я вам буду помогать,
 Чтобы победить людей диких, предиких.»
 85 Свою речь Юда ещё не закончила,
 А вспорхнула и направилась. в лес.
 Тут собирает, пока ещё рано
 Сада король к себе подданных:
 Кто есть, от мала до дедов сто лет,
 Лишь только солнце взошло,
 90 Все выступили на Белый Дунай;
 Да взяли с собой женщин и детей,
 Чтобы идти на широкое поле,
 Да там вспахать широкое поле,
 И засеять его белым просом.
 95 Чтобы была земля молодым на сто лет,
 Все прибыли на Белый Дунай.
 После того пришёл и король Сада,
 С собой привёл молодую королеву;
 Как их увидела Сура Ламия, зубами щёлкнула!
 100 И приглашает всех, чтобы погубить.
 Тут воздал им король Сада требу:
 Чёрную индюшку для Огнебога;
 Чтобы запалил Суру Ламию;
 А королева тоже требу воздала,
 105 Яловую корову для Бога Перуна,
 С громом бы ударил Суру Ламию,
 Чтобы и в помине от неё не осталось.
 Ещё требу приготовить не успели,
 Небо загремело, эхом отдалось,
 110 На небе вспыхнул огонь,
 Да грянул гром на Белый Дунай,
 Который и поразил Суру Ламию,
 Чтобы она и в помине не осталась;
 Оттого, что огонь был очень сильный,

Уть топлу се размързна ду белъ Дунавъ,
 Та си тече река гулема;
 Не можеха да заминатъ ду белъ Дунавъ;
 Та се чудеть шо да праветь,
 Шо да праветь какъ да Дунавъ заминатъ,
 На широку поле да си идатъ?
 Де си дойде Юда Самуила,
 Та си дуна силанъ ветаръ,
 Та си пакъ замързна ду белъ Дунавъ;
 Та си сички заминаха низъ белъ Дунавъ;
 Сусъ техъ си замина и Юда Самуила,
 Да имъ на буйну поле помогне,
 Да надвиетъ на дива крале подивена.
 Я шо си бе дива крале подивена,
 Какъ си виде чи си иде Сада крале,
 Нехтее да му се поклонъ поклони,
 Лу си собра негува-та силна ойске;
 Та утуде на край Дунавъ,
 На край Дунавъ на широку поле;
 Да си Читска крале удари;
 Шо се негуви-те сите млади
 с' камене да побие,
 Немой земя да му земе.
 Та си заду Юда Самуила
 топаль и студень ветаръ,
 На читска крале топлу си дуеше,
 Я на дива крале студну си дуеше,
 Дур се диви люде замързнали,
 Си станаха као дарве изсъхнали!
 Та си обзе Сада крале ду широку поле,
 Шо бе диву подивену гу зароби.
 Негуви-те заураха ду широку поле,
 И засеуа белу просу низъ поле-ту.
 Сова ми усторила Сада крале!
 И е устаналу песна да се пее,
 Уть Бога зраве, уть мене песна.

115 От тепла растаял Белый Дунай,
 Да течёт река уж очень большая;
 Не могут перейти Белый Дунай;
 Да раздумывают, что же делать,
 Что же делать, как Дунай перейти,
 120 Чтобы на широкое поле попасть?
 Тут подошла Юда Самувила,
 Да задула сильный ветер,
 Пока опять замёрз Белый Дунай;
 Да все перешли через Белый Дунай;
 125 С ними перешла и Юда Самувила,
 Чтоб им на бранном поле помочь,
 Да победить дикого короля, предикого.
 А что относится к дикому королю, предикому,
 То, как увидел он, что подходит король Сада,
 130 Не захотел ему низко поклониться,
 Лишь собрал своё сильное войско,
 Да отошёл к берегу Дуная,
 К берегу Дуная, на широкое поле;
 Чтобы ударить Читайского короля;
 Потом его вся молодёжь
 135 камнями хочет их побить,
 Не хотят землю ему отдавать.
 Тут задула Юда Самувила
 тёплый и студёный ветер,
 На Читайского короля тёплым дует,
 А на дикого короля студёным дует,
 140 Пока дикие люди позамерзали,
 Да стали, как одеревенелые!
 Так король Сада забрал широкое поле,
 Что были дикие люди, то стали работать.
 Они теперь пашут широкое поле,
 145 И засевают это поле белым просом.
 Слова свои сдержал король Сада!
 И с того оставили песню, чтобы петь,
 От Бога здоровье, от меня песня.

V. Пакъ за преселение-то, но инакво.

Де са е, Боже, чулу и виделу,
 Сура ламие сусъ гулема крале да се бие,
 Да се бие ценкъ да си прави;
 Ламие си е сама самичка,
 Я гулема крале си води '
 души все на отбуръ,
 Па не може на ламие да надвие;
 Не му дава белу море да помине,

иледа
5

V. Ещѐ о переселении, но иначе.

Где-то её, Боже, слышали и видели,
 Сура Ламия с главным королём бьётся,
 Да бьётся так, чтобы его одолеть;
 Ламия была одна единёшинька,
 А главный король предводительствовал
 над тысячью душами, все на отбор,
 Но пока не может Ламию победить;
 Она не давала ему Белое море¹⁴ перейти,

Да си иде на гулему поле,
Шо си билу пуну запустену;
Си гу съдила сама сура ламие,
Та недава ником' да си иде,
Ниту крале, ниту пиле;
Лу си иска да си гледа ду широку поле,
Сама тия низъ негу да се шири;
Да си пасе зелена трева,
Да си пие студена вода;
Дума да си дума с' Юди Самуили.
Уть Богъ нашла Юда Самуила,
Шо залиби ду гулема крале;
Си гу либи таманъ две години,
Та му каза де си има широку поле,
Таму да засели сите шо се млади;
Да си хми направи нова града,
Та да оратъ и да копатъ сова поле широку.
Юда си услуже гулема крале,
Та закара иледа души все юнаци,
Да ги кара на сова поле широку,
Таму да си гради ду гулема града;
Я аку си надвиетъ на сура ламие,
Тога ша закара сите млади уть негува земе,
Тие да заселеть ду широку поле;
Я шо си се стари устарели,
Тие да устанатъ на техна-та земе,
Таму рехатъ да рехатувать.
Та ми вървеха шо вървеха,
Си стигнаха на белу-ту море;
Та се чудеть какъ да поминать белу-ту море?
Какъ се чудеть, какъ си стоеть,
Де излезе сае сура ламие,
Та си пита крале и гу праши:
Е бре, кралю, де си фодишь?
Да ли дребна лова ша ловишь?
Или ша си идешъ на сова поле широку?
Не си дребна лова лове,
Лу ша иде на сова поле широку,
Таму столнина ша си туре,
Сите мои млади сова поле да заселеть;
Немой да е пуну запустену.
Какъ ми чула сура ламие,
Ни постое, ни почека,
Лу излезе уть сова море длибоку;
Афъ роки-те нема нишу да си доржи,
Лу си гледа на ясну-ту сонце,
Гледа си гу мольба му се моли:
Сончице, милу сончице!
Пусни си ми, сончице, ду тое-та ясна срела,
Шо си пуца силни оганъ,
С' тое срела на душмане да си надвие;
Немой мое поле да си земать ;
Аку си ми, сончице, мольба услужешъ,
Да ми пуснешъ тое ясна срела,

Чтобы выйти на большое поле,
Которое было пустое запущенное;
10 Где жила сама Сура Ламия,
Да не давала никому там пройти,
Ни самому королю, ни даже птице;
Лишь хочет смотреть на широкое поле,
Сама она через него во всю ширь,
15 Да пасётся там на зелёной траве,
И пьёт там студёную воду;
Говорит, да разговаривает с Юдой Самувиллой.
Бог ¹⁵ наказал Юду Самувилу,
Что полюбила главного короля,
20 Она его любила лишь два года,
Да сказала ему, где есть широкое поле,
Чтобы там поселилась вся молодёжь;
Да построил бы им новый град,
Вспахали бы и вскопали бы широкое поле.
25 Юду послушал главный король,
Да собрал тысячу душ всех юнаков,
Чтобы привести их на самое широкое поле,
Да построить там большой град;
А когда победит Суру Ламию,
30 Тогда приведёт всю молодёжь со своей земли,
Чтобы они заселили широкое поле;
А что до пожилых и постаревших,
То они останутся на своей земле,
Там им будет где расширяться.
35 А мы пойдём, да совсем уйдём,
И достигнем Белого моря;
Да подумаем, как же миновать Белое море?
Как подумать, да как устоять,
Где выступить против Суры Ламии.
40 Тут пытается Юда короля, да спрашивает:
«Гой еси, король, где ты ходишь?
Что ли, охотился на мелкую дичь?
Или ходил на то поле широкое?
Не охоться на мелкую дичь,
45 Лишь иди на то поле широкое,
Там столицу свою заложишь,
Всю свою молодёжь на том поле поселишь;
Не будет поле там пусто, запущено.»
Как услышала их Сура Ламия,
50 Не постояла, да не подождала,
Лишь вышла из моря глубокого;
А в руках ничего не держала,
Только глядит на ясное солнце,
Глядит и его с мольбой просит:
55 «Солнышко, милое Солнышко!
Пусти, Солнышко твою ясную стрелу,
Ещё также пусти сильный огонь,
С той стрелой, чтобы врагов победить;
Не могли чтоб моё поле забрать;
60 Если, Солнышко мою мольбу услышишь,
Да пустишь свою ясную стрелу,

Шо си ми е наймалка-та сестра,
 Ша га дадемъ тое първе либе да си бодe.
 Още рече ламие не отрече,
 Утъ небе си падна ясна срела;
 Още срела не паднала,
 Ламие се смехъ насмее,
 Та си рукна и подрукна:
 Е бре, кралю, мой душманине
 Ела сега борба да се бориме;
 Лу кой борба си надбори,
 Той да земе сова поле широкоу.
 Ми излезе на суха-та земе,
 Та си фърли ясна срела пу млади юнаци;
 Срела още на земе не паднала,
 Сите млади юнаци с' оганъ си погуре !
 Устана си сама крале на земе-та,
 Та с чудумъ чуди шо да прави,
 Шо да прави шо да стори?
 Шо си бе сура ламие, дума му продума;
 Шо се чудишь, кралю, та си стоишь ?
 Бегай скору и тина да не погинешъ !
 Си та желамъ чи си гулема крале не заме-та,
 Тя пу тебе срела не си фърлихъ,
 И тебе со оганъ да си погуре.
 Какъ ми чуль крале, мощне се уплашилъ,
 Та си яхна бърза-та коне;
 Копна си гу скору да си фоди,
 Да си иде на дома си;
 Да си пита негуву-ту либе Юда Самуила,
 Какъ ша може ламие да надбори?
 Да й земе сова поле широкоу,
 Шо е пугу запустену.
 Та утуде иа дома си в' темну потемнену.
 Порти били заторени;
 Та си чука порти и си хлопа;
 Нема никой да си му утори!
 Разеди се, разлюти се,
 Та си копна коне сусъ нога-та,
 Да прихрипне тие високи дуваре;
 И конь си бе мощне силанъ и юнакъ,
 Лу гу копна сусъ нога-та,
 Та прихрипна високи дуваре;
 Шета си се низъ дорове,
 Нема никой да ги чуе !
 На чардаци сусъ коне се качи,
 Па нема никой да гу чуе!
 Сите си ми- спиетъ на потстели.
 Дуръ си флезе афъ кральска-та худае,
 Тамъ' си найде негуву-ту
 либе Юда Самуила, 110
 Де си спие тешка сона,
 Та га бутна с' десна нога,
 Съ уста си й дума продума;
 Стани, стани мое първе либе!

То есть у меня наименьшая сестра,
 Выдам замуж и будет первой любовью.»
 Ещё речь Ламия не закончила,
 65 А с неба начала падать ясная стрела;
 Ещё стрела не успела упасть,
 А Ламия смеётся, надсмехается,
 Да крикнула и позвала:
 «Гой еси, король, мой вражина,
 70 Иди сюда сейчас с тобой сразимся;
 Лишь кто из нас в битве победит,
 Тот займёт всё поле широкое.»
 Она вылезла на сухую землю,
 Тут полетела ясная стрела на младых юнаков,
 75 Стрела ещё на землю не упала,
 А все молодые юнаки в огне сгорели!
 Остался только один король на земле,
 Да задумался, что же делать,
 Что же делать, да что предпринять?
 80 Что до Суры Ламии, то она ему говорит:
 «Чего задумался, король, да стоишь?
 Убегай скорей, а не то погибнешь!
 Желаю не быть главным королём на земле,
 В тебя стрела ещё не попала,
 85 Тогда, чтобы ты в огне сгорел.»
 Как услышал король, очень испугался,
 Да оседлал своего борзого коня;
 Вскочил на него, да быстро умчался,
 Чтобы добраться до своего дома;
 90 Да спросить свою любимую Юду Самувилу,
 Как же можно победить Ламию?
 Да забрать у неё всё поле широкое,
 Что ещё пустое и запущенное.
 Он приехал, а дом тёмный, претёмный.
 95 Ворота были затворены;
 Он постучал в ворота и хлопнул;
 Никого нет, чтоб ему отворили!
 Рассердился он, разгневался,
 Да вскочить бы на коня с ногами,
 100 И прокричать бы через высокую стену,
 И конь был очень силён и юнак,¹⁶
 Лишь вскочил на него с ногами,
 Да прокричал через высокую стену;
 Прогуливается кто во дворе,
 105 Нет никого, кто бы его услышал!
 К балкону на коне подскочил,
 Тоже никого нет, чтобы его услышали!
 Все они спят на постели.
 Наконец, он влез в королевскую спальню,
 Там же нашёл он свою
 первую любовь Юду Самувилу,
 Где она спала глубоким сном,
 Да тронул её правой ногой,
 Устами промолвил ей слова:
 «Вставай, вставай моя первая любовь!»

Да ти каза шо си урадисахъ на тое-та земе. 115 Ты сказала, что добьёшься той земли.
 Уть Богъ нашла тава сура ламие, Бог покарает эту Суру Ламию,
 Шо си лежи афъ сова море длибоку, Что лежит совсем глубоко в море.
 Какъ на виде чи си идеме на широку поле, Как увидит, что идём на широкое поле,
 Уть море-ту си излезе на суха-та земе; Из моря вылезит на сухую землю;
 Афъ роки-те нишу не доржеше, 120 А в руках ничего не держит,
 Мольба, си се на сонце-ту молеше, Лишь с мольбой Солнце просит,
 Да й пусне уть небе-ту негува-та ясна срела, Чтобы пустило ей с неба свою ясную стрелу,
 Шо си пуца силни огань ; Ещё, чтобы пустило сильный огонь;
 Сусъ срела тия на насъ борба да надбори; Стрелой, чтобы нас в битве победить,
 Та ша му даде неина-та малка сестра 125 За это отдаст замуж свою малую сестру,
 Да си боде негуву първе либе. Да будет ему первая любовь.
 Още рече ламие не отрече, Ещё речь Ламия не закончила,
 Уть небе-ту й падна ясна срела; Как ей с неба начала падать ясная стрела;
 Още срела не паднала уть небе-ту, Ещё стрела не упала с неба,
 Ламие се рукна и подрукна: 130 А Ламия крикнула, позвала:
 Ела сега, кралю, борба да се бориме; Иди сюда, король, сейчас с тобой сразимся;
 Лу кой борба си надбори, Лишь кто в битве победит,
 Той ша земе сова поле широку. Тот займёт землю на поле широком.
 Та излезе на суха-та земе, Тут выползла на сухую землю,
 И си фърли ясна срела пу млади юнаци, 135 И пустила ясную стрелу на юнаков,
 Срела още не паднала на земе-та, Стрела ещё не упала на землю,
 Сите млади съ огань си погуре! А вся молодёжь сгорела в огне!
 Устанахъ си самъ самичекъ на земе-та, Остался я на земле один одинёшенек,
 Та се чудумъ чудехъ шо да праве Да задумался, что же делать,
 Шо да праве шо да сторе? 140 Что делать, да что предпринять?
 Дуръ тога ми ламие дума продума, Только тогда Ламия слова продумала,
 Та ми вели утговори; Да мне так отвечает:
 Шо се чудишь, кралю, шо си стоишь ? Чего задумался, король, что стоишь?
 Бегай скору и ти да не погинешъ ! Убегай скорей и ты, чтобы не погиб!
 Си та пожелихъ оти си Желая узнать, почему ты
 гулема крале на земе-та, 145 главный король на земле,
 Та пу тебе срела не си фърлихъ, В тебя стрела ещё не попала,
 И тебе съ огань да си погуре. Так тебе, чтобы в огне сгореть.
 Какъ си чухъ, Юду, млогу се уплашихъ, Как услышал я, Юда, очень испугался,
 Та си яхнахъ бърза-та коне, Да вскочил на борзого коня,
 Да си бегамъ афъ сарае да си дойда, 150 Чтобы бегом во дворец добратся,
 Да си питамя тебе шо да праве Да спросить тебя, что же делать,
 Шо да праве шо да сторе? Что же делать, да что предпринять?
 Тина сега да ми кажешъ, Ты сейчас что мне скажешь,
 Какъ да си борба надборе сура ламие? Как в битве победить Суру Ламию?
 Да й зема сова поле широку, 155 Да у ней забрать широкое поле,
 И поле мое да си боде; И поле моё, чтобы было;
 Таму да си седеть сите шо се млади. Там осталась вся молодёжь.
 Юда Самуила му вели утговори: Юда Самувила ему говорит, отвечает:
 Е бре, кралю, мое първе либе! «Гой еси, король, моя первая любовь!
 Ламие кулай се надборюва ; Вот способ, как победить Ламию;
 И ска да си имашъ срела огнена, Найди и получи стрелу огненную,
 Та сусъ огань да га погуришь ; Да огнём её тогда спалишь;
 Тина срела не си имашъ. Только стрелы ты не имеешь.
 Да си земешъ тина църна пуйка шо си фърка, Возьмёшь чёрную индюшку, что летала,
 Я шо ша си закарашъ млади юнаци, 165 Которую принесут младые юнаки,
 Сите тие да си земаъ голабъ пиле, Все пусть возьмут ещё птицу голубя,
 Та кога идете вече ду белу-ту море, Когда пойдут уже до Белого моря,

Да усториш:ь Боже име,
 Да си трае три дни и три нощи;
 Тина курбанъ да заколешъ
 на Огнена Бога църна пуйка,
 Църна пуйка шо си фърка;
 Да ти прати ясни оганъ уть небе-ту,
 Ясни оганъ да погури сура ламие.
 Я шо си се млади юнаци,
 Секи да си коле курбанъ
 голабъ пиле иа Вишну Бога,
 Той да ви помогне,
 Белу море с' ноги да припливате;
 Да си идете на сова поле широку,
 Шо си е пунту запусену ;
 Таму да наградите нова града.
 Гулема крале си услуше
 ду негуву-ту първе либе,
 Та си собра още иледа юнаци все на отбуръ ;
 На секи си даде афъ роки-те голабъ пиле;
 Я той си има афъ роки-те църна пуйка,
 Църна пуйка шо си фърка;
 Та си навървиха да си идатъ на поле широку.
 Лу ми утидоха на белъ Дунавъ,
 Заправили се Боже име,
 Та е тралу три дни и три нощи;
 Крале си закла курбанъ
 Огнена Бога църна пуйка,
 Да си прати ясни оганъ уть небе-ту,
 Ясни оганъ да погури сура ламие;
 Лу си курбанъ закла църна пуйка,
 Уть небе си падна ясни оганъ,
 Та погуре сура ламие;
 Утмалъ душе приговори:
 Уть Богъ нашла, кралю, Юда Самуила!
 Шо залиби тебе тамамъ две години,
 Та ти каза курбанъ да заколешъ.
 Сова рече ламие не отрече,
 И се фърли афъ дъну-ту на море-ту.
 Устаналъ е сама крале сусъ юнаци,
 Та се чудумъ чуди какъ да замине сова море?
 Та да иде на широку поле.
 Де му на умъ дойде,
 Та си каза на иледа юнаци,
 Секи да заколе голабъ пиле,
 Курбанъ да си иде на Вишну Бога.
 Та си колетъ сите юнаци курбанъ
 на Вишну Бога голаб пиле;
 Сички си се ду иледа,
 Си заклаха и иледа голабе;
 Сите си утидоха курбанъ на Вишню Бога ;
 Вишню Бога да си хми помогне,
 Белу море с' ноги да припливать;
 Да си идатъ на сова поле широку,
 Шо си е пунту запусену.

Да повторишь Божье имя,
 В продолжении трёх дней и трёх ночей;
 Потом воздашь требу
 170 чёрную индюшку для Огнебога,
 Чёрную индюшку, что только летала;
 Чтобы послал ясный огонь с неба,
 Ясный огонь, чтоб сгорела Сура Ламия.
 А что относится к младым юнакам,
 То пусть воздадут требу,
 175 птицу голубя для Вышнего Бога,
 Который может вам помочь,
 Белое море тогда переплывёте;
 Да пойдёте на то широкое поле,
 Что ещё пусто и запущено;
 180 Там постройте новый град.»
 Главный король её послушал
 свою супругу, первую любовь,
 Да собрал тысячу юнаков, все на отбор;
 На требу дал им в руки птиц голубей,
 А сам взял в руки чёрную индюшку,
 185 Чёрную индюшку, которая летала;
 Да направились идти на широкое поле.
 Лишь только пошли на Белый Дунай,
 Начали повторять Божье имя,
 Да в продолжении трёх дней и трёх ночей;
 Король тогда воздал требу,
 190 чёрную индюшку для Огнебога,
 Который пошлёт ясный огонь с неба,
 Ясный огонь, чтобы сгорела Сура Ламия;
 Лишь воздали требу чёрной индюшкой,
 С неба упал ясный огонь,
 195 Да загорелась Сура Ламия;
 Еле перевода дух, её душа сказала:
 «Бог покарает короля, Юда Самувила!
 Что любил тебя уже два года,
 Да тебе сказал, что требу воздаст.»
 200 Свою речь Ламия не закончила,
 Да бросилась на дно морское.
 Остался сам король с юнаками,
 Да думают, как же перейти это море?
 Чтобы пройти на широкое поле.
 205 Тут ему на ум пришло,
 Да сказал своей тысяче юнаков,
 Чтобы все клали птицу голубя,
 Да послали требу Вышнему Богу.
 Все юнаки клали требу
 Вышнему Богу птицу голубя;
 210 Всех их было тысячу душ,
 И они клали тысячу голубей;
 Все отправили требу Вышнему Богу;
 Чтобы Вышний Бог им помог,
 Белое море пешком перейти;
 215 Чтобы идти на своё поле широкое,
 Что было пустое запущенное.

Лу заклаха пиле голаб,
 Белу море на две се расцепи,
 Та си стана као суха земе!
 Сички с' ноги пу море-ту поминаха,
 Утидоха на сова поле широку.
 Поле си бе мощне берекетлие,
 Ела гу записала сура ламие,
 Не даваше ником' таму да си иде,
 Ниту крале, ниту пиле ;
 Та награди гулема крале нова града,
 Шо га нема нийде пу земе-та;
 Сите млади афь града засели,
 Та си орать и си копать пуну поле запустену;
 Та ми стана поле берекетлие,
 Шо гу нема нийде пу земе-та;
 Си ми лететь и пилци фьркати,
 Та си пееть низь поле-ту и си фьркать.
 Уть Богь нашла малка сура ламие,
 Шо си бе сестра на гулема-та:
 Какь си дигна глава уть море-ту
 И погледа пу сова поле широку,
 Та си гледа какь си люде фодеть низь поле-ту
 И си малки пилци фьркать;
 Каскандиса мощне на гулема крале;
 Иска крале да погуби,
 Чи си той погуби неина-та сестра,
 Шо га немаше нийде пу земе-та.
 Та излезе уть белу-ту море,
 И си фоди низь широку поле,
 Кого найде гу поева;
 Хемь за крале си пита
 Дека седи, дека си е?
 Наблизила вече дурь ду града,
 Града вече ша запусти.
 Чуди ми се крале шо да прави
 Шо да прави шо да стори?
 Пакь си фати цьрна пуйка,
 Си га закла курбань на Огнена Бога,
 Да си прати огань уть небе-ту.
 Да погури пуста сура ламие;
 Лу ми закла сова курбань,
 Падна силна огань уть небе-ту.
 Та изгуре тая сура ламие.
 Дурь тога се вече поле куртолиса.
 Нема вече да се запусти ;
 Се засели уть край дурь ду край.
 Уть тука си люде излезуха
 та заселиха сита земе!
 Уть тога е устанала и тава песна да се пее,
 Уть Бога зраве, уть мене песна.

Когда клали птиц голубей,
 Белое море расступилось на две части,
 Да стало сухо, как на земле!
 220 Все пешком по морю перешли,
 Да направились на своё поле широкое.
 Поле это очень плодородное,
 Да было захвачено Сурой Ламия,
 Не давала там никому пройти,
 225 Ни самому королю, ни даже птице;
 Тут главный король построил новый град,
 Что такого не было нигде на земле;
 Град заселила вся молодёжь,
 Вспахали и вскопали пустое поле запущенное;
 230 Да стало поле теперь урожайным,
 Что такого нигде нет на земле;
 Там летают и порхают птицы,
 Да поют и порхают над полем.
 Бог покарал меньшую Суру Ламию,
 235 Которая была сестра большой:
 Как-то подняла она голову над морем
 И поглядела на широкое поле,
 Да увидела, как люди ходят по полю
 И малые пташки порхают;
 240 Позавидовала очень главному королю;
 Захотела она погубить короля,
 За то, что он погубил её сестру,
 Которой уже нет нигде на земле.
 Да вылезла она из Белого моря,
 245 И пошла через широкое поле,
 Кого найдёт, того съедала;
 Однако, за короля спрашивала
 Где он живёт, да где находится?
 Приблизилась она уже к граду,
 250 Град хотела уже опустошить.
 Раздумывает король, что же делать
 Что же делать, да что предпринять?
 Снова схватил чёрную индейку,
 И воздал требу для Огнебога,
 255 Чтобы послал огонь с неба,
 Да сгорела бы проклятая Сура Ламия;
 Лишь только он воздал требу,
 Упал сильный огонь с неба,
 Да сгорела и эта Сура Ламия.
 260 Только тогда уже поле было спасено.
 Некому его уже опустошать;
 Всё заселили от края и до края.
 Оттуда люди выехали,
 да заселили всю землю!
 С того установили, чтобы эту песню петь,
 От Бога вам здоровье, а от меня песня.

VI. Сонцева женитба со мома Вълкана. VI. Женитьба Солнца на деве Валкане.

Ой ти, Боже, мили Боже !
Шо ми правишь, Боже чуда и нишане,
Та се чуди небе дурь и земе,
Чудеть ми се ош' и седемдесе крале,
Дурь и Юди Самуили пу планини.
Три недели сонце не изгрелу на небе-ту,
Да си грее да си свети на земе-та ;
Земе си е с' църна дреха ублечена,
Та не може никой да излезе уть пещери,
Да си иде на поле широкоу,
Та да жнее бели бильки шо призрели на поле,
Та си капеть као круши пу земе-та !
Лету си е вече поминалу,
За стигнала люта зима и студена,
Па ф' пещери нищу нема
Та се чудумь чудеть седемдесе крале.
Шо ша праветь, шо ша боде ?
Та ми фодеть дурь на край земе,
Дурь на край земе при първа крале,
Шо си гради нова града и гулема;
Масторе си има чудувити нишанлии
Шо ги нема нийде на земе-та;
Сички иматъ криле пудь мишница,
Я шо си е ду башь масторь,
Той си има златни криле,
Хемь си ми е чудна крале на Змеюве;
Афь роки доржи ду два сребрени ключе,
С' техь си заключе ду два потайни кладнеци:
Първа кладнець шо си има силна дожда,
Кога иска га утключе,
Та си праща силна дожда на земе-та,
Да си растатъ бели бильки на поле-ту
Втори кладнець шо си има силни града,
Кога ми се Змейска крале
мощне налюти га утключе,
Та си праща силни градъ на земе-та,
И си чука с' негу бели бильки на поле-ту.
Ясну сонце си е пратилу Змейска крале,
Той да награди нова града нишанлие,
Шо га нема нийде на земе-та;
Кой га види да се чуди,
Първа крале фальба да си фали,
Чи си има града нишанлие;
Аф' нег' да ми седи Вълкана девойка,
Шо си либи ясну сонце.
Дурь да идатъ седемдесе крале на край земе,
Масторе си вече града наградили,
Афь средь поле си ми грее као сонце!
Ела чи си свети лу на първа крале,
На други-те си е темну потемнену!
Първа крале курбань си коле дурь на Бога,

Ой ты, Боже, родной Боже!
Что нам сотворил, Боже, чудо и знамение,
Чудеса на небе и даже на земле,
Удивляются ещё и семьдесят королей,¹⁷
5 Даже Юды Самувилы в горах.
Три недели солнце не восходило на небе,
Чтобы греть и освещать землю;
Земля облачена в чёрные одежды,
Что не может никто выйти из пещеры,
10 Чтобы идти в широкое поле,
Да жать белые злаки, что созрели на поле,
Которые сыпятся как крупинки на землю!
Лето вот уже проходит,
Приходит лютая зима и студеная,
15 А в пещере из запасов ничего нет.
Тут раздумывают семьдесят королей,
Что же делать, что же будет?
Да пойдём мы на край земли,
Даже на край земли к первому королю,¹⁸
20 Что построил новый большой град;
Мастеров он имеет чудных знаменитых,
Что таких нигде нет на земле;
Все имеют крылья под мышками,
А что относится к главному мастеру,
25 То он имел золотые крылья,
И также он был им король Змей;
А в руках держал два серебряных ключа,
Ими замыкались два потайных колодца:
Первый колодец содержал сильный дождь,
30 Когда хотят его отомкнуть,
То сильный дождь идёт на земле,
Чтобы росли белые злаки на поле.
Второй колодец содержал сильный град,
Когда бывает король Змей
очень злой, то его отмыкает,
35 Да сильный град посылает на землю
И побивает белые злаки на поле.
Ясное Солнце поручило королю Змей,
Чтобы он построил новый прекрасный град,
Чтобы такого не было нигде на земле;
40 Кто его увидит, чтобы удивлялся,
Первого короля хвалой бы прославил,
Что такой прекрасный град имеет;
А в нём живёт девица Валкана,
Которую любит ясное Солнце.
45 Пока семьдесят королей ушли на край земли,
Мастера уже град построили.
А среди поля он сияет как солнце!
Однако, светит лишь на первого короля,
Для других же было темно претемно!
50 Первый король воздаёт требу для Бога,

Чи си има града нишанлие;
 Курбань коле седемдесе крави,
 Та утиде курбань дурь на Бога;
 Па си гозба гости сите масторе.
 Седнали ми на кральски трапези,
 Още афь уста нищу не клали,
 Си дойдоха и седемдесе крале,
 На първа крале поклонь се покланеть;
 Той имь вели утговори:
 Добре дошли, седемдесе крале !
 Седните ми на трапези,
 И вась гозба да си госте,
 Чи си имамаь града нишанлие,
 Шо га нема нийде на земе-та.
 Седнаха ми седемдесе крале на трапези,
 Лу седнаха седемдесе крале на трапези,
 Сите масторе на ноги станаха,
 Та си фъркнаха као пилци афь море-ту!
 Какь ми виде първа крале,
 мощне му се нажелилу,
 На крале си вели утговори:
 Е бре, седемдесе крале мои побратиме!
 Мольба ви се моле
 Да постоите малку да почекате,
 Дурь да источе мое бьчва руйну вину,
 Шо си бере иледа тувара,
 Да гу изсипа афь сова море широку;
 Мои масторе баремь вину да си пиеть.
 Ша чекаме, кралю, от' да не чекаме;
 Бил' и нее на ардамь ша ти дойдеме.
 Та си точеть руйну вину две недели,
 Уть бьчва гу точеть афь море гу изсипувать,
 Дурь е море вече поцьрвенелу!
 Уть море ми вика змейска крале:
 Стига вече, кралю, вину точи,
 Чи сме сички мьртви упиени!
 Нам' си стига сова курбань шо ни стори,
 Гостите се сега вие на трапези.
 На крале си дурь тога сорце доиде,
 Та си седна на трапези на вечере;
 Гозба си се гости сась седемдесе крале;
 Служба си ги служи Вьлкана девойка,
 Шо ги нема нийде на земе-та:
 Уть лику й грее ясну сонце!
 В' грьди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезды!
 Очи й се као факла еребница!
 Коса й е ду земе-та!
 Хемь е со злату позлатена!
 Какь га гледать седемдесе крале,
 Сички искать сньха да хми бode,
 Ела си е углавена за Брахила крале,
 Шо е юнакь надь юнаци!
 Та си никой ни кайдисува да га тера.

Что имеет такой прекрасный град;
 Воздаёт требу семьдесят коров,
 Да ушла треба уже до Бога ;
 Потом угощал яствами всех мастеров,
 55 Садилась она за королевскую трапезу,
 Но ещё ничего в уста не взяли,
 Как подросли и семьдесят королей,
 Да первому королю низко поклонились;
 Тот им молвит, говорит:
 60 «Добро пожаловать, семьдесят королей!
 Садитесь ко мне за трапезу
 И вас яствами хочу угостить,
 Что я имею такой прекрасный град,
 Которого больше нигде нет на земле.»
 65 Садилась за трапезу семьдесят королей,
 Лишь сели за трапезу семьдесят королей,
 Все мастера на ноги вскочили,
 Да вспорхнули как птицы на море!
 Как увидел их первый король,
 очень он сам огорчился,
 70 Да королям молвит, говорит:
 «Гой еси, семьдесят королей, мои побратимы!
 Я прошу вас всех и умоляю
 Пока постоит немного, да подождите
 Пока не иссякнет моя бочка алого вина,
 75 Что вмещает тысячу ведер,
 Да вино выливайте в море широкое;
 Мои мастера хотя бы вина попьют.»
 Будем ждать, король, или не ждём,
 Надо, на помощь к тебе придём.
 80 Да алое вино текло две недели,
 Из бочки оно течёт и в море выливается,
 Даже море уже покраснело!
 С моря кричит король Змей:
 «Довольно уже, король, вино выливать,
 85 Так как все мертвецки упились!
 Нам добавишь требу, что не воздал,
 А вы гостите теперь на трапезе.»
 Королю только тогда до сердца дошло,
 Да он сел за трапезу на вечерю;
 90 Яствами угощает он семьдесят королей;
 Обслуживает их девица Валкана,
 Что такой нет нигде на земле:
 От лика её сияет ясное солнце!
 На груди её ясный месяцко!
 95 На подоле её частые звёзды!
 Глаза её светятся, как у куропатки!
 Коса её до самой земли!
 Да ещё златом позлачена!
 Как глянули на неё семьдесят королей,
 100 Все захотели, чтобы им была снохой,
 Однако, она обручена с королём Брахилой,
 Который был юнак над юнаками!¹⁹
 Но никто не хотел его оспаривать.

Гозба е траяла тамамъ три недели.
 Чекать си ми седемдесе крале
 сонце да угрее,
 Афъ темну темнилу немой да сй фодеть;
 Колку си ми тие чекать,
 Още толку земе се стемнева!
 Та ми заплакаха седемдесе крале и ми завикаха:
 Ой ти Боже, мили Боже!
 Кажи, Боже, шо грехъ сме чинили?
 Та си сонце на небе-ту не изгрева,
 Да си грее, да си свети на земе-та;
 Аку си сме грехъ чинили.
 Сите крале курбанъ ша ти колеме.
 Плакать си ми седемдесе крале,
 Ощ ми се мольба молеть,
 Ела Господъ мольба не хми слуше!
 Първа крале хми вели утговори:
 Е бре вие, седемдесе крале!
 Зерь не знаете чи сме грехъ чинили,
 Та за сова сонце не си грее на земе-та!
 Ела нее курбанъ Богу да си колеме,
 Да ни каже шо грехъ сме чинили,
 Та се е толку на насъ налютилу.
 Седемдесе крале си услухеа първа крале,
 Та си секи закла курбанъ дуръ на Бога;
 Курбанъ ми траель три дни и три нощи,
 Дуръ тога е месечина дума продумала,
 На седамдесе крале вели утговори:
 Е бре вие, седемдесе крале!
 Уть васъ грехъ никой не е чиниль,
 Грехъ е чиниль първа крале,
 Шо си даде Вълкана девойка на Брахила крале
 Та измами мое брата ясну сонце!
 Уть сова се сонце налютилу,
 Та не иска да си грее на земе-та.
 Мое брата си залиби Вълкана девойка,
 Шо га нема нийде на земе-та;
 Дуръ не си дойде Вълкана
 девойка афъ наши сарае,
 Сонце не ша угрее на земе-та!
 Седемдесе крале й велеть и говореть:
 Месечину, наше мила сестрице!
 Я кажи ни, месечину, шо да правиме,
 Какъ да смириме тое брата ясну сонце?
 Да зафати да си грее на земе-та,
 Чи е вече лету поминалу,
 Я нищу афъ пещери не сме турили;
 Сите бильки искапали пу земе-та!
 Аку не жели насъ шо сме устарели,
 Не жели ли баремъ наши-те малки деца,
 Шо си фодеть низъ поле-ту и си роки кършетъ,
 Чи си нема шо да едять!
 Мое брата мощне млогу е налютенъ,
 Неша може кулай да се смири,

Пир продолжался там три недели.
 Ждали семьдесят королей,
 105 когда уже Солнце взойдёт,
 А тёмное темнило так и не уходит;
 Но сколько они не ждали,
 Ещё больше на земле темнело!
 Заплакали семьдесят королей и запричитали:
 «Ой ты, Боже, родной Боже!
 Скажи, Боже, что за грех мы учинили?
 Почему Солнце на небе не всходит,
 Чтобы греть и светить на земле;
 Если мы грех совершили,
 115 Все короли тебе требу принесут.»
 Плачут семьдесят королей,
 И ещё с мольбой молятся,
 Но Бог их молитву не слышит!
 Первый король им говорит, отвечает:
 120 «Гой еси вы, семьдесят королей!
 Разве не знаете, что вы грех учинили,
 Поэтому Солнце не всходит над землёй!
 Идите сюда и Богу требу принесите,
 Да молчите, что грех вы учинили,
 125 Чтобы только на нас не сердился.»
 Семьдесят королей послушали первого короля,
 Да принесли требу для Бога;
 Треба ему длилась три дня и три ночи,
 Только тогда Луна слово промолвила,
 130 Да семидесяти королям и говорит:
 «Гой еси вы, семьдесят королей!
 Из вас грех никто не учинял,
 Грех был учинён первым королём,
 Что выдаёт деву Вулкану за короля Брахила,
 135 Да обманул моего брата ясное Солнце!
 От этого Солнце разгневался,
 Да не хочет всходить над землёй,
 Мой брат полюбил девицу Вулкану,
 Что такой нигде нет на земле;
 Пока не появится Вулкана
 140 девушка в наших чертогах,
 Солнце не будет всходить над землёй!»
 Семьдесят королей ей говорят, отвечают:
 «Луна, наша милая сестрица!
 А скажи нам, Луна, что нам делать,
 Как помирить твоего брата ясное Солнце?
 145 Чтобы взял, да взошёл над землёй,
 Потому что лето уже проходит,
 А мы ничего в пещере не заготовили;
 Все злаки осыпались на землю!
 150 Если не жалеешь нас, что мы старые,
 То пожалей хоть наших малых деток,
 Что ходят по полю и руками разводят,
 Потому что ничего нет, чтобы поесть!»
 Мой брат очень сильно разгневался,
 155 Не может он никак смириться,

Чи гу е Вълкана девойка млогу мамила;
 Либила гу цали седемъ години!
 Сонце се е вчера на мене тъжило,
 Утмалъ ми е дума продумалу:
 Месечину, мила сестрице! 160
 Млогу ми е, сестру, дугрозило!
 Още два дни ша си трае, ша си чекамъ;
 Аку не си виде Вълкана девойка афъ мои сарае
 Ша изгрее на небе-ту као люта огань,
 Та ша изгоре сите люде на земе-та! 165
 Дуръ тога сорце ша ми се нарадува,
 Та ша грее ша си свете на земе-та.
 Какъ ми чуха седемдесе крале,
 заплакаха, завикаха,
 Та си питатъ месечина и га прашеть:
 Кажи си ни, месечину, шо да правиме, 170
 Какъ да си дадеме на тое
 брата Вълкана девойка?
 Сорце да му се нарадува,
 Та немой вече да на мочи;
 Зарадъ Вълкана сита земе да погури!
 Месечина си хми вели утговори: 175
 Утре още рану курбанъ на Бога да колете,
 Кральска гозба да се гостите,
 Служба ша ва служи Вълкана девойка;
 Кога вече гозба се нагостите,
 И се напиете руйну вину, 180
 Да запеее песна шо си е за свадба;
 Дуръ да вие песна испеее,
 Ша си слезе утъ небе-ту люлька звездувита,
 Та ша падне дуръ на ваше трапеза;
 Вие секи на люлька да се люлете, 185
 Редъ да дадете и на Вълкана девойка,
 Ред да й дадете люлька да залюлете;
 Тога нее люлька ша си тръгнеме на небе-ту.
 Мое брата лу какъ ша види Вълкана девойка,
 Чи си седи афъ негуви сарае, 190
 Сорце ша му се мощне нарадува,
 Ша си земе утъ земе-та църна дреха,
 Та ша блесне да си грее да си свети на земе-та
 Сова рече месечина не отрече,
 Утиде си афъ сарае при майка си, 195
 Да си вечере сладка вечере.
 Я седемдесе крале си флезуха при първа крале,
 Та му велеть и говореть:
 Стани, краљу, немой плачи !
 Наше мольба се услыше: 200
 Богъ си прати звезда месечина да ни каже,
 Утъ шо сонце не угрева,
 Да си грее да си свети на зема-та.
 Богъ си иска курбанъ да му колеме,
 Хемъ и кралска гозба да се гостиме, 205
 Служба да на служи Вълкана девойка,
 Чие мома чиста као Дефчинка,
 Что его дева Валкана очень обманула;
 Она любила его целых семь лет!
 Солнце вчера мне жаловался,
 С трудом мне слова говорил:
 «Луна, милая моя сестрица!
 Многие мне, сестра, пригрозили!
 Ещё два дня протяну, буду ждать;
 Если не увижу деву Валкану в своём чертоге,
 Буду палить на небе как лютый огонь,
 Так, что сгорят все люди на земле!
 Только тогда сердце моё будет радо,
 Да буду всходить и светить на землю.»
 Как услышали семьдесят королей,
 заплакали они, да запричитали,
 Да пытаются Луну и её спрашивают:
 «Скажи нам, Луна, что нам делать,
 Как нам выдать девушку
 Валкану за твоего брата?
 Сердце, чтобы его обрадовалось,
 Да не можем мы уже больше помочь;
 Из-за девы Валканы вся земля сгорит!»
 Луна им так говорит и отвечает:
 «Завтра ещё с утра для Бога требу принесите,
 Королевскими яствами также угоститесь,
 Прислуживать вам должна дева Валкана;
 Когда уже яствами все насытятся
 И напьются вдоволь алого вина,
 Чтобы запели свадебные песни,
 Когда вы песни допоеёте,
 С неба спустится звёздная люлька,
 Да попадёт тоже на вашу трапезу;
 Вы все на люльке покачайтесь,
 Черёд дайте и девице Валкане,
 Черёд ей дайте, чтобы на люльке покачалась;
 Тогда с ней люлька поднимется на небо.
 Мой брат, как увидит девицу Валкану,
 Что она сидит у него в чертоге,
 Сердце его очень возрадуется,
 И снимет он с земли чёрное одеяние,
 Да блеснёт, чтобы осветить и согреть землю.»
 Свою речь Луна ещё не закончила,
 Да убежала в чертог к матери,
 Чтобы повечерять вкусную вечерю.
 А семьдесят королей ушли к первому королю,
 Да ему молвят и говорят:
 «Вставай, король, больше не надо плакать!
 Наша молитва услышалась:
 Бог послал звёздную Луну, но не сказал,
 Что Солнце не будет всходить,
 Дабы греть и освещать землю.
 Бог хотел, чтобы ему принесли требу,
 Но и король, чтобы гостей угостил,
 Да прислуживала бы там девушка Валкана,
 Эта девушка чиста как небесная Дева,²⁰

Шо си чини изметъ дуръ на Бога.
 Първа крале какъ ми чу мощне се зарадува,
 Та си стана правъ на ноги-те,
 На изметчии вели утговори:
 Е бре, изметчии, мои верни слуги!
 Идите ми скору на поле-ту афъ пещери,
 Дека си е мое стаду все на отбуръ;
 Та ми докарайте иледа крави ялувити,
 Ш си бивать за курбанъ дуръ на Бога;
 Флезйте си и ф' мое-та башъ пещера,
 Дека ми е руйну вину тригодишну;
 Источите шо си ми е найгулема бъчва,
 Шо си бере иледа тувара голу вину;
 Вину си ми товарите на мое-та огнена кучие,
 Шо си фърка као найфъркату пиле;
 За сахатъ да идете ду поле-ту,
 Сахатъ афъ пещери да ми седите,
 Я за полувина да си дойдете дуръ при мене,
 Чи ша коле рану още курбанъ дуръ на Бога,
 Хемъ и гозба ша си госте седемдесе крале.
 Та утидоха на поле-ту афъ пещери,
 Де си бе кральску стаду все на отбуръ;
 Та ми фатиха иледа крави ялувити,
 Шо си бивать курбанъ дуръ за Бога;
 Флезаха си и ф' кральска пещера,
 Дека си бе руйну вину тригодишну;
 Источеть си шо си ми е найгулема бъчва,
 Шо си бере иледа тувара голу вину;
 Вину си туваретъ на огнена кучие.
 Кучие си фърка као найфъркату пиле,
 Ела крави не си фодеть, не си фъркат!
 Та се чудеть изметчии шо да праветь?
 Мольба си се молеть дуръ на Бога:
 Ой ти, Боже, мили Боже!
 Крале си ни, Боже, поръче:
 За сахатъ да дойдеме ду поле-ту,
 Сахатъ афъ пещери да седиме,
 Я за полувина да си идеме дуръ при негу,
 Чи ша коле курбанъ утре още рану:
 Огнена кучие, Боже, си ми фърка као пиле,
 Лу ялуити крави не ми Фъркатъ!
 Мольба ти се, Боже, молиме,
 Да си дунешъ силна , ветра на земе-та,
 Та да си кара скору ялувити крави;
 Дуръ да иде огнена кучие
 афъ кральски-те дори,
 И ялувити крави афъ дори да си флезать,
 Немой крале мока да на мочи;
 Да на затори афъ темна зандана,
 Да на едять люти змии и ламии,
 Чи не му сме кральска лакардие сайдисали.
 Де ги дучу Господъ горе уть небе-ту,
 Та си имъ мольба-услише;
 Си искара златни ключе уть пазуфи,
 Которая служит и оказывает помощь Богу.»
 Первый король очень обрадовался,
 Да вскочил с правой ноги,
 Своим помощникам говорит и наказывает:
 «Гой еси, помощники, мои верные слуги!
 Идите скорее на поле к пещере,
 Где есть моё стадо, все на отбор;
 Да приведите тысячу коров яловых,
 Чтобы принести требу для Бога;
 Залезайте в мою большую пещеру,
 Где есть алое вино трёхгодичное;
 Налейте мне самую большую бочку,
 Что вмещает тысячу вёдер чистого вина;
 Вино погрузите на мой огненный самолёт,²¹
 Что летает, как быстрая птица;
 За час доберётесь до поля,
 Час посидите в моей пещере,
 А за полчаса вернётесь ко мне,
 Чтобы пораньше принести ещё требу Богу,
 Ну и угостить яствами семьдесят королей.»
 Тут удалились они на поле к пещере,
 Где было королевское стадо, все на отбор;
 Там они отобрали тысячу коров яловых,
 Чтобы принести требу для Бога;
 Зашли и в королевскую пещеру,
 Где было алое вино трёхгодичное;
 Налили в самую большую бочку,
 Что вмещает тысячу вёдер чистого вина;
 Вино погрузили на огненный самолёт.
 Самолёт летает, как наибыстрейшая птица,
 Однако, коровы не идут и не летают!
 Раздумывают слуги, что же делать?
 С молитвой просят самого Бога:
 «Ой ты, Боже, милый Боже!
 Король нам, Боже, поручил:
 За час, чтобы добрались до поля,
 Час в пещере надо посидеть,
 А за полчаса вернуться уже к нему,
 Чтобы принести требу ещё рано утром:
 Огненный самолёт летает, Боже, как птица,
 Лишь яловые коровы у нас не летают!
 Молимся тебе, Боже, просим,
 Чтобы дунул сильным ветром на землю,
 Да загнал скорее яловых коров;
 Только, чтоб огненный самолёт
 доставил их на королевский двор,
 И яловые коровы во дворе могли слезть,
 Иначе, король может применить силу;
 Да заключить в тёмное подземелье,
 Чтобы съели лютая змея и Ламия,
 Если мы не почитаем его королевский наказ.»
 Там их слушает Бог высоко на небе,
 Да их молитву он услышал;
 Достал золотые ключи из кармана,

Та утори златни-те си ветрувити сарае,
 Та си прати силна ветра на земе-та:
 Какъ ми заду силна ветра гори подроби,
 Гори подроби, поле поломи;
 Си заду и тие ялувити крави;
 Та ми фърка огнена кучие,
 Фъркать си ми ялувити крави;
 За полувинъ сахатъ ми
 утидоха афъ кральски сарае.
 Първа крале какъ си виде,
 Чи си идатъ изметчии,
 Сорце му се мощне зарадува,
 Та си дарба дари сите изметчии.
 Па си вика седемдесе крале,
 Да си слезатъ долу на широки дори,
 Курбанъ да си колетъ дуръ на Бога,
 Да но сонце си изгрее на небе-ту,
 Да си свети да си грее на земе-та.
 Седемдесе крале ни ми стоеть, ни ми чекать;
 Слезоха си долу на широки дори
 Та си заклаха курбанъ дуръ
 на Бога иледа крави,
 Дуръ си река утъ кръви тече,
 Та заези сите дори и ливаде!
 Па се качеть седемдесе крале на висе дивана,
 Да се гозба гостеть за Боже име;
 Гозба да се гостеть руйну вину да си пиеть
 Служба си ги служи Вълкана девойка:
 Утъ лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Очи й се као факла еребица!
 Коса й е ду земе-та!
 Хемъ е со злату позлатена!
 Крале, си се гозба гостеть
 и си руйну вину пиеть,
 Я звезди-те се собрали афъ сончеви сарае,
 Та си плетатъ люлька звездувита,
 Люлька плетатъ и си песна пееть,
 Чи ша се жени братъ хми ясну сонце.
 Вече ми се крале гозба нагостиха,
 И ми се напиха руйну вину;
 Та запеха песна шо си е за свадба;
 Песна пеха тамамъ два сахате;
 Лу шо си се песна испеели,
 Утъ небе си падна звездувита люлька,
 Люлька виси на кральска трапеза.
 Първа крале какъ си
 виде люлька звездувита,
 Мощне му се сорце зарадува ;
 На крале си вели утговори:
 Е бре вие, седемдесе крале!
 Нашъ курбанъ дуръ при Бога си утиде,
 Та е пратилъ сае люлька звездувита,
 Да отворил златые ветродуйные чертоги,
 Чтобы послать сильный ветер на землю:
 Как задул сильный ветер, что лес подробил,
 Лес подробил, всё на поле поломал;
 265 Он задул и на тех коров яловых;
 Тут подлетел огненный самолёт,
 Полетели с ним коровы яловые;
 За половину часа они уже
 прибыли в королевский дворец.
 Первый король как их увидел,
 270 Что идут его помощники,
 Сердце его очень возрадовалось,
 Да дарами наградил всех помощников.
 Потом позвал семьдесят королей,
 Чтобы спустились вниз на широкий двор,
 275 Да надо требу принести для Бога,
 Чтобы солнце взошло на небе,
 Да светило и грело, чтоб землю.
 Семьдесят королей ни постояли, ни подождали,
 Спустились вниз на широкий двор,
 Да принесли уже в требу
 280 для Бога всех тысячу коров,
 Уже целая река из крови течёт,
 Да залила весь двор и лужайку!
 Поднялись семьдесят королей выше на стену,
 Чтобы яствами угоститься за Божье имя;
 285 Яствами угоститься, да алого вина попить.
 Служит им, прислуживает девица Валкана:
 От лика её сияет ясное солнце!
 На грудях у ней ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 290 Очи её светятся, как у куропатки!
 Коса у ней до самой земли!
 Да ещё златом позлачена!
 Король всех яствами угощает
 и чтобы пили алое вино,
 А звёзды собрались в солнцевом чертоге,
 295 Да плетут люльку звездолётную,
 Люльку плетут, да песни поют,
 Что женится их брат ясное Солнце.
 Уже король гостей яствами накормил,
 И их напоил алым вином;
 300 Да запели они свадебную песню;
 Песню пели там два часа;
 Лишь они песню всю допели,
 С неба спустилась звездолётная люлька,
 Люлька повисла над королевской трапезой.
 Первый король как увидел
 305 здесь люльку звездолётную,
 Сердце его очень возрадовалось;
 Королям он молвит, говорит:
 «Гои еси вы, семьдесят королей!
 Наша треба уже дошла до Бога,
 310 Да он послал свою люльку звездолётную,

Чи ни се е вече грешка упростила,
 Та ша блесне сонце на небе-ту,
 Да си грее да си свети на земе-та;
 Сае люлька си прилега на мое-та керка,
 На мое-та керка Вълкана девойка;
 Кога се на нее люле сите да се чудеть,
 Какъ си ми е джонгюзеллийка,
 И люлька е гюзель звездувита.
 Седемдесе крале му велеть и говореть :
 Нека седне тое керка на люлька-та
 Да видиме да ли за нее си прилега?
 Та ми седна Вълкана на люлька-та да се люле
 Лу ми седна крале си люлька залюлиха;
 Люлька си се не люле,
 Лу се качи горе на небе-ту!
 Викна, цикна Вълкана да си плаче:
 Ой ле тате, мили тате !
 Люлька не ми е паднала уть Бога,
 Люлька ми е спузналу ясну сонце,
 Мене да излъже, да измами,
 Да ме качи горе на небе-ту,
 Да си праве измет на негува стара майка:
 Три години има уть какъ ма е сонце залибилу,
 Та язъ гу самъ лъгала, мамила;
 Дуръ сега ма сонце измамилу!
 Какъ ми чу първа крале,
 Чи си плаче негува-та мила керка;
 И той ми се фати за люлька звездувита,
 Па на керка си вели утговори:
 Каде си ти, керку, и язъ там' да самъ,
 Чи безъ тебе ша си умра!
 Семдесе крале си ми гледать люлька звездувита
 Какъ се дига горе на небе-ту,
 Оше люлька не се скрила,
 Де си иде Брахиль крале низъ поле-ту;
 Си ми еха бърза коне налютена,
 Кога фърка не си знае дека фоди!
 Афъ десна си рока доржи ясна огань,
 Ясна огань да му свети низъ поле-ту;
 Афъ лева си рока носи скъпи дари,
 Иде си ми рока да цалуе на деду си,
 И да си гу тешка дарба дари.
 Още уть конь Брахиль не ми слезе,
 Си ми рука Вълкана на дори да слезе,
 Да му фати бърза коне налютена,
 Да гу шета низъ широки дори,
 Чи ми се е мощне уморилу;
 Той си рука, никой не гу слуше!
 Седемдесе крале си му велеть и говореть:
 Немой рукой, кралю, немой викай !
 Остави си бърза коне на широки дори,
 Той да си се шета низъ широки дори,
 Ти се качи на виси дивани,
 Извиси си очи горе на небе-ту,
 Потому что уже нам грехи простил,
 Да будет блистать Солнце на небе,
 Чтобы греть и светить на землю;
 Сия люлька прилетела за моей дочкой,
 За моей дочкой девушкой Валканой;
 Когда она на ней полетит, все удивятся,
 Какая она у меня вселенская красавица,
 И люлька у ней красавица звёздная.»
 Семьдесят королей ему говорят и отвечают:
 «Пускай садится твоя дочка в люльку
 И увидим, за ней ли она прилетела?
 Тут села Валкана в люльку и она закачалась,
 Лишь сел король в люльку, что качалась,
 Люлька сразу перестала качаться,
 Только сразу поднялась высоко в небо!
 Вскрикнула, завопила Валкана, да плачет:
 «Ой ты батюшка, милый батюшка!
 Люлька спустилась мне не от Бога
 Люльку мне прислал ясное Солнце,
 Меня обманули или ошиблись,
 Ведь меня должны поднять высоко на небо,
 Чтобы оказать помощь его старой матери:
 Три года уже прошло, как меня любит Солнце,
 Да я ему сама лгала, обманывала;
 Только сейчас меня Солнце обманул!»
 Как услышал её первый король,
 Что плачет его родная дочка;
 И он схватился за люльку звездолётную,
 Потом дочке говорит, отвечает:
 «Где ты, дочка, там и я с тобой,
 Потому что без тебя я могу умереть!»
 Семьдесят королей глядят на люльку звёздную
 Как она двигается высоко в небе,
 Ещё люлька совсем не скрылась,
 Как тут едет по полю король Брахиль;
 Он ехал на борзом коне лютом,
 Когда летает, то не знает, куда приходить!
 В правой руке он держит ясный огонь,
 Ясный огонь освещает ему всё поле;
 А в левой руке несёт он дорогие дары,
 Он попросит руки, да поцелует тестя,
 И подарит ему большие дорогие дары.
 Ещё с коня Брахиль не слез,
 Позвал Валкану во двор, чтобы слезть,
 Дабы взяла его борзого коня лютого,
 И отвела бы его вниз на широкий двор,
 Потому что он очень уморился;
 Он кричит, но никто его не слышит!
 Семьдесят королей ему молвят, говорят:
 «Не надо звать, король, не надо кричать!
 Оставь борзого коня на широком дворе,
 Он прогуляется по широкому двору,
 Ты поднимайся на высокую стену,
 Да подними очи высоко к небу,

Ощ' едношь да си видишь тое първе либе,
 Чи си флева вече афь сончеви сарае.
 Какъ ми чу Брахиль крале,
 Си ми слезе уть бърза-та коне налютена,
 Та.се качи горе на виси дивани,
 Очи извиси горе на небе-ту;
 Та какъ си ми виде Вълкана девойка,
 Чи се качи сусь татку си горе на небе-ту,
 Сорце му се люту наранилу.
 Наранилу му се, као огань му се запалилу,
 Не ми знае дека да си иде.
 И той иска да си иде на небе-ту,
 Та ми фъркна да ми фърка пу облаци.
 Фърка, фърка, наблизи ми
 вече люлька звездувита;
 Тамань вече люлька да си фати,
 Люлька ми се скри афь сончеви сарае;
 Брахиль крале си ми падна
 као умрель на земе-та!
 Не ми може ниту дума да продума,
 Ниту с' рока да замаха!
 Нажелилу се на седемдесе крале.
 Та си пращатъ първа изметчие,
 Да си иде на Юдинска земе,
 Да си викне Юда хикимчийка,
 Да сй дойде на край земе,
 Да си лечи Брахиль крале;
 Билька да гу пои,
 Немой младу да погине.
 Та си дойде Юда хикимчийка,
 Лу гу пои билька лекувита,
 Си ми стана на ноги-те,
 Дума си продума на седемдесе крале,
 Та хми вели утговори:
 Уть Богъ нашло ясну сонце
 Шо залиби мое първе либе!
 Аку не си либе първе либе,
 Баремъ дедува си земе ша заптиса,
 Белки сорце ми се излекува?
 Заптисай га, нема никой да га зева!
 Та устана Брахиль на край земе да си седи.
 Седемдесе крале още не си фодеть,
 Лу си чекать ясну сонце
 да си блесне на небе-ту,
 Да си свети да си грее на земе-та;
 Чекать си ми още три дни и три ноци,
 Сонце си ми па не свети на земе-та!
 Вълкана девойка какъ ми ойде на небе-ту,
 Сусь татку си седи афь сончеви сарае.
 Сонце си ми още спие афь майчини скути,
 Майка му гу тиху буди:
 Стани, сину ясну сонцу!
 Да си видишь тое първе либе,
 Какъ си седи афь тои огнени сарае ;

365 Ещё раз, чтобы увидеть свою первую любовь,
 Что летит уже в солнечный чертог.
 Как их услышал король Брахил,
 Слез с борзого коня лютого
 Да поднялся наверх на высокую стену,
 370 Очи поднял высоко к небесам
 Да там и увидел девицу Валкану,
 Что поднималась с отцом высоко на небо,
 Сердце его жестоко поранилось.
 Поранилось, как огнём запылилось,
 375 Не знает он , куда ему теперь идти.
 И он хотел тоже идти на небо,
 Да вспорхнул и полетел под облака.
 Летел, летел и уже близко
 к люльке звездолётной;
 Как раз уже люльку можно схватить,
 380 А люлька скрылась в солнечном чертоге;
 Король Брахил тут же упал
 и лежит как мёртвый на земле!
 Не может никак слово сказать,
 Никак даже рукой пошевелить!
 Опечалились семьдесят королей.
 385 Да посылают первого помощника,
 Чтобы пошёл он в Юдинскую землю,
 Да позвал Юду целительницу,
 Чтобы она пришла на крайнюю землю,
 Да вылечила бы короля Брахила;
 390 Целебными травами его бы напоила,
 Не дала бы младому погибнуть.
 Тут пришла Юда целительница,
 Лишь напоила его целебной травкой,
 Сразу встал он на ноги,
 395 Молвит слово семидесяти королям,
 Да так им говорит, отвечает:
 «Бог покарает ясное Солнце,
 Что возлюбил мою первую любовь!
 Если не любит меня первая любовь,
 400 В наследство дедову землю заберу,
 Как же мне сердце излечить?
 Заберу землю, нет никого, чтобы её взять!
 Так остался Брахил на крайней земле жить.
 Семьдесят королей ещё не уехали,
 Лишь ожидают они ясное Солнце,
 405 Что должно блеснуть на небе,
 Чтобы светить и согревать землю;
 Ждали ещё три дня и три ночи,
 Солнце почему-то не светит на землю!
 Девица Валкана как появилась на небе,
 410 С отцом сидит в солнечном чертоге.
 Солнце же ещё спит на материных коленях,
 Мать его тихонько будит:
 «Вставай мой сын, ясное Солнце!
 Да ты увидишь свою первую любовь,
 415 Которая сидит в твоём огненном чертоге;»

Майка си гу буди, я той си не става,
 Спиє си , ми млогу тешку!
 Стане си ми дурь му се е вече сонь дуделу,
 Та ми вика звезда месечина :
 Месечину, мила сестру! 420
 Донеси ми студна вода уть той кладнець,
 Да си мие очи гуреляви,
 Шо се спали три дни и три нощи.
 Месечина си услуже брата ясну сонце,
 Афь роки си зе златень кронтирь, 425
 Та наточи студна вода уть златни кладнець;
 Донесе гу на брата си ясну сонце,
 Да си мие очи гуреляви;
 Вода си му посипува да се мие,
 Я со уста си му дума дума: 430
 Я погледни, брате, вонка на потоне,
 Да си видишь тое пьрве либе Вьлкана девойка,
 Шо та чека да си станешь уть майчини скути,
 Да цалує тое ясну лику.
 Та си погледна вонка на потоне; 435
 Какь си виде Вьлкана девойка,
 Сорце му се мощне зарадува ;
 Та й с' рока намахна, со уста си й продума :
 Вьлкану девойку, мое пьрве либе!
 Шо ми седишь вонка на потоне? 440
 Ела си ми дурь при мене афь худає,
 Ти да ми цалунешь ясну лику,
 Язь да си цалуємь тои факлати очи.
 Та утиде Вьлкана дурь при сонце афь худає,
 Афь худає още не ми флела, 445
 Ясну сонце на ноги си стана,
 Та й факлати очи цалуна,
 И й дума продума:
 Добре ми дойде, Вьлкану девойку !
 Добре си та найдохь, ясну сонце! 450
 Сова рече не отрече,
 Пригьрна гу, цалуна гу на ясну-ту лику,
 Па си му се мольба моли,
 Та му вели утговорй:
 Ой ти, сончице, мое пьрве либе! 455
 Мольба ти се млогу моле:
 И мой татку дурь тука си дойде,
 Уть жельба не е хтель сама да ме остави;
 Дурь при мене иска да си седи ;
 Лу де си самь язь и той там' да е! 460
 Сега ми е вонка на потоне,
 Па си ти се мольба моле,
 Немой да гу гонишь уть тои сарає,
 И той ми е чисту као чиста Дефа,
 Та ша прави изметь дурь на Бога. 465
 Сега шо е дошелъ нека седи,
 Немой за тебе да се жели,
 Да се жели; да се тьжи,
 Аку ми се жельба жели,

Мать его будит, а он не встаёт,
 Посплю я, мне очень тяжело!
 Встану, пока сон мне уже надоест,
 Тут позвал он звезду Луну:
 «Луна, милая моя сестра!
 Принеси мне студённой воды с колодца,
 Чтобы промыть мои очи засохшие,
 Что спали три дня и три ночи.
 Луна выслушала брата ясное Солнце,
 Взяла в руки золотой кувшин,
 Да налила студённой воды из золотого колодца,
 Принесла её для брата ясное Солнце,
 Чтобы промыть ему очи пересохшие;
 Воду ему полила, да умыла,
 И устами молвит ему такие слова:
 «А погляди, брат, вон на балконе,
 Да ты увидишь первую любовь деву Валкану,
 Она ждёт, как встанешь с материних коленей,
 Чтобы поцеловать твоё ясное лико.
 Тут поглядел он туда на балкон;
 Как увидел он девицу Валкану,
 Сердце его очень возрадовалось;
 Он махнул ей рукой и устами промолвил:
 «Валкана, девочка, моя первая любовь!
 Что сидишь ты там на балконе?
 Иди уже сюда ко мне в светлицу,
 Чтобы ты поцеловала моё ясное лико,
 А я поцелую твои роскошные очи.»
 Тут выходит Валкана к Солнцу в светлицу,
 В светлицу ещё не успела зайти,
 Ясное Солнце уже на ноги встал,
 Да её роскошные очи целует,
 И ей такие слова молвит:
 «Добро пожаловать, девочка Валкана!»
 «Хорошо, что я тебя нашла, ясное Солнце!
 Свою речь ещё не отговорила,
 Привлекла его, целует его ясное лико;
 Потом его с мольбой просит,
 Да говорит ему, отвечает:
 «Ой ты, Солнышко, моя первая любовь!
 У меня к тебе большая просьба:
 И мой отец тоже сюда пришёл,
 От жалости не хотел меня одну оставить;
 Только при мне хочет жить;
 Лишь где я сама, то там и он!
 Сейчас сидит вон на балконе,
 Поэтому тебя с мольбой прошу,
 Не прогоняй его из своего чертога,
 И он чист как чиста небесная Дева,
 Что оказывает помощь для Бога.»
 Сейчас, раз он пришёл, то пусть поживёт,
 Нельзя тебе, чтобы печалиться,
 Чтобы печалиться, да тосковать,
 Если будешь в печали пребывать,

Мои огнени сарае млада ша гу погуреть!
 Я на майка си сонце вели утговори:
 Ой ле, мале, стара мале!
 Мое сорце дурь сега се зарадува.
 Сега вече ша си блесна на небе-ту,
 Та ша грее, ша си свете на земе-та;
 Шо се люде да излезать уть пещери,
 Да ми идать на поле широку,
 Та да жнееть бели бильки шо призрели,
 Та си капеть као круши пу земе-та !
 И тие, мале, афь пещери
 бильки да си туреть
 Чи ша бode снегувита зима.
 Вчера рану си бехь дурь при Дожда Бога,
 Та ми вели утговори:
 Е бре, сонце, ясну сонце !
 Още три недели да си греешь на земе-та,
 Вече да не излезешь на небе-ту,
 Ами да се скриешь афь той сарае,
 Чи ша бode тешка зима снегувита.
 Ша занлюче мои дождувити сарае,
 Та ша отключе снегувити сарае,
 Да си иде на земе-та три месеци,
 Да ми бode сита земе снегувита;
 Земе ма е млогу налютила, разедила,
 Три години курбань не ми дала!
 Та ша блесна, мале, да си грее,
 Чи си има още две недели,
 Дурь да бode земе снегувита;
 Та не мога, мале, да си ида дурь при Бога,
 Хаберь да му чина за Вълкана девойка,
 Чи е дошла жива на небе-ту,
 Та си седи афь мой-те огнени сарае.
 Ти да идешь, мале дурь при Бога,
 Да гу питашь да гу прашишь:
 Да л' е просту и уть негу,
 Вълкана девойка жива да си е на небе-ту,
 Да си седи афь наше сарае,
 И на Бога изметь да си чини?
 Та аку си е, мале, просту и уть Бога,
 Да си идешь афь мои ливаде,
 Та да фатишь ду две ялувити крави,
 Ши ми ги дали курбань седемдесе крале,
 Кога ми се гозба гостеха на край земе;
 Та да си ги зготовишь за вечере,
 Да си гостиме мое първе либе.
 Сова рече сонце не отрече,
 Си ми блесна горе на небе-ту,
 Да си грее да си свети на земе-та.
 Лу ми блесна сонце на земе-та,
 Седемдесе крале навървиаха да си идать;
 Дурь да си ми идать афь пещери,
 Сите люде си излели на поле-ту,
 Та си жнееть бели бильки шо призрели;

470 В моём огненном чертоге младая сгоришь!
 А матери Солнце молвит, говорит:
 «Ой ты, мама, старая мама!
 Моё сердце только ейчас возрадовалось.
 Сегодня уже буду блистать на небе,
 475 Да буду согревать и светить над землёй.»
 Пусть люди выходят из пещер,
 Да идут на широкое поле,
 Чтобы жать белые злаки, что созрели,
 Да сыпятся как крупа по земле!
 И ты, мама, чтобы в пещеру
 480 травки бы целебные заготовила,
 Потому что зима будет очень снежная.
 Вчера утром был уже у Дажьбога,²²
 Да он мне молвил, говорил:
 «Гой еси, Солнце, ясное Солнце!
 485 Ещё три недели погреешь землю,
 Больше не появишься на небе,
 Только скроешься в своём чертоге,
 Потому что будет тяжкая зима снежная.
 Будет закрыт мой дождевой чертог,
 490 А будет открыт снежный чертог,
 Да придёт зима на три месяца,
 Чтобы вся земля была под снегом;
 На зиму я очень разгневался и рассердился,
 Три года требу мне не приносила!»
 495 Да буду пока светить, мама, да греть,
 Потому что имею ещё две недели,
 Пока придёт зима снежная;
 Да не можешь ли, мама, пойти уже к Богу,
 Чтобы сообщить ему весть про деву Валкану,
 500 Что она добралась невредимая на небо,
 Да сидит в моём огненном чертоге.
 Когда ты придёшь, мама, к Богу,
 Да его попытаешь и спросишь:
 При этом попроси у него прощения,
 505 Девица Валкана живёт уже на небе,
 Да сидит в нашем чертоге,
 Будет ли она помогать Богу?
 Если будет, мама, то пусть Бог простит,
 Потом пойдёшь на мою лужайку,
 510 Да поймашь двух коров яловых,
 Которых нам дали на требу семьдесят королей,
 Когда пировали в гостях на крайней земле;
 Да из них сготовишь вечерю,
 Чтобы угостить мою первую любовь.»
 515 Свою речь Солнце ещё не отговорил,
 Да блеснул высоко на небе,
 Чтобы греть и светить на землю.
 Лишь блеснул Солнце на землю,
 Семьдесят королей направились уходить;
 520 Сразу вышли они из пещеры,
 Все люди направились на поле,
 Да жнут белые злаки, что созрели;

Жнееть си ги и ги карать афъ пещери,
 Да наполнетъ дупки и хамбаре;
 Кога дойде зима да си едаты;
 Тие си ми жнееть на поле-ту,
 Я сонце си грее на небе-ту,
 Грее си ми колку грее,
 Па си очи извисева афъ сарае,
 Да си види негуву-ту първе либе,
 И да види шо му прави стара майка:
 Утишла ли ми е дуръ при Бога,
 Да гу пита, да гу праши?
 Дуръ се западнику тога ми утуде при Бога,
 Та гу пита и гу праши:
 Бива ли, Боже, ил' не бива?
 Вълкана девойка жива да си е на небе-ту,
 Да си седи афъ наши сарае,
 Да си либи мое сина ясну сонце,
 И на тебе изметъ да си чини;
 Чи си е чиста као млада Дефчинка.
 Бива, от' да не бива.
 Нека седи афъ ваши сарае,
 Да си либи тое сина ясну сонце,
 Та и на мене изметъ да си чини.
 Та се върна сончева стара майка,
 Утуде си афъ зелени ливаде,
 Та си фати ду две крави ялувити,
 Шо ги дали курбанъ седемдесе крале,
 Кога си се гозба гостили на край земе;
 Та ги зготви сладка вечере,
 И ми тури златна трапеза,
 Та си чека ясну сонце да си дойде,
 Сусъ първе си либе да вечере сладка вечере.
 Бавилу се сонце мощне се забавилу!
 Сииръ си гледалу долу на земе-та,
 Какъ си вика, какъ си плаче Брахиль крале,
 Чи погиналу негуву-ту първе либе,
 Нема вече нийде да гу види!
 Изметчии си гу мирили:
 Молчи, молчи, Брахиль кралю!
 Тое либе си утуде на госте,
 Ду година па ша си ти дойде!
 Брахиль не се кулай мири,
 Коси-те си уть глава-та скубе!
 Ясну сонце му се смехъ насмева,
 Чи си вика, чи си плаче:
 Нема вече либе да си види!
 Смехъ се смее и си клепна вече не си грее,
 Утуде си при стара-та майка,
 Да вечере сладка вечере.
 Майка му гу на вечере судила:
 Оти ми се, сину, толку забави?
 Вечере ти вече истинала!
 Немой ме мале питай:
 Сиир си долу на земе-та гледахъ,

Жнут его и относят в пещеру,
 Дабы заполнить закрома и амбары;
 525 Когда придёт зима, чтобы кушать;
 Они для себя жнут на поле,
 А Солнце на земле их греет,
 Греет их, сколько они хотят,
 Потом поднял очи на свой чертог,
 530 Чтобы увидеть свою первую любовь,
 И увидеть, что делает его старая мать:
 Пошла ли она уже до Бога,
 Чтоб его попытать и спросить?
 Уже полдень, тогда она пошла к Богу,
 535 Да его пытается и спрашивает:
 «Можно ли, Боже, или нельзя?
 Дева Валкана живёт теперь на небе,
 Да сидит в нашем чертоге,
 И любит моего сына ясное Солнце,
 540 Да тебе помощь может оказать;
 Потому что чиста, как младая Дева небесная.»
 «Можно, отчего же нельзя.
 Пускай сидит в вашем чертоге,
 Да любит твоего сына ясное Солнце,
 545 И мне помощь, чтоб оказывала.»
 Тут вернулась Солнцева старая мать,
 Пошла она на зелёную лужайку,
 Да поймала двух коров яловых,
 Что им дали на потребу семьдесят королей,
 550 Когда пировали в гостях на крайней земле;
 Да приготовила она вкусную вечерю,
 И накрыла златую трапезу,
 Да ожидает, когда придёт ясное Солнце,
 Чтоб повечерять с любимой вкусную вечерю.
 555 Задержался Солнце, очень задержался!
 Одиноко глядел он вниз на землю,
 Как там кричал и плакал король Брахил,
 Что потерял свою первую любовь,
 Никогда уже нигде её не увидит!
 560 Помощники его успокаивали:
 «Помолчи, помолчи, король Брахил!
 Твоя любовь отправилась в гости,
 Через год может к тебе вернуться!»
 Брахил не хочет успокоиться,
 565 Волосы на голове вырывает!
 Ясное Солнце над ним надсмеается,
 Что он кричит, да что он плачет:
 «Никогда больше любовь не увидишь!»
 Смех смехом, а лучами больше не греет,
 570 Да отправился к старой матери,
 Чтобы повечерять вкусную вечерю.
 Мать его за вечерей осудила:
 «Почему, мой сын, ты забавляешься?
 Вечеря твоя уже остыла!»
 575 Не надо меня, мама, спрашивать:
 «Сижу и вниз на землю смотрю,

Какъ си плаче Брахиль крале за първе си либе,
 Оти нема вече да.гу види!
 Я кажи, мале, утиде ли дурь при Бога,
 Хабер да му чиниш за Вълкана девойка, 580
 Какъ ми дойде дурь при нас на небе-ту,
 Та си седи афъ наши сарае.
 Утидохъ, сину, от да не ида.
 Уть Бога е просту на небе
 да си е Вълкана девойка,
 Да си седи аф наше сарае, 585
 Тебе, сину, да си либи,
 Та и на Бога изметъ да си чини.
 Какъ ми чулу ясиу сонце,
 Сорце му се мощне зарадува,
 Та си седна с' първе либе на вечере;
 На вечере седна и първа крале на земе-та,
 И той си вечере сладка вечере.
 Ела вину не си има ;
 Той си тера руйну вину тригодишну,
 Да си пие сорце да си шани. 590
 Чуди ми се ясиу сонце,
 Де да найде руйну вину тригодишну,
 Да напие, да разшани първа крале.
 На майка си вели утговори:
 Мале ле, мила мале!
 Тука ли е, мале, звезда месечина?
 Шо си има отключе-ту уть келаре,
 Да утключи вину да наточи.
 Блесна си ми, сину, на небе-ту,
 Да си свети на земе-та на керванчии 600
 Отключе си на мене остави;
 Знала си чи ша ми се гозба гостишь.
 Отключи си, мале, подземни келаре,
 Та ми наточи руйну вину тригодишну,
 Да си пие първа крале душе да разшани,
 Немой тука жельба да се жели. 610
 Та утключи подземни келаре,
 Де си стои руйну вину тригодишну,
 Шо гу нема нийде на земе-та;
 Та наточи уть башъ бъчва тригодишна,
 Донесе гу на трапеза дурь на крале,
 Да си пие сорце да си шани,
 Дурь да си ми иде на негува земе.
 Та се гозба погостиха малу млогу,
 Малу млогу три сахате.
 Сонце си ми иска да си спие,
 На майка си вели утговори:
 Мале ле, мила мале!
 Хатъръ, мале, да ти не устане:
 Ду се си спиехъ на тои скути,
 Уть се ша си спие на либеви скути;
 Потстели си мое златна потстеле,
 Шо га си направила за невеста.
 Хатъръ, сину, не ми устава;

Как плачет король Брахил за первой любовью,
 Потому что больше её не увидит!
 А скажи, мама, ходила ли ты к Богу,
 Передать ему весть про деву Валкану,
 Как она дошла к нам на небеса,
 Да сидит теперь в нашем чертоге.»
 «Ходила, сын, отчего же не пойти.
 Ведь просто от Бога на небо
 нам послана дева Валкана,
 Да сидит в нашем чертоге, 585
 Тебя, сын, чтобы любила,
 Да и Богу бы помощь оказывала.»
 Как услышал это ясное Солнце,
 Сердце его очень возрадовалось,
 Да сел с первой любовью за вечерю;
 За вечерю сел и первый король на земле,
 И он тоже вечерял вкусную вечерю.
 Однако, вина здесь не имеется,
 Он хотел алого вина трёхгодичного,
 Чтобы его пить, да сердце веселить. 595
 Удивился ему ясное Солнце,
 Где найти алого вина трёхгодичного,
 Чтоб напился, да повеселился первый король.
 С матерью он ведёт разговор:
 «Ой, мама, милая мама!
 Тут ли, мама, звезда Луна?
 Что может открыть погреб,
 Открыть, да налить нам вина.»
 Блесни мне, сын, на том небе,
 Да освети на земле караван-сарай, 605
 Отпирание на меня оставь;
 Знала бы я, что ты гостей будешь угощать.
 Отопри, мама, подземный погреб,
 Да налей нам алого вина трёхгодичного,
 Чтобы попил первый король, да душу отвёл,
 Разогнал бы печаль и тоску. 610
 Ты отопри подземный погреб,
 Где стоит алое вино трёхгодичное,
 Что такого нет нигде на земле,
 Да налей большую бочку трёхгодичного,
 Принеси его на трапезу для короля,
 Чтобы выпил, да сердце развеселил,
 До тех пор, пока не уйдёт на свою землю.
 Так яствами угощались ни мало, ни много,
 Ни мало, ни много целых три часа. 620
 Солнце хочет уже поспать,
 Да с матерью ведёт разговор:
 «Ой мама, милая мама!
 Уважаемая мама, да ты не вставай:
 До этого я спал на твоих коленях,
 Теперь буду спать на коленях у любимой;
 Постели мою златую постель,
 Что ты справила для невесты.»
 Уважаемый сын, не буду вставать,

Ду време се спие на майчини скути!
 Спий си ми при тое-ту първе либе,
 Чи сега е вече руен месецъ,
 И ти чеду да си имаш на земе-та,
 Той да си ми боде първа крале на земе-та,
 Сите люде на селеметъ да искара!
 Да ги куртолиса уть пуста сура ламие,
 Шо не дава никой да заmine
 презъ белъ Дунавъ:
 Ниту чувекъ да заmine,
 Ниту пиле да прифъркне,
 Та да иде на широку поле,
 Шо е пусту запустену.
 Сова рече не отрече.
 Си утори шарени келаре,
 Та искара златна потстеле позлатена,
 Та си потсла афъ огнена худае,
 Де си беше сончеву-ту огнену руху.
 Та си легна сонце афъ либеви скути,
 Лу си легна Вълкана затруднела.
 Та ми седи на небе-ту малу млогу,
 Малу млогу три месеци ;
 Изметъ си чини дурь на Бога.
 Дурь си й време дойде да роди,
 Мольба си се на сонце-ту моли,
 Да га прати долу на земе-та ;
 Аку си е рожба люта халувита,
 Да си тера Юда хикимчийка,
 Да га лечи, дъ га пои билька родувита.
 Та й сонце мольба услуше.
 Собра си ми сите сестри звездувити,
 Па да си направетъ люлька звездувита,
 Да си спуснатъ на земе-та
 негуву-ту първе либе,
 На земе-та люта рожба да си роди,
 Немой на небе-ту зло да си пати.
 Та ми се собраха сите сестри звездувити,
 Па си направиха люлка звездувита,
 На люлька ми седна Вълкана девойка;
 Ду нее си седи неинъ татку първа крале;
 Та ми звезди спущатъ люлька на земе-та,
 И ми пеетъ песна гласувита,
 Шо се чуе на край земе:
 Иди, си~ху, иди долу на земе-та,
 Да си родишь тешка рожба халувита ;
 Ако ти е рожба млогу тешка,
 Да си пуснешъ той татку на юдунска земе,
 Да си рука, да си вика Юда хикимчийка.
 Да та лечи, да та пои билька родувита,
 Дурь тога ти рожба ша си родишь.
 Дете ша си ми е мощне нишанлие!
 Не ша има месту де да седи,
 Та ша тера земе пуста и широка,
 Име ша си му е Синче крале,

630 Отоспался ты уже на материних коленях!
 Спи теперь у своей первой любви,
 Да сейчас наступил уже сентябрь месяц,
 И ты дитя будешь иметь на земле,
 Он будет первый король на земле,
 635 Все люди ему почести воздадут!
 Что он спасёт от проклятой Суры Ламии,
 Которая не давала никому перейти
 туда через белый Дунай:
 Ни один человек не проходил,
 Ни одна птица не пролетала,
 640 Чтобы попасть на широкое поле,
 Что было пустынное, запущенное.
 Свою речь ещё не отговорила,
 Да открыла красивую кладовку
 И достала золотую постель позлаченную,
 645 Чтобы постелить в огненной спальне,
 Где была Солнцева огненная одежда.
 Тут улёгся Солнце на колени у любимой,
 Лишь легла Валкана, сразу забеременела.
 Да сидела на небе ни мало, ни много,
 650 Ни мало, ни много, целых три месяца;
 Помощь оказывала также Богу.
 До тех пор, пока не пришло время родить,
 Молит она Солнце просит,
 Чтобы он отправил её вниз на землю;
 655 Если у неё роды будут очень трудные,
 Чтобы привести Юду целительницу,
 Да полечить её и напоить травкой родовой.
 Тут Солнце её просьбу услышал.
 Собрал он всех сестёр звёздных,
 660 Чтобы приготовить люльку звёздную,
 Да спустить опять на землю
 его самую первую любовь,
 На земле, чтобы трудные роды прошли,
 Нельзя, чтобы на небе худо случилось.
 Тут собрал он всех сестёр звёздных,
 665 Потом прислал люльку звёздную,
 В люльку села девица Валкана,
 Да к ней сел её отец первый король,
 Тут звёзды спустили люльку на землю,
 Да им спели песню голосистую,
 670 Которую слышали на крайней земле:
 Ну-ка, иди к ним, иди вниз на землю,
 Да родишь в тяжких родах длинных,
 Если роды будут очень тяжёлые,
 То пошлешь своего отца на Юдинскую землю,
 675 Чтобы кликнул, да позвал Юду целительницу.
 Которая полечит, да напоит травкой родовой,
 Только тогда будут роды и родишь.
 Дитя будет у тебя очень знаменитое!
 Не будет иметь места для жительства,
 680 Да найдёт землю пустую и обширную,
 Имя у него будет король Василёк,

Оти ша си иде дурь на чужда земе,
 Шо си ми е пуста запусена.
 Дурь да си ми звезди песна испееъ,
 Люлька си ми слезе долу на земе-та,
 Праву си ми слезе афь кральски сарае.
 Аф' сарае нема никој да си седи,
 Пусти били запусени!
 Врахиль крале си утишелъ на негува земе,
 Афь сарае ми се изметчии халаике.
 Халаике какъ видеха техна си крале,
 Уть земе му селям даватъ;
 Дурь и поклонъ му се поклоневатъ;
 Я крале хми спулай даде,
 И ги тешка дарба дари,
 Чи му не уставили сарае пусти запусени,
 Афь техъ да ми седеть Юди Самуили.
 Ти си тури крале тилаля,
 Да мн личи низъ широку поле;
 Седемдесе крале да си
 дойдатъ на негува земе,
 Селямъ да му дадатъ,
 Поклонъ да му се поклонеть,
 Чи е дошелъ уть чужда земе уть далечна.
 Та ми личи тилаля низъ поле широку
 Три дни и три нощи,
 Дурь му се е вече дудеелу.
 Какъ ми чуха седемдесе крале,
 Чи е дошелъ първа крале на земе-та,
 Яхнаха ми сите бързи коне налютени,
 Та утидоха на негува земе афь ясни сарае;
 Уть земе му селямъ даватъ,
 И му се поклонъ поклоневатъ,
 Я' той си ги на лику цалуна,
 И ги дари тешка дарба,
 Оти му се първи побратиме.
 Та дурь да си идатъ седемдесе крале,
 Вълкана девойка се замочи да си роди,
 Ела рожба си е тешка халувита,
 Та неможе кулай да роди.
 Татку й се чудумъ чуди,
 Шо да прави що да стори?
 Де му на умъ дойде,
 Та си прати халаике на юдинска земе,
 Да си тера Юда хикимчийка,
 Шо си лечи рожба халувита;
 Лу де да е да га найде:
 За сахатъ да си иде на юдинска земе,
 За полувина да се върне с' Юда хикимчийка.
 Та ми стана халаике уть крайна земе,
 Уть Богъ нашла и тия ми била Юда:
 Тури си ми юдински криле пудь мишница,
 Та си фъркна као пиле шо си фърка ;
 За сахат ми утиде на юдинска земе.
 Кога флезе афь юдински пещери,

Поэтому пойдёт он на чужую землю,
 Которая была пустынная и запущенная.
 Пока об этом звёзды песню пропели,
 Люлька опустилась вниз на землю,
 685 Прямо опустилась в королевском дворце.
 А во дворце никого нет, никто не живёт,
 Пусто было везде запущено!
 Король Брахил уехал на свою землю,
 690 А во дворце остались помощники и слуги.
 Слуги как увидели своего короля,
 До самой земли ему нагнулись;
 Чтобы с поклоном ему поклониться»
 А король им благодарность выразил,
 695 И их дорогими подарками наградил,
 Что не оставили его дворец в запустении,
 С ними также сидели Юды Самуилы.
 Они положили короля отдыхать,
 А сами отправились вниз на широкое поле;
 Семьдесят королей собираются,
 700 чтобы приехать на его землю,
 Дабы почести ему оказать,
 Да с поклоном ему поклониться,
 Что дошёл из чужой земли далёкой.
 Да шёл не спеша через поле широкое
 705 Три дня и также три ночи,
 Пока уже это ему надоело.
 Как слышали семьдесят королей,
 Что добрался первый король на землю,
 Оседлали они борзых коней лютых,
 710 Да поехали на его землю в ясный дворец;
 От всех земель ему почести оказать
 И ему с поклоном поклониться,
 А также поцеловать его лико,
 И ещё подарить ему дорогие подарки,
 715 Потому что он им первый побратим.
 В то время, пока ехали семьдесят королей,
 Дева Валкана замучилась с родами,
 Так как её роды были тяжёлые и затяжные,
 Да не может найти способ, чтоб родить.
 720 Отец её недоумевает, да раздумывает,
 Что же делать, да что предпринять?
 Тут ему на ум сразу пришло,
 Чтобы послать гонца на Юдинскую землю,
 Да привести сюда Юду целительницу,
 725 Которая лечит затяжные роды;
 Лишь где она есть и как её найти:
 За час нужно дойти до Юдинской земли,
 За полчаса вернуться с Юдой целительницей.
 Только собрался гонец с крайней земли,
 730 От Бога пришла помощь, то была Юда:
 Надела она юдинские крылья под мышки,
 Да вспорхнула и полетела как птица;
 За час достигла Юдинской земли,
 Когда вошла в юдинскую пещеру,

Сите Юди на трапези си вечереть,
 Сама Юда уикимчийка не вечере:
 Юди си га канеть на трапези,
 Я тия си на трапези не седнува,
 Лу имъ дума и говори:
 Едите ми, сестри, и за мене вечерейте,
 Ваше сестра на путь ша си фоди;
 Ша си иде дурь на поле широку.
 Днеска още рану какъ се шетахъ низъ поле-ту,
 Ясну сонце уть небе си изгреваше,
 Па на мене си вели утговори:
 Шетай ми се, Юду, низъ поле-ту,
 Хемъ и пакъ да си знаешъ,
 Чи ду вечере хаберъ ша
 ти дойде уть първа крале,
 Да си идешъ на негува крайна земе,
 Да си лецишъ негува-та
 керка дюня гюзеллийка,
 Шо се мочи да си роди дете нишанлие ;
 Лу да ти дойде хаберъ,
 да навървишъ да си идешъ,
 Немой млогу да се бавишъ,
 Оти й е рожба люта халувита;
 Я' тия си е мое първе либе.
 Още рече Юда не отрече,
 Юда си й даде златна ябука,
 Па й вели утговори:
 Мене си ма прати, Юду, първа крале,
 Хаберъ да ти сторе, мольба да ти се моле,
 Да си дойдешъ на негува крайна земе,
 Да запоишъ негува-та керка билька родувита,
 Да си роди скору дете нишанлие.
 Немамъ, сестру, билька лекувита!
 Уть Богъ нашло ясну сонце,
 Шо си грее толку люту,
 Та присуши наше нишанлие езеру,
 Де си растатъ бильки лекувити;
 Езеру присъхна и бильки присъхнали;
 Уть де да си найда билька родувита?
 Безъ билька не доходамъ на ваше-та земе !
 Юда хаберчийка й вели утговори:
 Мольба ти се, Юду, моле,
 Да идеме ду наше нишанлие езеру,
 Да тераме билька родувита;
 Па аку нема, ша си ида,
 Ша дойда, от' да не дойда.»
 Та утидоха афъ планина на юдинску езеру,
 Там' си тератъ билька родувита,
 Ела нема да си найдатъ.
 Та се мольба молеть на ясну-ту сонце:
 Сончице, милу сончице!
 Скрой си, сончице, тои ясни зари,
 Да си дуне ветаръ дождувити,
 Та да се наполни присъхналу наше езеру,

735 Все Юды за трапезой вечеряли,
 Одна Юда целительница не вечеряет:
 Юду они приглашают за трапезу,
 Но та за трапезу не садиться,
 Лишь им говорит, отвечает:
 740 «Ешьте вы, сёстры, и за меня вечеряйте,
 Ваша сестра будет в путь собираться;
 Буду идти пока на широкое поле.»
 Сегодня ещё рано идти на поле,
 Ясное Солнце на небе закатывается,
 745 Потом мне говорит, наказывает:
 «Отправляйся , Юда, вниз на то поле,
 Однако, всё-таки делай как знаешь,
 До вечера придёт вестъ
 тебе от первого короля,
 Чтобы ты пришла на его крайнюю землю,
 Да вылечила бы его дочку
 750 вселенскую раскрасавицу,
 Что мучается, чтобы родить дитя знаменитого;
 Лишь дойдёт к тебе вестъ,
 чтобы отправилась в путь,
 Однако, долго не задерживайся,
 Так как её роды очень трудные,
 755 Ну, и ещё она моя первая любовь.»
 Ещё речь целительница не закончила,
 Даёт ей Юда золотое яблоко,
 Потом с ней ведёт разговор:
 «Меня послал, Юда, первый король,
 760 Вестъ тебе передать и с мольбой просить,
 Чтобы пришла в его крайнюю землю,
 Да напоила его дочку травкой родовой,
 Чтобы она родила скорее дитя знаменитого,»
 Нет нигде, сестра, травки целебной!
 765 От Бога пострадал ясное Солнце,
 Что греет только очень жарко,
 Да высушил наше знаменитое озеро,
 Где растут травки целебные;
 Озеро пересохло и травки засохли;
 770 Где ещё найти травку родовую?
 Без травки не пойдём на вашу землю!
 Юда целительница ей говорит, отвечает:
 «С мольбой тебя, Юда, прошу,
 Пойдём на наше знаменитое озеро,
 775 Чтобы взять травки родовой,
 Потом, если не будет, то уйдём,
 Будешь идти, или не пойдёшь.»
 Пошли они на гору к Юдинскому озеру,
 Там набрать травки родовой,
 780 Пришли, но ничего не нашли.
 Тогда с мольбой просят ясное Солнце:
 «Солнышко, милое Солнышко!
 Скрой, Солнышко, твои ясные Зори,
 Чтобы дунул ветер дождливый,
 785 Да наполнил наше пересохшее озеро,

Да изникне билька родувита,
 Та да запое тое първе либе,
 Да си роди дете нишанлие,
 Немой вече да се мочи тое либе.
 Сонце си хми мольба услуше,
 Та си скри ду негуви ясни зари,
 Немой вече да си грее иа земе-та,
 Дурь да найде Юда билька родувита.
 Та си заду ветар дождувити,
 Та ми се наполни присъхналу езеру,
 Лу се наполнили бильки проникнали,
 Та ми найде Юда билька родувита,
 Та утиде на широку поле при първа крале.
 Де си найде Вълкана девойка,
 Чи се мочи да си роди люта рожба,
 Душе си й вече афъ уста дошла!
 Утмалъ душе на Юда си утговори:
 Шо ми стоишь, Юду, шо ми чекашь,
 От не си ми давашъ билька родувита?
 Или рожба да си роде,
 Или млада ди си умра.
 Юда си й вели утговори:
 Немой си ми плачи, Вълкану девойку!
 Дилми дойдохъ дурь при тебе,
 Рожба халувита вече ша си родишь.
 Та искара Юда утъ пазуфи билька родувита,
 Даде хи я да га пие,
 Лу испила билька родувита,
 Родилу - се малку дете нишанлие:
 Коса му е со злату позлатена!
 Очи му се као страшень витекъ!
 Лу шо ми на земе падналу,
 Сита земе се потресала!
 На майка си дума продумалу:
 Мале ле, мила миле!
 Язь си, мале, татку на земе-та немамъ,
 Мой татку си е горе дурь иа облаци,
 Нема кои за мене гозба да си чйни,
 Да си гости шо е сичку младу.
 Немой, сину, кахъръ беришь!
 Гозба ша си чини мой татку,
 Той си ми е първа крале на земе-та,
 Си ми суди на седамдесе крале.
 Та заправи крале гозба да си чини,
 Та си гости шо е сичку младу ;
 Гости ми ги и ги пои три недели.
 На дете си име туреть Синче крале.
 Дурь тога си утидоха пу дома си.
 Саму дете устаналу афъ сарае,
 Та се чудумъ чуди и си дума:
 Мале ле, мила мале!
 Той татку е първа крале на земе-та.
 Ела поле му е млогу затеснену,
 Люде нема де да седеть

Чтобы проросла травка родовая,
 Да попила бы твоя первая любовь,
 И родила бы дитя знаменитого,
 Нельзя больше мучиться твоей любимой.»
 790 Солнце их просьбу услышал,
 Да позакрывал свои ясные Зори,
 Не греет он больше землю,
 Пока Юда найдёт травку родовую.
 Тут задул ветер дождливый,
 795 Да заполнилось озеро засохшее,
 Лишь наполнилось, травка проросла,
 Там нашла Юда травку родовую,
 И ушла по широкому полю к первому королю.
 Там нашла девушку Валкану,
 800 Что мучилась, да рожала в трудных родах,
 Душа её уже криком стонет!
 Еле переводя дух, душа сказала Юде:
 «Что стоишь, Юда, чего ты ждёшь,
 Почему не даёшь травку родовую?»
 805 Или в трудных родах я рожу,
 Или младая могу умереть.
 Юда ей даёт такой ответ:
 «Не надо плакать девушка Валкана!
 Слишком долго добиралась я к тебе,
 810 Роды уже закончатся и ты родишь.
 Тут достала Юда из пазухи травку родовую,
 Приготовила её, чтобы пить,
 Лишь испила травку родовую,
 Родилось малое дитя знаменитое:
 815 Волосы у него золотые, позлаченные!
 Очи его, как глубокий источник!
 Лишь он на землю упал,
 Вся земля под ним сотрясалась!
 С матерью он уже ведёт разговор:
 820 «Ой мама, милая родная!
 Жаль, мама, папки нет на земле,
 Мой папка наверху, пока над облаками,
 Некому для меня застолье справить,
 Чтобы были гости, да все младые,
 825 Сынок, не заботься об этом!
 Застолье справит мой отец,
 Тот, что первый король на земле,
 С ним правят семьдесят королей,
 Тут начал король застолье справлять
 830 Там были гости, да все младые;
 Гостей кормили и поили три недели,
 Ребёнку дали имя король Василёк,
 Только тогда разъехались по домам.
 Сам ребёнок остался во дворце,
 835 Да задумался, подумал и говорит:
 «Ой мама, милая мама!
 Твой отец первый король на земле.
 Здесь поле его очень тесное,
 Людям негде тут жить,

Шо е стару сичку заселили,
 Шо е младу нема де да седеть!
 Кажи, мале, де си има друга земе ?
 На друга земе язъ да си ида ;
 Шо е младу сите пу мен да си дойдать,
 На техъ първа крале да си бода,
 Я той татку тука да си седи,
 Шо е стару на техъ да си суди.
 Има, сину, друга земе плодувита,
 И мой татку искалъ таму да си иде;
 Уть Богъ нашла пуста сура ламие,
 Шо е ступанясала земе плодувита.
 На край Дунавъ ми седи сура ламие,
 Та не дава никой да заmine,
 Ни ту пиле да прифъркне,
 Да си иде на неина земе;
 Лу кой иде назадъ се не враща,
 Тия се шири низъ земе плодувита.
 Какъ ми чулу малку дете,
 Налюти се, разеди се,
 Глава си замаха па си вели утговори:
 Малку си самъ, мале, още на години,
 Неша мога борба да се боре сусъ сура ламие?
 Ша си чекамъ още три години,
 Па тога ша се борба боре,
 Църна дроба ша й искарамъ у ть сорце-ту!
 Молчи, сину, немой думай!
 Уть тебе е по юнаци ималу на земе-та,
 Ела ги е ламие борба надборила.
 Фърлила ги афъ дъну-ту на белъ Дунавъ:
 Дила тина борба ша га надборишь !
 Да порасна, мале, та тога ша видишь,
 Шо юнакъ самъ на земе-та!
 Господ, сину, да си ти помага,
 Да заселишь земе плодувита,
 Оти тука шо е младу нема де да седи.
 Та ми раста дете вече ми порасна,
 Кога ми порасна на три години,
 Твърда камень афъ роки ступеваше
 Дуръ тога си тилиялъ тури,
 Да личи низъ поле широку :
 Шо е младу моми и юнаци,
 Да си земат срели позлатени,
 Та да дойдат аф града гулема
 дуръ при млада крале
 Той ша си ги кара на земе плодувита,
 Таму тие пещери да си градеть,
 И да сееть бели бильки плодувити;
 Краль ша хми е млада крале.
 Тилиялъ ми личи тамамъ три недели.
 Дуръ ми сите чуха шо е кральска буйрунтие,
 Та си зеха сите млади срели позлатени,
 Та утидоха дуръ при млада крале.
 Млада крале си бе яхналь бърза коне,

840 Кто уже старый, все заселились,
 Кто молодой, негде им жить!
 Скажи, мама, где имеется другая земля ?
 На другую землю я должен идти,
 Кто есть младой, всем со мной надо идти,
 845 Для них я первым королём буду,
 А твой отец тут чтобы жил,
 Кто старый, с теми нужно доживать.»
 Имеется, сын, другая земля плодородная,
 И мой отец ходил туда её искать;
 850 От Бога наказание проклятая Сура Ламия,
 Что захватила землю плодородную,
 На берегу Дуная сидит Сура Ламия,
 Да никому не даёт там пройти,
 Птица даже не пролетит,
 855 Лишь кто пойдёт в её землю,
 Кто пойдёт, назад уже не возвращается,
 Там самая широкая земля плодородная.
 Как услышал это малый ребёнок,
 Разгневался он, да рассердился,
 860 Головой замахал, потом отвечает:
 «Малый я сам, мама, ещё по возрасту,
 Неужели невозможно победить Суру Ламию?
 Буду ждать ещё три года,
 Затем тогда я с ней поборюсь,
 865 Чёрную её печень достану от сердца!
 Молчи, сын, не смей так говорить!
 У тебя есть много юнаков на земле,
 Пусть они с Ламией в битве поборятся.
 Бросят её на дно Белого Дуная:
 870 Так молодецки её в борьбе победишь!
 Как подрасту, мама, тогда увидишь,
 Что я сам юнак на земле!
 Бог тебе, мой сын, поможет,
 Чтобы заселить землю плодородную,
 875 Потому что здесь младым негде жить.
 Так растёт дитя, больше подрастает,
 Когда подрос до возраста в три года,
 Твёрже камня его рука стала
 И тогда взялся он созывать,
 880 Чтобы пойти на поле широкое:
 С девушками и юнаками, что были младые,
 Да возьмут стрелы позлаченные
 И войдут они в большой град
 Теперь уже с младым королём,
 Который приведёт их на землю плодородную,
 885 Там они построят себе пещеры,
 И посеют белые злаки урожайные,
 Королём у них будет этот младой король.
 Созывал всех лично там три недели.
 Пока все слышали королевского скакуна,
 890 Да взяли все младые стрелы позлаченные,
 И отправились уже с младым королём.
 Младой король вскочил на борзого коня,

Бърза коне шо си фърка дуръ на висе небе,
 Па си вели млада крале утговори:
 Е бре, млади, мои верни другаре!
 Тръгните ми пред бързата коне,
 Та се ичъ не бойте,
 На насъ Бог ша помогне.
 Борба да надбориме пуста сура ламие,
 Шо заптисала земе плодувита,
 Та не дава ни чувекъ да си иде,
 Нит пиле да прифъркне,
 Лу тия се шири низъ земе плодувита;
 Та и Господъ каиль не се чини.
 Какъ ми чули тие млади юнаци,
 Сорце хми се зарадува и распали,
 Я моми люту заплахаха,
 Чи усаветъ таткува си земе,
 Та си фодеть на чужда земе не чуена
 Я шо си бе млада крале,
 хитру си ги миреше:
 Молчите ми, девойки, не плачите!
 Вие ша ми копате земе плодувита,
 Ша ми сеете бели бильки плодувити,
 Кой ва види ша завиди,
 Чи сте заселили земе плодувита,
 Шо га нема нийде на зема-та.
 Дуръ тога се на девойки сорце зарадува,
 Та ми фодеть пу поле широку.
 Вървеха шо вървеха ми
 стигнаха на белъ Дунавъ.
 Какъ ги виде пуста сура ламие,
 Си излезе утъ белъ Дунавъ,
 Та ги чека на дервене на клисуре,
 Сите афъ Дунавъ да издави.
 Та какъ си ми виде Синче крале сура ламие,
 Утъ страхъ му сорце проигралу!
 Запре си ми бърза коне,
 На другаре си вели утговори:
 Запрейте се, бре юнаци, постойте ми,
 Да видиме шо ша чини сура ламие?
 Та се сички запреха и ми стоеть на дервене,
 И се чудумъ чудеть шо да праветь?
 Синче крале си ми върза бърза коне,
 Та ми седи пу кулена на земе-та,
 Па се мольба моли дуръ на Бога :
 Ой ти, Боже, мили Боже!
 Я погледни, Боже, на наш пусти таксирать,
 Та ни прати тое помощъ утъ небе-ту,
 Борба да си надбориме пуста сура ламие,
 Та да идеме дуръ на земе плодувита,
 Таму сите нее курбан ша ти коleme,
 Утъ шо ти е найдрагу и наймилу,
 Църну пиле шо си фърка,
 Мольба си му Богъ услуше,
 Та си праги малка Дефа ду Огнена Бога,

Борзого коня, что взлетает высоко до неба,
 Потом молодой король сказал речь:
 895 «Гои еси, молодые, мои верные друзья!
 Трогайте быстрее борзых коней,
 Да ничего не бойтесь,
 Нам Бог будет помогать.
 В битве победим проклятую Суру Ламию,
 900 Что захватила землю плодородную,
 Да не даёт ни людям туда пройти,
 Ни птице, чтобы пролететь,
 Лишь расширила она землю плодородную,
 Хотя и Бог ей согласия не давал.»
 905 Как слышали его молодые юнаки,
 Сердце их возрадовалось и воспламенилось,
 А девушки очень горько заплакали,
 Что оставляют отцовскую землю,
 Да идут в чужую землю неслыханную.
 А что относится к младому королю,
 910 то он лукаво их успокаивал:
 «Молчите, девоньки, не плачьте!
 Вы же будете копать землю плодородную,
 Будете сеять белые злаки урожайные,
 Кто вас увидит, да будет завидовать,
 915 Что вы заселили землю плодородную,
 Которой больше нет нигде на земле.»
 Только тогда сердца девушек возрадовались.
 Да поехали они на широкое поле.
 Двигались они двигались все
 пока достигли берега белого Дуная.
 920 Как увидела их проклятая Сура Ламия,
 Сразу вылезла она с белого Дуная,
 Да ожидали их под деревом в ущелье,
 Чтобы всех в Дунае утопить.
 Да как увидел король Василёк Суру Ламию,
 925 От страха его сердце заколотилось!
 Остановил он борзого коня,
 Да своим друзьям молвит, говорит:
 «Остановитесь, гои юнаки, постойте,
 Видели, что же нам готовит Сура Ламия?»,
 930 Тут все остановились и встали под деревьями,
 И дивятся да раздумывают, что же делать?
 Король Василёк привязал борзого коня,
 Да встал коленями на землю,
 Затем с молитвой просил самого Бога:
 935 «Ой ты, Боже, милый Боже!
 Ну-ка погляди, Боже, на наше злосчастье,
 Да пошли нам свою помощь с неба,
 Чтобы в битве победить злую Суру Ламию,
 Да прошли бы уже на землю плодородную.
 940 Там все тебе будем приносить,
 Что тебе наиболее приятно и мило,
 Чёрную птицу, что только летала,»
 Молитву ему Бог услышал,
 Да послал малую небесную деву к Огнебогу,

Хаберь да му носи да му каже,
 Да си всекне силан огань уть небету,
 Да погури пуста сура ламие,
 Шо записала земе плодувита,
 Та не дава ни чувек да замине,
 Нит' пиле да прифъркне.
 Та утиде изметчие дурь при Огнена Бога,
 Какъ му каза Боже повелие,
 Ни постоя, ни почека,
 Лу си слезе долу афь сарае,
 Та си всекна люта огань уть небе-ту;
 Кога падна огань долу на земе-та,
 Земе си ми темна потемнела,
 Уть темнилу нишу не се види,
 Лу ми чула Синче крале желувитна гласа,
 Какъ си вика, какъ си плаче сура ламие,
 Утмалъ душе дума продумала
 Уть Богъ нашель, Синче крале!
 Шо си мене млада погуби,
 Та ша иде на земе плодувита.
 Сова рече не отрече,
 Фърли си се афь белъ Дунавъ,
 Та се земе куртолиса уть сура ламие,
 Шо га записала иледа години.
 Синче крале мощне ми се зарадува.
 Чи ламие погинала афь белъ Дунавъ.
 Ела си се чудумъ чуди,
 Какъ да си замиие ду белъ Дунавъ?
 Оти си ми нематъ коне водовити,
 Шо си фъркать низъ белъ Дунавъ.
 Та се мольба моли на ясну-ту сонце:
 Сончице, ясну сончице!
 Изгрей си ми сончице уть той-те ясни сарае,
 Та си опрей ясни зари на белъ Дунавъ,
 Да присъхне као суху поле,
 Да идеме сите на земе плодувита.
 Та си му сонце мольба услуже,
 Изгрее си уть негуви ясни сарае,
 Та си упре ясни зари на белъ Дунавъ;
 Зари си ми стоеть два дни и два нощи;
 Дурь тога се Дунавъ присушила,
 Та си бode као суху поле,
 Нема вече река да си тече!
 Та си замина Синче крале пу белъ Дунавъ,
 Зиминаха си ми и млади юнаци;
 Та си ф'роки доржетъ златни срели ;
 Още ги е страхъ уть сура ламие,
 Да не излезе уть белъ Дунавъ.
 Дурь тога хми сорце дойде,
 Та хми вели утговори:
 Е бре, юнаци, мои другаре!
 Секи да си фати църну пиле шо си фърка;
 Кога с' ноги стъпиме на земе плодувита,
 Курбанъ ша ги колеме дурь на Гулема Бога,

945 Чтобы известие ему принесла, да сказала,
 Дабы высек сильный огонь с небес,
 Чтобы погорела проклятая Сура Ламия,
 Что захватила землю плодородную,
 Да не даёт пройти ни человеку,
 Ни птице, чтоб пролетела..
 Тут ушла помощница пока к Огнебогу,
 Да сказала ему Божье повеление,
 Ни постояла, ни подождала,
 Лишь спустилась вниз во дворец,
 955 Тут разразился сильный огонь с небес;
 Когда падал огонь вниз на землю,
 Земля стала темнеть и потемнела,
 В темноте стало ничего не видно,
 Лишь услышал король Василёк жуткий голос,
 960 Как кричала, как плакала Сура Ламия,
 Еле переводя дух, её душа сказала:
 « Бог покарает, король Василёк!
 Что меня младую погубил,
 Теперь пройдёшь на землю плодородную.»
 965 Свою речь ещё не отговорила,
 Да бросилась в белый Дунай,
 Так земля избавилась от Суры Ламии,
 Что владела ею тысячу лет.
 Король Василёк очень обрадовался,
 970 Что Ламия утонула в Белом Дунае.
 Пришёл сюда и дивится, раздумывает,
 Как же перейти через белый Дунай?
 Почему нет у меня коня водоплавающего,
 Что перенесёт меня через белый Дунай.
 975 Тут просит он с молитвой ясное Солнце:
 «Солнышко, ясное Солнышко!
 Взойди моё Солнышко в твой ясный чертог,
 Да упрись ясной Зарёй в белый Дунай,
 И присуши его, как сухое поле,
 980 Чтобы всем пройти на землю плодородную.»
 Тут Солнце его мольбу услышал,
 Взошёл в свой ясный чертог,
 Да упёрся ясной Зарёй в белый Дунай;
 Заря стояла два дня и две ночи;
 985 Только тогда Дунай просушила,
 Да стало, как сухое поле,
 Нет больше реки, не течёт она!
 Так перешёл король Василёк белый Дунай,
 Перешли с ним и молодые юнаки;
 990 Да в руках держат золотые стрелы;
 Ещё не исчез страх от Суры Ламии,
 Что она не вылезет из белого Дуная.
 Только тогда им до сердца дойдёт,
 Тут им король говорит такую речь:
 995 «Гои еси, юнаки, мои друзья!
 Поймайте и несите чёрную птицу, что летала;
 Когда ступим ногами на землю плодородную,
 Требу принесём от нас Всевышнему Богу,

<p>Оти си на куртолиса уть сура ламие, Та си заминахме ду белъ Дунавъ. Още рече крале не отрече, Търчетъ си ми сите млади низъ поле широкоу, Де си фъркатъ църни пилци, Та си секи фати църиу пиле, Млада крале си ми фати дури две; Та си курбанъ заклаха дуръ на Гулема Бога, Чи си ги е куртолисаль уть сура ламие. Курбанъ си утиде дуръ при Гулема Бога, Та си прати на млада крале срела силувита, С нега сите крале да надбори. Та да бодe първа крале на земе-та. Кат' си ми курбанъ заклали, С' ноги си стъпиха на земе плодувита; Уть шо била земе берекетлие, Сами си излели бели бильки да си растать. Синче крале мощне беендиса земе плодувита, Та еи награди нова града и гулема, Афъ негу си засели сите млади шо си кара. Хемъ си тие чувать земе плодувита, Да не дойде да не стъпи друга крале. Я шо си беха млади моми техни жени, Тие си ми поле копать, Та си сееть бели бильки плодувити. Уть тога се заселила наше земе плодувита, Та е устаналу дури днеска, да се копа, да се сее. Сова ми устори Синче крале! И е устаналу уть Бога песна да се пее, Уть Бога здраве, уть мене песна.</p>	<p>1000</p> <p>1005</p> <p>1010</p> <p>1015</p> <p>1020</p> <p>1025</p>	<p>Потому что избавились от Суры Ламии, И перешли через белый Дунай.» Ещё речь король не успел договорить, Все младые побежали на широкое поле, Где порхают чёрные птицы, Да ловят и приносят чёрную птицу, Младой король поймал даже две; Да требу принесли Всевышнему Богу, Что их, наконец, избавил от Суры Ламии. Треба ушла прямо к Всевышнему Богу, Он послал младому королю стрелу сильную, С ней король всех врагов победит. Да будет первый король на земле. Когда они требу принесли, Ногами ступили на землю плодородную; Оттуда, где земля была урожайная, Сами принесли белые злаки, чтобы вырастить, Королю же понравилась земля плодородная, Там он построил новый большой град, А его заселили все младые, кто прибыл. Уж другие слышали про землю плодородную, Да не дошли, не выступил другой король. А что там были жёны и младые девушки, То стали они это поле вскапывать, Да сеять белые злаки урожайные. С того заселилась наша земля плодородная, Так были установлены такие дни, Когда можно копать, да когда сеять. Это всё сотворил король Василёк! И установил Бог, чтобы эту песню петь, От Бога здоровье, а от меня песня.</p>
--	---	--

VII. Женитба на Талатинска крале со дъщерe на Ситска крале.

Талатинска крале си е стару устарелу,
Та ми иска да се жени,
Чи е стара майка устарела;
Нема кой измет да му чини.
Та си тера либе спроти негу,
Година ми тера не може да найде.
Дур утиде на пуста земе запустена,
Де си найде либе спроти негу,
Шо ми грее као ясну сонце!
Та се глави Талатинска крале.
Па се върна на негува земе,
Да заправи силна свадба,
Та да земе първе либе уть пуста земе запустена.
Силна свадба ми заправи,
На свадба калеса седемдесе крале,
Шо му били таткуви побратиме;
Та ми навървиха да си идать за млада невеста.

VII. Женитьба Талатинского короля на дочери Ситского короля.

Талатинский король стал стареть,
Да захотел он теперь жениться,
Потому что его старая мать состарилась;
Некому теперь уход за ней обеспечивать.
5 Нужно привести любимую, достойную его,
Целый год ищет, да не может найти.
Пока не пришёл на пустую землю запущенную,
Где нашёл любимую, достойную его.
Что сияет как ясное Солнце!
10 Там помолвился Талатинский король.
Потом вернулся на свою землю,
Да справил богатую свадьбу,
На земле невесты с пустой земли запущенной,
Богатую свадьбу начали справлять,
15 На свадьбу пригласили семьдесят королей,
Что были его отца побратимы;
Да собрались идти за младой невестой.

Дурь да идать месец поминалу,
Застигнала тешка зима;
Уть шо ми е тешка море замързналу,
Пу море ми фодеть као пу суха земе?
Дурь да идать на пуста земе запустена,
На небе си изгреела летна звезда пролетешна,
Та се море утмързналу.
На пуста земе се седели три месеци,
Дурь да си хми Ситска крале изимь даде,
Да закарать ду млада невеста.
Та ги гозба гости Ситска крале три месеци,
Нагости ги вече, напои ги.
Утори си шарени келаре,
Та искара златни съндъкь позлатена,
Аф съндъкь ми е млада невеста;
Та си даде съндъкь на Талатинска крале:
Халал нека ти е, мила зетю!
За година дете да си стигнешь.
Сова рече не отрече,
Зарони си дребни солзи,
Та се качи на висе дивана,
Да си види да л' е море помързналу,
Пу море да заmine силна свадба.
Ела море си е размързналу,
Та се чудумь чуди
Силна свадба как ша си
помине море размързналу?
Та се мольба моли дурь на Бога:
Ой ти, Боже, мили Боже!
Я задуй си, Боже, силни ветарь,
Зима да си дойде море да замързне,
Да си заmine силна свадба,
Та да иде на земе Талатинска.
Туку си се мольба помоли,
Господь си му мольба услуше,
Та си дуна силни ветарь;
Туку дуна тешка зима се зададе,
Та се море замързналу.
Дурь тога ми навървила силна свадба,
Поминала море замързналу;
Дурь да идать па си месець поминалу.
Та си блесна летна звезда пролетешна,
На поле си трева израсла,
Афь сарае ми се дафинь зеление,
На дафинь ми стои кралева-та стара майка
Та си гледа долу пу поле-ту;
Туку виде чи си иде силна свадба,
Уть дафинь ми слезе на широки дори,
Та си дучека силна свадба.
Гледа си ми силна свадба,
Невеста не си гледа!
»Е бре, сину, мили сину!
Какь ми заправи силна свадба,
Та калеса седемдесе крале,

Пока добирались, месец прошёл,
Настигла их холодная зима,
20 От сильного мороза море замёрзло,
Можно ли идти по морю, как по сухой земле?
Лишь прошли на пустую землю запущенную,
На небе весной взошла летняя звезда,
Да лёд на море растаял.
25 На пустой земле сидели три месяца,
Пока им Ситский король благословение дал,
Чтобы забрать с собой младую невесту.
Да их угощал Ситский король три месяца,
Наугощал их уже, да напоил их.
30 Раскрывал король красивую кладовую,
Да доставал золотой сундук позлаченный,
А сундук был для молодой невесты;
Да отдаёт сундук Талатинскому королю:
«Благославляю тебя, милый зять!
35 За год дитя, чтобы родилось.»
Свою речь ещё не досказал,
Заронил он мелкие слёзы,
Да поднялся на высокую стену,
Дабы увидеть, замёрзло ли море,
40 По морю, чтобы пройти богатой свадьбе.
Однако, море было разморожено,
Да удивляется он и раздумывает
Как будет богатая свадьба
перебираться через тающее море?
Да пока с молитвой просит Бога:
45 «Ой ты, Боже, милый Боже!
Ну-ка, подуй, Боже, сильным ветром,
Зима, чтобы пришла, да море замёрзло,
Да прошла бы по морю богатая свадьба,
Чтобы добралась на землю Талатинскую.»
50 Только он с просьбой помолился,
Бог его молитву услышал,
Да подул сильным ветром;
Только дунул, холодная зима появилась,
Да море сразу заморозилось.
55 Только тогда пошла богатая свадьба,
Да перебралась через замёрзшее море,
Пока шли, целый месяц прошёл.
Тут блеснула весной летняя звезда,
На поле трава стала вырастать,
60 А во дворце лавр зеленеется,
На лавре стоит старая мать короля,
Да глядит далеко в поле,
Тут увидела, что идёт богатая свадьба,
Слезла она с лавра на широкий двор,
65 Да дожидается богатой свадьбы.
Глядит она на богатую свадьбу,
Невесту она совсем не видит!
«Гой еси, сын, милый сын!
Как мы справим богатую свадьбу,
70 Да пригласим семьдесят королев,

Шо ти се таткуви побратиме,
 Та утиде дурь на пуста земе запустена
 Оти ми се върна без невеста?
 Ни ли найде либе спроти тебе?»
 Найдохъ, мале, биле и похарна;
 Подай си ми десна рока да ти цалуна,
 Чи самъ нашель първе либе спроти мене,
 Да ти чини изметъ на стару време.
 »Немой лъжи, сину, стара майка!
 Дурь не си виде млада невеста,
 Не ти давамъ рока да целунешъ.»
 Туку рече ми се качи на дивана,
 Да си гости седемдесе крале,
 Чи се мощне уморили;
 На, свадба се били дурь на пуста земе,
 Па невеста не се дукарали!
 Талатинска крале разеди се, разлюти се,
 Та отключи златни съндъкъ позлатена,
 Утъ съндъкъ ми излезе млада невеста
 Утъ лику й сонце грее!
 Какъ га виде стара майка,
 Пригърна га, цалуна га,
 На крале си вели утговори:
 »Ой ти, сину, мили сину!
 Млогу ми си, сину, фодилъ,
 Дурь да найдешъ либе спроти тебе;
 Ама халалъ нека ти е,
 Чи си нашель како ти приличе;
 Цалуни ми сега десна рока,
 Та си гозба гости седемдесе крале;
 Служба нека си ги служи твое първе либе.»
 Та си гозба гости седемдесе крале,
 Гозба ги гости три недели,
 Служба си ги служи млада невеста.
 Какъ ги служи сонце грее!
 Фальба га се пофалили седемдесе крале,
 Чи нема друга као нее!
 Шо си беше фейска крале,
 На седемдесе крале вели утговори:
 »Е бре вие, седемдесе крале!
 Шо си фальба фалите млада невеста?
 Тя утъ татку не е родена,
 Нит' утъ земе е никнала,
 Лу си е керка на ясну-ту сонце!
 Ситска крале чеду не си родилъ,
 Та се мольба помоли на ясну-ту сонце,
 Да се сфоди с' негуву-ту първе либе,
 Лу да роди дете да си има.
 Та се сфоди ясну сонце с' негуву-ту първе либе,
 Лу се сфоди и си роди малка мома,
 Та си раста мома и порасна.»
 Как ми чуха седемдесе крале,
 Чи си ми е керка на яснуту сонце,
 Още ми е фальба фалетъ,

Что твоего отца побратимы,
 Да ушли уже на землю пустую запущенную.
 Почему ты вернулся без невесты?
 Не нашёл любимой, достойной тебя?»
 75 Нашёл, мама, белая и прекрасная;
 Подай мне правую руку, чтобы поцеловать,
 Что я нашёл первую любовь достойную меня,
 Чтобы тебе обеспечила уход в старости.
 «Не обманывай, сын, старую мать!
 80 Пока не видела я младую невесту,
 Не буду давать тебе руку для поцелуя.»
 После такой речи поднялась она на стену,
 Чтобы угостить семьдесят королей,
 Которые очень уморились;
 85 Так как были на свадьбе на пустынной земле,
 Почему же невесту сюда не доставили!
 Талатинский король разошёлся, разбушевался,
 Да отворил он золотой сундук позлаченный,
 Из сундука к ним вылезла младая невеста.
 90 От лика её солнце сияет!
 Как увидела её старая мать,
 Обнимает её, целует её,
 Королю она молвит, говорит:
 «Ой ты сын, милый сын!
 95 Много ты ,сын, исходил,
 Пока не нашёл любимую, достойную тебя;
 Благославляю тебя, пусть так будет,
 Что ты нашёл, кто тебе подходит;
 Поцелуй теперь мою правую руку,
 100 Да угощай гостей семьдесят королей;
 Прислужит им пусть твоя первая любовь.»
 Да угостит гостей семьдесят королей,
 Пировали с гостями три недели,
 Прислуживала им младая невеста.
 105 Когда она прислуживала, как солнце сияла!
 Похвалой её прославили семьдесят королей,
 Что нет больше другой, как она!
 Что был у них Фейский король,
 То он сказал семидесяти королям»
 110 «Гои еси вы, семьдесят королей!
 Что вы хвалой славите младую невесту?
 Она у отца была не родная,
 Не на земле она вырастала,
 Ведь она является дочкой ясного Солнца!
 115 Ситский король чадо так и не родил,
 Да с мольбой попросил ясное Солнце,
 Чтобы он сошёлся с его первой любовью,
 Лишь бы родилось дитя, чтобы его было.
 Сошёлся ясное Солнце с его первой любовью,
 120 Лишь сошлись они и родилась малая девочка,
 Так росла девочка и вырастала.»
 Как слышали это семьдесят королей,
 Что с ними находится дочка ясного Солнца,
 Ещё они её хвалой прославили,

Та си ми е тешка дарба подариха.
 Искат вече да си фодеть,
 Та си яхатъ бързи-те коне,
 Та ми навървиха пу широко поле.
 Талатинска крале ги испрати дуръ ду море,
 Цалунаха се, упростиха се.
 Па гу канеть и той на госте да иде,
 И тие гозба да гу гостет.
 »Лу да стигна мъжку дете,
 Ша си дойда на ваше земе,
 Шедба да се шетам низ вашету поле.»
 Шетай се, от' да не се шетешъ.
 Та се върна Талатинска крале аф сои сарае.
 Дуръ тога си залиби млада невеста,
 Либи си га малу-млогу три години,
 Па си нема чеду да си стигне;
 Та му се е жельба нажелилу.
 Не ми фоди пу полету шедба да се шета,
 Утключи си темна зандана,
 Шо гу има за Юди Самуили,
 Та се младу аф зандан затори.
 Не си фоди ни при майка, ни при либе,
 Лу се мольба моли дуръ на Бога,
 Да му даде чеду уть сорце-ту;
 »Ой ти, Боже, мили Боже!
 Я дай си ми, Боже, чеду ут сорце-ту,
 Да не ми се земе пуста запустила;
 Аку си ми дадешъ чеду ут сорцету,
 Ша ти коле курбанъ ду деветъ юнчета,
 Та ша гозба госте седемдесе крале.»
 Две години мольба си се моли,
 Уть теманъ занданъ не излева,
 Лу си чека хаберъ уть небету.
 Мольба му бе ут се сорце,
 Дуръ и дребни солзи рони;
 На день вода си пие,
 На два дни суха леба си яди;
 На неделе църну руху си надева;
 Аф сарай не си фоди,
 Та му беше лику повеналу,
 Кости му изсъхнали!
 Две години уть занданъ не излезе.
 Чуди ми се първе либе дека си е,
 Не си знае дека фоди:
 Да л' се шедба шета пу полету ?
 Ил' на госте си утиде дуръ
 на пуста земе запустена?
 Какъ се чуди и си плаче,
 Де га дучу Юда Самуила,
 Шо си била аф темни занданъ.
 Та утиде афъ сарае дуръ при нея,
 Да й каже хаберъ да й чини,
 Дека си е неинуту първе либе.
 Та й вели утговори:

125 Да ей дорогие подарки подарили.
 Хотели уже они возвращаться,
 Да оседлали борзых коней,
 Затем направились по широкому полю.
 Талатинский король проводил их до моря,
 130 Целовался, распрощался.
 Потом его пригласили и он пошёл в гости,
 И они пировали, да его угощали.
 «Лишь дождусь мальчика дитя,
 Буду опять на вашей земле,
 135 Прогулюсь по вашему полю.»
 Прогуляюсь, а может и не прогуляюсь.
 Тут вернулся Талатинский король во дворец.
 Только тогда полюбил младую невесту,
 Любил её ни мало, ни много три года,
 140 Пока нет чада, которого он ожидает;
 Да он стал тосковать, печалиться.
 Не ходит он в поле прогуляться,
 Отомкнул он тёмные застенки,
 Что имелись для Юды Самувилы,
 145 Да младую жену в темницу поместил,
 Не приходит ни к матери, ни к жене,
 Лишь с молитвой просит он Бога,
 Чтобы дал ему чадо от всего сердца;
 «Ой ты, Боже, милый Боже!
 150 Ну, дай мне, Боже, чадо от всего сердца,
 Да не мила мне земля пустая запущенная;
 Если дашь мне чадо от всего сердца,
 То принесу тебе требу девять бычков,
 Да угощу гостей семьдесят королей.»
 155 Два года с молитвой он просил,
 Из тёмных застенок не выходил,
 Лишь ожидал вестей с небес.
 Просьба его была от всего сердца,
 Даже и мелкие слёзы ронял;
 160 Один день только воду пьёт,
 Через два дня только сухой хлеб ест;
 На неделю одевает чёрную рубаху;
 А во дворец совсем не ходит,
 Да лицо его стало помятое,
 165 Кости его совсем усохли!
 Два года из темницы не выходил.
 Удивляется первая любовь, где он есть,
 Ничего не знает, где он ходит:
 Неужели по полю прогуливается?
 Или в гости направился даже
 170 на пустую землю запущенную?
 Так она удивляется и плачет,
 Где её слышала Юда Самувила
 Которая была в тёмных застенках.
 Да ушла во дворец уже при ней,
 175 И ей сказала новости, да что делать,
 Где есть её первая любовь.
 Она с ней ведёт такой разговор:

- »Шо се чудишь, невесту, еще си ми плачешь?
Талатинска крале не ми се шедба шета,
Ниту ми е на госте на таткува ти земе,
Лу си ми е заторень афь темна зандана,
Та се мольба моли дурь на Бога,
Да му даде чеду ут сорце-ту.»
Какъ ми чула млада невеста,
Се затори аф неина златна худае,
Та се мольба моли дурь на Бога,
Да й даде чеду ут сорце-ту.
Молила се две години,
Дурь тога им Господь мольба услуше,
Та си прати Жива Юда уть небету,
Да си иде афь темна зандана,
Та да каже на Талатинска крале,
Да му каже хаберь да му чини,
Оти му е мольба утишла дурь при Бога,
Та и Господь му мольба услуше;
Нает чини чеду да му даде ут сорце-ту.
Да ни седи вече аф темна зандана,
Лу да иде при пьрве си либе;
На гинешь с' нея да се сфоди,
Дурь на пьлнеш ша затруднее,
Та ша роди нишанлие бележиту дете,
Ша си ми е мощне силувиту:
Ут майка си още не падналу,
Сита земе ша заклати,
Ша се люле као люлька!
Та си слезе Жива Юда уть небету,
Флезе си ми дурь аф темна зандана,
Де си найде Талатинска крале чи си плаче,
Та му вели утговори:
»Молчи, кралю, не ми плачи!
Господь си ти мольба услише,
Та ма прати да ти каза,
Да ти каза, хаберь да ти чина,
Чи ша имашь дете ут сорце-ту.
Лу си стани та си иди аф сарае,
На гинешь да се сфодиш с' тое пьрве либе,
Я на пьлнешь ша си затруднее,
Та ша роди нишанлие бележиту дете;
Ша си ми е мощне силувиту:
Уть майка си още не падналу,
Сита земе ша заклати,
Ша се люле као люлька!»
Какъ ми слуше Талатинска крале,
Сорце му се мощне зарадува,
Па се на Юда мольба моли,
Немой да си иде на небету,
Лу да чека малку аф зандана,
Дурь да иде ду дома си,
Да й донесе чиста леба руйну вину,
Да поеде, да попие,
Чи е изметь учинила.
- «Что ты удивляешься, невеста, ещё и плачешь?
Талатинский король не прогуливается,
180 Нет его и в гостях на отцовой земле,
Лишь затворился в тёмных застенках,
Да с молитвой просит он Бога,
Чтобы ему дал чадо от всего сердца.»
Как услышала это младая невеста,
185 Затворилась в своей золотой спальне,
Да с молитвой просит она Бога,
Чтобы дал ей чадо от всего сердца.
Молилась так целых два года,
Только тогда их молитву Бог услышал,
190 Да послал с небес Живу Юду,²³
Чтобы пошла в тёмные застенки,
Да сказала бы Талатинскому королю,
Чтобы сказала способ, что ему делать,
Почему его молитва дошла до Бога,
195 Да Бог его молитву услышал;
Навет был чаду, но дал ему от всего сердца.
Чтоб не сидел больше в тёмных застенках,
Лишь, чтоб пришёл к первой любви;
Не терял с ней время, да соитился,
200 Пока не наполнит, чтоб забеременела,
Тогда родит прекрасного, знаменитого дитя,
Что будет необычайной силы:
От матери ещё не отпадёт,
Всю землю будет сотрясать,
205 Будет раскачивать как люльку!
Тут спустилась Жива Юда с небес,
Только вошла она в тёмные застенки,
Где нашла Талатинского короля, что плакал,
Да ему молвит, говорит:
210 «Замолчи, король, не надо плакать!
Бог твою молитву услышал,
Да меня к тебе послал, чтобы сказать,
Чтобы тебе сказать способ, а ты сделал,
Да будешь иметь дитя от всего сердца.
215 Лишь встанешь, да пойдёшь во дворец,
Не теряй время, сойтишься с первой любовью,
Ну. наполнишь её, чтобы забеременела,
Тогда родит прекрасного, знаменитого дитя;
Что будет необычайной силы:
220 От матери ещё не отпадёт,
Всю землю будет сотрясать,
Будет раскачивать как люльку!»
Как услышал это Талатинский король,
Сердце его очень возрадовалось,
225 Потом Юду с мольбой просит,
Чтобы пока не улетала на небеса,
Лишь подождала немного в темнице,
Только дойдёт он до дома,
Да принесёт ей чистого хлеба, алого вина,
230 Чтобы поела она, да попила,
Что ему помощь оказала.

»Ша чекамъ, кралю, от' да не чекам.
 Лу да не ми се млогу бавишъ,
 Чи ша ида на небету дуръ при Бога,
 Мольба да му се моле,
 И на Юдинска наше крале чеду да си даде;
 Ету три години чеду не си има.
 Та се жельба жели као тебе.»
 Чекай, Юду, сега ша си дойда.
 Та утиде ду дома си аф негува града,
 Два дни беше дуръ да иде ду дома си,
 Той утиде за два часа.
 Туку флезе аф широки дори,
 На либе си гласум рука:
 »Я подай се, първе либе, на висе дивана;
 Да ти виде белу лику,
 Шо си грее као ясну сонце!
 Да та виде да ти каза,
 Чи ша родишъ мъжку дете ут сорце-ту.
 Господъ си ни мольба услушелъ,
 Та ми хабер чини аф зандана,
 Чи ша родишъ мъжку дете ут сорце-ту:
 Та ми хаберъ чини Жива Юда Самуила,
 Шо си ми е първа халаике на Юдинска крале,
 Та си чини изметъ и на Бога;
 Та се Юда млогу намочила,
 Терала е гозба да га госте,
 Гозба да се гости, руйну вину да си пие:
 Та си дойдохъ афъ сарае, афъ моета града,
 Хаберъ да ти чина гозба да наготвишъ,
 Чи ма Юда чека афъ темна на зандана.»
 Негувуту първе либе още си ми спие,
 Лу ми чула шо й дума първе либе,
 Стана си ми ут златна потстеле,
 Та си слезе на широки дори.
 Как си виде първа либе натъжену,
 Пригърна гу, цалуна гу,
 Па му вели утговори:
 »Шо ти е, либе, лику повеналу,
 Кости ти се изсъхнали?»
 Не ма питай, не ма праши,
 Лу си зготви сладка вечере,
 Да отнеса на Юда Самуила;
 Чи ша иде на небе-ту дуръ при Бога,
 Мольба Богу да се моли,
 На Юдинска крале чеду да си даде,
 Ету три години чеду не си има,
 Та си му е сорце наранену.
 Та ми се запретна първе либе,
 Чиста леба да си меси;
 Как запретна бели роки,
 Роки се белеетъ као снегувита капка!
 Я Талатинска крале си утиде дур на стаду,
 Та си фати башъ ягне сугаре,
 Дуръ на месецъ белувити породену,
 235 «Буду ждатель, король, пока не дождусь.
 Лишь не задерживайся слишком долго,
 Потому что должна идти уже на небеса к Богу,
 Чтобы с молитвой его попросить,
 И Юдинскому нашему королю, чтоб чадо дал,
 Так как три года чада не имел.
 Да печалился, жаловался как и ты»
 Подожди, Юда, сейчас уйдёшь,
 240 Да пошёл домой в его град,
 Два дня нужно идти только до дома,
 Он же добрался за два часа.
 Там зашёл на широкий двор,
 Да любимой громко крикнул:
 245 «Эй, первая любовь, выйди на высокую стену;
 Чтобы я увидел твоё белое лицо,
 Что сияет как ясное солнце!
 Да тебя увижу, да тебе скажу,
 Что ты родишь мальчика от всего сердца.
 250 Бог нашу молитву услышал,
 Да мне весть передал в темницу,
 Что родишь мальчика от всего сердца.
 Эту весть принесла Жива ²³Юда Самувила,
 Что первая волхвиня у Юдинского короля,
 255 Да оказывает помощь ещё и Богу;
 Там Юда много намучилась,
 Принеси ей еды, чтобы угоститься,
 Еды, чтобы угоститься, алого вина попить:
 Да возвращайся во дворец, в мой град,
 260 Поручение тебе даю, чтобы еды наготовила,
 Потому что Юда ожидает в темнице.»
 Его первая любовь ещё там спит,
 Лишь услышала первая любовь, что о ней речь,
 Встала она со золотой постели,
 265 Да вышла во широкий двор.
 Как увидела она первую любовь грустным,
 Обнимает его, да целует его,
 Да ему молвит, говорит:
 «Что ты, любимый, лицом осунулся,
 270 Кости твои, что ли усохли?»
 Не пытай меня, не спрашивай,
 Лишь приготовь вкусную вечерю,
 Да отнеси всё Юде Самувиле;
 Потому что уходит на небеса уже к Богу,
 275 С молитвой будет просить Бога,
 Чтобы Юдинскому королю тоже чадо дал,
 Поскольку три года чада не имеет,
 Поэтому его сердце поранено.
 Ты моя первая любовь засучи рукава,
 280 Да замеси тесто для чистого хлеба;
 Как примешься за дело белыми руками,
 Руки твои побелеют, как снежинки!
 И Талатинский король ушёл уже к стаду,
 Чтобы поймать большого последнего агнеца,
 285 Только месячного белой породы,

Се сус млеку изхранену;
 Фати си гу курбань си гу закла,
 Па гу даде на башь готверника,
 Шо си знае да си готви;
 Та си готви башь готверник
 мандже питувита,
 Шо си еде Юда Самуила.
 Та си първе либе меси чиста леба,
 Хемь си точи руйну вину.
 Башь готверникь си ми готви мандже питувита,
 Я крале си шие златни дрехи сарманлии, 295
 Дарба да си дари Юда Самуила;
 Дрехи да си носи негу да спомина.
 Та си първе либе чиста леба умеси,
 И наточи руйну вину;
 Башь готверникь си наготви
 мандже питувита, 300
 И крале си златни дрехи позлати,
 Позлати ги, нареди ги,
 Та си ги тувари на негува ясна кучие,
 Шо си грее као ясну сонце!
 Дурь да ги тувари сонце си клепналу, 305
 Скри си ми се афь негуви сарае,
 Да се гозба гости сусь стара майка;
 Сонце си клепналу поле се затемнилу.
 Та си ми е църну потемнену,
 Не се фоди не се шета низь поле-ту. 310
 И ясна кучие темна потемнела,
 Не ми грее као ясну сонце.
 Та ми чека Талатинска крале,
 Утре рану да си иде афь зандана,
 Да си тера Юда Самуила. 315
 Лу ми блесна сонце да си грее,
 Навърви ми да си иде афь темна зандана.
 Та ми фоди шо ми фоди низь широку поле,
 Де си дойде афь темна зандана.
 Тера си ми Юда Самуила, 320
 Юда си бегала уть темна зандана!
 Утишла ми е на небету дурь при Бога,
 Мольба Богу да се моли,
 На Юдинска крале чеду да си даде,
 Немой сорце да му е наранену, 325
 Наранену, натъжену.
 На небе-ту дур при Бога си утиде,
 Господь й мольба услушель,
 Та га прати на юдинска земе,
 И на Юдинска крале хабер да си чини, 330
 Чи ша роди чеду ут сорце-ту.
 Талатинска крале чека Юда афь зандана,
 Еле Юда не дохода!
 Дурь му се е вече дудеелу,
 Та си рукна гласумь да си вика:
 »Ей ти, Юду, Жива Юду!
 Лу де да си тука да си,

Да только молоком выкормленного;
 Поймал его и требу Богу принёс,
 Потом отдал его главному повару,
 Который знает, как его приготовить;
 Чтобы приготовил главный повар
 290 блюдо вкусное, питательное,
 Которое будет есть Юда Самувила.
 Тут первая любовь месит чистый хлеб,
 А также наливает алое вино.
 Главный повар готовит блюдо вкусное,
 А король шьёт золотую одежду добротную,
 Чтобы подарок сделать Юде Самувиле;
 Одежду будет носить и его вспоминать.
 Тут первая любовь замесила чистый хлеб,
 И налила в кувшин алого вина;
 Главный повар приготовил
 300 блюдо вкусное, питательное,
 А король золотую одежду позлатил,
 Позлатил её, украсил её,
 Да погрузил всё на свою ясную карету,
 Что сияет как ясное Солнце!
 305 Только он погрузил, Солнце затрепетало,
 И скрылось в своём чертоге,
 Гости угощались со старой матерью;
 Солнце затрепетало и поле потемнело.
 Там стало совсем темным темно.
 310 Никто не ходит, не гуляет по полю.
 И ясная карета тёмная, претёмная,
 Не сияет, как ясное Солнце.
 Тут ожидали Талатинского короля,
 Утром рано, чтобы идти в темницу,
 315 Да встретить там Юду Самувилу.
 Лишь блеснуло Солнце, да засияло,
 Направились идти в тёмные застенки,
 Да пошли они, пошли через широкое поле,
 Где дошли к тёмным застенкам.
 320 Искали там Юду Самувилу,
 Юда же сбежала из тёмных застенков!
 Убежала она на небеса прямо к Богу,
 Чтобы с молитвой его попросить,
 Юдинскому королю, чтоб тоже чадо дал,
 325 Да нельзя, чтобы сердце его поранилось,
 Не поранилось, не огорчалось.
 На небо пока к Богу она ушла,
 Бог её просьбу выслушал,
 Да послал её на Юдинскую землю,
 330 И Юдинскому королю весть передал,
 Что родится у него чадо от всего сердца.
 Талатинский король ожидал Юду в темнице,
 Чуть-чуть Юда не добралась!
 Наконец, ему это уже надоело,
 335 Да громко закричал он, чтобы позвать:
 «Эй ты, Юда, Жива Юда!
 Ну где ты есть, только где,

Да си дойдешь аф темна зандана,
 Гозба да та госте, руйну вину да та пое,
 Хем и дарба да та даре златни дрехи,
 Златни дрехи сарманлии!
 Дрехи да си носишь мене да споминаш.»
 Юда Самуила гозба ми се гости,
 Гозба си га гости Юдинска крале,
 Чи му хаберь чинила дурь ут Бога,
 Оти ша си роди чеду уть сорце-ту;
 Как ми чула Юда на трапеза,
 Чи га вика Талатинска крале,
 Стана уть трапеза на ноги-те,
 Та си тури криле фъркувити,
 Да си фъркне да си иде на Талатинска земе.
 Крале си й вели утговори:
 »Седи, Юду, немой ставай уть трапеза,
 Дурь да си та дарба даре дрехи белувити,
 На разбой нетурени;
 Шо ги шила мое първе либе.»
 Не си седе вече на трапеза,
 Чи ша ида на Талатинска земе,
 Гозба да ме гости Талатинска крале,
 Чи и нему хаберь самь чинила,
 Оти ша роди чеду уть сорцету.
 И той три години чеду не си има!
 »Я постой, Юду, дарба да та даре.
 Ду се ми си била първа халаике,
 Утсе да ми си као сестра.»
 Та га дарба дари дрехи белувити,
 На разбой нетурени,
 Шо ги шила негувуту първе либе;
 Как си тури Юда руху белувиту,
 Си ми бодe као млада Дефка,
 Ши ми чини измет дур на Бога.
 Та си фъркна Юда да си иде;
 Дурь да иде на Талатинска
 гора подробила,
 Гора подробила, поле полумила.
 Фърка низ полету шо ми фърка,
 Си ми дойде аф темна зандана.
 Де си найде Талатинска крале,
 Златна трапеза ми турил,
 Пу трапеза наред стоит златни сахане,
 Афъ сахане мандже питувита;
 Чеше ми е пълна руйну вину,
 Руйну вину тригодишну.
 »Добро утру ти, Талатинска кралю!
 Шо ма терашь, кралю, шо ма викаш?
 Глась ти се слуше дур на юдинска земе!»
 »Даль ти Богъ добро, Юду Самуилу!
 Фтакса ми се, Юду,
 Чи ша чекашь афъ темна зандана;
 Та утидохъ афъ моета града афъ сарае
 Гозба си наготвихъ, вину си наточихъ,
 Если придёшь в тёмные застенки,
 Яствами тебя угощу, алым вином напою,
 340 Ещё подарю подарки - златую одежду,
 Златую одежду добротную!
 Одежду будешь носить, меня вспоминать.»
 Юда Самувила пирует в гостях,
 Пирует в гостях у Юдинского короля,
 345 Потому как весть принесла только от Бога,
 Что у него тоже родится чадо от всего сердца;
 Как услышала Юда на трапезе,
 Что её зовёт Талатинский король,
 Вскочила с трапезы на ноги;
 350 Чтобы надеть крылья летучие,
 Да взлететь и прибыть на Талатинскую землю.
 Король говорит ей, уговаривает:
 «Сиди, Юда, не надо вставать от трапезы,
 Только подарю тебе одежду белоснежную,
 355 Не станочную, а ручной работы;
 Что их шила моя первая любовь.»
 Не сяду больше за трапезу,
 Потому что пойду на Талатинскую землю,
 Меня угостит яствами Талатинский король,
 360 Что я ему весть сама принесла,
 Так как и у него родится чадо от всего сердца.
 Ведь он три года чада не имел!
 «Ну постой, Юда, подарки тебе подарю.
 Ведь ты была у меня первая волхвиня,
 365 И вообще мне ты как сестра.»
 Вот дарю тебе одежду белоснежную,
 Не станочную, а ручной работы,
 Что шила моя первая любовь;
 Как оденешь, Юда, платье белоснежное,
 370 Сразу будешь как младая Дева небесная,
 Что оказывает помощь только Богу.
 Тут вспорхнула Юда, чтобы улететь;
 375 Только прибыла на Талатинскую
 земе землю, весь лес подробила,
 Лес подробила, поле помяла.
 Пролетела через поле и прилетела,
 Сразу пошла в тёмные застенки.
 Где нашла Талатинского короля,
 Златую трапезу он ей накрыл,
 На трапезе в ряд стоят златые блюда,
 380 А на блюдах кушанья вкусные;
 Чаши наполнены алым вином,
 Алым вином трёхгодичным.
 «Доброе утро тебе, Талатинский король!
 Зачем меня искал, король, зачем меня звал?
 385 Голос твой слышно даже на Юдинской земле!»
 «Дай тебе Бог добро, Юда Самувила!
 Подходи скорее ко мне, Юда,
 Или будешь ожидать в тёмных застенках;
 Лучше пойдём в мой град, да во дворец
 390 Кушанье я приготовил, вино налил,

Да та госте, да та пое,
 Чи ми си хаберь чинила дурь уть Бога,
 Оти ша си роде чеду уть сорце-ту;
 Ега дойдохъ афъ зандана тебе не си найдохъ,
 Та си гласумъ викнахъ: 395
 Лу де да си тука да си,
 Да си ядишь мое мандже питувита,
 Да си пиешъ руйну вину тригодишну;
 Хемь и дарба да та даре златни дрехи,
 Златни дрехи сарманлии; 400
 Да ги носишь мене да споминашь.
 Ега си ми хаберь чини дурь уть Бога,
 Чи ша роде чеду уть сорцету,
 Виде ми се чи си Юда Самуила,
 Сега си турила белувити дрехи,
 Чини ми се чи си млада Дефка,
 Шо си чини измет дурь на Бога.»
 Не самъ Дефка, лу сам Юда!
 Юдинска крале дарба си
 дари дрехи беловити,
 Шо гишила негувуту първе либе,
 Чи му самъ хаберь чинила,
 Оти ша си роди чеду уть сорце-ту.
 Фтаксахъ ти се, кралю,
 та чекамъ афъ зандана
 И та сам чекала дурь да сонце клепне,
 Ела ти ма си излъгалу, измамизлу!
 Та утидохъ на небету дурь при Бога,
 Мольба Богу да се моле,
 И на Юдинска крале чеду
 да си даде ут сорце-ту.
 »Не та сам, Юду, излъгалу, измамилу.
 Лу си натуварихъ мое-та ясна кучие,
 Сонце вече си клепналу,
 Скри си ми се афъ негуви сарае,
 Гозба да се гости сусь стара си майка;
 Туку сонце клепна поле се затемни,
 Та си ми църну потемнелу;
 И ясна кучие темна потемнела,
 Не ми грееше као ясну сонце;
 Не можеше да се фоди пу поле-ту.
 Лу си сонце блесна си навървихъ,
 Та си дойдохъ афъ темна зандана.
 Прости си ми, Юду, шо се сам забавиль,
 Та си седни на трапеза да си ядишь.»
 Просту нека ти е, кралю и уть мене!
 Та си седна Юда да си яди,
 Да си яди, вину да си пие;
 Яла малку, сита мандже испояла,
 Пила малку, ситу вину си испила,
 Ни остави нищу на трапеза!
 Та си тури криле фъркувити,
 Иска вече да си фоди да си бега. 440
 Дур тога ми стана Талатинска крале на ноги-те,

Чтобы тебя угостить, да тебя напоить,
 Что ты весть принесла от самого Бога,
 Что родится чадо от всего сердца;
 Приходил я в темницу, но тебя не нашёл,
 Да кричал громко, тебя звал:
 Ну, где ты есть, только где,
 Чтобы покушала мою вкусную еду,
 Да выпила алого вина трёхгодичного;
 Затем подарю тебе подарок - златую одежду,
 Златую одежду добротную; 400
 Чтобы их носила, да меня вспоминала.
 За то, что мне весть уже принесла от Бога,
 Что родится чадо от всего сердца.
 Видится мне, Юда Самувила,
 405 Сейчас одета ты в белоснежные одежды,
 Выглядишь как младая Дева небесная,
 Что оказывает помощь только Богу.»
 Но нет небесной Девы, есть сама Юда!
 ма Юдинский король подарил мне
 в подарок одежды белоснежные,
 410 Чтошила его первая любовь,
 Потому что я сама ему весть принесла,
 Что у него тоже родится чадо от всего сердца,
 да Приходила к тебе, король,
 да ожидала тебя в темнице
 и так тебя ожидала, пока Солнце склонилось,
 415 А ты меня обманул, солгал!
 Тогда отправилась я на небеса прямо к Богу,
 Чтобы с молитвой его попросить,
 И Юдинскому королю тоже,
 чтобы дал чадо от всего сердца.
 «Не я, Юда обманул и солгал.
 420 Лишь загружал я мою ясную карету,
 Солнце уже совсем заходило,
 Скрылось затем в своём чертоге,
 Гостей угощала старая мать;
 Только Солнце зашло, поле потемнело,
 425 Да стало нам темным темно;
 И ясная карета тоже потемнела,
 Не сияет, как ясное Солнце:
 Не может передвигаться по полю.
 Лишь Солнце лучом блеснуло,
 430 Тут же примчался в тёмные застенки.
 Прости меня, Юда, что задержался,
 Ты садись за трапезу, да покушай.»
 Прощение тебе, король, и от меня!
 Ты садись, Юда, чтоб покушать,
 435 Да покушать и вина тоже попить;
 Поела немного, всю еду затем съела,
 Выпила немного, всё вино затем испила,
 Не оставила ничего на трапезе!
 Потом надела крыль летучие,
 440 Хочет уже уйти и убежать.
 Встал тогда Талатинский король на ноги,

Та утключи шарени съндъци,
 Та искара златни дрехи сарманлии,
 Та си дарба дари Юда Самуила,
 Лу ги тури Юда Самуила,
 Па си ги даде на Талатинска крале:
 Отнеси си златни дрехи на сарае!
 Ега си ти дете порасне,
 Златни дрехи нека носи,
 Па ут ником' да се не бои.
 Сова рече Юда не отрече,
 Фъркна си ми та побегна.
 И Талатинска крале си ми яхна ясна кучие,
 Та утиде афъ града си афъ сарае.
 Месечина вече изгинала на небе-ту,
 Та се сфоди сус първе си либе
 На гинеш се сфоди,
 На пълнеш затруднела първа му либе.
 Как си виде Талатинска крале,
 Чи е затруднелу негуву-ту първе либе,
 Дуръ тога му се сорце зарадува;
 Иска шедба да се шета пу земе-та,
 Да се види сус достове, сус побратиме;
 Та и гозба да се гости сус седемдесе крале.
 Та си яхна рибна коне бележита,
 Шо си плива пу море-ту,
 Шо си фърка као пиле пу поле-ту,
 Шетна си гу да си фърка пу поле-ту,
 Я първе либе му поръче и заръче:
 Да се шета пу сичка-та земе,
 Та да иде и на таткува хи земе,
 Да си види шо й прави милни татку?
 Та се шета шо се шета,
 Исфоди ми сита земе,
 Та се виде сусъ достове, сусс побратиме:
 Сусъ седемдесе крале гозба се нагости.
 Па си шетна коне низ море-ту,
 Та утиде на Ситска земе запустена,
 Праву фоди на дедуви си сарае.
 Той ми стои на висе дивана,
 Та си гледа на далеку на море9ту.
 Дал' си иде негува-та мила керка!
 Как ми виде Талатинска крале,
 Слезе си ми на широки дори,
 Пригърна гу, цалуна гу,
 Па гу пита и гу праши:
 »Дека си е, кралю, тое първе либе?
 От' на госте не га карашъ?»
 »Мое първе либе рока ти цалуе,
 Не може да дойде на тое-та земе,
 Оти ми е тешка затруднела,
 Ша си роди мъжку дете бележиту,
 Ша си ми е мощне силувиту;
 Ут майка си още не падналу,
 Сита земе ша заклати,
 Да отомкнул красивые сундуки,
 И достал златые одежды добротные,
 Да подарил подарок Юде Самувиле,
 445 Лишь надела их Юда Самувиле,
 Потом отдаёт их Талатинскому королю:
 «Отнеси златую одежду во дворец!
 Когда твоё дитя вырастет,
 Златые одежды пусть носит,
 450 Потом никого не будет бояться.»
 Свою речь Юда не досказала,
 Вспорхнула она и удалилась.
 А Талатинский король вскочил в ясную карету,
 Да поехал в град и свой дворец.
 455 Луна уже пропала на небе,
 Тут соитился он с первое любовью
 Соитился, не тратил время зря,
 Да наполнил её и забеременела первая любовь.
 Как увидел это Талатинский король,
 460 Что забеременела его первая любовь,
 Только тогда его сердце возрадовалось;
 Хочет в путешествие отправиться по земле,
 Да увидеться с достойными побратимами;
 Ну и яствами угостить семьдесят королей.
 465 Вскочил он на рыбу-коня знаменитого,
 Что может плавать по морю,
 Да летит как птица по полю,
 Помчался он, да полетел по полю,
 А первая любовь поручила ему и наказала:
 470 Чтобы объездил все земли,
 Да заехал на отцову землю,
 И посмотрел, что там делает родной папа?
 Потом шествовал, путешествовал,
 Исходил все знакомые земли,
 475 Да увиделся с достойными побратимами,
 С семидесятью королями попиrowал бы.
 Тут он отправился на коне через море,
 Да прибыл на Ситскую землю запусценную,
 Прямо идёт к деду во дворец.
 480 А он стоит на высокой крепостной стене,
 Да глядит далеко в море.
 Не идёт ли его родная дочка!
 Как увидел он Талатинского короля,
 Вышел сразу на широкий двор,
 485 Обнимает его, целует его,
 Потом его пытается и его спрашивает:
 «Где она, король, твоя первая любовь?
 Почему её в гости не привёз?»
 «Моя первая любовь целует твою руку,
 490 Не может приехать на твою землю,
 Потому что потяжелела, забеременела,
 Должна родить мальчика знаменитого,
 Что будет обладать большой силой,
 От матери ещё не отпадёт,
 495 А вся земля будет качаться,

Ша се люле као люлька!»
 Как ми чула Ситска крале,
 Сорце му се зарадува.
 Лу се качи на висе дивана,
 Си порука ду младу татарче,
 Та гу прати да си иде пу сичка земе,
 Да си кани седемдесе крале,
 Да си дойдат на Ситска земе запустена,
 Гозба да ги гости Ситска крале;
 Оти Боже име ша си чини,
 Чи е видел негува-та млада зете.
 Хемъ си има малка внука бележита,
 Шо гу затруднела негува-та керка.
 Та си кани младу татарче седемдесе крале,
 Да си дойдат на Ситска земе запустена,
 Гозба да ги гости Ситска крале,
 Чи е видел негува-та млада зета;
 И си има малка внука бележита,
 Шо гу затруднела негувата керка.
 Та си идат седемдесе крале
 на пуста земе запустена,
 Сички яхат рибни коне,
 Шо си пливат море широку;
 Заминали Ситску море размързналу,
 Та си утидоха аф Ситска нова града.
 Как ги виде Ситска крале чи си идатъ,
 Излезе ми на поле широку,
 Пригърна ги, цалуна ги,
 Та си ги уткара афъ негуви сарае,
 Та ми седець и ми пиеть.
 Ситска крале още гозба не си чини,
 Да си гости седемдесе крале;
 Чека си ми да се пълни месечина,
 Дуръ тога ми заправи Боже име.
 Курбанъ коле дур на Бога,
 Та ми закла иледа крави се ялувити,
 И ми закла иледа ювна се факлати;
 Как ги коле кръвь ми тече као река,
 Нова града не се гледа уть кръвава река!
 Та заправи тешка гозба бележита,
 Вину точи две недели,
 Та е гозба наготвена,
 Златни трапези се турени,
 Пу трапези седець седемдесе крале,
 Та си чекать гозба да се гостеть.
 Харапине крале още нема да си дойде,
 Той се кани на Талатинска крале,
 Чи си е залибил мома Талиана,
 Шо си била нему фтаксана.
 Чекали гу два дни дуръ и три дни,
 Па гу нема да си дойде.
 Дуръ тога се гозба загостиха седемдесе крале,
 Та си ядатъ и си пиеть.
 Наяли се, напили се,

Будет качаться как люлька!»
 Как услышал это Ситский король,
 Сердце его очень возрадовалось.
 Лишь поднялся на крепостную стену,
 Да позвал младого слугу,
 Послал его объездить все земли,
 Да пригласить семьдесят королей,
 Чтобы пришли на землю Ситскую пустынную,
 На пир в гости к Ситскому королю;
 От Бога имя внуку чтобы получить,
 Да что увидел своего младого зятя.
 Наконец, займёт малого внука знаменитого,
 Потому что забеременела его дочка.
 Тут позвал младой слуга семьдесят королей,
 Чтобы пришли на Ситскую землю пустынную,
 В гости на пир к Ситскому королю,
 Что он увидел своего младого зятя;
 И будет иметь малого внука знаменитого,
 Потому что забеременела его дочка.
 Тут поехали семьдесят королей
 на пустую землю запущенную,
 Все оседлали рыбных коней,
 Что переплывают широкое море,
 Миновали Ситское море оттаявшее,
 Да приехали в Ситский новый град.
 Как увидел Ситский король, что они идут,
 Вышел их встречать во широкое поле,
 Обнимает их, целует их,
 Да отводит их в свой дворец,
 Чтобы посадить их и напоить их.
 Ситский король ещё еду не приготовил,
 Чтобы угостить семьдесят королей;
 Ожидал, когда будет полная луна,
 Только тогда можно получить Божье имя.²⁴
 Требу нужно принести самому Богу,
 Тут принесли они требу тысячу коров яловых,
 И ещё требу тысячу овнов мохнатых;
 Когда приносят требу, кровь течёт рекой,
 Новый град не видно из-за кровавой реки!
 Тут справили богатый пир знаменитый,
 Вино наливали две недели,
 Да угощение приготовили,
 Златую трапезу накрыли,
 За трапезой сидят семьдесят королей,
 Да ожидают угощение, чтобы поеть.
 Харапинского короля ещё нет, не доехал,
 Его пригласил Талатинский король,
 Так как он любил девушку Талиану,
 Что была к нему равнодушна.
 Ожидали его два дня, потом три дня,
 Пока его нет, не доехал ещё.
 Тогда уже семьдесят королей начали пировать,
 Да все едят и все пьют.
 Наелись они и напились они,

Та си чинат жюмбушь пу златни трапези;
 Кой си песна пее, кой си каваль свире.
 Де си иде църна Харापине,
 Си ми яха рибна коне бележита;
 Как гу гледать седемдесе крале,
 Хрипнаха си уть трапези на ногите,
 Та му праветь месту на глава да седне,
 Чи си ми е мощне уморену;
 Та да яди и да пие;
 И па прошка да прощава,
 Оти гу се два дни дурь и три дни чекали!
 Та си седна Харापине крале на глава,
 Ела ниту яди, ниту пие,
 Лу се пуд мустак смее!
 Та гу питат седемдесе крале и гу прашеть:
 »Оти ми се, кралю, толку забавилу?
 Да л' бе море размързналу,
 Та не си можель море да заминешь?
 Ил' ти сура ламие на път излела,
 Та ти път заптисала?»
 Море си бе замързналу,
 Мое коне бележита гу исплива;
 На пъть ми излела сура ламие,
 Пъть заптиса на дервене на клисуре,
 Не ми дава ни напрешь, ни назад да си ида,
 Уста расзинала, очи уторила,
 Иска цала да си ма погълне!
 Де ми Богъ сила прати дурь уть небе,
 Та си искарахъ уть пазуфи сабе кулаклие:
 Разедихъ се, разлютихъ се,
 Надесну си магнахъ сабе кулаклие,
 Дурь тога ламие си бегала;
 Та си шетнахъ коне низъ поле широку,
 Да си стигне сура ламие.
 Та га гонихъ шо га гонихъ,
 Стигнахъ си га на бел Дунавъ,
 Та си копнахъ коне и га с' ноги подроби!
 Още си самъ люту налютену;
 Ниту ми се яди, ниту ми се пие,
 Крвьъ ми се е люту запалила,
 Та не мога на трапеза да си седе;
 На ноги ша стана хору да си играмъ.
 Сова рече не отрече,
 Стана си ми уть златна трапеза,
 Та си хору играе пу златна трапеза.
 Игра малку шо игра,
 Уть пазуфи искара сабе кулаклие,
 Сус сабе пу трапеза да играе;
 Талатинска крале иска млада да погуби,
 Да залиби негувуту първе либе мома Талиана.
 Та си магна сабе пу Талатинска крале,
 Де му Бог помогна та гу сабе не дукачи.
 Как ми стана Талатинска крале,
 Разеди се, разлюти се,

Да началось веселье на златой трапезе,
 Кто песни поёт, кто на рожке играет.
 Тут появился чёрный Харрапин
 Приехал на рыбе-коне знаменитом;
 Как увидели его семьдесят королей,
 Поднялись от трапезы на ноги,
 Да его усаживают во главе стола,
 Так как он был очень утомлённый,
 Да чтобы он поел и чтобы попил;
 И прощение ему обещали,
 Что его два дня и потом три дня ждали!
 Тут сел Харрапинский король во главе,
 Опомнился, но не ест и не пьёт,
 Лишь усмехается в усы!
 Та пытаются семьдесят королей и спрашивают:
 «Почему, король, так задержался?
 Может быть море растаяло,
 Да не мог море переехать?
 Или Сура Ламия путь преградила,
 Да этот путь захватила?»
 Море уже начало замерзать,
 570 Мой конь знаменитый его переплыл;
 Но путь мне преградила Сура Ламия,
 Путь перекрыла деревом в ущелье,
 Не даёт ни вперёд, ни назад идти,
 Пасть разинула, очи вытаращила,
 Хотела поцеловать, да меня проглотить!
 Хорошо , что Бог послал силу с неба,
 Тут вынул я из-за пазухи саблю динную,
 Разозлился, да разлютовался,
 Направо махнул саблей длинною,
 580 Только тогда Ламия побежала;
 Тут бросился я на коне через поле широко,
 Чтобы настичь Суру Ламию.
 Да её догонял, чтобы прогнать,
 Настиг её на белом Дунае,
 585 Тут подскочил на коне и ей ноги перебил!
 Ещё и сейчас я сам злой, презлой;
 Не хочется мне ни есть, ни пить,
 Кровь у меня люто вскипела,
 Да не могу за трапезой я сидеть;
 590 На ноги встану, станцюю хороводную.
 Свою речь ещё не отговорил,
 Встал он от златой трапезы,
 Да танцует хороводную на златой трапезе.
 Потанцевал маленько этот танец,
 595 Из-за пазухи достал саблю длинную,
 С саблей на трапезе танцует;
 Талатинского короля молодого хочет погубить,
 Что любил его первую любовь деву Талиану.
 Та замахнулся саблей на Талатинского короля,
 600 Но ему Бог помог, да его сабля не достигла.
 Как вскочил Талатинский король,
 Рассердился он, разлютовался,

Прошка тера уть седемдесе крале,
 Прошка тера мольба им се моли,
 Да си станат уть трапеза на ноги-те, 605
 Та и той сабе да замахне пу църна Харапине,
 Сабе да си махне, заем да си върне,
 Та макар сабе да гу не дукачи.
 »Ша станеме, кралю, от' да не станеме.
 Прошка имаш и уть назе, 610
 Сабе да замахнешь заемь да си върнешь;
 Туку гледай църна Харапине да погубишь,
 Оти си е наш душманинь,
 Иска назе млади да погуби.»
 Та ми стана Талатинска крале ут трапеза, 615
 Уткачи си негува-та осра сабе,
 Сабе махна пу църна Харапине,
 Лу га махна глава му на земе падна,
 Утмалъ душе си продума:
 »Уть Богъ да найдешъ, Талатинска кралю! 620
 Ти си билу мощне силувиту;
 Халал нека ти е мома Талиана,
 Шо га либиш ету три години;
 Та е вече затруднела мъжку дете.»
 Сова рече не отрече,
 Душе си придаде дуръ на Бога.
 Как видели седемдесе крале,
 Чи е Талатинска крале толку силувиту,
 Борба да надбори църна Харапине,
 Фальба гу се пофалили; 630
 Па си седать на златна трапеза,
 Да си ядать, да си пиеть,
 На трапеза ми седна и Талатинска крале,
 И той да си яди, да си пие.
 Туку седна порти се захлопали,
 Та ми пита Ситска крале и ми праши:
 »Кой ми хлопа, кой ми чука на железни порти?»
 Първа слуга си самъ на Талатинска крале.
 Негува стара майка си ма прати дури тука,
 Да му каза хаберъ да му чина, 640
 Чи му се е мъжку дете породилу;
 Мъжку дете бележиту нишанлие;
 Дете си е мощне силувиту,
 Уть майка си още не падналу,
 Сита земе си заклати,
 Та се люле као люлька.
 Толку силувиту си е малку дете!
 Как ми чуе Талатинска крале,
 Чи му се е мъжку дете породилу,
 Мъжку дете мощне силувиту,
 Тешка дарба си дари ду негува слуга,
 Па цалуна рока на Ситска крале,
 Та си яхна рибна коне бележита,
 Да си иде при негуву първе либе,
 Та да види мъжку дете бележиту,
 Шо си ми е толку фальба пофалену.

Извиниться хотел у семидесяти королей,
 Прощение с мольбой у них попросил,
 Чтобы встать ему с трапезы на ноги,
 Да саблей замахнуться на чёрного Харапина,
 Саблей махнуть, долг чтоб вернуть,
 Хотя сабля его не достигла цели.
 «Что встанем, король, или не встанем.
 Прощение ты имеешь и от нас,
 Саблей замахнёшься, да долг вернёшь;
 Только смотри, Чёрного Харапина погубишь,
 Потому что он наш неприятель,
 Хотел нас молодых погубить.»
 Тут выходит Талатинский король с трапезы,
 Поднял он свою острую саблю,
 Саблей махнул на Чёрного Харапина,
 Лишь махнул, голова его на землю упала,
 Еле переводя дух, душа его проговорила:
 «Бог тебя накажет, Талатинский король!
 Ты был очень сильный,
 Пусть завладел ты девушкой Талианой,
 Что вот любишь её три года;
 Да уже забеременела она мальчиком.»
 625 Свою речь ещё не досказал,
 Душа его отправилась уже к Богу.
 Как увидели семьдесят королей,
 Что Талатинский король такой сильный,
 В борьбе победил Чёрного Харапина,
 630 Хвалой его все прославили;
 Затем садятся за златую трапезу,
 Чтобы покушать, да чтобы попить,
 Сел за трапезу и Талатинский король,
 И стал он есть, и стал он пить.
 635 Только сели, ворота захлопали,
 Тут пытаются Ситского короля, да спрашивают:
 «Кто хлопает, кто стучит в железные ворота?»
 Я первый слуга Талатинского короля,
 Его старая мать послала меня сюда,
 Чтобы ему сказать весть, да что ему делать,
 640 Ведь у него родился мальчик;
 Мальчик прекрасный, знаменитый;
 Ребёнок этот очень сильный,
 От матери ещё не отпал,
 645 Всю землю он заколебал,
 Что закачалась она как люлька.
 Такое сильное малое дитя!
 Как услышал его Талатинский король,
 Что у него мальчик родился,
 650 Мальчик очень сильный,
 Дорогие дары подарил своему слуге,
 Потом поцеловал руку Ситского короля,
 Да оседлал рыбу-коня знаменитого,
 655 Чтобы поехать к своей первой любви,
 Да увидеть мальчика знаменитого,
 Что только хвалой его прославили.

С' нег' утиде и Фейска крале.
 Оти ми се као брате уть една майка.
 Фодили ми шо ми фодили,
 Утишли си на Талатинска земе;
 Месець билу дурь да идать на негува земе,
 Тие си утишли за два дене!
 Туку флели аф сарае,
 Малку дете шо си билу духувиту,
 Позна си ми чи си иде негувь татку,
 Та се рукна и подрукна:
 »Ой ле, тате, мила тате!
 Е' да видишь, тате, тое дете бележиту!
 Още уть майка си не падналу,
 Сита земе си заклати,
 Та се люле као люлька!»
 Какъ ми чули чи е дете продумалу,
 Сички ми се чудумъ чудеть,
 Шо ша бодe малку дете бележиту?
 Сита земе, велеть, ша заптиса!
 Та заправи Талатинска крале Боже име,
 Курбанъ да си коле дурь на Бога,
 Чи си му е даль чеду уть сорце-ту;
 Та си закла девет крави ялувити,
 Курбанъ си утиде дурь при Бога,
 Оти му е билу уть се сорце.
 Па си иска гозба да гости седемдесе крале,
 Та си прати фейска крале
 на Ситска земе запустена,
 Да си кани седемдесе крале,
 Да си дойдать на негува Талатинска земе,
 Тешка гозба да ги гости,
 Чи си има дете бележиту.
 Та утиде фейска крале дурь на Ситска земе,
 Де си найде седемдесе крале;
 Още не си утишли на техна-та земе.
 Та ги кани да си идать на Талатинска земе,
 Гозба да ги гости Талатинска крале,
 Чи му се е породилу малку дете бележиту.
 За день си утиде фейска крале
 на Ситска земе запустена,
 За день си се върна на Талатинска земе;
 Я шо ми се седемдесе крале, мощне се бавили,
 Дурь да дойдат неде ле минала.
 Та заправи Талатинска крале тешка гозба,
 Да си гости седемдесе крале;
 Та си закла иледа юнчета все на отбурь,
 На уралу невпрегнати,
 И си закла иледа ювна руди и факлати;
 Наточи си руйну вину тригодишну;
 Гозба си е вече наготвена.
 Та си тури златна трапеза позлатена,
 Со елмаз-таши поднизана;
 На трапеза седнали ми седемдесе крале,
 Та си ядатель и си пиеть.

С ним собирается и Фейский король,
 Потому что он ему как брат от одной матери.
 660 Ехали они, да всё ехали,
 Добрались до Талатинской земли;
 Месяц надо было идти на его землю,
 Они прошли её за два дня!
 Только появились во дворце,
 665 Малое дитя было остроумное,
 Узнал, что идёт его отец,
 Да позвал и прокричал:
 «Ой ты, папа, родной папа!
 Ты видишь, папа, твоё дитя знаменитое!
 670 Ещё от матери не отпал,
 Всю землю заколебал,
 Что закачалась как люлька!»
 Как услышали они, что мальчик сказал,
 Все этому чуду удивились,
 675 Кем же будет малое дитя знаменитое?
 Всей землёй, говорит, что завладеет!
 Тут Талатинский король готовит Божье имя,
 Требу хочет принести он для Бога,
 Что он ему дал чадо от всего сердца;
 Тут приносит он требу – девять коров яловых,
 680 Треба отправилась прямо к Богу,
 Потому что послана ему от всего сердца.
 Затем хочет угостить семьдесят королей,
 Да посылает он Фейского короля
 на Ситскую землю запусценную,
 Чтобы пригласить семьдесят королей,
 685 Дабы пришли на его Талатинскую землю,
 На богатый пир, чтобы погостить,
 Потому что он заимел дитя знаменитого.
 Тут уехал Фейский король на Ситскую землю,
 Где нашёл всех семьдесят королей;
 690 Ещё не разошлись по своим землям.
 Да пригласил их идти на Талатинскую землю,
 В гости на пир к Талатинскому королю,
 Так как у него родился мальчик знаменитый.
 За день добрался Фейский король
 на Ситскую землю запусценную,
 700 За день вернулся на Талатинскую землю;
 Но семьдесят королей очень задержались,
 Пока дошли, миновала неделя.
 Да справил Талатинский король богатые яства,
 Чтобы угостить семьдесят королей;
 700 Тут приготовил тысячу бычков все на отбор,
 В плуг ещё ни разу не запряжённых,
 Да тысячу овнов рыжих и мохнатых;
 Налил алого вина трёхгодичного;
 Явства уже все приготовлены,
 705 Тут накрыли златую трапезу позлащенную,
 Большими алмазами посуда украшена;
 За трапезу сели семьдесят королей,
 Да стали они есть и стали они пить,

Дурь се вече ядене прияли,
 И се руйну вину мощне понапили;
 Та си жюмбушь чинать сиирь си праветь.
 Кой ми свирка свири,
 Кой ми медань каваль свири,
 Кой ми лепа песна пее;
 Жюмбушь чинать малу-млог
 Малу-млогу три недели,
 Дурь хми се е вече дудеелу.
 Искать си ми седемдесе крале да си фодеть,
 Чи не си се фодили ету три месеци.
 Талатинска крале не ги пуца:
 »Поседите още малку, седемдесе крале,
 Дурь да ми се малку дете биска набизае,
 Да си земе малку дете афь роките,
 Та да видеть колку си е бележиту нишанлие;
 Па да си му туреть лепу име хемь и личну.» 725
 Та ми седеть седемдесе крале още две недели,
 Дурь да си се дете биска набизае.
 Бизалу дете не се набизалу,
 Утмалъ гу се уть биска истеглили!
 Татку му гу зелу афь роките,
 Искарка гу вонка на потоне,
 Да гу видеть седемдесе крале
 колку си е бележиту,
 Хемь и лепу име да му туреть.
 Лу излелу дете земе се потресла,
 Ми се люле као люлька!
 Излели се седемдесе крале вонка на потоне,
 Как видели малку дете бележиту,
 Ут лику му грее ясну сонце,
 Чудеть ми се шо ша боде малку дете?
 Още малку земе си потресна,
 Ами да нарасне ше ша боде,
 Оти има духувита сила;
 Борба ша се бори и сусь земе, и сусь море.
 Та си му турили лепу име Сада крале,
 Чи ша сита земе си засели!
 Пуста земе запустена не ша си устави,
 Дурь и Ламийска земе ша заптиса,
 Шо ми се сури ламии, борба ша ги надбори.
 Още си ми малку дете тешка дарба подариха,
 Сички си гу дарба дариха
 все дукати нишанлии 750
 Со злату позлатени, со елмазь таши подресени,
 Да ги има да ги чува:
 Кога си порасне да се жени,
 Дарба да си дари ду негуву първе либе,
 Та да помни кога се се гозба
 гостили седемдесе крале.
 Та си навървиха седемдесе крале да
 си фодеть кой на земе, кой на море.
 Как ги виде малку дете чи си фодеть,
 Малку още продумалу та им вели утговори:

До тех пор, пока не насытились,
 И алого вина много выпили;
 Тут веселье началось, стали выступать.
 Кто им на свирели играет,
 Кто на медной трубе дудит,
 Кто прекрасные песни поёт;
 715 Веселье длилось ни много, ни мало
 Ни много, ни мало три недели,
 Пока это им уже надоело.
 Хотели семьдесят королей возвращаться,
 Так как находились целых три месяца.
 720 А Талатинский король их не пускает:
 «Побудьте ещё немного семьдесят
 королей. Только моё малое дитя грудь пососёт,
 Да возьму малого дитя на руки,
 Вот увидите, какой он красивый, знаменитый;
 Потом дадим ему красивое личное имя.»
 Тут сели семьдесят королей ещё на две недели,
 Пока дитя чтобы грудь сосал.
 Сосёт дитя, никак не насытится,
 С большим трудом его от груди оттянули!
 730 Отец взял его на руки,
 Вынес его на крепостную стену,
 Чтобы его увидели семьдесят королей,
 Какой он у него замечательный,
 Ну и красивое имя ему подыскать.
 Лишь вышел мальчик, земля затряслась,
 735 Они закачались, как в люльке!
 Зашли семьдесят королей на высокую стену,
 Как увидели малого дитя знаменитого,
 От лица его сияет ясное солнце,
 Удивляются, кем же будет малое дитя?
 740 Если ещё малым землю сотрясает,
 А когда подрастёт, будет поучать,
 Потому что имеет силу высокодуховную;
 Будет бороться и с землёй, и сморем.
 Тут ему сотворили красивое имя Сада король,
 745 Чтобы потом все земли заселил!
 Пустой земли запущенной не останется,
 Даже и Ламийскую землю завоюет
 Да Суру Ламию в битве победит.
 Ещё малому дитя дорогие подарки дарили,
 Все ему в подарок ,дарили
 только дукаты знаменитые,
 В сумках позлаченных, с алмазом подшитым,
 Да чтобы их имел да их сберегал:
 Когда подрастёт, чтобы женился,
 Подарки бы дарил своей первой любви,
 Чтобы помнил, когда в гостях
 755 пировали семьдесят королей.
 Тут направились семьдесят королей
 уходить, кто по земле, а кто по морю.
 Как увидел малый мальчик, что они уходят,
 Малый ещё подумал, да им говорит:

- »Фодите ми, седемдесе
 крале, на ваше-та земе,
 Ду година пак да дойдете на наше-та земе,
 Гозба да се гостите и на моета свадба.
 Година още не поминала,
 Ша си терамъ либе спроти мене,
 Лу да найда либе спроти мене ша се жене,
 Да ми се засели пуста земе запустена.»
 Сова рече не отрече,
 Флезе си ми афъ худае дуръ при майка,
 Чи е малку биска да бизае.
 Седемдесе крале как ми чуха малку дете,
 Чи ми още малку продумалу,
 Единъ другумъ си велеть:
 »Е бре, шо е дете бележиту нишанлие,
 Духувита сила си ми има!»
 Па си дума фейска крале на татку му:
 »Е бре, Талатински кралю, мой побратиме!
 Кога си ти малку дете порасне
 И му дойде време да се жени,
 Нийде мома да не му си тераль,
 Нийде мома за негу не си има.
 Мома има спроти негу дуръ на Рична земе.
 Рична крале си има ду три керки,
 И три-те се дюнягюзеллийки;
 Я шо си е наймалка-та мома Дурида;
 Утъ лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та.
 Ела Рична крале не ги жени,
 Иска си ми негува земе да засели,
 Заключение ги аф темна зандана,
 Та ги чувать ду три змии нишанлии,
 Сусъ три глави се, сусъ шесть опашки!
 Не ми дават ни чувекъ да ми иде,
 Ни пиле шо си фърка да прифъркне;
 Лу кой ми утишель на Рична земе,
 Назад си се не враца,
 Ду три змии младу си гу загубевать.
 Ама тое дете мощне си е силувиту,
 Сила има духувита,
 Ду три змии борба ша надбори.
 Той да иде дуръ на Рична земе,
 Да си тера малка мома Дурида.»
 Сова рече Фейска крале не одрече,
 Шетна коне си утиде.
 Малку дете раста шо порасна,
 Колку расте по-силну си бива.
 На година ми излезе на чаире,
 Сииръ да си чини жюмбушь да си прави,
 Сусъ юнаци камень да си фърле.
 Та ми сички камень фърлетъ
 Кой пу крачка, кой пу аршинъ;
- «Возвращайтесь вы, семьдесят
 760 королей на ваши таковые земли,
 Да через год приходите на нашу землю,
 Попировать да погостить на моей свадьбе.
 Пока год ещё не закончится,
 Буду искать любимую, достойную меня,
 765 Как найду любовь достойную меня, то женюсь,
 Да мы заселим пустую землю запусценную.»
 Свою речь ещё не досказал,
 Вышел в спальню опять к матери,
 Потому что малому надо грудь пососать.
 770 Семьдесят королей как услышали малого дитя,
 Что им ещё малый проговорил, Один другому
 они говорят:
 «Гой еси, это дитя выдающееся, знаменитое,
 Высокодуховную силу он имеет!»
 775 Потом Фейский король говорит его отцу:
 «Гой еси, Талатинский король, мой побратим!
 Когда твоё малое дитя подрастёт
 И ему придёт время жениться,
 Нигде нет девушки, чтобы ему привести,
 780 Нигде нет девушки, чтобы за него выйти.
 Девушка, достойная его, есть на Ричной земле.
 Ричный король имеет три дочки,
 И все три вселенские красавицы;
 А которая есть наименьшая дева Дурида:
 785 От лица её сияет ясное солнце!
 На груди у неё ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 Коса у ней до самой земли.
 Однако, Ричный король их не отдаёт замуж,
 790 Хочет, чтобы его землю заселили,
 Заключение их в тёмные застенки,
 Да стерегут их три змеи необычные,
 С тремя головами и шестью хвостами!
 Ни одному человеку не дают пройти,
 795 Ни птице летучей, чтобы пролететь;
 Если кто-нибудь уходил на Ричную землю,
 Назад уже не возвращался,
 Да три змеи младого сразу губят.
 Но твоё дитя очень сильное,
 800 Силу имеет высокодуховную,
 Да трёх змей может в битве победить.
 Пусть пойдёт он на Ричную землю,
 Да приведёт младую деву Дуриду.»
 Свою речь Фейский король не досказал,
 805 Вскочил на коня и ускакал.
 Малое дитя растёт, ещё подрастает,
 Сколько растёт, силы больше прибывает.
 В году к нему прехали на чай,
 Потом устроили турнир, чтобы состязаться,
 810 С юнаками камень надо бросить.
 Когда все камень бросили
 Кто на шаг, а кто на аршин;

Малку дете как ми зева камень
 Фърлилу гу в' средь море-ту!
 Как видели сички се чудили,
 Шо си ми е дете още малку,
 Ела си е мощне силувиту.
 Афъ гора си има ду два змее,
 Та си гледать сииръ ми чинать.
 Как видели малку дете,
 Чи си ми е мощне силувиту,
 Камень фърли дур аф море,
 Мощне му каскандисали дуръ и зоби кърцнали:
 »Уть кучке родену малку дете,
 Мощне силувиту ша си боде;
 Още малку да си порасне,
 И насъ борба ша надбори;
 Лу да си гу малку погубиме.»
 Та ми фодет ду два змее на чаире.
 Сусъ юнаци ми се борба борет,
 Та си сички борба надборили;
 Редъ си дойде и на малку дете
 Сусъ два змее борба да се бори.
 Та ми стана малку дете борба да се бори,
 Какъ ги фати на земе ги удари,
 Дуръ читреесте растега аф земе-та си паднали!
 Кой видель се зачудиль.
 Та си дете при татку утиде,
 Фальба си се на татку пофалилу,
 Чи си ду два змее борба надборилу.
 Та си иска вече да се жени,
 Уть татку си прошка тера:
 »Ой ти, тате, мили тате!
 Мольба ти се, тате, моле,
 Да ма пратиш да се шетам пу земе-та,
 Белки найда либе спроти мене?»
 »Малку си си, сину, на години,
 Не ми фоди още пу земе-та;
 Да не си нейде младу погинешъ.»
 »Малку си сам, тате, на години,
 Ела си самъ мощне силувиту,
 Никой мене не може борба да надбори.»
 Та му даде прошка Талатинска крале,
 Две години да се шета низ земе-та,
 Да си тера либе спроти негу.
 Навърви ми малку дете да се шета,
 Надена ми златну руху позлатену,
 Шо си билу за Юда Самуила;
 Аф пазуфи тури сабе кулаклие;
 Та си яхна рибна коне бележита.
 Как ми шетна коне низъ поле-ту,
 Не се виде де утиде!
 Та се шета малу-млогу две години,
 Дуръ прошета сита земе,
 Либе спроти негу не си найде.
 Та се върна натъжену разжелану,

Малый мальчик как взял камень
 И кидает его до середины моря!
 815 Как увидели все, то удивились,
 Так как было дитя ещё малое,
 Однако, имеет такую мощную силу.
 А в лесу находились два змея,
 Да глядят они, что творится.
 820 Как увидели они малое дитя,
 Что обладает такой мощной силой,
 Камень закинул далеко в море,
 Очень ему позавидовали и скрипнули зубами:
 «От собаки рождено малое дитя,
 825 Мощной силой будет обладать, Ещё малое, но
 вот подрастёт,
 И нас в борьбе победит;
 Лучше его погубить, пока мал.»
 Тут приходят два змея на чай.
 830 С юнаками они в борьбе борются,
 Да всех они в борьбе победили,
 Очередь дошла и до малого дитя
 С двумя змеями в борьбе побороться.
 Тут стал малый мальчик в борьбе бороться,
 835 Как схватил их и ударил на земле,
 Более четыреста саженой по земле скользили!
 Кто видел, очень удивились.
 Тут мальчик к отцу возвратился,
 Похвалой его отец прославил,
 840 Что он в борьбе двух змеев победил.
 Да захотел уже сам жениться,
 У отца он попросил дозволение:
 «Ой ты, папа, родной папа!
 Умоляю тебя, папа, прошу,
 845 Чтобы меня послал ходить по земле,
 Можно найти любимую, достойную меня?»
 «Малый ты ещё, сын, на года,
 Не надо тебе пока ходить по земле;
 Не найдёшь никого, да младой погибнешъ.»
 850 «Мал я сам, папа, на года,
 Однако, я мощный и очень сильный,
 Никто меня не может победить.»
 Тут ему дал дозволение Талатинский король,
 Два года путешествовать по земле,
 855 Чтобы привести любимую, достойную его.
 Собрался мальчик путешествовать,
 Надел златую одежду позлаченную.
 Что была от Юды Самуилы;
 За пояс заткнул саблю длинную;
 860 Да оседлал рыбу-коня знаменитого.
 Как помчался конь через поле,
 Только его и видели!
 Так путешествовал ни много, ни мало два года,
 Пока не посетил все земли,
 865 Любимую, достойную его, так и не нашёл,
 Тут вернулся опечаленный, расстроенный,

Ниту яди, ниту пие.
 Талатинска крале как гу гледа натъжену,
 Сорце му се наранилу,
 Ела нема шо да прави;
 Чудум си се чуди де да иде,
 Да му тера либе спроти негу.
 Де му наум дойде,
 Чи си има мома спроти
 негу дурь на Рична земе.
 Рична крале си има ду три керки,
 и трите се дюнягюзеллийки,
 Наймалка-та си ги надминува,
 На дете се вели утговори:
 »Е бре, сину, мили сину!
 Шо си ми си толку натъжену, разжелану?
 Сичка земе си прошеталь,
 Рична земе не си шеталь,
 Де си има либе спроти тебе.
 Рична крале си има ду три керки,
 И три-те се дюнягюзеллийки,
 Я' шо си е наймалка-та мома Дурида:
 Уть лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та.
 Ела Рична крале не ги жени,
 Иска си ми негува земе да засели;
 Та си ги заключил аф темна зандана,
 Та ги чуват ду три змии нишанлии
 Сусь три глави, сусь шест опашки!
 Не си даватъ ни чувекъ да иде,
 Ни пиле шо си фърка да прифъркне;
 Лу кой ми утишелъ на Рична земе,
 Назадъ си се не враща,
 Ду три змии младу си гу загубевать.
 Па Рична земе, сину, да си идешъ,
 Ша си найдешъ либе спроти тебе.»
 Как ми чулу малку дете,
 Праву си дурь на ноги стана,
 Та си слезе доле аффу ехура:
 Наюзди си коне, наседли гу;
 Наточи си сабе кулаклие,
 Та си яхна рибна коне бележита;
 Афъ пазуфи си тури сабе кулаклие,
 Та си шетна коне низ поле-ту,
 Лу гу шетна на море се наиде,
 Хрипна коне афъ море-ту да си плива.
 Плива малку шо ми плива,
 Излегли ми ду две Юди Самуили,
 Афъ роки си доржетъ малки деца!
 Уть лику хми грее ясну сонце!
 Наредени били пременени,
 Наредени с белу и шарилу,
 Пременени с' руху позлатену,

Не ест ничего и не пьёт ничего.
 Талатинский король как увидел его грустным,
 Сердце его совсем поранилось,
 870 Не знает ничего, что предпринять;
 Недоумевает, да раздумывает куда идти,
 Где найти любимую, достойную его.
 Тут ему сразу на ум пришло,
 Что имеется девушка, достойная
 его только лишь на Ричной земле.
 875 Ричный король имеет три дочки,
 и все три всемирные красавицы,
 Наименьшая дочка всех превосходней,
 Да с мальчиком ведёт разговор: «Гой еси, сын.
 милый сын!
 880 Что ты такой опечаленный и расстроенный?
 Во все земли ты путешествовал,
 А Ричную землю ты не посетил,
 Где имеется любимая, достойная тебя.
 Ричный король имеет три дочки,
 885 И все три вселенские красавицы,
 А что есть наименьшая девушка Дурида:
 Лик её сияет как ясное Солнце!
 На грудях её ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 890 Коса её до самой земли.
 Однако, Ричный король не выдаёт их замуж,
 Хочет свою землю всю заселить;
 Да заключил их в тёмные застенки,
 Там стерегут их три змеи необычные
 895 С тремя головами и шестью хвостами!
 Не дают ни человеку пройти,
 Ни птице летучей пролететь;
 Лишь кто уходил на Ричную землю,
 Назад уже не возвращался,
 900 Потому что три змеи его младого губили.
 На Ричную землю, сын, ты пойдёшь,
 Да там найдёшь любимую, достойную тебя.»
 Как услышал малый мальчик,
 Прямо сразу на ноги вскочил,
 905 Да слез вниз с балкона:
 Взнуздал он коня, оседлал его,
 Наточил свою саблю длинную,
 Да вскочил на рыбу-коня знаменитого;
 За пояс заткнул саблю длинную,
 910 Да поскакал на коне через поле,
 Лишь проехал он, как очутился на море,
 Захрипел конь, да поплыл по морю.
 Плыл помаленьку, чтобы переплыть,
 Вышли к ним две Юды Самувилы,
 915 В руках держат малых детей,
 От лика их сияет ясное солнце!
 Были они наряно разодеты,
 Наряжены в белое и разноцветное,
 Разодеты в одежды позлаченные,

Уть лику хми сонце грее!
 Очи им се као морски пиевици!
 Коса им е дурь ду земе!
 Как си виде Сада крале ду две Юди Самуили,
 Чини му се чи се кральски керки,
 Шо си били дурь уть Рична земе,
 Та си точеть вода ут море-ту,
 Да напиеть Рична крале.
 Самь си вели утговори:
 »Я' либе спроти мене!«
 Сова рече не отрече,
 Копна коне да си иде на край море,
 Де си бежа ду две Юди Самуили,
 Шо си точеть студна вода,
 И си банеть ду две малки деца;
 Копна коне да си иде дур при Юди,
 Да си пие студна вода морювита,
 Чи ми билу мощне ужеднелу;
 Хемь да си залиби Юда Самуила,
 На рибната коне да га качи,
 Та да иде дурь на негува земе.
 Дурь да иде на край море,
 Дугледали гу ду две Юди Самуили,
 Седнали ми на гулема морна друма,
 Та си чекать да си видеть Сада крале,
 Шо чувекь е та си иде на край море,
 Дека чувекь не е е фодиль!
 Пиле шо си фърка не е прифъркналу!
 Фоди крале низь море-ту шо ми фоди,
 Де си дойде ду две Юди Самуили,
 Та им вели утговори:
 »Богъ помабог ви, ду две моми!
 Шо ми сте, моми, толку замъркнали?
 Та си вода не точите,
 Та да си идете на Рична земе,
 Студна вода да утнесете на Рична крале.
 Мольба ви се, моми, моле:
 Я' подайте ми ваше златна съда,
 Да си пие студна вода морювита,
 Чи самь мощне ужеднелу,
 Дурь уста ми се сагурели,
 Языкь ми се за уста-та залепилу!
 Та не мога дума да си думамь.
 Исфодиль сам цалу поле и планини,
 Па си вода не найдохь.«
 Ду две Юди си му велеть и говореть:
 »Е бре, Сада кралю, малку дете!
 Шо та врагь нанесе,
 Да си дойдешь на наше море запустену?
 Не сме ду две кральски моми;
 Не си точиме студна вода,
 Да утнесеме на Рична крале,
 Туку си сме ду две Юди Самуили,
 Та си чуваме пусту море запустену,

920 От лика их солнце сияет!
 Очи как у морских сирен!
 Коса у них до самой земли!
 Как увидел Сада король двух Юд Самувил,
 Показалось ему, что это королевские дочери,
 925 Которые были с Ричной земли,
 Да набирают воды с моря,
 Чтобы напоить Ричного короля.
 Сам с собой ведёт разговор:
 «Или это любовь, достойная меня!»
 930 Свою мысль ещё не закончил,
 Соскочил с коня, да подошёл к берегу моря,
 Где были две Юды Самувилы, что набирали
 студеную воду,
 И мыли двух малых детей,
 935 Спрыгнул он с коня, да идёт прямо к Юдам,
 Чтобы попить студеной воды морской,
 Так как чувствовал сильную жажду;
 Однако, чтобы полюбить Юду Самувилу,
 Он вскочил на своего рыбу-коня,
 940 Да поехал пока на их землю,
 Далее, чтобы ехать на край моря,
 Следили за ним две Юды Самувилы,
 Сидели они на великом смертном пути,
 Да ожидали, чтобы увидеть Саду короля,
 945 Что за человек едет на край моря,
 Где человек ещё не проходил!
 Птица летучая ещё не пролетала!
 Шёл король через море, сколько мог идти,
 Пока добрался до двух Юд Самувил,
 950 Да с ними повёл разговор:
 «Бог в помощь вам, две девушки!
 Что вы, девушки, только бормотали?
 Да воду перестали набирать,
 Ведь вы пойдёте на Ричную землю,
 955 Студеную воду отнесёте Ричному королю.
 С мольбой вас, девушки, прошу:
 Ну, подайте мне ваш золотой кувшин,
 Чтобы попить студёную воду морскую,
 Потому что я чувствую сильную жажду,
 960 Даже уста мои загорелись,
 Язык мой к устам прилип!
 Да не могу слово вымолвить.
 Исходил я много полей и гор,
 Но до сих пор воды не нашёл.»
 965 Тут две Юды ему молвят и говорят:
 «Гой еси, Сада король, малое дитя!
 Чего тебя чёрт сюда принёс,
 Зачем пришёл на наше море пустынное?
 Нет нас двух королевских дочек,
 970 Не наливаем мы студеную воду,
 Чтобы отнести Ричному королю,
 Только есть нас две Юды Самувилы,
 Которые стерегут море пустынное,

Да не си чувекъ заmine през море-ту,
 Ниту чувекъ, ниту пиле,
 Та да иде на Рична земе,
 Да залиби ду три кральски моми;
 Лу кой си дойде на край море,
 Назадъ си се не връща,
 Фърлеме гу афъ темна зандана,
 Дека седи стару Хару пристарелу,
 Той гу фърле афъ морету,
 Да гу ядате риби-те и пилци-те.
 Е бре, Сада кралю, малку дете!
 От' си не пожала тое младость,
 Ам' си дойде тука на край море,
 Младу и зелену да погинешъ!
 Да бе зналу море да испливашъ,
 Та да дойдешъ на край море;
 Лу да ми бе пилу студна вода морювита,
 Назе борба ша да си надборишъ.
 Сега нема никой да си ти помогне!
 Колку силувиту и да ми си,
 Не можешъ назе борба да надборишъ.»
 Сова рекоха Юди не отрекоха,
 Разедиха се, разлютиха се,
 Та задуха силунъ ветаръ Самуилски,
 Та си фатиха Сада крале малку дете;
 Вързаха му ду две бели роки,
 Та си гу фърлиха афъ темна зандана.
 Ду две очи не му испупали,
 Жельба си гу пожелили,
 Чи си билу още младу и зелену.
 Той си хми се мольба моли,
 Да си му дукаратъ негувата рибна коне,
 Да гу прати на негува земе,
 Прошка да му тера ут татку му,
 Чи ша погине младу и зелену;
 Нема вече да се върне на таткува земе.
 Юди си му мольба услушали,
 Уткарали му рибна коне бележита.
 Сада крале как си виде рибна коне,
 Из очи си солзи рони,
 Со уста си му вели утговори:
 »Ой ти, коню, рибна коню!
 Той ступанин младу си погина,
 Баремъ тина да не ми погинешъ!
 Шетни ми се низ поле широко,
 Испливай ми пусту море запустену,
 Та си иди дур на наше земе при мой татку.
 Утъ татку ми прошка да ми терашъ,
 Чи ша тука младу погина,
 Нема вече да се върна на наше земе.
 Та да кажешъ на мой татку,
 Чи ма се Юди заторили афъ темна зандана,
 Та и молба да му се молишъ,
 Да си прати тука дуръ при мене фейска крале,
 975 Чтобы человек не проник через море,
 Ни один человек, ни даже птица,
 Дабы идти на Ричную землю,
 Да полюбить трёх королевских дочек,
 Лишь кто дойдёт до края моря,
 Назад уже не возвращается,
 980 Бросят его в тёмные застенки,
 Где сидит старый Хара разбойник,
 А тот его бросит прямо в море,
 Чтобы его съели рыбы и птицы.
 Эй гой, Сада король, малое дитя!
 985 Он не пожалеет твоей младости,
 Если ты дойдёшь туда на край моря, Младой и
 зелёный ты погибнешъ!
 Если ты способен море переплыть,
 То доберёшься до края моря;
 990 Если выпьешь студеной морской воды,
 Тогда в борьбе можешь с ним побороться.
 Сейчас никого нет, кто бы тебе помог!
 Какой бы ты сильный не был,
 Не можешь в борьбе здесь победить.»
 995 Слова говорила Юда, не отговорила,
 Рассердилась, разлютовалась,
 Да подула сильным ветром Самувильским,
 Тут схватили Саду короля, малого дитя;
 Связали две его белые руки,
 1000 Чтобы бросить его в тёмные застенки.
 Да две очи ему не застили,
 С жалостью его пощадили,
 Что был младой и зелёный.
 Он их с мольбой просит,
 1005 Чтобы привели его рыбу-коня,
 Дабы возвратиться ему на свою землю,
 Прощения попросить у моего отца,
 Что буду погибать младой и зелёный;
 Да больше не вернусь на отцову землю.
 1010 Юды его просьбу выслушали,
 Привели ему рыбу-коня знаменитого.
 Сада король как увидел рыбу-коня,
 Из очей его слёзы брызнули,
 Устами молвит ему такие слова:
 1015 «Ой ты, конёк, рыбный конёк!
 Ты убегай, не то младой погибнешъ,
 Спрячься в тину, чтобы не погибнуть!
 Возвращайся через поле широкое,
 Переплыви через море пустынное,
 Да иди на нашу землю к моему отцу.
 От отца мне прощение попросишь,
 Что буду здесь младым погибать,
 Никогда больше не вернусь на нашу землю.
 Да ещё расскажешь моему отцу,
 1025 Что Юды заключили меня в тёмные застенки,
 Да с мольбой его попросишь,
 Чтобы послал ко мне Фейского короля,

Шо си му е първъ побратимъ,
 Да си ма искара уть темна зандана;
 Да ма куртолиса уть стару Хару устарелу. 1030
 Аку си ми дойде фейска крале,
 Тебе, коню, пу пъть да си яха.
 Още море не испливали.
 Да идете на край море,
 Студна вода морювита уть
 белъ кладнець да пиете, 1035
 Да ви дойде Юдна сила Самуилска,
 Кога си се сусъ Юди борба борите,
 Вие борба да си ги надборите,
 И мене да си ги куртолисате уть темна зандана. 1040
 Сова рече не отрече,
 Шетна ми се коне низъ поле широку,
 Та си прошета поле широку;
 Заплива ми пунту море запустену,
 Та исплива пунту море запустену,
 За день ми утиде на Талатинска земе. 1045
 Лу ми флезе аф сарае,
 Виде си гу Талатинска крале;
 Как си виде чи си нема Сада крале,
 Сада крале негуву-ту малку дете,
 Сорце му се люту наранилу, 1050
 Та си падна долу на земе-та,
 Душе си придава дур на Бога.
 Как си виде негуву-ту първе либе,
 Коси скубе, солзи рони.
 Де си иде Юда хикимджийка,
 Де си лечба лечи Талатинска крале;
 Живи билки гу напила,
 Та си стана крале на ноги-те,
 Та утиде коньо да си пита,
 Де си ми е Сада крале
 негувуту малку дете: 1060
 Да л' гу седемдесе крале младу погубили,
 Ил гу Юди аф занданъ фърлили.
 Висна коньо та му дума:
 »Е бре, кралю, Талатинска кралю!
 Седемдесе крале не гу погубили, 1065
 Лу гу Юди афъ занданъ фърлили,
 Дека седи стару Хару пристарелу,
 Той гу фърле аф море-ту,
 Да гу ядате риби-те и пилци-те.
 Самувили очи не му искупали, 1070
 Пожелиха гу чи е младу още и зелену.
 Сада крале си ма прати да ти каза,
 Да ти каза хабер да ти чина,
 Чи си ми е заторену афъ темна зандана,
 Та да пратишь фейска крале, 1075
 С' мене да си дойде дуръ
 на пунту море запустену
 Да куртолисаме Сада крале тое дете.
 Фейска крале с' мене да си дойде,
 Что был ему первый побратим,
 Чтобы меня освободил из темницы;
 Да меня избавил от старого разбойника Хары.
 Если ко мне пойдёт Фейский король,
 Тебе, коню, по пути, чтобы ехать.
 Ещё море не переплывайте,
 Да пойдёте на берег моря,
 Студеную воду морскую там с
 белого источника, чтобы попили, 1035
 Дабы получить Юдину силу Самувильскую,
 Когда с Юдами в борьбе схватитесь,
 В борьбе, чтобы их победить,
 И меня освободить из тёмных застенков.»Слова
 ему ещё не досказал,
 Умчался конь через поле широкое,
 Да поле широкое миновал,
 Поплыл по пустому морю пустынному,
 Да переплыл пустое море пустынное, 1045
 За день добрался до Талатинской земли.
 Лишь появился он во дворце,
 Увидел его Талатинский король;
 Как увидел он, что нет Сады короля,
 Сады короля, его малого дитя,
 1050 Сердце его очень сильно поранилось,
 Что он упал вниз на землю,
 Душу свою отдаёт уже Богу,
 Как увидела его первая любовь,
 Волосы рвёт, слёзы роняет,
 1055 Тут пришла Юда целительница,
 Полечить и исцелить Талатинского короля;
 Живой целебной травкой его напоила,
 Тут встал король на ноги,
 Да принялся коня спрашивать,
 Где находится Сада король
 1060 его родное малое дитя:
 То ли семьдесят королев младого погубили,
 Или его Юды в темницу бросили.
 Высокий конь ему отвечает:
 «Гой еси, король, Талатинский король!
 1065 Семьдесят королев его не погубили,
 Лишь Юды его бросили в темницу,
 Где сидит старый разбойник Хаара,
 Тот его может бросить в море,
 Чтобы его съели рыбы и птицы.
 1070 Самувилы очи ему не застили,
 Пожалели его, что он ещё молодой и зелёный,
 Сада король меня послал, чтобы тебе сказать,
 Да передать весть твоей жене,
 Что его заключили в тёмные застенки,
 1075 Да чтобы послал Фейского короля,
 Со мной только направиться
 на пустое море пустынное,
 Чтобы освободить Саду короля твоего дитя.
 Фейский король со мной доберётся,

Язи ша си фодe на пyсту мoре зaпyстeнy,
 Шa си идa нa крaй мoрe нa бeль клaднeць, 1080
 Дa пиемe стyднa вoдa мoрyвитa,
 Дa ни дoйдe Юднa силa Сaмyилскa;
 Кoгa си сe с' Юди бoрбa бoримe.
 Нee дa си ги бoрбa нaдбoримe.
 Кaк ми чy Тaлaтинскa крaлe, 1085
 Ни пoстoя, ни пoчeкa,
 Лy си прaти млaдy тaтaрчe дурь нa фeйскa зeмe,
 Дa си кaни фeйскa крaлe,
 Дa си дoйдe дурь нa нeгyвa зeмe.
 Имa нeщy дa си мy кaжe. 1090
 Мoлбa дa мy сe мoли,
 Кoлкy мoжe рaнy дa си дoйдe.
 Кaкъ си яхнa млaдy тaтaрчe рибнa кoнe,
 Шeтнa си гy низь пoлe ширoкy;
 Мeсeць имa дур дa идe нa фeйскa зeмe, 1095
 Тoй си зa дeнь утидe.
 Дe си нaйдe фeйскa крaлe чи сe гoзбa гoсти,
 Тa си мy сe мoлбa мoли,
 Нeмoй гoзбa дa сe гoсти,
 Лy дa идe нa Тaлaтинскa зeмe, 1100
 Тaлaтинскa крaлe нeщy шa мy кaжe;
 Кoлкy мoжe рaнy дa си идe.
 Фeйскa крaлe мoлбa мy услyшe,
 Тa си яхнa нeгyвa-тa бързa кoнe,
 Нaвърви ми дa си идe нa Тaлaтинскa зeмe; 1105
 С' нeг' си фoди и млaдy тaтaрчe.
 Тa фoдили шo фoдили,
 В' срeди нoщи си стигнaли aфъ крaлeвa грaдa.
 Сички спиетъ, нeмa никoй дa сe види,
 Крaлeвитe пoрти били зaтoрeни, 1110
 Тa си xлoпaтъ и си чyкaтъ.
 Никoй си ги нe дyчyвa!
 Кoпнaли сe дy двa кoнe прeзь дyвaрe,
 Тa си флeли нa висe дивaнa,
 Пa сe шeтaт низь пoтoнe. 1115
 Пa ги никoй нe дyчyвa!
 Дe ги дyчy Тaлaтинскa крaлe,
 Тa си стaнa утъ хyдaе утъ пoтстeли,
 Дa си види кoй си шeтa низь пoтoнe?
 Лy си видe фeйскa крaлe, 1120
 Пригърнa гy, цaлyнa гy,
 Пa си мy сe мoлбa мoли,
 Дa си идe нa пyсту мoрe зaпyстeнy,
 Тa дa кyртoлисa Сaдa крaлe
 нeгyвy-гy мaлкy дeтe,
 Шo си билy зaтoрeнy aфъ тeмнa зaндaнa, 1125
 Тa гy чyвaтъ дy двe Юди Сaмyили;
 Дурь дa си сe върнe стaрy Хaрy пристaрeлy,
 Дa гy фърли aф мoрe-гy нa рибитe, нa пилци-тe.
 Кaк ми чy фeйскa крaлe,
 Чи сe Юди Сaдa крaлe зaтoрили, 1130
 Ни пoстoя, ни пoчeкa,

Я пoйдy нa пyстoe мoрe пyстыннoe,
 Дa придeм нa бeрeг мoрa нa бeлый истoчник,
 Гдe пoпъeм стyдeнoй вoды мoрскoй,
 Чтoбы нe oдoлeлa Юдинa силa Сaмyвильскaя;
 Кoгдa с Юдoй в бoрьбe бyдeм биться.
 Eё, чтoбы в бoрьбe нaм пoбeдить.»
 Кaк услышaл eгo Тaлaтинский кoрoль,
 Нe пoстoял oн, нe пoдoждaл,
 A пoслaл млaдoгo слyгy нa Фeйскyю зeмлю,
 Дa приглaсить Фeйскoгo кoрoлeя,
 Чтoбы пришeл oн нa eгo зeмлю.
 Имeeтся нeчтo, чтo oн eмy скaжeт.
 С мoлбoй eгo нyжнo пoпрoсить, Кaк мoжнo
 рaньшe, чтoбы oн пришeл.
 Кaк вскoчил млaдoй слyгa нa рьбy-кoнeя,
 Пoмчaлся oн чeрeз пoлe ширoкoe;
 Мeсяц нaдo eхaть дo Фeйскoй зeмли,
 Тoт примчaлся зa oдин дeнь.
 Гдe нaшeл Фeйскoгo кoрoлeя нa пирy с гoстями,
 Тyт oн eгo с мoлбoй прoсит,
 Oтмeнить пиршeствo с гoстями,
 Лишь пoспeшить нa Тaлaтинскyю зeмлю,
 Тaлaтинский кoрoль чтo-тo eмy скaжeт;
 Кaк мoжнo рaньшe, чтoбы oн прибыл.
 Фeйский кoрoль eгo прoсьбy выслyшaл,
 Дa oсeдлaл свoeгo бoрзoгo кoнeя,
 Нaмeрился eхaть нa Тaлaтинскyю зeмлю;
 С ним сoбрaлся eхaть и млaдoй слyгa.
 Тyт oни пoскaкaли дa пoexaли,
 Срeди нoчи дoстигли кoрoлeвскoгo грaдa.
 Всe спят, нe виднo нигдe никoгo,
 Кoрoлeвские вoрoтa били нa зaпoрe,
 Тyт oни нaчaли xлoпaтъ и стучaтъ.
 Никтo их тaк и нe услышaл!
 Встaли нa двyх кoнeй и зaлeзли нa стeнy,
 Дa пoднялись нa высoкyю крeпoстнyю стeнy,
 Пoтoм спyстились вниз нa пoдвaл.
 Пoкa их никтo нe слышит!
 Тyт их услышaл Тaлaтинский кoрoль,
 Дa встaл в кoмнaтe с пoстeли,
 Чтoбы увидeть, ктo хoдит внизy пo пoдвaлy?
 Лишь увидeл oн Фeйскoгo кoрoлeя,
 Oбнимaeт eгo, цeлyeт eгo,
 Пoтoм eгo смoлбoй прoсит,
 Чтoбы нaпaвился oн нa пyстыннoe мoрe,
 Дa нyжнo oсвoбoдить Сaдy кoрoлeя
 Eгo сoбствeннoгo мaлoгo дитя,
 Чтo был зaключeн в тeмные зaстeнки,
 Дa eгo стeрeгyт двe Юды Сaмyвилы;
 Пoкa вeрнeтся стaрый рaзбoйник Хaрa,
 Кoтoрый eгo брoсит в мoрe рьбaм и птицaм.
 Кaк услышaл eгo Фeйский кoрoль,
 Чтo Юды Сaдy кoрoлeя зaклучили,
 Нe пoстoял oн, нe пoдoждaл,

Лу си слезе ут негува бърза коне,
 Та си яхна рибна коне бележита;
 Шетна си гу низъ поле широку.
 Рибна коне висна и зафуче,
 Дурь да съмне си утиде
 на пунту море запусену,
 Та му вели коньо утговори:
 »Е бре, кралю, фейска кралю!
 Шетни си ма да идеме на край море,
 Да пиеме студна вода морювита,
 Да ни дойде Юдна сила Самуилска:
 Кога си се с' Юди борба бориме,
 Нее борба да ги надбориме,
 Та да си куртолисаме Сада крале.»
 Какъ ми чулу фейска крале,
 Рибна коне шетна та утиде на край море,
 Лу утиде ут коньо ми слезе,
 Та се напи студна вода морювита;
 Напи ми се и рибна коне бележита.
 Па си яхна рибна коне бележита,
 Шетна си гу низъ поле широку,
 Та утиде афъ Юдни теманъ занданъ,
 Де си ми е заторену Сада крале.
 Афъ занданъ ми седеть ду две Юди Самуили,
 Та си чувать Сада крале малку дете,
 Да не ми излезе да не си бега;
 Дурь да си се върне стару Хару пристарелу,
 Да гу фърли аф море-ту на рибн-те на пилци-те.
 Какъ видели ду две Юди фейска крале,
 Пуд мустаць си се смееть,
 Па му велеть и говорятъ:
 »Е бре, кралю, фейска кралю!
 Кой та врагъ, кралю, нанесе,
 Да си дойдешъ тука дурь афъ зандана,
 И ти младу да погинешъ,
 Какъ ми погиналу Сада крале малку дете.»
 Сова рекли не отrekli,
 Дунаха ми силунъ ветаръ Самуилски,
 Та се мочеть фейска крале да си вързатъ,
 Да си му искупаеть ду две църни очи,
 Па да гу фърлетъ афъ темна зандана.
 Фейска крале как си копна рибна коне,
 Зафуче ми коньо, захърчи ми,
 Та си фати ду две Юди за роки-те;
 Роки си хми назад върза,
 Ясни очи иска да хми искупае.
 Дурь тога се Юди усетили,
 Чи се пили студна вода морювита,
 Та ги се борба надборили;
 Та се мольба молеть на фейска крале:
 »Е бре, кралю, фейска кралю!
 Отвързи, кралю, ду десни роки,
 Немой наши очи искупавай,
 Та и нее добро ша ви чиниме:

Лишь слез со своего борзого коня,
 Да оседлал рыбу-коня необыкновенного;
 Направил он его вниз через поле широкое.
 1135 Рыба-конь встал на дыбы и зафыркал,
 Только с рассветом прибыли они
 на пустынное море запусенное,
 Тут ему молвит конь, говорит:
 «Гой еси, король, Фейский король!
 Поедем и направимся на край моря,
 1140 Да попьём студёной воды морской,
 Чтобы не одолела Юдина сила Самувильская:
 Когда с Юдами в борьбе схватимся,
 В борьбе с ними надо нам победить, Тогда
 освободим Саду короля.»
 1145 Как услышал его Фейский король,
 Рыбу-коня направил идти на край моря,
 Лишь прибыл, слез он со своего коня,
 Да напился студёной воды морской,
 Напился и рыба-конь необыкновенный.
 1150 Потом вскочил на рыбу-коня знаменитого,
 И направил его вниз через поле широкое,
 Тут прибыл к Юдиным тёмным застенкам,
 Где был заключен Сада король.
 А в темнице сидели две Юды Самуилы,
 Да стерегли Саду короля, малого дитя,
 Чтобы от них не вылез, да не убежал;
 Пока вернётся старый разбойник Хара,
 Который бросит его в море рыбам и птицам.
 Как увидели две Юды Фейского короля,
 1160 Засмеялись они ему в усы,
 Потом ему молвят и говорят:
 «Гой еси, король, Фейский король!
 Какой чёрт тебя, король, принёс,
 Что ты пришёл уже сюда в темницу,
 1165 Ведь ты молодой здесь погибнешь,
 Как погибает Сада король, малое дитя.»
 Свои слова ещё не отговорили,
 Подули сильным ветром Самувильским,
 Да хотят Фейского короля связать,
 1170 И застить ему его чёрные очи,
 Потом бросить его в тёмные застенки.
 Фейский король вскочил на рыбу-коня,
 Зафыркал его конь, захрапел он,
 Да схватил двоих Юд за руки,
 1175 Руки их назад за спиной завязал,
 Ясные очи хотел им застить,
 Только тогда Юды догадались,
 Что они напились студёной воды морской,
 Да их в борьбе поэтому победили;
 1180 Тогда они с мольбой просят Фейского короля:
 «Гой еси, король, Фейский король!
 Развяжи король хоть правые руки,
 Не надо наши очи залеплять,
 Тебе за это добром мы отплатим:

Ша искарáme Сада крале		Обещаем выпустить Саду
уť темань зандань,	1185	короля из тёмных застенков,
Та ша му кажеме дека има либе спроти негу,		И скажем ему, где есть любовь, достойная его,
Та хми крале мольба услuше,		Тут их просьбу король выслушал,
Утвърза хми ду десни-те роки,		Развязал им правые руки,
Църни очи не имь икупа,		Чёрные очи не стал залеплять,
Та ги пита и ги праши:	1190	Да их пытается и спрашивает:
»Дека има либе за Сада крале?»		«Где имеется любимая для Сады короля?»
»Тука долу си е Рична земе.		«Тут в долине есть Ричная земля.
Рична крале има ду три моми,		Ричный король имеет три дочки,
И три-те се дюнягюзеллийки,		И все три вселенские красавицы,
Я шо си е наймалка-та мома Дурида:	1195	Но краше всех наименьшая дева Дурида:
Уť лику й грее ясну сонце,		От лика её сияет ясное солнце, На груди у ней
В' гръди й е ясна месечина!		ясный месяц!
В' скути й се дребни свезди!		На подоле у ней частые звёзды!
Коса й е ду земе-та!		Коса у ней до самой земли!
Тя си бива за Сада крале малку дете,	1200	Она годится для Сады короля, малого дитя,
Шо си е заторену афь темна зандана.		Но она заключена в тёмных застенках.
Ела Рична крале не ги жени,		Однако, Ричный король не отдаёт их замуж,
Иска си ми негува земе да засели,		Хочет свою землю заселить,
Я' тие на негува земе не се женеть,		Но и он на своей земле не жениться,
Та си ги заключил аф темна зандана,	1205	Да заключил их в тёмные застенки,
Де ги чувать ду три змии нишанлии		Где их стерегут три змеи необыкновенные
Сусь три глави, сусь шест опашки!		С тремя головами и шестью хвостами!
Не си даватъ ни чувекъ да иде,		Не дают ни одному человеку пройти,
Ни пиле шо си фърка да прифъркне;		Ни даже птице, чтобы пролететь,
Лу кой ми утишелъ на Рична земе,	1210	Лишь кто уходил на Ричну землю,
Назадъ си се не върналь,		Назад уже никогда не возвращался,
Ду три змии младу си гу погубевать.		Так как три змеи молодых их губили.
Та на Рична земе Сада крале либе ша си найде;		На ричной земле Сада король любовь найдёт,
Нийде нейде либе да не тера,		Ниоткуда, ниоткуда любовь свою не приведёт,
Лу да иде уť тука на Рична земе.»	1215	Лишь если придёт сюда на Ричну землю.»
»Какъ ша иде, Юди, Сада крале на Рична земе?		«Как идти, Юда, Саде королю, в Ричну землю?
Лу да иде младу ша си ми погине;		Если шли туда молодые и они погибали;
Ду три змии младу ша си погубеть.»		Потому что три змеи молодых губили.»
»За сова, кралю, какъръ немой бери,		«За мои слова, король, не переживай,
Дуде сме нее нема да загине.»	1220	Пока вы с нами, не погибнете.»
Сова рекли не отрekli,		Свою речь ещё не отговорили,
Искара си първа Юда билька умаяна,		Достала первая Юда травку дурманящую,
Шо умава, шо заспава,		Что дурманит, да сон нагоняет,
Та му вели утговори:		Да ему говорит, отвечает:
»Земи, кралю, сова билька умаяна.	1225	«Возьми, король, эту травку дурманящую,
Кога си идете на Рична земе,		Когда вы приедете на Ричну землю,
Па си флезете аф Рични сарае,		Потом войдёте в Ричный дворец,
Ичь да ми се не боите.		Да никого вы там не бойтесь.
Насредь дори си е темань зандань,		Посередине двора есть тёмные застенки,
На порти лежеть ду три змии нишанлии;	1230	В дверях лежат три змеи необычные;
Още не ми флели на широки дори,		Ещё не выходя на широкий двор,
Сусь рока да потриете билька умаяна;		Руками потрите травку дурманящую;
Лу да билька потриете,		Лишь только травку вы потрёте,
Ду три змии ша си паднаť умаяни:		Тут три змеи упадут одурманенные:
И три моми ша ми се умаеть,	1235	И три девушки тоже одурманятся,
Ша си легнаť да си спиеť.		Будут они лежать, да будут спать.
Я' Рична крале мощне ша ми се умае,		А Ричный король ещё больше одурманится,

Не ша знае шо ша чини!
 Тога ми се качите на висе дивана,
 Прегърните гу, цалуните гу,
 Па му кажите чи сте уть Рична земе,
 Та си терате ду негувите две керки:
 Найгулема-та ти да си залибиш,
 Наймалка-та Сада крале малку дете,
 Я' средна-та нека си устане,
 На стару време изметъ да му чини.
 Какъ ша чуе Рична крале,
 Чи сте млади хемъ юнаци,
 Мощне ша се зарадува,
 Та ша ви даде ду две керки;
 Хемъ и тешка дарба ша ва дари.
 Той ша си ва кани гозба да ва гости,
 Вие гозба да се не гостите,
 Чи ша ми се сети ша ва познае;
 Закарайте ду две сестри та си бегайте,
 Да не ва стигнахъ ду три змии.»
 Подали му ду две Юди златни криле,
 Да ги тури пуд мишница Сада крале,
 Та да фърка да си бега.
 Лу ми зелу фейска крале билька умаяна,
 И ми зелу златни криле;
 Тетна коне та утиде афъ темна зандана,
 Та си ми искара Сада крале малку дете.
 Сада крале как си виде фейска крале,
 Сичку ми заборилу,
 Не си знае дека си е!
 Та му се мольба моли,
 Да си идатъ дуръ на Рична земе,
 Та да зематъ ду две кральски керки.
 Та ми навървили да си
 идатъ дуръ на Рична земе.
 Фейска крале си ми яха рибна коне,
 Не си знае де ми фоди!
 Я Сада крале си ми тури златни криле,
 Та ми фърка низъ поле широко;
 За сахатъ утишли дуръ на Рична земе.
 Дуръ да идатъ се стемнилу,
 Порти били затворени заключени,
 Та се чудетъ какъ да флезатъ.
 Фъркна си ми Сада крале та прифъркна,
 Фейска крале шетна коне
 Та си прихрипна високи дуваре.
 На средъ дори си е теманъ занданъ,
 На порти лежетъ ду три змии нишанлии;
 Сусъ три глави. сусъ шесть опашки:
 Какъ ги видели мощне се уплашили!
 Де си на умъ дойде на Фейска крале,
 Та искара отъ пазуфи билька умаяна;
 Лу га потри афъ роки-те
 Змии си се умаяли,
 Легнали ми да си спиехъ;

Не будетъ знать, что ему делать!
 Тогда вы подниметесь на высокую стену,
 1240 Обнимите его, поцелуете его,
 Потом ему скажете, что вы с Ричной земли,
 Да приведёте двух его дочек,
 Наистаршую ты сам полюбишь,
 Наименьшую Сада король, малое дитя,
 1245 Ну, а средняя, пусть она останется,
 На старости лет уход обеспечивать.
 Как это услышит Ричный король,
 Что вы молодые, да ещё также юнаки,
 Очень он сильно возрадуется,
 1250 Да отдаст вам своих двух дочек; Также и дорогие
 подарки вам подарит
 Он пригласит вас на пиршество в гости,
 Но вы на пир в гостях не оставайтесь,
 А то он почувствует и вас узнает;
 1255 Забирайте двух сестёр и убегайте,
 Пока вас не настигли три змеи.»
 Подали ему две Юды златые крылья,
 Да их прикрепил под мышками Сада король,
 Будет теперь летать и бегать.
 1260 Тут взял Фейский король травку дурманящую,
 И взял у них златые крылья;
 Наконец, подъехал на коне к темнице,
 Там вывел Саду короля, малого дитя.
 Сада король как увидел Фейского короля,
 1255 Всё он забыл, память потерял,
 Не знает, где он находится!
 Тот его с мольбой просит,
 Чтобы идти опять на Ричну землю,
 Да забрать двух королевских дочек.
 Тут они направились идти
 1270 опять на Ричну землю.
 Фейский король вскочил на рыбу-коня,
 Он не знает, куда надо идти!
 А Сада король прикрепил златые крылья,
 Да полетел через поле широкое;
 1275 За час достигли уже Ричной земли.
 Шли до тех пор, пока стемнело,
 Ворота были закрыты на замок,
 Тут раздумывают они, как войти.
 Полетел Сада король, да перелетел,
 1280 Фейский король разогнал коня,
 Да перепрыгнул высокую стену.
 Среди двора были тёмные застенки,
 В дверях лежали три змеи необычные;
 С тремя головами и шестью хвостами:
 1285 Как они их увидели, очень испугались!
 Тут на ум дошло Фейскому королю,
 Да достал из пазухи травку дурманящую;
 Лишь потёр он травку в руках,
 Змеи все сразу одурманились,
 1290 Улеглись они, да заснули;

Умаяль се и Рична крале
 Та се качеть горе на дивана.
 Умалъ ми се крале као умаяну пиле,
 Та не знае шо ми чини!
 Пригърнали гу, цалунали гу,
 Па му велеть и говореть:
 »Нее си сме, кралю, уть тое-та земе,
 Та си дойдохме да ни
 дадешъ ду той-те две керки
 Нее да си ги залибиме,
 Та и тое земе да се засели.»
 Какъ ми чу Рична крале мощне се зарадува,
 Чи ша жени ду две керки;
 Пуста земе да ми се засели.
 Та заправи гозба да ги гости,
 Кани си ги да седнать на трапеза
 Да си ядать, да си пиеть;
 Та тога да си идать на техна-та земе.
 Тие си ми на трапеза не седнувать,
 Лу си искать да си фодеть;
 Рична крале да не си ги обсети.
 Дуръ тога ми стана Рична крале,
 Фоди си ми као пиле умаяну!
 Та отключи шарени келаре,
 Искара си тенки дари и гюмлеци,
 Та си дарба дари ду два зете.
 Уткара ги афс темна зандана,
 Де си спиесть ду негуви-те три керки;
 Я' змии се люту умаяни!
 Та си разбуди ду две керки.
 Найгулема-та беше дюнягюзеллийка,
 Я' шо си бе наймалка-та мома Дурида,
 Уть лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та!
 Сада крале мощне га бендисалу.
 Рична крале им вели утговори:
 »Просту нека ви е, мои керки!
 Залибите ду два юнака уть мое земе;
 Шо ша се роди пуста земе да засели.
 Сова рече не отрече,
 Заплака ми, завика ми!
 Па си флезе афъ златна ехура,
 Та искара ду два коне нишанлии,
 Шестокрилца коне, Лестувица коне;
 Шестокрилца коне си ми яхна гулема-та,
 Наймалка-та си ми яхна коне Лестувица:
 Фейска крале си яхна рибна коне;
 Я Сада крале си ми фърка као пиле.
 Испрати ги Рична крале дур на поле,
 Та имъ прошка даде,
 Па се назадъ върна.
 Още ми е умаяну као пиле,

Одурманился и Ричный король
 Да поднялся повыше на стену.
 Одурманился король, как умаянная птица,
 Да не знает, что ему делать!
 1295 Обняли они его, поцеловали его,
 Потом ему молвят, говорят:
 «Мы с ним, король, с твоей земли,
 Тут мы добрались к тебе,
 Чтобы ты отдал нам двух дочек.
 Они нас и мы их полюбим,
 1300 Да и твою землю, чтобы заселить.»
 Как тут Ричный король очень возрадовался,
 Что отдаст замуж сразу двух дочек;
 Пустую землю, чтобы заселили.
 Да готовит угощение для гостей,
 1305 Приглашает их садиться за трапезу,
 Чтобы они поели, чтобы они попили;
 Да тогда бы ехали на ту землю.
 Они за трапезу не садятся,
 Лишь хотят побыстрее уехать;
 1310 Чтоб Ричный король не догадался.
 Только тогда поднялся Ричный король,
 Ходит он как птица умаянная!
 Да отомкнул красивую кладовую,
 Доставал чудесные дары и посуду,
 1315 Да подарил подарки двум зятьям.
 Отвёл их в тёмные застенки,
 Где спали его три дочки,
 Да змеи были очень одурманены!
 Там разбудили они двух дочек,
 1320 Наистаршая была вселенская красавица,
 А ещё была наименьшая дева Дурида,
 От лика её сияет ясное солнце!
 На груди её ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 1325 Коса её до самой земли!
 Саде королю она очень понравилась.
 Ричный король им молвит, говорит:
 «Простите же вы меня, мои дочки!
 Полюбите этих двоих юнаков из моей земли;
 1330 Что будет плодородной, когда вы её заселите.»
 Свои слова ещё не отговорил,
 Заплакали они, запричитали!
 Потом они пошли в златую конюшню,
 Да привели двух коней прекрасных,
 1335 Коня Шестикрылицу и коня Ласточку;
 На коня Шестикрылицу села старшая,
 Наименьшая оседлала коня Ласточку,
 Фейский король вскочил на рыбу-коня;
 А Сада король полетел, как птица.
 1340 Проводил их Ричный король до поля,
 Там им всем благословение дал,
 Потом он назад вернулся.
 Ещё он был умаянный как птица,

Не си знае дека си е!
 Та ми фодеть ду два крале низъ полету, 1345 Да направились два короля через поле,
 Фъркать си ми као пилци. Вспорхнули они как птицы.
 Вървели низъ поле шо вървели, Двигались они через поле, продвигались,
 Заминали презъ суха бунаре. Проследовали через сухой колодец.
 Най-малката потерала вода да си пие, Наименьшая просила воды попить,
 Чи е мощне ужеднела. 1350 Уж очень её жажда мучила.
 Млада крале си ми фъркна афъ бунаро, Младой король подлетел к колодцу,
 Да си точи вода морювита, Чтобы налить студеную воду морскую,
 Да си пие негувуту първе либе. Да напоить свою первую любовь.
 Ега да види шо ша види: Но вот глядит и что он видит:
 Не си има вода афъ бунаро, 1355 Не имеется воды в том колодце,
 Туку лежи афъ бунаро сура ламие; Только лежит в колодце Сура Ламия;
 Настъпи га на глава-та. Наступил он ей на голову.
 Разеди се, разлюти се сура ламие, Рассердилась, разъярилась Сура Ламия,
 Погълна гу афъ уста-та ду поесо, Захватила его в пасть до пояса,
 Още малку цала ша си гу погълне! 1360 Ещё малого целого хочет проглотить!
 Цикна викна Сада крале да си плаче, Запищал, закричал Сада король, да заплакал,
 Мольба си се моли на фейска крале, С мольбой просит Фейского короля,
 Какъ гу куртолиса уть темна зандана, Чтобы освободил его из тёмной пасти,
 Па да си гу куртолиса уть сура ламие. Да избавил его от Суры Ламии.
 Та ми слезе Фейска крале уть рибна коне, 1365 Тут слез с рыбы- коня Фейский король,
 Та утиде на суха бунаре; Да направился к сухому колодцу;
 Надникна си да си види шо е сура ламие? Заглянул, где же видно Суру Ламию?
 Какъ си виде Сада крале афъ устата на ламие, Как увидел Саду короля в пасти у Ламии,
 Още малку цала ша гу погълне, Ещё малого целого хочет проглотить,
 Уплаши се, убои се, Испугался её, убоился её,
 Не се борба бори сусъ сура ламие, 1370 Не вступил в борьбу с Сурой Ламией,
 Туку си се назадъ върна, Тут он назад вернулся,
 Та си яхна рибна коне, Да вскочил на рыбу-коня,
 Да си иде сус две моми на негува земе. Чтобы идти с двумя девами на свою землю.
 Фоди малку шо ми фоди, Пршли малость, подошли,
 Де ми чуе цвижба гласувита; 1375 Да слышат всхлипывание громкое;
 Сада крале гласум си плаче. Сада король громко плачет.
 Мольба си се моли дуръ на фейска крале, С мольбой просит Фейского короля,
 Назадъ да се върне на суха бунаре, Чтобы назад вернулся на сухой колодец,
 Борба да се бори сусъ сура ламие, Да в борьбе поборол бы Суру Ламию,
 Та да си гу уть ламие куртолиса, 1380 И освободил бы его от Ламии,
 Немой младу афъ бунаро да загине. Не то младой в колодце погибнет.
 Какъ ми чулу фейска крале, Как услышал это Фейский король,
 Мощне му се нажелилу, натъжилу, Очень он опечалился, затужил,
 На две моми вели утговори: Да двум девам такую речь говорит:
 »Постойте ми, моми, на тие дервене, 1385 «Постойте, девушки, в том ущелье,
 Дуръ да ида на суха бунаре, Пока я схожу на сухой колодец,
 Да се борба боре сусъ сура ламие; Да в борьбе поборюсь с Сурой Ламией;
 Ил' ламие мене млада да погуби, Или меня младого Ламия погубит,
 Ил' язъ нее борба да надборе, Или я её в борьбе уничтожу,
 Та да куртолисамъ Сада крале малку дете: 1390 Да освобожу Саду короля, малого дитя:
 Немой афъ бунаро младу да загине.» Не то младой в колодце погибнет.»
 Та ми се запреха ду две моми на дервене, Тут две девушки остались в ущелье,
 Я той си ми шетна рибна коне, А он уехал на рыбе-коне,
 Какъ ми фоди не се гледа! Умчался, только его и видели!
 Фоди низъ поле-ту шо ми фоди. 1395 Приехал он на поле, подъехал.
 Сада крале афъ бунаро мольба си се моли, Сада король в колодце с молитвой просит,

Мольба си се моли дуръ на Бога,
 На фейска крале сила да си даде,
 Борба да надбори сура ламие;
 Какъ гу куртолиса ут темна зандана,
 Да гу куртолиса и уть сура ламие,
 Немой младу афъ бунаро да загине.
 Де му Богъ мольба услуше,
 Та си прати стара Юда срелувита,
 Шо си има срели нишанлии,
 Тие си ми усрелевать сура ламие;
 Да си иде на поле-ту,
 Та да найде фейска крале;
 Да му даде срела нишанлие,
 Та да си борба надбори сура ламие,
 Па да куртолиса Сада крале ут бунаро.
 Та си дойде Юда на полету,
 Афъ роки доржи срела нишанлие,
 Уть нее си ясну сонце грее!
 Дуръ да найде фейска крале
 сичку поле исфодила,
 Та се узноила, уморила;
 Дойде вече ду суха бунаре.
 Де си найде фейска крале,
 Та гу пита и гу праши:
 »Де ми фодишь, кралю, шо ми терашъ?
 Да л' си терашъ ду две кральски моми?
 Ил' си терашъ Сада крале той побратима?»
 Утмалъ душе й продумалу:
 »Ой ти, Юду стара Самуилу!
 Не си терам ду две кральски моми,
 Тие си ма чекать на дервене,
 Туку фодене на суха бунаре,
 Да се борба боре сусъ сура ламие,
 Шо ми погълнала Сада
 крале мой побратима:
 Или язъ борба да га надборе,
 Да си куртолисамъ Сада крале,
 Ил' и мене цала да погълне,
 Та да не са върна на мое-та земе.»
 Па гу пита Юда и гу праши:
 »Е бре, кралю, фейска кралю!
 Какъ ми фодишь на суха бунаре,
 Борба да се боришь сусъ сура ламие,
 Та да куртолисашь Сада крале той побратима,
 Дека ти е срела нишанлие
 Шо си усрелева сура ламие?
 Безъ срела какъ ша си се борба боришь?
 »Ниту срела имамъ, Юду, ниту сабе;
 Сабе ми е на дома устанала;
 Лу сусъ сила борба ша се боре.
 Мольба ти се моле, Юду:
 Да ми дадешъ тое срела нишанлие,
 Шо га доржишь афъ десна-та рока;
 Туку борба да си надборе,

С молитвой просит он самого Бога,
 Чтобы Фейскому королю силу он дал,
 1400 Да в битве победить Суру Ламию;
 Как его освободить из тёмной пасти,
 Чтобы его избавить от Суры Ламии,
 Не то, младой в колодце погибнет.
 Наконец, Бог услышал его молитву,
 1405 Да послал старую Юду стрелицу,
 Что имеет стрелы знаменитые,
 Которые могут поразить Суру Ламию,
 Чтобы она пошла на то поле,
 Да нашла там Фейского короля,
 1410 И ему дала стрелу знаменитую,
 Тогда он в битве победит Суру Ламию,
 Потом освободит Саду короля из колодца.
 Тут прибыла Юда на то поле,
 В руках держит стрелу знаменитую,
 1415 От неё сияет ясное солнце!
 Чтобы найти Фейского короля,
 всё поле она исходила,
 Да утомилась она, уморилась;
 Дошла, наконец, до сухого колодца.
 Где нашла она Фейского короля,
 1420 Да его пытается, да его спрашивает:
 «Где ты ходишь, король, что ищешь?
 Ты что, ищешь двух королевских дочек?
 Или ищешь Саду короля, своего побратима?»
 Еле переводя дух, ей он отвечает:
 1425 «Ой ты, Юда, старая Самувила!
 Не ищу я двух королевских дочек,
 Они ожидают меня в ущелье,
 Тут пришёл я к сухому колодцу,
 Чтобы в битве сразиться с Сурой Ламией,
 Которая поглотила Саду
 1430 короля, моего побратима:
 Либо я её в битве должен победить,
 Да освобожу от неё Саду короля,
 Либо она меня прицелит и проглотит,
 Тогда больше не вернусь на свою землю.»
 1435 Потом его пытается Юда и спрашивает:
 «Гой еси, король, фейский король!
 Когда ты подойдёшь к сухому колодцу,
 Чтобы в битве сразиться с Сурой Ламией,
 Да освободить Саду короля, твоего побратима,
 1440 Где имеются у тебя стрелы знаменитые,
 Которыми можно застрелить Суру Ламию?
 Без стрел, как ты её в битве победишь?»
 «Нет, стрел я не имею, Юда, нет и сабли;
 Саблю свою я дома оставил,
 1445 Лишь силой в битве буду сражаться.
 Умоляю тебя, Юда, прошу:
 Чтобы ты дала мне твою стрелу знаменитую,
 Которую ты держишь в правой руке;
 Тогда в битве я могу победить,

Па си земи срела афъ роката;
 Да се бранишь борба да се бориш.»
 Та му Юда мольба услуше,
 Подаде му срела нишанлие.
 Дурь тога ми шетна рибна коне,
 Та утиде дурь на суха бунаре,
 Та се рукна и подрукна:
 »Я излези уть бунаро, сура ламию!
 Борба двата да се бориме.»
 Какъ ми чула сура ламие,
 Зафучела, заечила дурь се земе потресла!
 Та излезе уть суха бунаре.
 Сада крале не излева,
 Ламие гу цала погълнала!
 Та се борба бореть три недели,
 Дурь тога ми искара фейска
 крале срела нишанлие,
 Та си усрели ламие афъ сорце-ту,
 Паднала ми насредъ поле,
 Утмалъ душе продумала:
 »Уть Богъ нашла, кралю, Юда срелувита,
 Шо ти даде срела нишанлие,
 Та ма усрели афъ сорце-ту афъ джигеро.»
 Сова рече не отрече,
 Искара си фейска крале потайну-ту ношче,
 Та си разпра ламие на сорце-ту,
 Дано си е Сада крале още жюву!
 Той си билу още жюву,
 Та излелу уть куремо цалу как си билу!
 Пригърна си, цалуна си фейска крале,
 Чи си гу куртолиса уть сура ламие.
 Та си фъркна Сада крале да си фърка,
 Фейска крале шетна коне низ поле-ту,
 Та ми утидоха на тие дървене,
 Де ги чекать ду две моми.
 Малка мома как си виде Сада крале,
 Слезе си ми уть коне Лестувица,
 Пригърна гу, цалуна гу,
 Па ми шетать коне низъ поле-ту;
 Сада крале си ми фърка.
 Сигнали се вече на Талатинска земе.
 Фейска крале не ми фоди
 на Талатинска земе,
 Чи ми се е мощне забавилу:
 Закара си ду негуве първе либе,
 Та утиде на негува си фейска земе.
 И Сада крале си закара първе либе,
 Та утиде афъ Талатина града.
 Талатинска крале си гу чека на капии,
 Как си виде Сада крале негува сина,
 Пригърна гу, цалуна гу,
 Цалуна си и негуву първе либе;
 Първе либе мощне си бендиса:
 Уть лику й грее ясно солнце!

1450 Потом возьму стрелу в руки,
 Чтобы защититься и в битве победить.»
 Тут Юда его просьбу выслушала,
 Подала ему стрелу знаменитую.
 Только тогда вскочил он на рыбу-коня,
 1455 Да подъехал прямо к сухому колодцу,
 Тут он крикнул и громко прокричал:
 «Ну-ка, вылезай из колодца Сура Ламия!
 Будем во второй раз сражаться.»
 Как услышала его Сура Ламия,
 1460 Завыла, загрохотала, что земля затряслась!
 Да вылезла она из сухого колодца.
 Саду короля от себя не выпустила, Ламия его
 хотела целым проглотить!
 Тут в битве сражались три недели,
 Только тогда достал Фейский
 1465 король стрелу знаменитую,
 Да выстрелил Ламии прямо в сердце,
 Рухнула она посередине поля,
 Еле переводя дух, её душа сказала:
 «Бог накажет, король, Юду стрелицу,
 1470 Что тебе дала стрелу знаменитую,
 Да меня застрелил в сердце и лёгкое.»
 Свою речь ещё не отговорила,
 Достал Фейский король потайной нож,
 Да распорол Ламию до самого сердца,
 1475 Хоть бы Сада король был жив!
 Тот был пока ещё живой,
 Да освободился из нутра целым, как был!
 Обнимает, целует Фейского короля,
 Что он освободил его от Суры Ламии.
 1480 Тут вспорхнул Сада король и полетел,
 Фейский король помчался на коне по полю,
 Да направился в то самое ущелье,
 Где его ожидали две девушки.
 Меньшая дева, как увидела Саду короля,
 1485 Соскочила со своего коня Ласточки,
 Да обнимает его и целует его,
 Потом поехала на коне по полю,
 Сада король с ней рядом порхал.
 Добрались уже на Талатинскую землю.
 Фейский король не поехал
 1490 опять на Талатинскую землю,
 Так как очень он задержался:
 Забрал он свою первую любовь,
 Да отправился с ней на Фейскую землю.
 И сада король забрал первую любовь,
 1495 Да отправился в Талатинский град.
 Талатинский король ожидал его в воротах,
 Как увидел Саду короля своего сына,
 Обнимает его, целует его,
 Целует он и его первую любовь;
 1500 Первая любовь ему очень понравилась:
 От лика её сияет ясное солнце!

В' грѣди ѿ е ясна месечина!	На груди её ясный месяц!
В' скути ѿ се дребни звезди!	На подоле её частые звёзды!
Коса ѿ е ду земе-та!	Коса у ней до самой земли!
Та заправи Талатинска	Тогда справил Талатинский
крале силна свадба,	1505 король самую богатую свадьбу,
На свадба си калеса седемдесе крале,	На свадьбу пригласил семьдесят королев,
Та ги гости и ги пои малу-млогу	Да они гостили и пили ни много, ни мало
Малу-млогу три недели,	Ни много, ни мало три недели,
Дурь хми се е вече дудеелу.	Пока им уже совсем надоело.
Излела е на трапеза ду млада невеста,	1510 Появилась на трапезе младая невеста,
Та си рока цалуна на седемдесе крале;	Да целует руки семидесяти королям;
Какъ ми фоди сонце грее!	Когда она идёт, солнце сияет!
Седемдесе крале дарба си га подариха,	Семьдесят королев дарили ей подарки, Да все
Та си утидоха кой на земе, кой на море.	уехали, кто по земле, кто по морю.
Устана си Сада крале млада зете,	1515 Остался Сада король молодой зять;
Та си либи ду негуву първе либе.	Да любил свою первую любовь.
Мощне ми е силувиту, духувиту,	Очень он был силен и высокодуховен,
Заптисалу сичка земе дурь и море.	Освоил он все земли и даже море.
Родилу ми десетъ сина, десетъ керки,	Родились у него десять сынов и десять дочек,
Та ми заселили пуста земе запустена.	1520 Да заселили пустые земли запущенные.
Уть Богъ нашел Турцка крале,	Бог наказает Турецкого короля,
Шо заправи силна ойске,	Что направил своё сильное войско,
Та заптиса сичка земе дурь и море;	Да захватил все земли и даже море;
Заптиса ми и Талатинска земе,	Захватил он и Талатинскую землю,
Сада крале си стару погубилу,	1525 Саду короля старого погубил,
Негуву първе либе стара заробилу,	Его первую любовь старую поработил,
Изметъ да му чини,	Чтоб прислуживала ему, да обслуживала,
Да му бави мъжки деца.	Да нянчила ему маленьких детей.
Не се знае вече шо станали,	Не знаем больше, что произошло.
Лу хми песна устаналу,	1530 Лишь их песню вам оставили,
Да се помни чи се били силувити духувити.	Чтоб помнили, что были сильные и духовные.
Уть Бога здраве, од мене песна.	От Бога вам здоровье, а от меня песня.

VIII. Пакъ женидба на Талатинска крале но инакво.

Талатина крале замина си ду белъ Дунавъ,
Иска да ми фоди пу сичка-та земе,
Да си тера, мори, либе спроти негу.
Та ми яха огнена кучие,
Си га карат ду три Юди Самуили:
Колку си е кучие огнена,
Уть Юди си още пламень фърка,
Лу кого стигне гу погурева,
Та си бива као църна главне!
Та ми фоди Талатина крале пу сичката земе, 10
Ела либе нема де да найде!
Па си фоди дурь му са е вече дудеелу,

VIII. Опять женитьба Талатинского короля, но иначе

Талатинский король миновал белый Дунай,
Хочет исходить все другие земли,
Да утомился искать любовь, достойную его,
Тут заскочил он в огненную машину,²⁵
5 Да подъехал к трём Юдам Самувилам:
Поскольку машина была огненная,
На Юд ещё пламя полетело,
Лишь кого настигло, тот закоптился,
Да был похож на чёрную головню!
Так ездил Талатинский король по всей земле,
Однако любимой негде ему найти!
Потом ездить ему уж очень надоело,

На Юди си вели утговори:
»Мари, Юди, ду три Самуили!
Какъ сте фодили пу земе-та,
Не ли сте видели кральска керка,
Кральска керка шо приличе на мене,
Да си ми бодe първе либе,
Кой га види на мене да завиди,
Чи си имам гюзель либе,
Шо га нема нийде пу земе-та.»
»Е бре, Талатине кралю!
Кога бехме още млади и по-малки,
Наше сестра падна болна да лежи,
Та ми лежа цали три години.
Нее си й изметъ чинехме,
Саде понуда не е зевала,
Терала е вода уть край земе,
Де си има студень кладнець;
Ела ступанъ има люта змие,
Не си дава никой уть вода да пие;
Аку си гу на кладнець найде,
Фърле си гу понуда на малки-те змии.
Не сме хтели нее да идеме на край земе,
Ела на е сестра люту заклела;
Аку не й донесеме вода ут край земе,
Нийде нейде да се не свартиме,
Да фодиме пу земе-та као луди и завени!
Какъ си чухме сестрина люта клетва,
Утидохме на край земе на студень кладнець, 40
Де си беше и люта змие;
Лу какъ на виде глава си замаха,
Кани ни се да на погуби.
Нее си се чудумъ чудиме шо да правиме,
Какъ да земеме вода уть студен кладнець,
Да утнесеме на нашета сестра.
Де си запе пиле соколову:
»Мари Юди, ду три сестри!
Шо стоите тука и се чудите?
Идите си на крайну-ту море,
Там' си има дару дафинову;
Да чекнете вейка уть даро-ту,
С' вейка змие да ударите,
Та ша се умае и ша заспие;
Тога си точите вода уть студень кладнець.» 50
Та утидохме на крайну-ту море.
Найдохме си дару дафинову,
Та си чекнахме вейка уть даро-ту,
С' вейка си змие ударихме,
Та се ума и си падна на земе-та.
Дуръ тога си вода наточихме,
Та си навървихме да си
фодиме на наше-та земе,
На наше-та сестра понуда да дадеме.
Вървехме малку шо повървехме,
Се качихме горе на планина-та,

Юдам он молвит, говорит:
«Эй вы, Юды, да три Самувилы!
15 Когда вы ходили по разным землям,
Не видели ли вы королевскую дочку,
Королевскую дочку, что достойна меня,
Которая была бы мне первой любовью,
Чтобы, кто её увидит, да мне бы завидовали,
20 Что имею любимую красавицу,
Которой больше нигде нет на земле.»
«Гой еси, Талатинский король!
Когда мы были ещё поменьше младые,
Наша сестра упала и слегла больная,
25 Да так лежала целых три года.
За ней осуществляла уход тётя,
Только угощение не брала,
Заставляла привезти ей воды с крайней земли,
Где имеется студень колодец;
30 Однако им завладела лютая змея,
Не даёт никому эту воду попить;
Если кто этот колодец находил,
Бросал небольшой гостинец змее.
Мы не хотели идти на крайнюю землю,
35 Поэтому сестра нас люто прокляла;
Если не принесём ей воды с крайней земли,
Нигде ничего не будем помнить,
И ходить по земле как сумасшедшие и глупцы!
Как слышали они сестрино лютое проклятье,
40 Кинулись на край земли к студеному колодцу,
Туда, где была и лютая змея;
Лишь увидела их, головой замахала,
Приглашает их всех на погибель.
Они удивляются да раздумывают, что делать,
45 Как набрать воды со студеного колодца,
Чтобы отнести её нашей сестре.
Тут им запела птица соколиная:
«Эй вы, Юды, да три сестры!
Что стоите здесь, да удивляетесь?
50 Идите на берег крайнего моря,
Там имеется дерево лавровое;
Да отрежьте ветку от дерева,
Этой веткой змею вы ударите,
Она задурманится и скоро заснёт;
55 Тогда набирайте воды из студеного колодца.»
Тут же отправились они на крайнее море.
Нашли они дерево лавровое,
Да отрезали ветку от дерева,
Этой веткой змею они ударили,
60 Она одурманилась, да упала на землю.
Только тогда набрали они воды,
Да направились уже, чтобы
возвратиться на свою землю,
И своей сестре подать гостинец.
Ходили немного они походили,
65 Поднялись высоко в горы,

Де истица ду белъ Дунавъ.
 На край Дунавъ имаше кральски сарае,
 Афъ техъ си седи Ситска кралица,
 Шо си съди на сичку-ту поле.
 Тия си има керка дюнягюзеллийка,
 Шо га нема нийде на дюне-та:
 Уть лику й грееть деветь сонца!
 Афъ гръди й свети ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та,
 Хемъ си свети као елмазъ камень!
 Кога си излезе уть майчина худае,
 Да се бани на студни-те кладнеци,
 Шо се магли низ поле-ту,
 Си ги гони на небе-ту,
 Та си свети на неина земе!
 Нее, Талатине, га сме видели,
 Тя си бива за тое първе либе.
 Ела има пуста сура ламие,
 Та не дава да се жени ниту майка,
 Ниту майка, ниту керка;
 Си ги чува никой при техъ да не фоди,
 Лу кой иде назадъ се не враща;
 Люту на сорцету гу наранева,
 и гу фърле аф морету на риби-те.»
 Как ми чу Талатине крале,
 Мощне му се сорце наранилу,
 На Юди си вели утговори:
 »Яз ша ида, Юди, на Ситската земе:
 Или таму младу да си погина,
 Или да си зема керка на Ситска кралица.»
 Сова рече не отрече,
 Си ми тръгна огнена кучие,
 Да си иде на Ситска-та земе.
 Юди си му не дават да иде:
 »Седи, кралю, не ми фоди,
 Сички таму ша загинеме!»
 Той им мольба не слуше,
 Си кара кучие и ми фоди,
 Вече наблизиха ду Ситску-ту поле;
 Юди ми се мощне уплашени,
 Па си му се мольба молеть:
 »Седи, кралю, не ми фоди на Ситску-ту поле,
 Чи ша таму младу да погинешъ!
 Тамамъ седемдесе крале са погинали,
 Диле ти не ша погинешъ!
 Саму Крали Марку са е куртолисаль.
 Той си има срела отровита,
 Шо га зель уть люта ламие,
 Шо излегла на Талатинска земе.
 Пуста Ситска ламие усрелила седемдесе крале,
 Най-узадь ми фоди Крали Марку,
 Афъ рока си доржи срела отровита,
 И си гласумъ рука на ламие:

Где видно, как искрится белый Дунай.
 На берегу Дуная стоит королевский дворец,
 А в нём живёт Ситская королева,
 Что хозяйничает на всём поле.
 70 У неё есть дочка всемирная красавица,
 Что больше нет такой на свете:
 От лика её сияют девять солнц!
 На груди её светит ясный месяц,
 На подоле её частые звёзды!
 75 Коса её до самой земли,
 Да блистает она как алмаз камень!
 Когда выходит она из материной комнаты,
 Чтобы искупаться на студенном источнике,
 Если туман стоит на поле,
 80 Она его выгоняет на небо,
 Да освещает свою землю!
 Её, Талатин, мы тоже видели,
 Она была бы для тебя первой любовью.
 Однако, там имеется проклятая Сура Ламия,
 85 Которая никому не даёт выйти замуж
 Не даёт ни матери, ни дочери;
 Она следит, чтобы к ним никто не прошёл,
 Лишь кто приходил, назад уже не возвращался,
 Люто сердце ему раздирала,
 90 и кидала его в море на съедение рыбам.»
 Как услышал это Талатинский король,
 Очень его сердце поранилось,
 С Юдами он ведёт такой разговор:
 «Я буду идти, Юды, на Ситскую землю:
 95 Или там я молодой найду погибель,
 Или возьму дочку Ситской королевы.»
 Свои слова ещё не договорил,
 Да направился к огненной машине,
 Чтобы поехать на Ситскую землю.
 100 Юды ему совсем не дают уйти:
 «Оставайся, король, не уходи,
 Все, кто был там, погибли!»
 Но он их просьбу не слушает,
 Садиться в машину и уезжает.
 105 Уже приблизился к Ситскому полю;
 Юды очень сильно всполошились,
 Потом его опять с мольбой просят:
 «Останься, король, не ходи на Ситское поле,
 Потому что там молодой погинеешь!
 110 Там семьдесят королей погибли,
 Здесь ты не можешь погибнуть!
 Только король Марко там спасся.
 У него была стрела ядовитая,
 Которую он забрал у лютой Ламии,
 115 Что возлегала на Талатинской земле.
 Злая Ситская Ламия убила семьдесят королей,
 Сзади шёл за ними король Марко,
 В руках он держал стрелу ядовитую,
 И громко кричал он на Ламию:

»Назадъ, назадъ, пуста ламию!
 Чи ша си та на сорце-ту осреле.»
 Как си виде ламие срела отровита,
 Потресе се, мощне се уплашила,
 Та си падна на земе-та утпрешъ Крали Марка,
 Па си му се мольба моли, 125
 Да си тури срела аф пазуфи,
 Немой нее млада да погуби,
 Да устане Ситска земе пуста затгустена;
 Мольба му се моли и му путь дава да заmine.
 Та си замина саму Крали Марку, 130
 И утиде на негува си гулема града.
 Негу, кралю, да повикашъ на ардам на помощи,
 Той ша си усрели сава пуста ламие,
 И ша земешъ керка на Ситска кралица;
 Я' Крали Марку као по-старъ, 135
 Ша си земе Ситска кралица,
 Да му бодe първе либе.»
 Уплаши се Талатине крале,
 Та си тръгна назадъ огнена кучие,
 И утиде на негува си Талатинска земе. 140
 Още уть кучие не е слегаль,
 Си ми рука ду негува башъ китипинъ,
 Та му вели утговори:
 »Е бре, китипине, башъ китипине!
 Земи си бела книга и капка мурекeпа,
 Та си пиши бела книга на Крали Марка,
 Бела книга църну писму,
 На книга да му пишешъ:
 Млогу здраве, Крали Марку,
 уть Талатинска крале!
 Мольба ти се моли, 150
 Аманъ ти чини дуръ ду земе,
 да си земешъ тое срела отровита,
 Та да дойдеш тука дуръ при негу,
 Има нещу да ти каже;
 Аку дойдешъ, братъ ша си та фати, 155
 Па аку не дойдешъ, първъ
 душманинъ ша та има.
 Две години има шо му чини едно добро,
 Шо утрепа пуста сура ламие,
 Шо излезе на наше-та земе;
 Сега ша му чинишъ и другу добро. 160
 Сова пиши и ми книга донеси,
 Да си прате дуръ ду негу ду младу татарче.»
 Та си писа башъ китипинъ бела книга,
 Бела книга църну писму,
 Утнесе гу дуръ на крале 165
 И той пармакъ да си удри.
 Гледа крале бела книга,
 Бела книга църну писму,
 Гледа си гу и си рони дребни солзи,
 Па си се и на Бога мольба моли: 170
 »Ой, Боже ле, мили Боже!

«Назад, назад, проклятая Ламия!
 Не то, в самое сердце застрелю.»
 Как увидела Ламия стрелу ядовитую,
 Затряслась, очень она испугалась,
 Да упала на землю впереди короля Марка,
 Потом его с мольбой просит,
 Чтобы спрятал стрелу за пазуху,
 Не губил её ещё совсем младую,
 Что оставит она Ситскую землю свободной;
 Молит его, просит дать ей путь, чтобы уйти,
 Да уехал к себе сам король Марко,
 И направился в свой большой град.
 Его, король, позовёшь на помощь,
 Пусть он застрелит проклятую Ламию,
 И ты можешь взять дочку Ситской королевы;
 А король Марко как старший,
 Может взять Ситскую королеву,
 Которая будет ему первой любовью.»
 Всполошился Талатинский король,
 Да развернул назад огненную машину,
 И поехал на ней по Талатинской земле. 140
 Ещё с машины он не слез,
 Позвал своего главного писаря,
 Да ему говорит наказывает:
 «Гой еси, писарь, главный писарь!!
 Возьми белую бумагу и налей чернила,
 Да пиши на белой бумаге королю Марку,
 На белой бумаге чёрное письмо,
 На бумаге ты ему напишешь:
 Доброго здоровья, король Марко,
 привет от Талатинского короля!
 С мольбой я тебя прошу, 150
 Помилуй, ты больше сделаешь для страны,
 Если возьмёшь твою стрелу ядовитую,
 Да придёшь уже с ней сюда,
 Имеется кое-что, чтобы тебе сказать;
 Если придёшь, братом мне будешь, 155
 Но если же совсем не придёшь,
 первым врагом мне станешь.
 Два года назад ты сделал одно добро,
 Что убил проклятую Суру Ламию,
 Которая появилась на нашей земле;
 Сейчас можешь сделать и другое добро. 160
 Слова записывай и мне бумагу принеси,
 Да пошли уже к нему младого гонца.»
 Так написал главный писарь на белой бумаге,
 На белой бумаге чёрное письмо,
 Отнёс его только самому королю 165
 И тот прутиком его ударил.
 Глядит король на белую бумагу,
 Белую бумагу, чёрное письмо,
 Глядит и роняет частые слёзы,
 Потом Бога с молитвой просит:
 «Ой ты, Боже, милый Боже!

Я' пусни си, Боже, на
 Крали Марка ум и разумъ,
 Лу какъ ша си види сава книга,
 Да си яхне бърза коне,
 Та да дойде тука дурь при мене,
 Да си виде шо си прави.»
 Мольба си се Богу моли
 И си рука ду младу татарче,
 Та му дава бела книга аф роки-те,
 И му вели утговори:
 »Е бре, мое младу татарче!
 Немой седи, немой стои:
 Слезе си ми долу афъ ехура,
 Та си закарай мое бърза коне;
 Яхни коне и си иди аф Търнува града,
 Да си найдешь Крали Марка,
 Нему да си дадешь бела книга,
 Бела книга църну писму:
 Джюхапъ да му дадешь,
 да си дойде тука при мене,
 Джюхапъ уть негу па да земешь;
 Шо ша ти каже мене да си кажешь.»
 Та си яхна младу татарче кралювата бърза коне,
 Дурь да яхне Талатинска земе изминалу,
 Дурь да седне харну на седло-ту,
 Си утиде на Търнува града.
 Там' си найде Крали Марка,
 Чи вечере сусь стара си майка.
 Как си виде Крали Марку ду младу татарче,
 Хрипна уть вечере уть трапези,
 Та утиде да дучека младу татарче.
 Сама майка му устанала на трапези.
 Та му вели Марку утговори:
 »Добре дошло, младу татарче!
 Шо хаберь носишь уть Талатинска земе?
 Шо ми прави Талатина крале?»
 »Добре та найдохъ, Крали Марку!
 Нищу хаберь не ти носе уть Талатинска земе,
 Лу ти носе бела книга,
 Бела книга църну писму:
 Талатине крале на госте та кани,
 Да си дойдешь да та види.»
 Та му даде бела книга,
 Бела книга църну писму.
 Зе си Крали Марку бела книга,
 Та га пее и се смее.
 Па си кани младу татарче на трапеза,
 Да вечере с негу сладки манджи,
 И да пие руйну вину тригодишну.
 Ядоха си и си пиха малу-млогу,
 Малу-млогу две недели.
 Татарче иска да си иде,
 Та си тера джюхапъ уть Крали Марка;
 Дали ша дойде или неша?

А подари ты, Боже
 королю Марку ум и разум,
 Лишь как увидит он мою бумагу,
 Да оседлает борзого коня,
 Да направится уже тогда ко мне,
 175 Чтобы узнать, что ему делать.»
 С молитвой Бога просит
 И зовёт к себе младого гонца,
 Да даёт ему белую бумагу в руки,
 180 И ему говорит, наказывает:
 «Гой еси, мой младой гонец!
 Не смей сидеть, не смей стоять:
 Сбегай ты вниз на конюшню,
 Да приведи моего борзого коня;
 185 Садись верхом и поезжай до Тырнова града,²⁶
 Где найдёшь короля Марка,
 Ему чтобы отдал белую бумагу,
 Белую бумагу, чёрное письмо:
 Привет ему передашь от меня,
 Чтобы приехал сюда ко мне,
 190 Приветствие от него потом получишь;
 Что тебе скажет, мне чтобы передал.»
 Влез младой гонец на королевского скакуна,
 Только сел, Талатинскую землю миновал,
 Только уселся поудобнее в седле,
 195 Как домчался до Тырнова града.
 Там он нашёл короля Марка,
 Который вечерял со старой матерью.
 Как увидел король Марко младого гонца,
 Отказался от вечери и от трапезы,
 200 Да пошёл навстречу младому гонцу.
 Мать сама осталась на трапезе.
 Тут ему Марко молвит, говорит:
 «Добро пожаловать, младой гонец!
 Что за весть принёс из Талатинской земли?
 205 Что там делает Талатинский король?
 «Хорошо, что тебя нашёл, король Марко!
 Никакой весте не несус с Талатинской земли,
 Лишь принёс тебе белую бумагу,
 Белую бумагу, чёрное письмо:
 210 Талатинский король приглашает тебя в гости,
 Когда приедешь, то сам увидишь.»
 Тут отдаёт ему белую бумагу,
 Белую бумагу, чёрное письмо.
 Взял король Марко белую бумагу,
 215 Да тогда запел и смеётся.
 Потом пригласил младого гонца на трапезу,
 Чтобы повечерять с ним вкусную еду,
 И попить алого вина трёхгодичного.
 Пировали они и пили ни много, ни мало,
 220 Ни много, ни мало, целых две недели.
 Гонец хочет уже назад уехать,
 Да ждёт передачу от короля Марка;
 Приедет ли, или не согласится?

- »Ша си дойда, татарче, от да не дойда:
 Талатине крале ми е първъ побратимъ.»
 Та си рука Марку башъ изметчие,
 Та му вели утговори:
 »Е бре, изметчию, мои веранъ слуга!
 Искарар ми уть ехура бързата коне,
 Шо си фърка као пиле на небе-ту;
 Наседли гу сусъ златну седло,
 Наюзди гу сусъ сребрена юзда:
 Назоби гу седемдесе ока бела пшеница,
 И гу напои седемдесе ока руйну вину;
 Колку си е фъркатъ
 225 Още толку да си фърка низъ Талатинска земе,
 Кой ма види да завиди.»
 Наседли гу изметчие наюзди гу
 Сусъ златну седло, сусъ сребрена юзда,
 И гу назоби, напои;
 Назоби гу седемдесе ока бела пшеница,
 Напои гу седемдесе ока руйну вину;
 Та не може бърза коне на ноги да стои,
 Иска да си фоди да си фърка:
 Утмалъ гу вързали на железна халка,
 Дуръ да Марку се наготви.
 На майка си Марку вели утговори:
 »Я' отключи, мале, шарени съндуци,
 Та искарар мое башъ руху,
 Шо е ушиену с голу злату сарманлие,
 Да се премене, мале, да се нареде,
 Чи ша ида на Талатинска земе;
 Талатине крале си ма кани на гозба,
 Канилъ си е сите крале и бануве.
 Искарар си и моета отровита срела,
 230 Нещу на путь да не пате:
 Аку си ма срещне Юда Самуила,
 Сусъ срела нее да си надборе.»
 Та утключи майка му шарени съндъци,
 Искара му сарманлие рухгу,
 Даде си му и срела отровита.
 Премени се Марку нареди се,
 Па си пита майка:
 »Кажы, мале, дали си самъ юнакъ?»
 »Юнакъ си, сину, надъ юнаци!
 235 Дано намдаръ да излезешъ на кральска трапеза,
 Сите крале да пофалетъ тое стара майка,
 Шо си е родила сакавъ юнакъ на земе-та.»
 Та си яхна Марку бързата коне,
 Дуръ да яхне утмалъ гу е дудоржалъ,
 Какъ ми фъркна пу небету.
 Не се виде де утиде!
 Младу татарче дуръ да си яхне бърза-та коне,
 Марку утиде на Талатинска земе.
 Талатине крале гу е
 чекалъ на башъ дервене,
 240 Какъ гу виде лику му се засмее.
- «Буду ехать, гонец, от этого не уйдёшь:
 Талатинский король мне первый побратим.»
 Тут позвал Марко главного дворецкого,
 Да ему молвит, говорит:
 «Гой еси, дворецкий, мой верный слуга!
 Приведи мне из конюшни борзого коня,
 230 Что летает как птица по небу;
 Оседлай на него золотое седло,
 Взнуздай ему серебряную уздечку:
 Задай ему семьдесят мер белой пшеницы,
 И напои его семидесятью мерами алого вина;
 235 Насколько быстро он прилетит,
 Ещё только пролетит по Талатинской земле,
 Кто на него посмотрит, только его и видели.»
 Оседлал его дворецкий, взнуздал его,
 Златым седлом, серебряной уздечкой,
 240 И его накормил, а также напоил;
 Задал ему семьдесят мер белой пшеницы,
 Напоил его семидесятью мерами алого вина;
 Да не может борзый конь на ногах стоять,
 Хочет он пробежаться да взлететь:
 245 С трудом привязали его к железному кольцу,
 Пока, чтобы Марку приготовиться.
 С матерью Марко ведёт разговор:
 «Ну отомкни, мама, пёстрый сундук,
 Да достань мою нарядную рубаху,
 250 Что сшита добротной золотой нитью,
 Да приоденусь я, мама, и наряжусь,
 Чтобы ехать на Талатинскую землю;
 Талатинский король пригласил меня в гости,
 Пригласил он всех королей и князей.
 255 Достань и мою отравленную стрелу,
 Ничего в путь, чтобы не забыть:
 Если мне встретится Юда Самувила,
 Со стрелой я её могу победить.»
 Тут отомкнула мать пёстрый сундук,
 260 И достала ему добротную рубаху,
 Дала ему и стрелу отравленную.
 Приоделся Марко и нарядился,
 Потом спрашивает он мать:
 «Скажи, мама, удалой ли я юнак?»
 «Юнак, ты сын, над юнаками!
 265 Хорошо бы доехал на королевскую трапезу,
 Все короли похвалят твою старую мать,
 Что родила такого юнака на земле.»
 Тут вскочил Марко на борзого коня,
 270 Только сел верхом, с трудом его удержал,
 Как он сразу вспорхнул под небеса.
 Только его и видели, как он исчез!
 Младой гонец тоже сел на борзого коня,
 Марко направился на Талатинскую землю.
 Талатинский король уже его
 275 ожидал в большом ущелье,
 Как увидел, лицо его заулыбалось.

Та си слезе уть огнена кучие,
 И цалуна Марка на око-ту.
 Марку си гу пита и гу праши:
 »Кажы, кралю, шо ма терашь?
 Дурь не си ти изметь свърше,
 Не си флевамаь афь Талатина града.»
 »Исфодихь си, Марку, сита земе,
 Да си терамь либе спроти мене,
 Ела либе не си найдохь.
 Дурь утидохь на висока планина,
 Де истица ду белъ Дунавъ,
 Та си тече низ Ситску-ту поле.
 Ду белъ Дунавъ си има кральски сарае,
 Афь техь седи Ситска кралица;
 Тя си има керка дюнягюзеллийка,
 Шо га нема нийде на дюне-та:
 Уть лику й грееть деветь сонца!
 Афь гръди й свети ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та!
 Хемь си свети као елмазь камень!
 Тя си бива за мое първе либе.
 Ела има пуста сура ламие,
 Та не дава да се жени ниту майка,
 Ниту майка, ниту керка;
 Си ги чува никой при техь да не фоди;
 Лу кой иде назадъ се не враща,
 Мольба ти се, Марку, моле,
 Да си идешь на Ситска земе,
 С' тое отровита срела да усрелишь пуста ламие,
 Та да идеме афь Ситски сарае.
 Ти да земешь Ситска кралица,
 А яз да си зема неината гюзел керка.»
 Крали Марку ни постоя, ни почека,
 Лу си копна бърза коне,
 Та утиде на Ситска земе;
 С' негу фоди и Талатине крале.
 Лу утиде на Ситски сарае,
 Рукна Марку гласумь се подрукна:
 »Лу де да си, сура ламию, тука да си!
 С' тебе борба ша се боре.»
 Още рече Марку не отрече,
 Подаде се уть гората сура ламие;
 Какъ си виде Марка си забега!
 Марку си се не почуди,
 Ам' си фърли отровита срела,
 Та га усрели люту афь сорце-ту.
 Утмалъ душе си продума:
 »Уть Богъ нашель, Крали Марку!
 Шо ма усрели още млада и зелена.»
 Сова рече и си душе даде.
 Дурь тога си утидоха аф Ситски сарае,
 Де си найдоха Ситска кралица,
 Чи си вика и си плаче.

Тут слез он с огненной машины,
 И целует Марка прямо в очи.
 Марко его пытается и спрашивает:
 280 «Скажи, король, зачем меня вызвал?
 Пока тебе помощь не окажу,
 Не уеду из Талатинского града.»
 «Исходил я, Марко, все земли,
 Чтобы найти любовь, достойную меня,
 285 Однако, любимую так и не нашёл,
 Тогда ушёл я на высокую гору,
 Где видно, как искрится белый Дунай,
 Да течёт через Ситское поле.
 На белом Дунае есть королевский дворец,
 290 А нём живёт Ситская королева;
 Она имеет дочку всемирную красавицу,
 Что такой нет нигде во всём мире:
 От лика её сияют девять солнц!
 На груди её светит ясный месяц!
 295 На подоле её частые звёзды!
 Коса у ней до самой земли!
 Вся она сверкает как алмаз камень!
 Она будет моей первой любовью.
 Однако, там есть проклятая Сура Ламия,
 300 Которая не даёт выйти замуж ни матери,
 Ни матери, ни самой дочке;
 Она следит, чтобы никто к ним не приходил;
 Лишь кто приходил, назад уже не возвращался,
 Умоляю тебя, Марко, прошу,
 305 Чтобы ты пошёл на Ситскую землю,
 И ядовитой стрелой убил проклятую Ламию,
 Тогда пойдём мы в Ситский дворец.
 Ты возмёшь себе Ситскую королеву,
 А я возьму её прекрасную дочку.»
 310 Король Марко не постоял, не подождал,
 Лишь вскочил верхом на борзого коня,
 Да отправился на Ситскую землю;
 С ним поехал и Талатинский король..
 Лишь подъехали к Ситскому дворцу,
 315 Крикнул Марко, громко позвал:
 «Ну, где ты есть, Сура Ламия, тут ли ты!
 С тобой в битве буду сражаться.»
 Ещё Марко речь свою не отговорил,
 Показалась с леса Сура Ламия;
 320 Как увидела Марка она, побежала!
 Марко совсем этому не удивился,
 Ну и метнул в неё ядовитую стрелу,
 Да застрелил люто в самое сердце.
 Еле переводя дух, душа её проговорила:
 325 «Бог покарает тебя, король Марко!
 Что застрелил меня ещё младую и зелёную.»
 Слова проговорила и отдала душу.
 Только тогда ушли они в Ситский дворец,
 Где нашли Ситскую королеву,
 330 Которая кричала и плакала.

„Немой викай, кралице, немой плачешь!
 Дусега си била пуста запустена,
 Утсега ша си башь кралица на земе-та:
 Ти ша бодешь първе либе на Крали Марка,
 Я' тое-та керка ша си боде 335
 Първе либе на Талатинска крале.»
 Как ми чула Ситска кралица,
 Мощне ми се зарадува,
 Та ги гости и ги пои три месеци време,
 Чи е Марку усрелил сура ламие. 340
 Вече искать да си фодеть,
 Крали Марку си закара Ситска кралица,
 Га уткара на Търнува града,
 Та направи силна свадба,
 Свадба е траяла три недели. 345
 Я' Талатине крале си устана на Ситска земе,
 Там' си прави силна свадба.
 Та скалеса сите крале на свадба-та,
 Си калеса и Крали Марка;
 Та ги гости и ги пои три месеци;
 Дурь тога се свадба расипала. 350
 Седемдесе крале искать да си фодеть,
 Излегла е млада булька,
 Да им рока цалуе,
 Уть лику й греет деветь сонца!
 В' гръди й свети ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та!
 Хемь си свети као елмазь камень!
 Сички крале си се чудеть
 за неина гиздавина; 360
 Секи си е дарба дари пу туварь алтане.
 Та се свадба вече расипала.
 Талатине крале си заптиса и Ситска земе!
 Уть Талатинска земе си дукара сите млади,
 Та си тие заселиха Ситска земе,
 И посеха Ситску поле все пшеница . 365
 Утгамь е излегла пшеница пу-сичка-та земе!
 Уттога е устаналу и песна да се пее,
 уть Бога зраве, уть мене песна.

«Не надо кричать, королева, не надо плакать!
 Давеча твоя земля была пустая, запущенная,
 Сейчас будешь главная королева на земле:
 Ты будешь первая любовь короля Марка,
 А твоя дочка прекрасная будет
 Первая любовь Талатинского короля
 Как услышала это Ситская королева,
 Очень сильно она возрадовалась,
 Да их угощала и поила всё время три месяца,
 Что у ней Марко застрелил Суру Ламию. 340
 Уже хотят отправиться назад,
 Король Марко забрал Ситскую королеву,
 Да привёз в свой Тырнов град
 Там справили богатую свадьбу,
 Свадьба длилась три недели. 345
 Талатинский король остался на Ситской земле,
 Там справили богатую свадьбу.
 Да пригласил всех королев на свадьбу,
 Также пригласил и короля Марка;
 Там их угощали и поили три месяца;
 Только тогда свадьба уже заканчивалась.
 Семьдесят королев хотят уже уезжать,
 Вышла к ним молодая невеста,
 Да им всем руки целует,
 От лика её сияют девять солнц!
 На груди её светит ясный месяц!
 На подоле у ней частые звёзды!
 Коса у неё до самой земли!
 И сверкает она как алмаз камень!
 Все короли очень удивляются
 её необыкновенной красоте; 360
 Все дарили ей в подарок по кошельку алтын.
 Тут свадьба уже закончилась.
 Талатинский король взял и Ситскую землю!
 Из Талатинской земли пришли все молодые,
 Да они заселили ту Ситскую землю,
 И засеяли всё Ситское поле пшеницей,
 Оттуда пошла пшеница по всей земле!
 С того времени осталась песня, чтобы пелась,
 От Бога вам здоровье, а от меня песня.

IX. Женидба на Талатина крале со керка на Китическа крале.

Талатина краля иска шедба да се шета,
 Шедба да са шета, любу да си тера;
 Нийде си гу любу не харесува.

IX. Женитьба короля Талатина на дочери Китического короля.

Король Талатин хотел ехать в путешествие,
 Ехал в путешествие, чтобы привезти любимую;
 Нигде нет любимой, чтобы понравилась.

Та ми исходи уть край на край земя-та,
 Ми утиде и на Китическу широку поле;
 Тамъ си имаше ду стара града,
 Талатина иска в' града да си флезе.
 Белки таму люблю си найде,
 Любу що да си е спроти негу!
 Той си през гулями порти флява,
 Гулями порти му са затвареть,
 Не му даватъ в' градо да си флезе.
 Чудиль са е Талатина що да прави,
 Що да прави що да стори?
 На ум си са науми да си копне бърза коня,
 Да гу копне високи дуваре да прихрипне,
 На Китическа столнина да си иде,
 Чи си таму има моми най-убави;
 Белки и той мома си хареса,
 Чи му са е вейке ергенлакъ дудялу.
 Та си копна бърза коня,
 Коня си са мъчи високи дуваре да прихрипне,
 Ел' си не може не да утстъпне.
 Разеди са Талатина краля,
 Та си обзе ду негува длега камшика,
 Бърза коня да си бия,
 Високи дуваре да си прихрипне:
 Той гу бия коня си сълзи рони,
 На Талатина си вяли говори:
 »Що ма, Талатине, мой ступане, бияш?
 Язь си имамъ юнасту надъ коне-ту,
 Кога си с' мои криля фъркнехъ,
 Дуръ на синю небе си хрипкахъ,
 Ами сега що да праве?
 На Китическа града на връхъ дуваре-ту
 Си седеть ду две Юди Самувили,
 Тие си ми не даватъ,
 Ду високи дуваре да си прехрипна:
 Едната си ми очи заблескува
 Со нехини ду две слънчовити очи,
 Друга-та си в' ръки тищи златни сряли,
 С' тяхъ са мъчи да ма усрели.»
 Подрукна са Талатина краля:
 »Ой вия, ду две Юди Самувили!
 Язь братъ да ви самъ вия мои сестри,
 Лю си излезите утпрешъ меня,
 Да ва виде да ма видите;
 Та немой си моя коня запирайте:
 Язи или в' градо ща си фляза,
 Или уть желба ща си умра,
 Чи ми са е вейке ергенлакъ дудял:
 Може тука да си има мома спроти меня?»
 Речь-та още не отрече,
 Две Юди си утпрешъ негу излязоха,
 Уть образъ хми ясну слънце грееше!
 Низъ челу хми звязди трепераха!
 Коса хми са пу земя влачеше!

Так исходил от края и до края все земли,
 Тут пришёл и на Китическое широкое поле;
 Там имелся старинный град,
 Талатин хотел заехать в этот град,
 Может быть там любимую найдёт,
 Любимую, которая достойна его!
 10 Он направился к большим воротам,
 Большие ворота перед ним затворились,
 Не дают ему пройти в град.
 Раздумывает Талатин, что же делать,
 Что делать, да что предпринять?
 15 Надумал, да вскочил на борзого коня,
 Мечтает с ним высокую стену перепрыгнуть,
 Да в Китическую столицу, чтоб зайти,
 Может там имеется наикрасивая девушка,
 Да ему эта девушка понравиться,
 20 А то ему больше холостяковать надоело.
 Тут пришпорил он борзого коня,
 Конь мучительно прыгнул на высокую стену,
 Да не может, чтобы не оступиться.
 Рассердился король Талатин,
 25 Да схватил свой длинный кнут,
 Борзого коня, чтобы ударить,
 Высоку стену, чтобы он перепрыгнул:
 Он ударил коня, а тот слёзы роняет,
 Талатину он тихо говорит:
 30 «Что ты, Талатин, мой хозяин, меня бьёшь?
 Я был в юности сверхестественным конём,
 Когда летал с помощью крыльев,
 Даже прыгал до синего неба,
 А теперь что, что мне делать?
 35 В Китическом граде вверху на стене
 Сидят там две Юды Самувилы,
 Они мне никак не дают,
 Чтобы высокую стену перепрыгнуть:
 Первая мне очи ослепила,
 40 Своими двумя солнечными глазами,
 Другая в руках держит золотые стрелы,
 Чтобы ими мучить, да меня застрелить.»
 Прокричал им король Талатин:
 «Ой вы, да две Юды Самувилы!
 45 Я брат вам, а вы мои сёстры,
 Лишь выйдете и откройте мне,
 Да посмотрите, чтобы меня увидеть;
 И не надо моего коня задерживать:
 Я или в град сейчас заеду,
 50 Или от желания могу умереть,
 Так как быть холостяком надоело:
 Может тут имеется девушка, достойная меня?»
 Свою речь ещё не отговорил,
 Две Юды открыли для него вход,
 55 От щёк их ясное солнце сияет!
 На челе их звёзды мерцают!
 Коса их по земле волочиться!

Лю какъ си ги виде Талатина краля,
 На нег' си вяли ютговори:
 »Лю таква мома да си найда,
 Та ща заборе сички мои мъки,
 Що сам теглилъ кога сам земя шеталь,
 Да си терамъ мома спроти меня.»
 Юди си му велеть и говореть:
 »Ой ти, Талатине, млада краля!
 Да си флезешъ в' тоя стара града,
 Ща си найдешъ мома още по-убава!
 Китически краля си има една керка,
 Една керка що я на днюня нема,
 Ел' си в' негува сарае има чешма варувита,
 Що си е уть мермер исдялана,
 Вода хи е студна кату дибела леда;
 Лю кой си уть тая вода пия,
 Бива кату конь що е най-фъркат!
 На чешма си излява ду люта змия,
 Люта змия с' две глави с' две опашки,
 Та не дава никой вода да си пия,
 Ниту на чешма да си иде;
 Лю кой иде слябъ си бива!»
 Краля си е искараль ду млада теляла,
 Да си личи низъ стара града:
 »Лю кой юнакъ са наемне да убия тая змия,
 Той ща земе краляска мома;
 Я' кой не ще може змия да убия,
 Негу на змия ща си фърлетъ,
 Курбанъ тия да гу изяде.»
 Ти си, Талатине, юнак надъ юнаци,
 Лю какъ ще чуешъ млада тияляла,
 Чи си така низъ стара града личи,
 Ща си идешъ змия да погубишь;
 Ел' си толку юнасту немаш.
 Аку хи глава присечешъ,
 Намясту две ща хи излязатъ!
 Аку хи опашка присечешъ,
 Намясту хи четри ща излязатъ;
 Та тебъ младу ща си фърлетъ,
 Курбанъ змия да та изяде.
 Затова си нее порти заторихме,
 И тоя бърза коня си запираме,
 Немой ти в' стара града да си флезешъ,
 И в' негу младу още да погинешъ.
 Нее с' той си татку бяхме знайни,
 Та си тебъ пожелахме,
 И си дойдохме да ти кажеме;
 Та аку си себя не желишь,
 Флези в' градо мома да си терашъ.»
 Талатина краля как си Юди дучу,
 Хми вяли ютговори:
 »Братъ да ви сам, Юди,
 Братъ да ви самъ сестри да ва имаъмъ,
 Лю да си ми вярну кажете,

Лишь как их увидел король Талатин,
 С ними завёл такой разговор:
 60 «Только такую девушку надо найти,
 Чтобы я забыл все свои муки,
 Что я страдал, когда землю исходил,
 Чтобы встретить девушку достойную меня.»
 Юды ему говорят в ответ:
 65 «Ой ты, Талатин, молодой король!
 Если заедешь в этот старинный град,
 То найдёшь девушку ещё красивее!
 Китический король имеет одну дочку,
 Одну дочку, что такой нет на свете,
 70 Есть в его дворце источник минеральный,
 Что сделан из чистого мрамора,
 Вода в нём студёная, как толстый лёд;
 Лишь кто такой воды напьётся,
 Будет как конь быстрокрылый!
 75 Но источник захватила лютая змея,
 Лютая змея с двумя головами и двумя хвостами,
 Да никому не даёт воды напиться,
 Никто на источник, чтобы не ходил,
 Лишь кто приходит слабый, то убивает!»
 80 Король послал молодых глашатаев,
 Чтобы появились в старом граде:
 «Лишь какой юнак возьмётся убить ту змею,
 Тот возьмёт в жёны королевскую дочку;
 А кто не сможет змею убить,
 85 Того змея может схватить,
 Чтобы как жертву его сожрать.»
 «Ты, Талатин, юнак над юнаками,
 Лишь как услышишь молодого глашатая,
 Когда такой появится в старом граде,
 90 Тогда пойдёшь, да змею погубишь;
 Иди, только ничего не бойся.
 Если ей голову отсечёшь,
 На её месте их две вырастают!
 А если хвост ей отсечёшь,
 95 Вместо их четыре ещё вырастут;
 На тебя молодого бросится,
 Как жертву тебя змея сожрёт.
 Поэтому от неё ворота закрываем,
 Твоего борзого коня подержим.,
 100 Не надо идти в старый град,
 А то в нём молодой ещё погибнешь..
 От нас твой отец будет знать,
 Да он тебя пожалеет,
 И примчится сбюда, да тебе скажет;
 105 Если ты себя не жалеешь,
 Езжай в град, да привези девушку.»
 Король Талатин как Юд услышал,
 С ними повёл такой разговор:
 «Брат же я вам, мои Юды,
 110 Брат я вам, а вы мои сёстры,
 Если вы мне верно говорите,

Какъ да си обия тая люта змия,
Та да си зема тая кральска керка,
Чи ми са е вейке ергенлакъ дудял;
Сичка земя сам исфодилъ,
Мома спроти меня не си найдохъ;
В' стара града мома спроти меня има;
Или тая мома ща си зема,
Или тука младу ща си погина;
Какъ самъ ут моя кральщина излялъ,
Тъй на кральщина не са вращамъ.»
Юди си му вялетъ и говореть:
»Е бре, Талатине, млада краля!
Малку си си на години,
Я' си имашъ умувита глава;
С' насъ са братъ побрати,
Та ни сърце усрели;
Нее вярну ща ти кажеме,
Какъ да си тая люта змия убияшь,
Лю и ти насъ дарба да даришь.
Кога през порти с' невяста заминешъ,
Да си рукнешъ и да си подрукнеш:
Чуете ли, ду две Юди, мои сестри!
Лю де да сте тук' да сте;
Моя люблю тенка дарба да ва дари,
Тенка дарба купринена махрама,
Шо си га я сама на разбой клала.
Закълни са на тоя Бога и на тоя майка,
Чи това ща сторишь,
Кога през тези порти поминешъ,
Силна свадба малку да запрееш
И насъ дарба да си даришь.»
Талатина краля клетва са закле,
Люта клетва на негува Бога
И на негува стара майка:
»Аку, вяли, свадба не си запремъ,
Невяста вазе дарба да си дари,
Моя Бога младу да си ма погуби;
Моя стара майка да си ма не дучека.»
Юди си му велеть и говореть:
»Е бре, кралю, кога идешъ на варувита чешма,
Тая люта змия да убияшь,
Да са соблечешъ голь голнетичек,
Какъ си утъ майка паднал;
Саму земи тоя отрувита срела,
Та кога си при змия идешъ,
Немой змия пу глави да удришь,
Ниту пу глави, ниту пу опашки;
Лю си гледай да я усрелишь в' сред сърце-ту;
Лю как ше си я на сърце усрелишь,
Тя ща са фърли ф' вода варувита;
Лю ти да не хи дадешъ,
Да са умия ф' вода варувита,
Чи ща си сърце излекува,
Та тога тебя младу ща погуби;

Что здесь обитает лютая змея,
Тогда возьму я королевскую дочку,
Потому что мне уже надоело холостяковать;
115 Все земли я сам исходил,
Но девушку, достойную меня, не нашёл;
В старом граде есть девушка, достойная меня;
Или я ту девушку в жёны возьму,
Или тут молодой могу погибнуть;
120 Как я уехал из моего королевства,
Так в королевство могу не вернуться.»
Юды ему говорят в ответ:
«Гой еси, Талатин, молодой король!
Малый ты ещё по возрасту,
125 Но имеешь умную голову;
С нами брат ты побратался,
Да на сердце рана появилась;
Мы тебе верно вот что скажем,
Как тебе лютую змею убить,
130 Только ты нам подарки даришь.
Когда через ворота с невестой пройдёшь,
Да ты крикнешь и нас позовёшь:
Слышите ли, две Юды, мои сёстры!
Лишь где вы тут, да где вы?
135 Моя любовь дорогие дары вам подарит,
Дорогие дары, шёлковые платки,
Что сама на ткацком станке ткала.
Поклянись Богом и своей матерью,
Что это не забудешь сделать,
140 Когда через эти ворота пройдёшь,
Большую свадьбу немного удержишь
И нам подарки даришь.»
Король Талатин клятвой поклялся,
Лютой клятвой на своего Бога
145 И на свою старую мать:
«Да, обещаю свадьбу не задерживать,
Невеста, действительно, подарки подарит,
Мой Бог молодого, чтоб меня погубил;
Моя старая мать, чтобы меня не дождалась.»
150 Юды ему говорят, отвечают:
«Гой еси, король, если уйдёшь на министочник,
Чтобы ту лютую змею убить,
Надо раздеться голым голеньким,
Как был в чём мать родила;
155 Сам возьми ту отравленную стрелу,
Да когда к змее будешь подходить,
Не надо змею по голове бить,
Ни по голове, ни по хвосту;
Лишь смотри, да застрели её в самое сердце,
160 Когда ты её в сердце застрелишь,
Она бросится в воду минеральную;
Но ты ей этого не давай,
Если умоется водой минеральной,
То она сердце может излечить,
165 Да тогда тебя молодого погубит;

Лю я грабни та я уть земя фърли,
 Земя ща са расзине та ща си я погълне;
 Тога ти кральска мома ща си земешъ.
 Яхни сега тоя бърза коня,
 Та си ходи скоро змия да убияшъ. 170
 Лю гледай, що са си фтаксал да не забуришъ!»
 Талатина краля яхна ду негува бърза коня,
 Та утиде при Китическа краля,
 Му вяли ютговори:
 »Язи, кралю, на змия дохакъ ща си дойда, 175
 Лю си искамъ да ми дадешъ тоя керка,
 Да си биде моя първу люблю.»
 Краля си му вяли ютговори:
 »Гледай, млада кралю, змия да погубишъ,
 Та яз моя керка ща ти дамъ 180
 Да си биде тоя първу люблю;
 Лю аку не си змия погубишъ,
 Тебя на змия ща си фърлимъ,
 Курбанъ тя да си та земе.»
 Талатина краля ни постоя, ни почака, 185
 Са соблече голъ голнетичакъ,
 Какъ си бе уть майка падналь;
 Си зе и негува отрувита сряла,
 Та си утиде на чешма варувита.
 Още уть далеку на сърце си змия усрели, 190
 Не хи даде баремъ да са помърда,
 За седемъ опашки си я грабна,
 Та я фърли уть високу на земя-та,
 Земя си са расзина и си змия погълна!
 Как си виде Китическа
 краля ду негуву юнасту, 195
 Облече гу с' дрехи голи сарманлии,
 И си кладе тияляль да личи низъ стара града,
 Чи той свадба ща устори;
 Да са собирать малки и гулями,
 Негува керка да си испратеть. 200
 Та са собраха маки и гулями,
 Излязоха да испратеть кральска керка.
 Извадиха млада невяста:
 Уть образъ хи угрялу ясну слънце!
 На раму хи има месечина!
 На челу хи дребни звязди!
 Вейке дойдоха ду високи порти.
 Прирукна са Талатина млада краля:
 »Ой вие, сестри, ду две Юди Самувили!
 Каде да сте да ми дойдете,
 Да си видите моя първу люблю,
 И да си ва тенка дарба дари,
 Тенка дарба купринена махрама.»
 Лю гу чуха Юди и си дойдоха.
 На невяста си дувакъ уткриха,
 Да си видеть нехинуту бялу лику:
 Как уткрихга купринень дувакъ,
 Уть образъ хи угря ясну слънце!

На Талатина си вялетъ и говореть:
 »Ой ти, Талатине, млада кралю!
 Любу ти е млогу убаву!»
 Тога вяли Талатина краля:
 »Ой ти, любу, първу любу,
 Искарар си ду две купринени махрами,
 Да си даришъ мои сестри Самувили.»
 Искара си ду две купринени махрами,
 Та си дари ду негуви-те сестри;
 Юди си я дариха пу десеть алтане,
 И хи вялетъ и говореть:
 »Лю на що кладешъ тези алтане,
 Сичку алтане да си бива!
 Тога си Талатина краля на негува земя утиде,
 Та устори силна свадба.
 Това е Талатина краля усториль,
 И е устанала да му са пяе тая пясна.

Талатину они говорят, отвечают:
 220 «Ой ты, Талатин, молодой король!
 Люби ты её крепко такую прекрасную!»
 Тогда говорит король Талатин:
 «Ой ты, любимая, первая любовь,
 Доставай два шёлковых платка,
 225 Чтобы подарить моим сёстрам Самувилам.»
 Достала она два шёлковых платка,
 Да подарила их его сёстрам;
 Юды подарили ей по десять алтын,
 Да им говорят, отвечают:
 230 «Лишь на что положишь эти алтыны,
 Всегда алтыны там будут!»
 Тогда король Талатин уехал на свою землю,
 Там устроили богатую свадьбу.
 Это Талатин король всё сделал,
 И установили, чтобы петь его эту песню.

Х. Бой на Талатине крале со Сура Ламие уть Рична Земене.

Талатине, млади кралю!
 Талатинска земя са е запустила,
 Сега има малу млогу,
 Малу млогу две години,
 Уть какъ си излява пуста сура ламия
 Изъ Рична земя широка.
 Седемъ глави има сась три опашки!
 Сите ниви подробява,
 сите жита поява.
 Шо е младу не дава презъ таму да помине. 10
 Сичку поля вейке исподе,
 Нема вейке що да яди,
 Си дупря и ду Турна града.
 Уть вьнь градо на порти седи,
 Не уставе да заmine ниту стару, ниту младу; 15
 Ниту мъжку, ниту женску.
 Чудеть си су Турици що да праветь?
 Чекать белки си су ламия дигне,
 На другу мясту да си иде.
 Година время помина
 Ламия не си става,
 Лю си по-люта бива.
 Кога сась уста свирка свирне,
 Цала града потресува!
 Турици не можаха вейке да си теглеть:
 Ни на поля можать да излязатъ,
 Ни уть чешми вода да наточеть.
 Сички, велеть, да излязат да я гонятъ,
 Кой сась сряла, кой сась праща;

Х. Битва короля Талатина с Сурой Ламией из Ричной земли

Талатин, молодой король!
 Талатинская земля запустилась,
 Теперь минуло ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало целых два года,
 5 Как появилась проклятая Сура Ламия
 Из ричной земли просторной.
 Имеет семь голов и три хвоста!
 Все нивы она потоптала,
 всё жито она поела.
 Ещё молодёжи не даёт там пройти.
 Все поля совсем уничтожила,
 Нечем больше стало питаться,
 Скосила свё вокруг до Тырнова града,
 Теперь возле града на воротах сидит,
 Не даёт пройти ни старому, ни малому;
 Ни мужчинам, ни женщинам.
 Раздумывают тырновчане, что же делать?
 Ожидают, может Ламия уберётся,
 На другое место вдруг уйдёт.
 20 Время прошло уже с год,
 А Ламия не хочет убираться
 Лишь ещё злее становиться.
 Когда устами в дудку затрубит,
 Целый град сотрясается!
 25 Тырновчане не могут больше страдать:
 Не могут на поле пройти,
 Ни воды набрать из родника.
 Все говорят, чтобы уползла, надо её выгнать,
 Кто со стрелой, кто с пращей;

Белки можат да я утепатъ,
 Турна града да куртолисаъ.
 Чакали су да си дойде день Куледувъ день,
 Сите людя да су собиратьъ,
 Мольба Богу да су молятъ
 Дано града той да куртолиса.
 Месец время помина
 И Куледувъ день си дойде.
 Сите людя у църква су собраха,
 Мольба Богу зеха да су молятъ,
 Дано града той да куртолиса.
 Уть църква навървиха при сура ламии,
 Кой сасъ сряла, кой сасъ праща;
 Борба си су бориха тамамъ три дни и три нощи,
 Сура ламия сите ги надбори.
 Кату гладан волк фафъ бюлюка флезе,
 Та си грабна десетъ моми все на отбуръ;
 Седми-те моми уть едночъ погълна,
 Кату да погълна седем яребици,
 Я' три-те си върза за три-те опашки,
 Да ги има за южина за накуска.
 Сите Турици назадъ забягаха,
 Да не и тяхъ накуска устори.
 Сура ламия уста си расзина,
 Кога ги расзина земя су потресе,
 Та им вяли ютговори:
 Глас й бяше кату люта гърмавица,
 »Ой граждане, ой Туричане!
 Немой бягайте, немой търчите,
 Язи си вейке куремъ позаситих,
 На меня ми стигать сяки
 день пу десетъ моми,
 Пу десетъ моми и юнаци;
 Уть тука сетне таинъ ке гу имамъ,
 Сяки день пу десетъ моми да си грабемъ,
 Дури редъ не дойде и ду ваше млада краля,
 И негу накуска да гу осторе!
 Тога вейке ке си бягамъ уть ваше града,
 И ке си ида на Рична земя широка.»
 Сите людя уть страхъ треска су затресоха!
 Утидоха на кральски сарая,
 На краля си велеть и говореть:
 »Ой ля кралю Талатине кралю!
 Сура ламия не можахме да надборимъ!
 Уть назе си грабна десетъ моми все на отбуръ:
 Седми-те ги уть едночъ погълна,
 Кату да погълна седемъ яребици;
 Я три-те си върза за трите опашки,
 Да ги има за южина за накуска.
 Сите нея забягахме.
 Тя си уста расзина,
 Та ни вяли ютговори:
 »Ой граждане, ой Туричане!
 Немой бягайте, немой търчите!

30 Авось можно её лишить сил,
 Чтобы освободить Тырнов град.
 Ожидали, когда наступит праздник Коледы,
 Всех людей, чтобы вместе собрать,
 Помолиться Богу, да его попросить
 35 Хоть бы град помог освободить.
 Время прошло уже с месяц
 И пришёл праздник Коледы.
 Все люди в храме собрались,
 Молятся Богу, усердно его просят,
 40 Чтобы град помог освободить.
 Из храма направились к Суре Ламии,
 Кто со стрелой, кто с пращой;
 В битве сражались там три дня и три ночи,
 Сура Ламия всех их победила.
 45 Как голодный волк влезла к женщинам,
 Да утащила десять девушек, все на отбор;
 Семь девушек ночью проглотила,
 Проглотила словно семь куропаток,
 Ну а трёх связала тремя хвостами,
 50 Чтобы их иметь за ужином на закуску.
 Все тырновчане назад побежали,
 Чтобы и тех не схватила на закуску.
 Сура Ламия пасть разинула,
 Когда её разинула, земля затряслась,
 55 Да им громогласно говорит:
 Глас её громче, чем сильный гром,
 «Ой, граждане, ой тырновчане!
 Не надо убегать, не надо бояться,
 Я уже брюхо насытила,
 Но мне достаточно иметь каждый
 60 день по десять ваших девушек,
 По десять девушек и юношей;
 Отсюда я потом порцию буду иметь,
 Каждый день по десять девушек схвачу,
 Так очередь дойдёт до вашего младого короля,
 65 Из него закуску себе сделаю!
 Тогда уже убегу из вашего града,
 И направлюсь на Ричную землю широкую.»
 Все люди от страха затряслись!
 Направились к королевскому дворцу,
 70 Королю они молвят, говорят:
 «Ой ты, король, Талатин король!
 Суру Ламию не можем мы победить!
 От нас схватила десять девушек, все на отбор.
 Семь их за одну ночь проглотила,
 75 Проглотила их как семь куропаток;
 Ну а трёх связала тремя хвостами,
 Чтобы их иметь за ужином на закуску.
 Все от неё стали убегать,
 А она свою пасть разинула,
 80 Да нам громогласно говорит:
 «Ой граждане, ой тырновчане!
 Не надо убегать, не надо бояться!

Язи си вейке куремь позаситихъ;
 На меня ми стигать сяки день пу десеть моми,
 Пу десеть моми и юнаци;
 Уть тука сетне таинъ ке гу имамъ,
 Сяки день пу десеть моми да си грабемъ,
 Дури редь не дойде и ду ваше млада краля,
 И негу накуска да гу осторе!
 Тога вейке ке си бягамъ ут ваше града,
 И ке си ида на Рична земя широка.
 Гледай, кралю, Турна града да куртолисашъ.
 Пуста ламия ке гу пуну запусти.»
 Талатина краля мощне млогу су нажели,
 Що да прави не знаеше?
 Падна боланъ да лежи.
 Лежалъ ми е тамамъ месецъ.
 Сяки день ми слуше цвижба и викове:
 Кой си керка увикува!
 Кой си синъ уплакува!
 Дурь му су е вейке дудеялу.
 Халаикъ си прати да му рука стара майка,
 Уть нея прошка да си земе.
 Та да иде сась ламия борба да су бори;
 Или града да си куртолиса,
 Или той млада да погине.
 Халаикъ си рука стара негува майка:
 »Ела, краля си та рука,
 Има нящу да ти каже.»
 Стара му майка зе да вика, зе да плаче;
 Стори й са чи е краля млогу боланъ,
 Млогу боланъ ще да умре.
 Са запади да гу види,
 Дурь да худая утори,
 Душе хи дур на гърлу дойде!
 Ега да види що ке види:
 Краля си уть потстеля станаль,
 Си надява руху сарманлия,
 Фафъ рьки си държи седемъ сряли позлатени,
 Уть тяхъ си грядетъ седемъ сонца незаходни! 120
 Ду негу стои ду длега музрака;
 Какъ ги виде стара му майка,
 Цала су потресе,
 Лику хи поцърня, пожелтя,
 Рьки хи су затресоха,
 Утмал душе приговори:
 »Добро утру ти, Талатине кралю,
 Талатине кралю, мое милу сину!
 Що си, сину, надявашъ руху сарманлия,
 В' рьки си държишь седем сряли позлатени, 130
 Уть кои си грядетъ седемъ сонца незаходни!
 Що ду тебя стой ду длега музрака!
 С' когу искашь да су бияшь?»
 „Даль ти Богъ добро, стара маля!
 Сась сура ламия искамъ да су боре.
 Или язи нея да надборе,

Я уже брюхо своё насытила;
 Но мне надо каждый день по десять девушек,
 По десять девушек и юношей;
 Отсюда я потом порцию буду иметь,
 Каждый день по десять девушек схвачу,
 Так очередь дойдёт до вашего младого короля,
 Из него закуску себе сделаю!
 Тогда уже убегу из вашего града,
 И направлюсь на Ричную землю широкую.
 Смотри, король, как освободить Тырнов град.
 Проклятая Ламия, чтоб ей пусто было.»
 Король Талатин очень сильно опечалился,
 Что делать, не знаете?
 Свалился, да болен лежит.
 Лежал он так целый месяц.
 Каждый день он слышит плач и крики:
 Кто по дочке причитает!
 Кто сына оплакивает!
 Наконец, ему это уже надоело.
 Посылает слугу, чтобы позвал старую мать,
 У неё попросить дозволение.
 Да чтобы пойти с Ламией в битве сразиться;
 Или чтобы град освободить,
 Или самому младому погибнуть.
 Слуга зовёт его старую мать:
 «Иди сюда, королева, я тебя зову,
 Имею нечто, чтобы тебе сказать.»
 Старая мать запричитала, заплакала;
 Показалось ей, что король очень болен,
 Очень болен, что может умереть.
 Спихватилась, чтобы его увидеть,
 Только дверь в спальню отворила,
 Душит его уже за горло в объятиях!
 Когда посмотрела и что она видит:
 Король с постели встаёт,
 Одевает он одежду добротную,
 В руках держит семь стрел позлаченных,
 От них сияют семь солнц незаходящих!
 Возле него стоит длинный боздуган;
 Как увидела его старая мать,
 Целует его, потрясает,
 Лико его почернело, пожелтело,
 Руки у него трясутся,
 Еле переводя дух, мать сказала:
 «Доброе утро тебе, король Талатин,
 Король Талатин, мой милый сын!
 Зачем ты сын надеваешь одежду добротную,
 В руках держишь семь стрел позлаченных,
 Которые сияют, как семь солнц незаходящих!
 Зачем у тебя стоит длинный боздуган!
 Кого ищешь, чтобы побить?»
 «Дай тебе, Бог, добро, старая мама!
 С Сурой Ламией хочу сразиться.
 Или я её в битве погублю,

Наше града да куртолисамъ,
Или тия меня млада да погуби,
Не мога вейке да си слушемъ цвижби и викове;
Кой керка да увикува, 140
Кой син да уплакува!»
»Немой, сину, насрещ' ламия излявай.
Сите людя су изляли да я гонеть,
Та не можаха да я надбореть,
Дила тина самъ ке я надборишь; 145
Тия тебя цала ке погълне!
Тоя майка уть желба ке си умре.»
»Молчи, молчи, маля, не та слушемъ!
Яз ке ида с' нея борба да су боре;
Саму прошка да ми дадешъ,
Аку си ма ламия борба надбори, 150
Тоя прошка да си имамъ,
Немой Хару ф' моря да ма удави.»
»Прошка ке ти дадем, сину;
Лю си малку тука почекай, 155
Дуръ да отворе подземни келаре,
Да искарамъ таткува ти огнена музрака,
Шо му гу даде стара Рична краля,
С' негу тина можешъ да надборишь сура ламия;
Саму гледай ф' първа глава да я ударишь, 160
Та ке хи са сичка снага запали;
Синь пламень уть нея ке излява,
Та ке са уть зоръ фърли фафъ гуляму езеру,
Белки оганъ си загаси;
Уть езеру нема вейке да излезе.» 165
»Скору, маля, искарай
таткува ми огнена музрака,
Да си види ламия що юнакъ самъ на земя-та!
Чи тия су и на меня канила,
Дуръ и меня накуска не устори,
Тога вейке ке си бяга уть наше града.» 170
Майка му си утори подземни келаре,
Кога искара огнена музрака,
Сите людя су потресоса!
Да не града погури.
Та гу даде на милна си сина,
На милна си сина Талатина краля:
»Земи, сину, огнена музрака!
Давам си ти и майчина прошка,
Та ми фоди скору при сура ламия,
Чи си время вейке дойде, 180
Да си грабне десеть моми все на отбур;
Барямъ тях да куртолисаш,
Немой вейке цвижби да слушеме.»
Талатина крале тиялять тури
Да личи низъ Турна града:
»Лю кой иска сиир да си гледа,
Да излезе утвнь града на башъ капия,
Дека седи сура ламия,
Таму язи с' нея борба ке су боре.»

Наш град, чтобы освободить,
Или она меня младого погубит,
Не могу больше слышать плач и крики;
Кто по дочке причитает,
Кто сына оплакивает!»
«Не надо, сын, идти на встречу с Ламией.
Все люди выступили, чтобы её прогнать,
Да не смогли её победить,
А ты хочешь сам её победить;
Она тебя поцелует и проглотит!
Твоя мать от печали умрёт.»
«Молчи, молчи, мама, не хочу слушать!
Я всё-таки пойду с ней в битве сражаться;
Сама благословение, чтобы мне дала,
Если я Ламию в битве погублю,
Твоё благословение я должен иметь,
Не то, разбойник Хара меня в море утопит.»
«Благословение я тебе, сын, обещаю;
Лишь немного пока подожди,
Только отворю подземный погреб,
Да достану отцовый огненный снаряд,²⁷
Что ему отдал старый Ричной король,
С ним ты можешь победить Суру Ламию;
Сам смотри, когда первую голову ударишь,
Потом ей всё тело запали;
Синим пламенем и от неё уходи,
Да от неприятности беги к большому озеру,
Может быть, что огонь она погасит;
Из озера больше не вылезай.»
«Скорей, мама, доставай
отцовский огненный снаряд,
Пусть увидит Ламия, что я богатырь на земле!
Если она меня приглашает к себе,
Только из меня закуска ей не получится,
Тогда, наконец, она убежит из нашего града.»
Мать отворила ему подземную кладовую,
Когда достала огненный снаряд,
Все люди сразу задрожали!
Как бы град не загорелся.
175 Да его отдаёт милому сыну,
Милому сыну, королю Талатину:
«Возьми, сын, огненный снаряд!
Даю тебе и материно благословение,
Ты иди скорее на Суру Ламию,
180 Так как время уже пришло,
Чтобы утащить десять девушек, все на отбор;
Хотя бы тех спасёшь сейчас,
Нельзя больше плач слышать.»
Король Талатин созывает людей,
185 Которые были замечены в Тырновом граде:
«Кто хочет посмотреть зрелище,
Пусть выйдет из града к большим воротам,
Где находится Сура Ламия,
Там я с ней в борьбе буду биться.»

Та ми сички излягоха сииръ да си гледатъ,
 Що ке прави тахна млада краля:
 Дали борба ке надбори?
 Или младъ ке си погине?
 Сура ламия на порти лежеше,
 Седемъ глави бя каде града расзинала
 Да погълне седемъ моми все на отбуръ;
 Опашки бя развързала
 Да си вързе ду три моми;
 Да ги има за южина за накуска.
 Талатина краля още ду
 ламия не приблизилъ,
 Мощне яце су подрукна:
 »Ламия, сура ламия!
 На бяла пуляна излези,
 Нее с' тебя борба да су бориме:
 Или язи тебя борба да надборе,
 Или ти меня млада да поядишь,
 Чи су вейке тоету не трае,
 Искашъ града да запустишь;
 Сите моми и юнаци да поядишь,
 На сетнина дуръ и меня!
 Та тога вейке да си идешъ.»
 Лю какъ чу пуста сура ламия,
 Чи си иде Талатина краля,
 С' нея борба да су бори,
 Налюти са мощне, разеди са;
 Очи кату месечина каде негу извуртя,
 Уста си кату пещъ расзина,
 Да си негу жювъ погълне.
 Талатина краля ни постоя,
 Ни постоя, ни почака,
 Лю си фърли огнена музрака,
 Та удари сура ламия фафъ първа глава;
 Лю що я удари,
 Сичка снага хи су запали;
 Синь пламень утъ нея зе да плахте;
 Та су фърли фафъ гуляму езеру,
 Белки огань хи загасне.
 Утмалъ душе приговори:
 »Утъ Богъ да найдешъ, Талатине кралю!
 С' тоя юнасту ти меня не надбори!
 Утъ Богъ да найде тоя стара майка,
 Що ти даде таткува ти огнена музрака,
 Що му гу даде мой срика Рична краля.»
 Това рече не отрече,
 Нема вейке утъ езеру да излезе.
 Сички людя Талатина фалба пофалиха,
 Чи си ламия надбори,
 Та си града куртолиса.
 Това чуду е направил Талатина краля!
 И е устаналу пясна да са пея,
 Утъ Бога зравя, утъ меня пясна.

190 Тут все пришли, чтобы посмотреть,
 Что будет делать их молодой король:
 Победит ли он в битве?
 Или молодой он погибнет?
 Сура Ламия возлегала на воротах,
 195 Семь голов возле града разинула,
 Да проглотила семь девушек, все на отбор;
 Хвосты свои развернула
 И связала ещё трёх девушек;
 Да приготовила закуску на ужин.
 Король Талатин ещё не совсем
 200 к Ламии так приблизился,
 Да очень громко ей закричал:
 «Ламия, ты Сура Ламия!
 На белую поляну приходи,
 Нам с тобой в борьбе надо биться:
 205 Или я тебя в битве поборю,
 Или ты меня молодого проглотишь,
 Так дальше не может продолжаться,
 Хочешь весь град опустошить;
 Всех девушек и парней, чтоб съесть,
 210 А потом напоследок даже и меня!
 Да тогда отсюда захочешь уйти.»
 Как услышала это проклятая Сура Ламия,
 Что пришёл король Талатин,
 С ней в битве чтоб сразиться,
 215 Разгневалась она очень, рассердилась;
 Очи её как луна его просверлили,
 Пасть свою как печь расзинула,
 Чтобы его живым проглотить.
 Король Талатин не постоял,
 220 Не постоял, не стал ожидать,
 А сразу метнул огненный снаряд,
 Да ударил Суру Ламию в первую голову;
 Как только он её ударил,
 Всё её тело сразу запылало;
 225 Синим пламенем и она ужаснулась;
 Да бросилась к большому озеру,
 Надеясь, что огонь погасится.
 Еле переводя дух, душа её простонала:
 «Бог тебя покарает, король Талатин!
 230 Своей храбростью ты меня не победил!
 Бог покарает твою старую мать,
 Которая дала тебе отцов огненный снаряд,
 Что ему дал мой земляк Ричный король.»
 Свою речь ещё не отговорила,
 235 Не может уже идти к озеру, да свалилась.
 Все люди похвалой прославляют Талатина,
 Что он всё же Ламию победил,
 Да и град от неё освободил.
 Это чудо совершил король Талатин!
 240 И установили, чтобы эту песню петь,
 От Бога вам здоровье, а от меня песня.

XI. Рождение Орфеево.

Ой ти, Боже, мили Боже!
Що си, Боже толку чудувиту?!
Месець има шо си чуду чиниль,
Та се сита земе дурь потресла!
Сега па си чуду правишь.
Родила се мома на земе-та гюзеллийка,
Що га нема нийде на дюне-та;
Та ниту майка има, ниту татку,
Пуста устанала афъ средь гора,
Що си била Ламийска земе поламена.
Та ми седе аф гората малу млогу,
Малу млогу три месеци.
Дурь се вече Вишню Бога за нега дусети,
Та си прати ду два Дефа афъ гора-та,
Да си видеть шо ми чини малка мома,
Да л' е жива ил умрела?
Какъ ми слевать ду два Дефа на земета,
Чуду ми станалу долу на поле-ту.
Сонце си угреелу ясну яснувиту,
Да си свети на два Дефа,
Да но си ми найдать малка мома афъ гора-та.
Лу ми слели ду два Дефа на земе-та,
Найдоха си малка мома афъ гората,
Чи си плаче, чи си вика;
Майка тера биска да й даде:
Татку тера вода да си я напои.
Ниту майка има, ниту татку!
Татку й си беше първа крале на Ламийска земе,
Сила духувита има афъ сорце-ту,
Та се бие сусь гори и сусь планини!
Де му наумъ дойде мисла се намисли,
Да заптиса и сова море широку;
Та си хрипна аф морету на дъну-ту,
Да се бие дженкъ да чини сусь море-ту.
Ела Господъ каиль не се чиниль,
Да се бие дженкъ да чини и с' море-ту,
Та си му обзе сила духувита;
Си ми бодe као другите на сорце-ту,
Та устана афъ море-ту на дъну-ту,
Уть де вече не излезе.
Я негуву първе либе си гу чека,
Да излезе уть море-ту на земе-та;
Чека си гу малу млогу,
Малу млогу три години,

XI. Рождение Орфея

Ой ты, Боже, милый Боже!
Что ты, Боже, такой удивительный?!
Месяц целый чудеса творил,
Что вся земля даже тряслась!
5 Сейчас сделай ещё чудо.
Родилась на земле девочка красавица,
Что нет такой нигде на свете;
Да нет у неё ни матери, ни отца,
Одинокая оставалась среди леса,
10 Что был присоединён к Ламийской земле,
Так жила она в лесу ни мало, ни много,
Ни мало, ни много целых три месяца.
Только уже за неё Вышний Бог забеспокоился,
Да послал в лес двух небесных Дев,
15 Чтобы посмотреть, что делает малая девочка,
Да что она, жива или уже умерла?
Как полетели на землю две небесные Девы,
Чудо совершилось внизу на поле.
Солнце взошло ясное, прясное,
20 Да светит двум небесным Девам,
Чтобы найти малую девочку в лесу.
Лишь спустились две небесные Девы на землю,
Нашли они малую девочку в лесу,
То она плачет, то она причитает:
25 Мать бы грудью её покормила,
Отец принёс бы ей воды, да напоил.
Нет у неё ни матери, нет и отца!
Отцом ей был один король на Ламийской земле,
Силу духовную имел от всего сердца,
30 Так как был выходец с леса и с гор!
Где ему на ум пришла одна мысль,
Чтобы отправиться на море широкое;
Да опуститься в море на самое дно,
Чтобы побить беса, что действует в море.
35 Потому что Бога не стал почитать,
Да побить беса, чтобы почитал и в море,
Тут им овладела сила духовная;
Она его бередит за сердце, как другого,
Тогда остался он в море на дне,
40 Да уже больше не выходил.
Но ожидал свою первую любовь,
Чтобы выйти с моря на землю;
Ожидал он её ни много, ни мало,
Ни много, ни мало целых три года,

Па гу нема да си дойде!
 Цикна, викна да си плаче:
 »Ой ти, Боже, Вишню Боже!
 Шо си стори, Боже, ти сусь мене!
 Нема вече либе да си виде,
 Млада си самь още шо ша праве?»
 Какъ ми плаче сонце га дучулу,
 Та ми се навелу уть небе-ту,
 Да си види кой ми плаче на земе-та.
 Ега да види шо да види!
 Млада булька ми се шета низъ гора-та,
 Та си роки кърши и си солзи рони,
 Какъ се шета ут лику й сонце грее!
 Лу га виде сонце мощне га бендиса,
 Та си слезе уть небе-ту на земе-та,
 Да си либи млада булька шо си плаче;
 Чи Господь каиль не се чиниль,
 Млада булька да се качи висе дурь на небе;
 Чи не била малка мома као Дефка,
 Да си чини изметь дурь на Бога.
 Та си ми се сфоди сонце сусь млада булька,
 Лу се сфодилу затруднела.
 Дойде вече време да си роди,
 Та си роди мома гюзеллийка,
 Шо га нема нийде на земета!
 Уть Богъ нашла пуста сура ламие,
 Зоби кърцна на млада булька,
 Зоби кърцна люту й се заканила,
 Чи ша си га фърлий афь темна зандана,
 Тамъ да си й кости изпогниеть,
 Чи се сфодила сусь ясну-ту сонце.
 Млада булька мощне ми се
 уплашила уть сура ламие,
 Та се фърли афь море-ту на дъну-ту;
 »Шо ша ми гниеть кости афь темна зандана,
 Нека ми се снага бане афь море-ту.»
 Дутога се били ламии на земе-та,
 Уть тога се вече афь море-ту.
 Малка мома си устана запустена афь гора-та,
 Нема никой да я види.
 Дурь на Бога си се нажелилу, натяжилу,
 Та си прати ду два Дефа уть небе-ту,
 Да си идать долу на земе-та афь гора-та;
 Аку си е малка мома жива афь гора-та,
 Да га земать на небе-ту да си га дукарать,
 Да си седи афь сончеви ясни сарае,
 Та да чини изметь дурь на Бога.
 Та га зели ду два Дефа на небе-ту.
 Малка мома си седи афь сончеви сарае,
 Па си изметь чини дурь на Бога.
 Още мома месецъ не седела на небо-ту,
 Глась се слуше дурь на небе уть земе-та,
 Ринда крале си ми плаче, си ми вика,
 Чи си чеду нема уть сорце-ту,

45 Пока к нему никак не дойдёт!
 Пищит, зовёт, да плачет она:
 «Ой ты, Боже, Вышний Боже!
 Что делаешь, Боже, ты со мной!
 Не могу больше любовь свою увидеть,
 50 Я млада ещё, что мне делать?
 Как её плач Солнце услышал,
 Да появился на небесах,
 Чтобы увидеть, кто там плачет на земле.
 Хоть бы посмотреть, да что-нибудь увидеть!
 55 Младая невеста бредёт по лесу,
 Да руки заламывает и слёзы роняет,
 Как идёт она, от лика солнце сияет!
 Как увидел её Солнце, очень она понравилась,
 Да спустился с неба на землю,
 60 Чтобы полюбить младую невесту, что плачет;
 Но Бог ему своё дозволение не дал,
 Чтобы младую невесту поднять высоко на небо;
 Ведь младая дева не была как небесная Дева,
 Что несёт службу только у Бога.
 65 Тут же Солнце соитился с молодой невестой,
 Лишь соитились и она забеременела.
 Подошло уже время, чтобы родить,
 Да родила она девочку красавицу,
 Что такой нет нигде на земле!
 70 Бог послал в наказание Суру Ламию,
 Зубами лязгает на младую невесту,
 Огрызается, люто ей угрожает,
 Что бросит её в тёмные застенки,
 Чтобы там сгнили её косточки,
 75 За то, что сошлась с ясным Солнцем.
 Младая невеста очень сильно
 испугалась мести Суры Ламии,
 Да бросилась в море на самое дно;
 «Чем будут мои кости гнить в темнице,
 Пускай моё тело утонет в море.»
 80 До того водились ламии на земле,
 С тех пор появились уже и в море.
 Малая девочка осталась одинокая в лесу,
 Никого нет, чтобы её увидеть.
 Только Бог опечалился, разжалобился,
 85 Да послал двух небесных Дев с неба,
 Чтобы спустились вниз на землю в лес;
 Если малая девочка ещё жива в лесу,
 То взять и доставить её на небо,
 Чтобы посадить в солнечный ясный чертог,
 90 Да службу нести пока для Бога.
 Тут взяли её две небесные Девы на небо.
 Малая девочка сидит в солнечном чертоге,
 Пока службу несёт только у Бога.
 Ещё девочка месяц не сидела на небе,
 95 Послышался голос уже на небе с земли,
 Король Ринда плакал и причитал,
 Что нет чада от всего сердца,

Да си му засели пуста земе запустена.
 Та се мольба дурь на Бога моли:
 »Ой ти, Боже, Вишню Боже!
 Я дай си ми, Боже, чеду уть сорце-ту;
 Кога си гу гледамъ афъ сарае афъ худае,
 Сорце да ми се радува,
 Чи си имамаъ чеду уть сорце-ту;
 Та ша си засели мое пуста земе запустена.» 100
 Та и Богъ си му мольба услуше;
 Наеъ чини чеду да му даде,
 Да засели негува пуста земе запустена.
 Ела Ринда крале си е стару устарелу,
 Коса му е вече побелела као бела снега;
 Та си нема либе на потстеле,
 С' либе на потстеле да се сфоди,
 Та да си роди чеду уть сорце-ту.
 Та се Господь чудумъ чуди,
 Какъ да си му чеду даде уть сорце-ту? 105
 Чуди ми се тамамъ три месеци,
 Па не може на умъ да се науми,
 На умъ да се науми мисла да се смисли.
 Какъ се чуди три месеци си забурилу,
 Чи си му се Ринда крале мольба моли,
 Да му даде чеду уть сорце-ту.
 Чека си ми Ринда крале тамамъ три месеци,
 Дано си му Господь чеду даде ут сорце-ту;
 Чека си ми па си чеду нема!
 Та си му се нажелилу натъжилу,
 Писна, викна гласумъ да си плаче:
 »Ой ти, Боже, Вишню Боже!
 Шо самъ, Боже, грехъ чинилу;
 Та не си ми мольба слушешъ,
 Да ми дадешъ чеду уть сорце-ту;
 Да си засели мое земе пуста запустена;
 Аку си ми, Боже, молба услушешъ,
 Да си ми дадешъ чеду уть сорце-ту,
 Да си засели мое земе пуста запустена,
 Хемъ да си ми изметъ чини на стару време, 135
 Тешка курбанъ на земе-та ша ти коле:
 Ша си флеза утре още рану афъ бахчету,
 Де си пасать и си пилеть пилци фъркувити,
 Та ша фате деветъ пуйки църнувити,
 Курбанъ ша ги коле дурь на тебе,
 Чи си ми си даль чеду уть сорце-ту,
 На стару време изметъ да ми чини,
 Хемъ да си засели мое земе пуста запустена.»
 Какъ се мольба моли дурь на Бога,
 Заикна се уть сорце-ту та си ми заплака. 145
 Не може на ноги вече да си стои,
 Та си легна на златна потстеле,
 Да си почине малку да поспие,
 Чи си му се очи солзувити затегнали.
 Та си думиле вече дурь на Бога,
 И Богъ каиль не се чиниль,
 Чтобы ему заселить пустую землю запущенную.
 Да с молитвой Бога уже просит:
 «Ой ты, Боже, Вышний Боже!
 Дай мне, Боже, чадо от всего сердца,
 Когда я увижу его в комнате во дворце,
 Сердце моё, чтобы возрадовалось,
 Что у меня есть чадо от всего сердца;
 Да будет он заселять мою пустынную землю.»
 Тут Бог его молитву услышал;
 Решил сотворить чадо, да ему дать,
 Чтобы заселить его землю пустынную.
 Однако, король Ринда уже старый, престарелый,
 Волосы его побелели, как белый снег,
 Да нет у него любимой в постели,
 С любимой в постели, чтобы сойтись,
 Да чтобы родила она чадо от всего сердца.
 Тут Бог удивляется, да раздумывает,
 Как же ему дать чадо от всего сердца? 115
 Раздумывал он так целых три месяца,
 Пока не может ничего придумать,
 Ум напрягает, мысли вспоминает.
 Как раздумывал три месяца, так и забыл,
 О чём его король Ринда с молитвой просил,
 Чтобы дать ему чадо от всего сердца.
 Ожидал король Ринда так три месяца,
 Что даст ему Бог чадо от всего сердца;
 Ожидает он, а чадо до сих пор нет!
 Тут он огорчился, опечалился,
 Завопил, позвал он громко, да плачет:
 «Ой ты, Боже, Вышний Боже!
 Какой я, Боже, грех сам учинил,
 Что ты моей молитвы не слушаешь,
 Чтобы дал мне чадо от всего сердца;
 Да заселить бы мою землю пустынную;
 Если ты, Боже, мою молитву услышишь,
 Да дашь мне чадо от всего сердца,
 Чтобы заселить мою землю пустынную,
 А также, чтобы была помощь на старости лет,
 Богатую потребу на земле тебе принесу:
 Завтра с утра пойду на угодьа,
 Где пасутся и гуляют птицы крылатые,
 Да поймаю девять индюшек чернявых,
 В потребу их принесу только для тебя,
 Чтобы ты дал мне чадо от всего сердца,
 Да на старости лет, чтоб помощь была,
 Ещё, чтобы заселить мою землю пустынную.»
 Когда только с молитвой просил Бога,
 Защемило сердце и он заплакал.
 Не может на ногах больше стоять,
 Да слёг он на златой постели,
 Чтобы отдохнуть немного и поспать,
 Так как его глаза затянулись слезами.
 Да уже Бог только о том и думал,
 Что он, Бог, ему помощь не оказал,

Да си нема Ринда крале чеду от сорце-ту.
 Та се чудумь чуди що да прави,
 Що да прави що да стори!
 Де му на умь дойде,
 Та си прати ду два Дефа,
 Да си идать дурь при сонце-ту афь сарае;
 Уть сонце-ту изимь да си терать,
 Да имь даде малка мома бележита,
 Да га пратеть долу на земе-та,
 Да си боде керка дурь на Ринда крале;
 Чи си чеду нема уть сорце-ту,
 Хемь си либе нема да се сфоди,
 Та да си роди чеду уть сорце-ту!
 Та ми утидоха ду два Дефа
 при сонце-ту афь сарае.
 Сонце си ми още спие,
 Та гу будеть ду два Дефа:
 »Стани, стани, сончице, немой спиешь!
 Ду тебе на прати Вишню Бога,
 Да та питаме изимь да ти тераме,
 Да си дадешь малка мома бележита,
 Да га пратиме долу на земе-та,
 Да си боде керка дурь на Ринда крале;
 Чи си чеду нема уть сорце-ту.
 Хемь си либе нема да се своди,
 Та да си роди чеду уть сорце-ту!
 И уть мене, ду два Дефа, изимь има.
 Земите га, пратите га долу на земе-та,
 Нека си ми боде керка дурь на Ринда крале;
 И на негу изметь да си чини,
 Та и мене немой да уставе.»
 Та си зеха ду два Дефа малка мома афь роките,
 Та си слевать долу на земе-та,
 Праву идать дурь при Ринда крале;
 Си ми флевать дурь афь негува златна худае, 185
 Де си спие Ринда крале мощне желувиту.
 Чекали гу да си стане тамамь три дни,
 Ела си ми спие као умаяну!
 Ниту глава си замахува,
 Ниту око си подига,
 да си види кой е душел аф худае.
 Не ми чекать вече ду два Дефа,
 Фъркнаха си висе дурь на небе,
 Да си чинать изметь дурь на Бога.
 Малка мома си устана аф худае,
 Та си чека още три дни,
 Да си стане Ринда крале;
 Чекала гу па не си ми става!
 Малка мома си гу буди:
 »Стани, тате, немой спиешь!
 Да си видишь тое чеду уть сорце-ту,
 Шо ти прати Вишню Бога уть небе-ту,
 Да ти чини изметь на стару време;
 Хемь да си засели тое земе пуста запустена.»

Что нет у короля Ринды чада от всего сердца.
 Тут раздумывает он, что ему делать,
 Что ему делать, да что предпринять!
 155 Где-то ему на ум дошло,
 Что надо послать двух небесных Дев,
 Чтобы пошли они уже в солнечный чертог;
 У Солнца разрешения попросить,
 Чтобы им отдал малую девочку знаменитую,
 160 Да отправить её вниз на землю,
 Чтобы она была дочкой для короля Ринды;
 У которого нет чада от всего сердца,
 Однако, нет и любимой, чтобы сойтись,
 Да чтобы она родила чадо от всего сердца!
 Тут отправились две небесные
 165 Девы к Солнцу в его чертог.
 Солнце ещё сладко спал,
 Тут его будят две небесные Девы:
 «Встань, встань, Солнышко, просыпайся!
 К тебе нас послал Вышний Бог,
 170 Чтобы просить у тебя разрешения,
 Отдать нам малую девочку знаменитую,
 Чтобы отправить её вниз на землю,
 Да была бы она дочкой для короля Ринды;
 Потому что у него нет чада от всего сердца.
 175 Однако, нет у него и любимой, чтобы сойтись,
 Да чтобы она родила чадо от всего сердца!»
 «От меня, две небесные Девы, даю разрешение.
 Возьмите её и отправьте вниз на землю,
 Пусть будет дочкой для короля Ринды;
 180 И ему будет оказывать помощь и уход,
 Да и меня тоже не оставит.»
 Тут взяли две Девы малую девочку на руки,
 Да слетели с ней вниз на землю,
 Прямо идут уже к королю Ринде;
 Заходят они пока в его золотую спальню,
 Где спит король Ринда очень крепко.
 Ожидали его и остались там на три дня,
 Однако, он спал, как убитый!
 Голова его не шелохнется,
 190 Глаза его не поднимаются,
 Чтобы увидеть, кто пришёл в спальню.
 Две небесные Девы не стали больше ждать,
 Вспорхнули опять вверх на небо,
 Чтобы нести службу только для Бога.
 195 Малая девочка осталась в спальне,
 Да ожидала она ещё три дня,
 Пока встанет король Ринда;
 Ожидала его ещё, но так и не встаёт!
 Малая девочка его стала будить:
 200 «Вставай, папа, не надо больше спать!
 Тогда увидишь своё чадо от всего сердца,
 Что тебе послал Вышний Бог с неба,
 Чтобы тебе оказывать уход на старости лет,
 Да чтобы заселить твою землю пустынную.»

Дурь тога си Ринда крале глава замаха,
 Око си подигна понависе,
 Та си виде малка мома ду негува керка,
 Шо му пратилъ Вишню Бога уть небе-ту:
 Уть лику й ясну сонце грее!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Облечена си е с' златна дреха позлатена!
 Дурь тога си му се сорце нарадува,
 Чи си има чеду уть сорце-ту.
 Та си слезе долу афъ бухче-ту,
 Де си пасать и си пилеть пилци фъркувити;
 Та си фати деветъ пуйки църнувити,
 Курбанъ ги закла дурь на Вишню Бога,
 Чи му даде чеду уть сорце-ту,
 Та си курбанъ утиде дурь на Бога,
 И Богъ си бендисаль негува курбане,
 Та си наетъ чини да му даде бележита мнука,
 Той да си му засели пуста земе запустена.
 Па си пита Вишню Бога ясну сонце и гу праши:
 »Я' кажи ми, ясну сонце:
 Какъ си греешь долу на земе-та,
 Не ли виде нейде Юдинска млада крале?
 Той ша бодe първе либе на тоета керка.
 С' нея да се сфоди утре още рану пред зорница,
 Лу да ми се сфоди ша затруднее,
 Та ша роди бележиту дете нишанлие,
 Шо ша ми засели сита земе запустена.»
 »Ой ти, Боже, Вишню Боже!
 Днеска си гу видехъ на негува земе,
 Какъ се шеташе низъ широку поле,
 Та си тераше либе спроти негу,
 Ела либе спроти негу не си найде.»
 Още рече сонце не отрече,
 Де си иде малка мома дурь на небе,
 Криле нема па си фърка на облаци;
 Още при сонце ни утишла,
 Сонце си й вели утговори:
 »Мари моме, малка моме!
 Немой фъркай висе дурь на небе,
 Туку си ми слези долу на земе-та,
 Та си иди на Юдинска земе,
 Да си терашъ либе спроти тебе.
 Либе има спроти тебе на Юдинска земе,
 Юдинска крале си е младу гюзеллийче,
 Та си тера либе спроти негу,
 Ела либе нема на негува земе;
 Туку да си види тебе,
 Чи си мощне гюзеллийка,
 Шо та нема нийде на земе-та,
 Ша си та бендиса, ша си та залиби.
 Туку да не си се сфодишь на църна година,
 Чи ша ти е рожба халувита;
 Лу да си се сфодишь на бела година,

205 Только тогда король Ринда головой замахал,
 Очи его поднялись и нахмурились,
 Тут увидел он малую девочку свою дочку,
 Что ему послал Вышний Бог с неба:
 От лика её сияет ясное солнце!
 210 На груди её ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 Одета она в золотые одежды позлаченные!
 Только тогда его сердце возрадовалось,
 Что он имеет чадо от всего сердца.
 215 Тут он пошёл вниз в свои уголья,
 Где паслись и гуляли птицы крылатые;
 Да поймал девять индюшек чернявых,
 Требу принёс он для Вышнего Бога,
 Что ему дал чадо от всего сердца,
 220 Тут треба отправилась прямо к Богу,
 И Богу его треба понравилась,
 Да обещал ему дать внука знаменитого,
 Чтобы тот заселил землю пустынную.
 Потом спрашивает Вышний Бог ясное Солнце:
 225 «Ну скажи мне, ясное Солнце:
 Когда ты освещаешь внизу землю,
 Не видел ли где Юдинского младого короля?
 Ему будет первая любовь эта дочка.
 С ней соитится рано утром перед Зарницей,
 230 Лишь соитится и она сразу забеременеет,
 Да родит знаменитого дитя прекрасного,
 Кто потом заселит всю землю запущенную.»
 «Ой ты, Боже, Вышний Боже!
 Сегодня я его видел на его земле,
 235 Когда он проходил по широкому полю,
 Да искал любовь, достойную его,
 Однако, любовь достойную его, не нашёл.»
 Ещё свою речь Солнце не закончил,
 Как младая дева идёт уже по небу,
 240 Крыльев нет, чтобы взлететь на облака;
 Ещё от Солнца не удалилась,
 Солнце с ней ведёт разговор:
 «Эй ты, девушка, младая девушка!
 Не надо лететь высоко на небо,
 245 Только спустись вниз на землю,
 Да направляйся на Юдинскую землю,
 Где встретишь любовь, достойную тебя.
 Любимый для тебя есть на Юдинской земле,
 Юдинский король есть младой красавец,
 250 Он искал любовь, достойную его,
 Однако, нет любимой на его земле;
 Только посмотрит он на тебя,
 Что ты прекрасная всемирная красавица,
 Да такой нет нигде на земле,
 255 Ты ему понравишься и он тебя полюбит.
 Только не соитись с ним в чёрную годину,²⁸
 Потому что роды будут неблагоприятны;
 Лишь соитись с ним в белую годину,

На бела година на Сурва-та дене,
 Кога си се Юди аф езеру банеть,
 И си пееть гласувита песна:
 »»Ой ти, Боже, Сурва Боже!
 Дай ни, Боже, сура сурувита година,
 Лу де фодиме злату да си гледаме,
 Дурь и златни канати афь пещери да имаме,
 Со златни канати руйну вину да си пиеме;
 Та и тебе, Боже, фальба да си фалиме,
 Чи ми седишь дурь на небе,
 Та ми чинишь чуда долу на земе-та.»»
 Аку ми се сфодишь, Горску
 Юду, на църна година,
 Кога ми се Юди църни поцърнели,
 Си ми носеть църна махрама на глава-та,
 Рожба ша си ти е мощне халувита.
 Па аку си родишь тое дете бележиту,
 Кога си ми порасне да се жени,
 Ша си иде дурь на Морна крале либе да си тера.
 Таму ша си има либе спроти негу,
 Ела си ми има ду три змии,
 Шо си иматъ криле фъркувити,
 Та си чуват ду три кральски керки,
 Шо ги нема нийде на дюне-та.
 Как ша видеть тое сина бележита,
 Младу ша си гу погубеть,
 Та нема вече да гу видишь,
 И ти уть жельба млада
 и зелена ша погинешъ.
 Па аку си се сфодишь на бела година,
 Кога ми се Юди афь езеру банеть,
 Не ша ти е рожба халувита,
 Туку ша си родишь малку дете бележиту,
 Шо ша си гу нема нийде на дюне-та.
 Ша порасте малку дурь порасне.
 Шедба ша се шета пу земе-та,
 Да си тера либе спроти негу;
 Та ша иде дурь на Морна крале,
 Да си тера ду негувата наймалка керка,
 Шо га нема нийде на дюне-та;
 Ду три змии не ша си гу младу погубеть,
 Туку той ша си ги надбори;
 Ша си хми искара дурь джигеро уть куро,мо,
 Та ша си закара малка
 мома дюнягюзеллийка.»
 Още рече сонце не отрече,
 Блесна си ми vise на небе-ту,
 Да си грее да си свети долу на земе-та.
 Я' малка мома Горска Юда
 не ми фоди на небе-ту,
 Туку си ми слева долу на земе-та,
 Та утиде дурь на Юдинска земе,
 Де ми гледа ду млада Юдинска крале,
 Чи се шета пу широку поле,
 На белую годину в Суров праздник,²⁹
 260 Когда Юды в озере купаются,
 И поют громким голосом песню:
 «Ой ты, Боже, Сурва Боже!
 Дай нам, Боже, Сура здравую годину,
 Лишь оденемся в золото, да поглядим,
 265 В пещере у нас есть золотые кувшины,
 Из золотых кувшинов выпьем алого вина;
 Да тебя, Боже, хвалой прославим,
 Что сидишь ты только на небе,
 Да сотворяешь чудо внизу на земле.»
 Если же сойтишься с ним, Горская
 270 Юда, только на чёрную годину,
 Когда Юды становятся чёрные, пречёрные,
 И они носят чёрные платки на голове,
 Роды твои будут очень тяжёлые.
 Если родится у тебя дитя знаменитое,
 275 Потом когда подрастёт, да захочет жениться,
 Пойдёт он искать любовь к королеве Моране,
 Там у ней имеется любовь достойная его,
 Однако, у неё имеются три змеи,
 Которые имеют крылья летучие,
 280 Да стерегут трёх королевских дочек,
 Что нет больше таких нигде на свете.
 Как увидят твоего сына знаменитого,
 Младой будет он погублен,
 Да больше его никто не увидит,
 И ты от печальных вестей млада
 285 и зелёная будешь погибать.
 А если сойтишься с ним на белую годину,
 Когда Юды будут в озере купаться,
 Не будут роды твои трудными,
 Тогда родишь малого дитя знаменитого,
 290 Что такого не будет нигде на свете,
 Будет подрастать мальчик, пока не вырастет.
 Путешествия будет совершать по земле,
 Чтобы найти любовь, достойную себе,
 Да придёт он уже к королеве Моране,
 295 Чтобы взять её наименьшую дочку,
 Что нет такой нигде на свете;
 Да три змеи не смогут младого погубить,
 Так как он их в битве победит;
 Да вспорет им брюхо и печень,
 Тогда заберёт младую девушку,
 300 которая будет всемирная красавица.»
 Ещё речь Солнце не отговорил,
 Блеснул он в вышине на небе,
 Да стал греть и светить вниз на землю.
 Но млада девушка Горская Юда
 Не пошла к нему на небо,
 305 Только спустилась вниз на землю,
 Да отправилась уже на Юдинскую землю,
 Где увидела младого Юдинского короля,
 Что путешествовал по широкому полю,

Та си тера либе спроти негу;
 Ела либе нема да си најде!
 Как гу виде Юда, мощне гу бендиса.
 Не ми фоди вече пу облаци,
 Туку слезе долу дурь на земе,
 Та си утиде при Юдинска крале,
 Пригърна гу, цалуна гу,
 Па му вели утговори:
 »Ти ша ми си, кралю, първе либе!«
 И крале га мощне бендиса.
 Заправи ми силна свадба,
 На свадба си кани седемдесе крале,
 Да си гозба гости, руйну вину да ги пои,
 Чи си најде либе спроти негу.
 Свадба иска да си прави на негува земе;
 Ела Юда каиль не се чини,
 Свадба да си прави на негува земе,
 Лу си иска свадба да си прави на неина земе:
 »Имамъ татку, кралю, мощне старувити!
 Керка си сам на Ринда крале,
 Нема кой изметъ да му чини,
 Та ма чека да си ида.
 Мольба ти се, кралю, моле,
 Силна свадба да си правишь на таткува земе,
 И на татку сорце да му се радува,
 Чи си има млада зете гюзеллие.«
 Та й крале мольба услуше.
 Яхна си ми Юдна коне бележита,
 Що си фърка као пиле пу море-ту;
 Фърка си ми и негуву първе либе;
 С' техъ си фодеть и седемдесе крале.
 Та си утидоха дурь при Ринда крале.
 Той си спие на златна потстеле.
 Горска Юда си гу буди:
 »Стани, тате, немой спиешь!
 Стани да си видишь тое млада зете,
 Да л' си бива да си ми е първе либе?
 Аку бива, мольба ти се моле
 Да заправишь силна свадба,
 Гозба да си гостишь седемдесе крале;
 Гозба да ги гостишь, вину да ги поишь,
 Чи се тебе стара сайдисали,
 Та се дошли дурь на тое земе.«
 Ринда крале си ми стана уть потстеле,
 Очи му се мощне сонувити,
 Не може да си види млада зете;
 Вода си потера уть малка мома,
 Да си умие сонувити очи.
 Па тога да си види млада зете.
 Малка мома вода му донесе,
 Лу си умие сонувити очи,
 Погледна си да си види млада зете;
 Лу гу виде, мощне гу бендиса:
 »Бива, керку, да си ти е първе либе!
 Да искал любовь, достойную его,
 310 Однако любовь так и не нашёл!
 Как увидела его Юда, очень он ей понравился.
 Не вернулась она больше на облака,
 Только ходит внизу по земле,
 Да подошла к Юдинскому королю,
 315 Обнимает она его, да целует его.
 Потом ему молвит, говорит:
 «Ты будешь мне, король, первой любовью!»
 И королю она очень понравилась.
 Начали готовить они богатую свадьбу,
 320 На свадьбу пригласили семьдесят королев,
 Чтобы гости попиrowали, выпили алого вина,
 Что он нашёл любовь, достойную его.
 Свадьбу хотел он справить на его земле,
 Однако Юда своё согласие не дала,
 325 Чтобы свадьбу справить на его земле,
 Лишь хотела справить свадьбу на своей земле:
 «У меня есть отец, король, очень старый!
 Я единственная дочь короля Ринды,
 Некому больше за ним ухаживать,
 330 Там он меня ждёт, чтобы я пришла.
 С мольбой тебя, король, прошу,
 Богатую свадьбу справить на отцовой земле,
 И отец от всего сердца будет рад,
 Что имеет молодого зятя красавца.»
 335 Тут её просьбу король выслушал.
 Вскочил с ней на Юдиного коня знаменитого,
 Что летает как птица над морем,
 Взлетел с ним и его первой любовью;
 За ним поехали и семьдесят королев.
 340 Да направились все к королю Ринде.
 Тот спал на золотой постели.
 Горская Юда стала его будить:
 «Вставай, папа, не надо больше спать!
 Вставай и увидишь своего молодого зятя,
 345 Хочешь, чтоб он был мне первой любовью?
 Если хочешь, то я тебя с мольбой прошу,
 Чтобы ты справил богатую свадьбу,
 Да угостил на пиру семьдесят королев;
 Чтобы угостил на пиру, да напоил бы вином,
 350 Что тебе старому почёт оказали,
 Да пришли уже на твою землю.»
 Король Ринда встал с постели,
 Очи его сильно заспались,
 355 Не может увидеть молодого зятя;
 За водой побежала младая дева,
 Чтобы промыть его глаза заспанные.
 Тогда он увидел молодого зятя.
 Младая дева воды ему принесла,
 360 Лишь умыла ему сонные очи,
 Поглядел он, да увидел молодого зятя;
 Лишь увидел его, очень он понравился:
 «Будь, дочка, для него первой любовью!»

И ти ми си дюнягюзеллийка,
 И той си е дюнягюзеллийче,
 Шо гу нема нийде на земета.»
 Та си ми заправи Ринда крале силна свадба,
 Гозба да си гости седемдесе крале,
 Гозба да ги гости, вину да ги пои,
 Чи си гу се стара сайдисали;
 Та се дошли дурь на негува земе.
 Та си свадба траела малу млогу,
 Малу млогу три месеци.
 Дурь хми се е вече дудеелу,
 Искать да си фодеть дурь на техна-та земе. 375
 Та си ми излезе млада булька,
 Рока да си хми цалуе:
 Уть лику й ясну сонце грее!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Облечена си е с' златна дреха позлатена! 380
 Седемдесе крале мощне га се бендисали;
 Юда си хми рока цалуна,
 Я' тие си га дарба дареть,
 Кой сусь злату, кой сусь сребру;
 Па си ми утидоха седемдесе крале. 385
 Самь устана Юдинска крале при Ринда крале,
 Да си либи ду негуву първе либе.
 Ела си е година църна поцърнена;
 Юди си ми носеть църни махрами на глава-та,
 Та си чекать да си дойде бела година, 390
 Да се сфодеть на бела година на Сурва-та дене,
 Кога си се Юди афь езеру банеть,
 Да не си е рожба халувита.
 Чекали се малу млогу три месеци;
 Още нема да си дойде бела година, 395
 Та имь се е вече дудеелу.
 Дурь и Ринда крале му се дудеелу,
 Зорь ми прави на керка си Горска Юда,
 Да не си ми чека бела година,
 Туку да се сфоди с' първе либе,
 Та да си роди малку дете бележиту;
 Да си му засели пуста земе запустена.
 Зорь й прави мольба й се моли.
 Тя си му мольба не слуше,
 Туку си ми чека бела година;
 Та тога да се сфоди с' първе либе.
 Ринда крале й се люту заканилу:
 Още два дни да си чека,
 Па аку не се сфоди с' първе либе,
 Ша си га затори афь темна зандана,
 Де ми лежи сура ламие,
 Тамь да си й кости изпогниет!
 На Юда се нажелилу, натъжилу,
 Та си флезе афь неина фудае;
 Соблече си ясна дреха с' злату позлатена, 415
 Тури си я афь шарена ковчега,

И ты у меня всемирная красавица,
 365 И он тоже есть всемирный красавец,
 Что больше нигде нет на земле.»
 Тут справил король Ринда богатую свадьбу,
 В гостях угощал семьдесят королей,
 На пиру их угощал, вином их поил,
 370 Что ему старому они оказали почёт;
 Да дошли даже до его земли.
 Та свадьба длилась ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало, целых три месяца,
 Пока им уже всем надоело,
 375 Хотят возвращаться уже на свои земли.
 Тут вышла к ним молодая невеста,
 Чтобы им поцеловать руки:
 От лика её сияет ясное солнце!
 На груди её ясный месяц!
 На подоле её частые звёзды!
 380 Одета она в золотые одежды позлаченные!
 Семидесяти королям она очень понравилась;
 Юда им всем руки целует,
 А те ей дарят подарки,
 Кто с золотом, кто с серебром;
 385 Потом уехали семьдесят королей.
 Сам юдинский король остался у короля Ринды,
 Чтобы любить свою первую любовь.
 Однако, шла година чёрная пречёрная;
 Юда носит чёрный платок на голове,
 390 Да ожидает, когда придёт белая година,
 Чтобы сойтись на белую годину, на Суров день,
 Когда Юды в озере купаются,
 Чтобы роды не были трудными.
 Ожидали ни много, ни мало, целых три месяца;
 395 Ещё не наступила белая година,
 Да им это всё уже надоело.
 Даже и королю Ринде тоже надоело,
 Трудно нажимать на дочку Горскую Юду,
 Чтобы не ожидала белую годину,
 400 Только бы сойтись с первой любовью,
 Да родить малого дитя знаменитого;
 Чтобы ему заселить пустынную землю.
 С трудом на неё нажимает и с мольбой просит.
 Да она его просьбу не слушает,
 405 Только ожидает белую годину;
 Да тогда сойтись с первой любовью.
 Король Ринда ей люто пригрозил:
 Только ещё два дня ожидать,
 Потом, если не сойтись с первой любовью,
 410 То заточит их в тёмные застенки,
 Где находится Сура Ламия,
 Там их кости пусть сгнивают!
 Тут Юда затужила, опечалилась,
 Да пошла она в свою комнату;
 415 Сняла ясную одежду золотую, позлаченную,
 Положила её в красивый сундук,

Та си метна на главата църна махрама,
 Па си ми утиде на суха бунаре,
 На суха бунаре близу ду езеру,
 Уть татку си да се крие,
 420 Дурь да си ми дойде бела година;
 Та да си се сфоди с' първе либе.
 Та ми седи аф бунаро тамамъ три месеца,
 Не ми знае дал' си дойде бела година.
 Де си дойдоха Юди афъ езеру,
 425 Фърлили си църна махрама уть глава-та,
 Та се бане банеть афъ езеру,
 И си пееть гласувита песна:
 »Ой ти, Боже, Сурва Боже!
 Дай ни, Боже, сура сурувита година,
 430 Лу де си фодиме злату да си гледаме;
 Дурь и златни канати афъ пещери да имаме,
 Со златни канати руйну вину да си пиеме,
 Та и тебе, Боже, фальба да си фалиме,
 435 Чи ми седишь дурь на небе,
 та ми чинишь чуда дурь на земе-та.»
 Как ми чула Горска Юда песна гласувита,
 Дусети се чи си душла бела година;
 Излезе ми уть суха бунаре,
 440 Та си ми утиде дурь при татку аф сарае;
 Утключи си ду шарена ковчега,
 Соблече си църна махрама уть глава-та,
 Та си облече ясна дреха с' злату позлатена;
 Па си утиде афъ худае дурь при либе.
 445 Либе си й спие мощне кахърену,
 Кахъръ си ми има дурь на сорце-ту,
 Чи му либе загиналу,
 Нема вече да га види!
 Та си легна Юда на потстеле.
 Сусь рока гу буди,
 450 Со уста си му дума дума:
 „Стани, либе, немой спиеш!
 Чи е вече бела година настигнала;
 Немой си ми вече спиешь саму самичку.»
 455 Утмалъ душе си продума:
 »Кой ма буди, кой ми дума?
 Поболе да си спие на потстеле,
 Та да ни ми е сорце наранену,
 Чи ми либе забегалу, загиналу!»
 »Стани, стани, кралю, немой спиешь!
 Тое либе не е бегалу, не е загиналу,
 Стой си ду тое потстеле.»
 Дурь тога му се сорце зарадува,
 Та си стана уть златна потстеле.
 Как си виде ду негуву първе либе,
 Пригърна га, цалуна га,
 Па га пита и га праши:
 »Де си ми бе, либе, толку време?
 Та си ми си сорце наранила.»
 460 »Немой питай, кралю, немой праши!
 Да накрыва голову чёрным платком,
 Потом отправилась к сухому колодцу,
 На сухой колодец вблизи озера,
 420 Чтобы от отца здесь спрятаться,
 Пока наступит белая година;
 Тогда, чтобы сойтись с первой любовью.
 Так сидела там в колодце три месяца,
 Не знает, когда придёт белая година.
 425 Тут подошли Юды к озеру,
 Сбросили чёрные платки с головы,
 Да купаются в купальне на озере,
 И поют громким голосом песню:
 «Ой ты, Боже, Сурва Боже!
 430 Дай нам, Боже, здравую Сура годину,
 Лишь оденемся в золото, да поглядим;
 Уже и золотые кувшины в пещере мы имеем,
 Из золотых кувшинов выпьем алого вина,
 Да и тебя, Боже, хвалой прославим,
 435 Что сидишь ты только на небе,
 А сотворяешь чудо только на земле.»
 Как услышала Горская Юда громкую песню,
 Догадалась она, что пришла белая година;
 Выбралась она из сухого колодца,
 440 Да пошла уже оттуда к отцу во дворец;
 Открыла свой красивый сундук,
 Скинула с головы чёрный платок,
 Да одела ясную одежду позлаченную;
 Потом пошла уже в комнату к любимому.
 445 Любимый её спал очень беспокойно,
 Заботу имел только на сердце,
 Что его любимая погибает,
 Нет больше её, нигде не видно!
 Тут прилегла Юда к нему на постель.
 450 Руками его обняла и будит,
 Устами ему шепчет, да говорит:
 «Вставай, любимый, не надо спать!
 Потому что белая година уже наступила;
 455 Не надо больше спать в одиночестве.»
 С трудом душа его проговорила:
 «Кто меня будит, кто меня спрашивает?
 Приболел я, да сплю на постели,
 Потому что моё сердце поранено,
 Так как моя любимая забежала, сгинула»
 460 «Встань, король, не надо спать!
 Твоя любимая не забежала, не сгинула,
 Стоит здесь возле твоей постели.»
 Только тогда его сердце возрадовалось,
 Да встал он со золотой постели.
 465 Как увидел свою первую любовь,
 Обнимает её, да целует её,
 Потом пытается её и спрашивает:
 «Где ты была, любимая, столько времени?
 Что моё сердце так поранила.»
 470 Не пытай, король, не спрашивай!

Чекала сам да си дойде бела година,
 Та тога с' тебе да се сфодe,
 Да си роде малку дете бележиту;
 Чи ми ясну сонце казал и зарьчелу:
 Да не си се сфодe с' тебе на църна година, 475
 Кога ми се Юди църни поцърнели,
 Си ми носетъ църна махрама на глава-та;
 Чи ша ми е рожба мощне халувита.
 Сега вече настанала бела година,
 Бела година Сурва-та дене, 480
 Та си дойдохъ дуръ при тебе на потстеле,
 Да се сфодe с тебе, дете да си роде.»
 Та се сфоди крале с' Горска Юда,
 Туку си се сфоди затруднела.
 Какъ га гледа Ринда крале мощне се радува, 485
 Ми ша си има бележита мнука;
 Той ша си му засели пуста земе запустена.
 Трудна била три месеци,
 На четвърти рожба си й дойде.
 Та си роди малку дете бележиту, 490
 Свирка доржи аф десна си рока!
 И дете бележиту и свирка бележита!
 Дете си ми има криле пудъ мишица!
 Хемъ си му е коса с' злату позлатена:
 Гласъ му ечи дуръ на висе небе! 495
 Лу ми падналу утъ майка си,
 Гласувита песна си запелу;
 Песна му се слуше дуръ на висе небе!
 Собрали се свите пилци афъ сарае,
 Да си слушетъ гласувита песна; 500
 Утъ шо била гласувита дуръ се пилци умаяли!
 Не ми фъркать, не ми бегать утъ сарае,
 Лу си стоетъ та си слушетъ гласувита песна.
 Дуръ си ми е малку дете песна биттисалу,
 Тога ми се пилци утмаяли та си фъркать. 505
 И дете билу бележиту и свирка бележита!
 Как ми засвири свирка бележита!
 Гласъ си ечи дуръ на висе небе!
 Шо си били пилци и зверцини афъ планина,
 Сите ми се чудумъ чудетъ, 510
 Де си свири свирка бележита!
 Сите си ми фодетъ дуръ при малку дете,
 Да си слушетъ ду негува свирка бележита.
 И шо си ми били пилци овчевити,
 И тие душили афъ сарае дуръ при дете, 515
 Та ми лежетъ као умаяни низъ широки дори.
 Малку дете свирка си утъ рока не уставе,
 Па си ми засвири песна хорувита.
 Как си ми свири планини играетъ!
 Дуръ тога су и пилци проиграли. 520
 Излела е на дивана ду негува майка,
 Да си гледа, сиир да си чини,
 Как си свири малку дете свирка бележита,
 Та си играть и планини дуръ и пилци!

Ожидала я, когда придёт белая година,
 Да тогда с тобой, чтобы соитись,
 Да родить малого дитя знаменитого;
 Потому что мне ясное солнце сказал и наказал,
 Чтобы не было соития с тобой в чёрную годину,
 Когда Юды чёрные пречёрные,
 Они носят чёрные платки на голове;
 Иначе роды будут тяжёлые.
 Сегодня уже настала белая година,
 480 Белая година, Суров праздник,
 Да приду сразу к тебе на постель,
 Чтобы соитись с тобой, да родить дитя.»
 Тут соитился король с Горской Юдой,
 Только соитились и она забеременела.
 Как увидел их король Ринда, очень порадовался,
 Что будет иметь внука знаменитого;
 Да тот ему заселит землю пустынную.
 Беременна была только три месяца,
 На четвёртый роды к ней подошли.
 490 Тут родила она малого дитя знаменитого,
 Свирель держал он в правой руке!
 И дитя знаменитое и свирель знаменитая!
 Дитя имело крылья под мышками!
 Да волосы у него золотые позлаченные:
 495 Голос его отдаётся на всём небе!
 Лишь отделился он от матери,
 Громким голосом песню запел;
 Песню его слышно даже до высокого неба!
 Собрались все птицы во дворце,
 500 Да слушают песню голосистую;
 От пения голосистого птицы аж заворожились!
 Не летают, не бегают по дворцу,
 Лишь стоят да слушают голосистую песню.
 Только малое дитя песню закончило,
 505 Тогда птицы очнулись и улетели
 И дитя было знаменитое и свирель знаменитая!
 Как заиграет свирель знаменитая!
 Глас её отдаётся даже до высокого неба!
 Какие были птицы и звери на горе,
 510 Все удивляются такому чуду,
 Как заиграет свирель знаменитая!
 Все ходят только за малым дитя,
 Да слушают его свирель знаменитую.
 А ещё были птицы овцевидные,
 515 И те пришли во дворец только к дитя,
 Да лежат как замороженные на широком дворе.
 Малое дитя свирель из рук не выпускает,
 Потом заиграл песню хороводную.
 Как заиграл, так горы заплясали!
 520 Даже тогда и птицы затанцевали.
 Вышла на крепостную стену его мать,
 Да глядит, что её сын сотворяет,
 Как играет малое дитя на свирели знаменитой,
 Так танцуют и горы, и даже птицы!

Сиир ми гледала тамамъ три недели,
 На нищу ашикъ не ми стана,
 Лу ашикъ ми стана на пилци овчевити,
 Чи се голи бели питумити:
 Иска да ги има афъ сарае,
 Немой вече афъ гора да идать.
 Та се мольба моли дурь на Бога:
 »Ой ти, Боже, мили Боже!
 Мольба ти се, Боже, моле:
 Какъ ми даде дете бележиту уть сорце-ту,
 Шо ми свире свирка бележита,
 Та си собира сите пилци да си слушетъ,
 Дурь и планини хору си играеть;
 Остори си, Боже, оц' едно чуду на земе-та,
 Как ми свире малку дете свирка бележита,
 Душли ми се афъ сарае пилци овчевити,
 Шо си ми се голи бели питумити;
 И тие душли свирка да си слушетъ,
 Та ми лежетъ пу широки дори као умаяни.
 Излела самъ на висе дивана,
 И язъ да си гледамъ, сииръ да си чинамъ;
 Та самъ гледала тамамъ три недели.
 Па на нищу ашикъ не си станахъ,
 Лу си ашикъ станахъ на пилци овчевити,
 Чи се голи бели питумити,
 Та си искамъ да ги имамъ се афъ сарае,
 Немой вече афъ гора да си идать.
 Та ти се, Боже, молба моле,
 Да си ги заприешъ афъ мое сарае,
 Да ги гледамъ сорце да ми се радува.
 Аку си ми, Боже, молба услушешъ,
 Курбанъ ша ти коле деветъ пуйки църнувити,
 Шо ги има татку афъ бахче-ту.»
 Де га дучу Вишну Бога уть небе-ту,
 Та си й мольба услуше.
 На сонце си вели утговори:
 »Ой ти, сончице, ясну сончице!
 Утре още рану да си блеснешъ на небе-ту,
 Та да греешъ на земе-та люту налютену;
 Сите пилци шо се афъ сарае да си идать
 Кой афъ гора, кой афъ море;
 Пилци овчевити немой да си идать,
 Лу да си ми седеть афъ кральски сарае,
 Чи е тое керка ашикъ станала за техъ;
 Оти си се голи бели питумити.
 Тамамъ три месеци да си
 греешъ люту налютену,
 Дурь да си устанать пилци овчевити афъ сарае:
 Тие си се уът тоите ясни зари мощне боеть,
 Та ша ми се криеть афъ подземни сарае,
 Та не ша си фодеть вече на планина,
 Лу ша ми устанать афъ сарае на поле-ту.»
 Още рече Вишну Бога не отрече,
 Сонце си ми изгреелу на небету,

525 Так смотрела она там три недели,
 Но ничего странного не случилось,
 Лишь странными стали птицы овцевидные,
 Что они увеличились, побелели, приручились:
 Хотят, чтобы быть им во дворце,
 530 Не хотят больше возвращаться в лес.
 Да с молитвой просит она уже Бога:
 «Ой ты, Боже, милый Боже!
 Молюсь тебе, Боже, прошу:
 Как ты дал мне дитя знаменитого от сердца,
 535 Что играет на свирели знаменитой,
 То собираются все птицы его слушать,
 Даже и горы хором танцуют;
 Сотвори, Боже, ещё одно чудо на земле,
 Как заиграло моё дитя на свирели знаменитой,
 540 Подошли во дворец птицы овцевидные,
 Что увеличились, побелели и приручились;
 И они пришли, чтобы послушать свирель,
 Да лежат на широком дворе как замороженные,
 Вышла я на высокую крепостную стену,
 545 И смотрю я, что там делается,
 Так смотрела я там три недели.
 И пока ничего странного не заметила,
 Лишь странными стали птицы овцевидные,
 Что увеличились, побелели и приручились,
 550 Хотят, чтобы быть им во дворце,
 Не хотят больше возвращаться в лес.
 Да тебя, Боже, с молитвой прошу,
 Чтобы ты их запер в моём дворце,
 Да я глядела на них и сердце моё радовалось,
 555 Если ты, Боже, мою молитву услышишь,
 Требу тебе принесу, девять индюшек чернявых,
 Что имеются у моего отца в садике.»
 Когда смотрел Вышний Бог с неба,
 То её молитву он услышал.
 560 С Солнцем он заводит разговор:
 «Ой ты, Солнышко, ясное Солнышко!
 Завтра ещё с утра ты блеснёшь на небе,
 Да нагреешь землю очень сильно;
 Чтобы все птицы ушли из дворца,
 565 Кто в лес, а кто на море;
 Птицам овцевидным нельзя уходить,
 Лишь, чтобы сидели они в королевском дворце,
 Потому что твоя дочка явно просила за них;
 Так как они стали большие, белые и ручные.
 Там только, чтобы ты три месяца
 570 нагревал землю очень жарко,
 Так, чтобы птицы овцевидные были во дворце:
 Они твоих ясных зорь очень боятся,
 Да будут прятаться в подземных палатах,
 И не будут уходить больше в горы,
 575 Лишь будут оставаться во дворце и на поле.»
 Ещё речь Вышний Бог не отговорил,
 Солнце уже вошло на небе,

Та си грее долу на земе-та люту налютену;
 Не ми дава никои на поле-ту да си иде.
 И на малку дете вече му се свирка дудеела, 580
 Та си ми устави свирка афъ худае;
 Дуръ тога си биска забизалу утъ майка си.
 Я' шо били пилци умаяни,
 Дуръ тога ми се утмаяли и фъркнали
 кой афъ гора, кой аф море;
 Пилци овчевити устанали на широки дори;
 Лу да си ми навърветъ да си идатъ,
 Ясну сонце си изгрева мощне налютену.
 Та не им дава да си фодетъ на планина;
 И тие се утъ сонцету мощне боетъ,
 та си ми се криет аф подземни келаре;
 Крили ми се тамамъ три месеци,
 Дуръ ми са се вече научили афъ сарае:
 Не си фодетъ вече на планина,
 Лу си фодетъ на полету та си паша пасатъ, 595
 Па дуфодатъ афъ сарае дуръ при малку дете.
 Какъ ги гледа Горска Юда мощне се радува,
 Та си флезе афъ таткуву бахче,
 Па си фати деветъ пуйки църнувити,
 Курбан си ги коле дуръ на Вишню Бога,
 Чи си й е мольба услушелъ,
 Та се устанали афъ сарае пилци овчевити:
 Курбанъ си й утиде висе дуръ на небе,
 Дуръ и сонце курбанъ си бендисалу;
 Та си грее долу на земе-та.
 Дуръ е вече лету застигналу,
 Сите пилци овчевити затруднели,
 Та си родили агне сугаруву,
 Та си агне-та биска бизаеетъ.
 Какъ ги гледа Горска Юда се радува,
 На умъ си й дойде и тия да бизае,
 Какъ бизала млеку мощне гу бендисала!
 Та си дуи млеку утъ овци щерици,
 Та ми дава и на татку и на либе.
 И тие гу мощне бендисали,
 Та си фальба фалетъ Горска Юда,
 Чи тия ми искарала млеку на земе-та,
 Да си ядатъ люде млеку,
 Па и нега да си фалетъ.
 Дуръ тога ми вече Горска
 Юда седнала при либе,
 Та си бизае малку дете афъ роките.
 Какъ си гледа Ринда крале малка мнука,
 Сорце му се мощне радува,
 Та си кани седемдесе крале,
 Да си дойдатъ на негува
 пуста земе запустена,
 Тешка гозба да ги гости,
 Руйну вину да ги пои,
 Чи си има малка мнука бележита,
 Шо гу нема нийде на доне-та;

Да грее внизу землю очень жарко;
 Не даёт никому в поле выйти.
 А малому дитя уже свирель надоела, 580
 Да оставил он свирель в горнице;
 Только тогда пососал грудь у матери.
 А что были птицы замороженные,
 Только тогда они очнулись и улетели,
 585 Кто улетел в горы, а кто на море;
 Птицы овцевидные остались на широком дворе;
 Лишь направились, чтобы уходить,
 Ясное солнце запалило очень жарко.
 Да не даёт им уйти в горы;
 590 А они Солнца очень боятся,
 Да скрываются в подземном погребе;
 Скрывались там целых три месяца,
 Только многому научились уже во дворце:
 Не хотят больше уходить в горы,
 595 Лишь ходят в поле, да на пастбище пасутся,
 Потом приходят во дворец уже к малому дитя.
 Как увидела их Горская Юда, очень была рада,
 Да пошла она в отцовый садик,
 Потом поймала девять инюшек чернявых,
 600 Требу принести уже Вышнему Богу,
 Что он её молитву услышал,
 Да оставил во дворце птиц овцевидных:
 Треба её ушла высоко аж на небо,
 Только и Солнцу треба понравилась;
 605 Да нагревает внизу всю землю.
 Только уже далее лето продолжается,
 Все птицы овцевидные забеременели,
 Да родили ягнят, поздних сосунков,
 Там у них ягнята вымя сосут,
 610 Как увидела их Горская Юда, очень была рада,
 Тут на ум ей пришло и она взяла вымя,
 Как лизнула молоко, очень ей понравилось!
 Так надоила молока от овцы яловой,
 Да дала молока и отцу, и любимому.
 615 И им оно очень понравилось,
 Да хвалой славят Горскую Юду,
 Что она нашла молоко на своей земле,
 Чтобы люди питались молоком,
 И потом, чтобы её хвалили.
 Только тогда уже Горская Юда
 620 присела рядом с любимым,
 Да кормит малого дитя на руках.
 Как поглядел король Ринда на малого внука,
 Сердце его очень возрадовалось,
 Да пригласил он семьдесят королей,
 Чтобы направились к нему на его
 625 землю пустынную, запущенную,
 Богатыми яствами, чтобы их угостить,
 Алым вином, чтобы их напоить,
 Что заимел малого внука знаменитого,
 Да такого нет нигде на свете;

Та ша му засели пуста земе запустена. 630 И будет он заселять пустынную землю.
 Та си дойдоха седемдесе крале на негува земе. Тут приехали семьдесят королей на его землю.
 Ринда крале гозба си ги гости, Король Ринда яствами их угощает,
 Руйну вину си ги пои, Алым вином всех их поит,
 Я' Горска Юда си ги гости млеку овчевиту. А горская Юда угощает их овечьим молоком.
 Седемдесет крале си ми Семьдесят королей попробовали и
 фальба фалет Горска Юда, 635 похвалой прославили Горскую Юду,
 Чи ми искарала млеку на земе-та, Что нашла молоко на своей земле,
 Шо си ми гу не зналу ни стару ни младу! До того его не знали ни стар, ни млад!
 Та се гозба гостили тамамъ три недели, Так гости пировали там три недели,
 Дурь хми се е вече дудеелу. Пока это им уже надоело.
 Искать вече да си фодеть на земета, 640 Хотят уже возвращаться на свои земли,
 Па си искать да си видеть малку дете бележиту. Да пожелали увидеть малого дитя знаменитого.
 Та излезе малку дете уть майчина худае, Тут идёт малое дитя из материной горницы,
 И си флезе афъ худае де И входит он в ту самую комнату,
 си беха седемдесе крале. Где были все семьдесят королей.
 Какъ гу гледать седемдесе крале ми се чудеть, Как увидели его семьдесят королей, удивились,
 Шо е толку бележиту нишанлие: 645 Что он такой искусный и знаменитый:
 Свирка си доржи афъ десна-та рока! Свирель держал в правой руке!
 Криле има пудъ мишница! Крылья у него были под мышками!
 Хемъ си му е коса со злату позлатена! Да волосы у него золотые, позлаченные!
 Гласъ му ечи дурь на висе небе! Голос его звучит аж до высокого неба!
 Та ми запе малку дете песна гласувита, 650 Тут запело малое дитя песню голосисто,
 И ми засвири свирка хорувита, И заиграл на свирели хороводную
 Гласъ ми ечи дурь на висе небе! Голос его зазвучал аж до высокого неба!
 Та ми хору заиграли планини дурь и гори! Тут хором заплясали горы и даже леса!
 Я' шо ми се пилци си ми фъркать афъ сарае, Даже птицы прилетели во дворец,
 Та си слушетъ песна гласувита; 655 Чтобы послушать песню голосистую;
 Фъркать шо ми фъркать афъ сарае, Летят, да прилетают во дворец,
 Па си падать као умаяни на земета! А потом падают как замороженные на землю!
 И седемдесе крале мощне се шанландисали, И семьдесят королей были очень ошарашены,
 Не ми седеть, не ми стоеть ни на ноги, Не могут сидеть, не могут стоять на ногах,
 Лу си играть хору на кральска трапеза; 660 Лишь водят хоровод на королевской трапезе;
 Си играли малу млогу три недели, Так танцевали ни много, ни мало, три недели,
 Дурь се вече уморили! До тех пор, пока очень уморились!
 Ела малку дете не се уморева, Однако малое дитя не уморилось,
 Не уставе свирка уть рока-та! Не выпускает свирель из рук!
 Как ми видели Горска Юда, 665 Как увидела их Горская Юда,
 Чи се крале мощне уморили, Что короли очень уморились,
 Па не можетъ да си седнаць на земе-та, Даже не могут сесть на землю,
 Чи ги свирка гласувита не уставе. Потому что свирель голосистую не оставляет.
 На малку дете си се мольба моли: Малого дитя она с мольбой просит:
 »Е бре, сину, мили сину! 670 «Эй гой, сынок, милый сынок!
 Я' остави си, сину, свирка уть роката, Ну, выпусти, сынок, свирель из рук,
 Чи седемдесе крале мощне се се уморили.» Так как семьдесят королей очень уморились.»
 Дурь тога си дете свирка остави, Только тогда мальчик свирель оставил,
 И седемдесе крале на трапеза ми седнали. И семьдесят королей опять сели за трапезу.
 Ела малку дете не ми седи на трапеза, 675 Но малое дитя не сел с ними за трапезу,
 Лу си иска да си фъркне, Лишь хотел отсюда улететь,
 Та да иде висе дурь на небе, Да подняться высоко аж до неба,
 Фальба да си фали Вишну Бога, Чтобы похвалой прославить Вышнего Бога,
 Чи ми се е породилу бележиту на земе-та! Что он родился знаменитым на земле!
 Утмалъ гу е майка му дудоржела: 680 С трудом ему мать возражала:
 »Седи, сину, не ми фоди, «Садись, сын, не расхаживай,

Дурь да си ти седемдесе крале лепу име туреть,
 Па тога си фоди дека искашь.»
 Та ми постоелу малку дете,
 Дурь да си му туреть
 лепу име седемдесе крале. 685
 Та му се турили седемдесе крале лепу име,
 Лепу име Уфренъ юнакъ,
 Чи ша ми е свирелжие на земе-та.
 Хемъ ша фърка као Рену пиле на небе-ту,
 Да си свири, фальба да си фали дурь и Бога. 690
 Лу си му турили седемдесе крале лепу име,
 Си ми фъркна та утиде на небету.
 Тамъ си ми седелу тамамъ три години,
 Фальба си фалилу Вишну Бога,
 Чи се породилу бележиту на земе-та! 695
 Та ми седе на небету дурь си вече порасналу.
 Време дойде да се жени,
 Та си слезе долу на земе-та дурь при майка.
 Майка найде, татку нема!
 Татку му бегаль на негува земе,
 Да си съди на негуви Юди Самуили; 700
 Чи на Уфренъ юнакъ мощне каскандисаль:
 »Уть кучка родену мое земе ша зароби,
 Та ша боде първа крале на земе-та!»
 Той бегаль, либе му не бегала,
 Чи татку й е мощне устарелу,
 Нема кой изметъ да му чини.
 Туку си залибила Янска крале,
 Той ми седи аф неини сарае,
 Та си Уфренъ има другу татку. 710
 Лу ми дойде Уфренъ афъ сарае дурь при татку,
 Уть майка си прошка тера,
 Прошка да му даде да се шета пу земе-та,
 Да си тера първе либе спроти негу,
 Чи ми иска вече да се жени. 715
 »Шетай ми се, сину, от да не ми се шеташь.
 Белки си найдешъ либе спроти тебе?»
 Та ми фъркна да се шета пу земе-та.
 Та ми се шеталу тамамъ две години,
 Дурь си исфодилу сита земе,
 Па не си найде либе спроти негу.
 Та се върна назадъ дурь при майка.
 Натъжену билу мощне, нажелену,
 Още афъ худае не ми флелу,
 На дивана падна болну да ми лежи, 725
 Болну лежи ша умрие.
 Никому си не казува шо си има афъ сорце-ту,
 Дурь утиде майка да гу пита:
 »Кажи, сину, шо ми имашъ аф сорце-ту?
 Та ми болну лежишь ша умриешъ.» 730
 »Нищу немамъ, мале, афъ сорце-ту,
 Лу си самъ натъжену мощне, нажелену,
 Чи се шедба шетахъ пу сита земе,
 Па не си найдохъ либе спроти мене!
 Пока семьдесят королей красивое имя найдут,
 Потом иди туда, куда хочешь.»
 Тут остановилось малое дитя,
 Пока ему сотворят красивое
 имя все семьдесят королей.
 Тут ему дали семьдесят королей красивое имя,
 Красивое имя дали Орфей юнак,
 Что будет свирельщиком на земле.
 Но и будет летать как птица Рена по небу,
 Чтобы играть, да хвалой прославлять уже Бога.
 Лишь дали ему семьдесят королей красивое имя,
 Он вспорхнул, да улетел на небо.
 Там он прожил целых три года,
 Похвалой прославлял Вышнего Бога,
 Что помог ему родиться знаменитым на земле!
 Так он жил на небе, пока уже больше подрос.
 Время подошло, что уже можно жениться,
 Тут спустился он на землю уже к матери.
 Мать он нашёл, а отца нигде нет!
 Отец его убежал на свою землю,
 Где жил у своих Юд Самувил;
 Потому что юнаку Орфею очень завидовал:
 «От телеги начнётся моя земля, что захвачу,
 Да потом буду первый король на земле!»
 Он убежал, но супруга его не убежала,
 Так её отец очень состарился,
 И никого больше нет, чтобы за ним ухаживать.
 Только полюбила она Яньского короля,
 Который стал жить в её дворце,
 Так Орфей заимел другого отца.
 Лишь пришёл Орфей в отцовский дворец,
 У матери получить благословение,
 Дозволение ему дала походить по земле,
 Чтобы найти первую любовь, достойную его,
 Да что хочет он уже жениться.
 «Иди, мой сын, чтобы мне не ходить.
 Может найдёшь любовь, достойную тебя?»
 Тут он вспорхнул, да направился по землям.
 Так путешествовал там два года,
 Пока не исходил он все земли,
 Но не нашёл любимой, достойной его.
 Да вернулся назад уже к матери.
 Был очень опечаленный и грустный,
 Ещё в горницу к ней не зашёл,
 На диван упал и лежит больной, 725
 Больной лежит совсем умирает.
 Никому не говорит, что у него на сердце,
 Тут пришла мать и его спрашивает:
 «Скажи сын, что ты имеешь на сердце?
 Что ты лежишь больной, да умираешь.» 730
 «Ничего не имею, мама, я на сердце,
 Лишь я очень опечален и грущу,
 Что путешествовал я по всем землям,
 Но так и не нашёл любовь, достойную меня!

Белки, мале, знаешь нейде
 либе спроти мене?»
 »За сова ли, сину, ти какърь берешь!
 Либе има спроти тебе дурь на Морна земе,
 Морна крале си има ду три керки гюзеллийки,
 Шо си е наймалка-та нема друга као нега!
 Тя си бива да си ти е първе либе.
 Ела на Морна земе си има ду три змии,
 Шо си иматъ криле фъркувити,
 Та си чуватъ ду три кральски керки;
 Лу кой си иде на Морна земе,
 Да си тера кральска керка,
 Назадъ си се не враща,
 Змии си гу младу погубеватъ.
 Мене ми е ясну сонце казалу,
 Чи ти ша си надборишь ду три змии,
 Ша си хми искарашь дурь
 джигеро уть куремо!
 Та ша си закарашь малка мома дюнягюзеллийка.
 Лу да идешь, сину, на Морна земе,
 Ша си найдешь либе спроти тебе;
 Туку да си гледашь со свирка змии да умаешь,
 Да не си та младу погубеть.»
 Лу ми чулу Уфрень юнакъ,
 Чи си има либе спроти негу на Морна земе,
 Станалу си праву на ноги-те,
 Та си засвири свирка бележита,
 Да му се малку сорце зарадува;
 Та ми свири малу млогу,
 Малу млогу тамамъ три недели.
 Вече иска да си иде дурь на Морна земе,
 Да си тера либе спроти негу;
 Па уть майка си прошка тера:
 »Нека ти е просту, сине, и уть мене!
 Лу се чувай уть три змии,
 Да не си та младу погубеть.»
 Та си искара ду неини златни криле,
 Искара си ут поесо и златну-ту ношче,
 Та му вели утговори:
 »Земи, сину, и мои златни криле!
 Кога си закарашь тое първе либе,
 Да й туришь криле пудь мишница,
 И тя с' тебе да си фърка,
 Да не си ва стигнатъ ду три змии.
 Земи, сину, и мою златну ношче!
 Аку си ва ду три змии стигнатъ,
 С' ношче да си хми искарашь
 дурь джигеро уть куремо!
 Лу ми гледай свирка да не оставишь:
 С' десна рока свирка да си свиришь,
 Я с' лева рока либе да си доржишь,
 Да не си я грабнатъ ду три змии.»
 Та ми зе Уфрень златни
 криле и златну-ту ношче,

735 Может быть, мама, ты знаешь,
 где найти любимую, достойную меня?»
 «За свою просьбу не беспокойся!
 Любимая достойная тебя есть на Морной земле,
 Морный король имеет три дочери красавицы,
 А наименьшая такая нежная, нет такой другой,
 Она и будет для тебя первой любовью.
 Однако, на Морной земле имеются три змеи,
 Что имеют крылья летучие,
 Да стерегут трёх королевских дочек;
 Лишь кто приходит на Морную землю,
 740 Чтобы забрать королевских дочек,
 Назад уже не возвращается,
 Змеи его младого сразу погубят.
 Мне это ясное Солнце рассказал,
 Что ты должен победить трёх змей,
 Да выгонишь их и даже
 745 вспорешь им брюхо и печень!
 Тогда заберёшь девушку всемирную красавицу,
 Когда пойдёшь, сын, на Морную землю,
 И будешь искать любимую, достойную тебя;
 Только смотри, да змей свирелью завори,
 750 Чтобы тебя младого не погубили.»
 Лишь услышал это юнак Орфей,
 Что есть достойная любимая на Морной земле,
 Вскочил сразу с правой ноги,
 Да заиграл на свирели знаменитой,
 760 Чтобы ему немного сердце порадовать;
 Да так играл ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало, там три недели.
 Очень хотел уже идти на Морную землю,
 Чтобы забрать любимую, достойную его;
 765 Потом у матери просит благословения:
 «Пусть будет, сын, тебе благословение от меня!
 Лишь берегись там трёх змей,
 Чтобы тебя младого не погубили.»
 Тут она сняла свои золотые крылья,
 770 Сняла с пояса и золотой ножичек,
 Да ему молвит, говорит:
 «Возьми, сын, и мои золотые крылья!
 Когда ты заберёшь свою первую любовь,
 То ей прикрепишь крылья под мышками,
 775 И она с тобой, чтобы прилетела,
 Чтобы вас не настигли три змеи.
 Возьми, сын, и мой золотой ножичек!
 Если вас три змеи вдруг настигнут,
 С ножичком ты их остановишь,
 Да вспорешь им брюхо и печень!
 780 Лишь смотри, свирель не оставляй:
 Правой рукой, чтобы на свирели играл,
 А в левой руке, чтобы любимую держал,
 Тогда не отнимут её три змеи.»
 Тут взял Орфей золотые крылья
 и взял также золотой ножичек,

Па си фъркна да си иде дурь на Морна земе. 785 Потом вспорхнул и полетел на Морную землю.
 Та ми фърка шо ми фърка, Так летел он, летел и прилетел,
 Де си дойде дурь на Морна земе. Где достиг уже Морной земли.
 Още афъ сарае не ми флелу, Ещё во дворец не пришёл,
 Запе си ми песна гласувита, Запел он песню голосистую,
 Засвири си свирка хорувита, 790 Заиграл на свирели хороводную,
 Дурь и поле хору заигралу, Даже и поле хором заплясало,
 Люле ми се као люлька! Качается само, как люлька!
 Дурь да си ми флезе афъ кральски сарае, Только зашёл он в королевский дворец,
 Ду три змии се мощне умаяли; Тут три змеи очень заморозились;
 Умая ми се и Морна крале, 795 Заморозился и сам Морный король,
 Та ми лежетъ као мертви на земе-та! Да лежат, как мёртвые на земле!
 Та ми флезе Уфрень афъ женска худае, Тут вошёл Орфей в женскую горницу,
 Де ми седеть ду три кральски моми, Где сидели три королевские дочки,
 И трите се дюнягюзеллийки, И все три всемирные красавицы,
 Я шо си е наймалка-га мома Росида, 800 А которая наименьшая девушка Росида,
 Уть лику й грее ясну сонце! От лика её сияет ясное солнце!
 В' гръди й е ясна месечина! На груди её ясный месяц!
 В' скути й се дребни звезди! На подоле её частые звёзды!
 Коса й е ду земе-та! Коса её до самой земли!
 Кога дума бисерь блюва! 805 Когда говорит, жемчугом мечет!
 Мощне си е гюзель на земе-та! Самая прелестная красавица на земле!
 Какъ га виде Уфрень мощне га бендиса; Как увидел её Орфей, очень она понравилась;
 И Росида си Уфрена бендиса: И Росиде Орфей понравился:
 »Ету юнакъ, вели, за мене! «Вот юнак, говорю, забирай меня!
 Уть Бог да найде Харрапине крале, 810 Бог покарает короля Харрапина,
 Шо си ма е малка още залибилу; Что полюбил меня ещё будучи малой;
 Лу да не си е тука Харрапине крале, Пока нет тут короля Харрапина,
 Ша залибе Уфрень юнакъ свирелжие.» Буду любить юнака Орфея свирельщика.»
 Сова рече Росида не отрече, Свою речь Росида ещё не закончила,
 Зарони си дребни солзи. 815 Заронила она мелкие слёзы.
 Па ми Уфрень засвири песна хорувита, Пока Орфей играл песню хороводную,
 Та ми се играли ду три моми; То три девушки танцевали,
 Играли се малу млогу три недели, Танцевали ни много, ни мало, три недели,
 Дурь хми се е вече дудеелу. Наконец им это уже надоело.
 И на Уфрень се вече дудеелу, 820 И Орфею тоже уже надоело,
 Иска вече да си фоди на негува земе, Хотел уже возвратиться на свою землю,
 Лу си гледа да закара мома Росида; Лишь смотрит, чтобы забрать девушку Росиду;
 Ела чи га не устаетъ ду две сестри. Однако, нельзя оставить и двух сестёр.
 Та си ми засвири Уфрень песна шо умава, Тогда зиграл Орфей песню, что завораживает,
 Та се мощне умаяли ду три змии; 825 Тут три змеи сразу очень заморозились;
 Умаяли ми се и два крале; Заморозились и двое королей;
 Ду две сестри не се умаяли, Только две сестры не заморозились,
 Лу си гледать Уфрень юнакъ свирелжие. Лишь смотрят на юнака Орфея свирельщика.
 Па се чудумъ чуди Уфрень шо да прави, Тут раздумывает Орфей, что же делать,
 Шо да прави шо да стори: 830 Что ему делать, да что предпринять:
 Какъ да си закара мома Росида. Как ему забрать девушку Росиду.
 Де му наумъ дойде, Тогда ему на ум пришло,
 Та гу фати с' лева рока за роката, Да схватил её левой рукой за руки,
 Тури си й златни криле пудъ мишница, Прикрепил ей золотые крылья под мышками,
 Я с' десна си рока свире свирка бележита; 835 А правой рукой играл на свирели знаменитой;
 Та си фъркна да си иде на негува земе. Затем вспорхнул, чтобы лететь на свою землю.
 Уть Богъ нашли ду две сестри, Богом наказаны были две сестры,
 На мома Росида мощне каскандисали; Что девушке Росиде очень позавидовали,

Качили се горе на дивана,
 На Харапине крале велеть и говореть:
 »Е бре, кралю, Харапине кралю!
 Шо ми седишь, кралю, шо ми стоишь?
 Тое либе е бегалу!
 Залибила друга крале свирелжие,
 Шо ми свири свирка бележита;
 Кога си ми засвири свирка бележита,
 Дурь и поле си играе!»
 Какъ ми чу Харапине крале,
 Мощне ми се разедила, налютилу,
 Ела нема шо да прави,
 Чи си ми е умаяну, сонувиту,
 Не може да си стои на ногите.
 Уть Богъ нашли ду две сестри,
 Слели ми се долу афъ зандана,
 Де си лежеть ду три змии фъркувити.
 Лу си ми излезе Уфрень уть сарае,
 Ду три змии си се утмаляли,
 Не ми спиетъ вече, не ми лежеть.
 Ду две сестри хми велеть и говореть:
 »Е бре, змии, фъркувити змии!
 Шо ми седите тука афъ зандана?
 Не ли сте видели шо станалу афъ сарае?
 Наше сестра мома Росида е бегала,
 Залибила друга крале свирелжкие,
 Шо си свири свирка бележита,
 Кога си засвири дурь и поле си играе!
 Бегала е вече нема да си дойде.
 Харапине крале на васъ са е млогу налютилу,
 Ша си слезе горе уть дивана,
 Та ша си ва млада погуби,
 Оти не сте чували негуву първе либе.
 Лу ми фъркните висе дурь на небе,
 Да си фатите негуву първе либе;
 Тя е още не бегала.
 Фатите га, назадъ си га върнете,
 Харапине крале млада да си га погуби.»
 Какъ ми чули ду три змии фъркувити,
 Чи си е залибила мома Росида друга крале,
 Та си е бегала дурь на негува земе,
 Мощне ми се разедили, налютили,
 Нае са чинили млада да си га погубеть.
 Та ми фъркнаха висе дурь на небе,
 И си гонеть мома Росида.
 Гонили га шо га гонили,
 Мома Росида не ми знае да си фърка,
 Наблизили вече да га фатеть;
 Още га се не фатили люту й се канеть!
 Цикна, викна мома да си плаче:
 Ой ле, Боже, мили Боже!
 Шо да праве, Боже, шо да сторее?
 Да самъ знала не самъ бегала.
 Какъ ша ида сега при Харапине крале?

840 Поднялись высоко на крепостную стену,
 Да королю Харапину докладывают, говорят:
 «Гой еси, король Харапин, король!
 Чего сидишь, король, что стоишь?
 Твоя любимая от тебя убежала!
 Полюбила другого короля свирельщика,
 845 Что играет на свирели знаменитой;
 Когда заиграет свирель знаменитая,
 Даже и поле пускается в пляс!»
 Как услышал их король Харапин,
 Очень он разозлился, разгневался,
 850 Однако, не знает, что же делать,
 Потому что он сонный, замороженный,
 Не может даже стоять на ногах.
 Бог покарает двух сестёр,
 Побежали они вниз в темницу,
 855 Где лежат там три змеи летучие,
 Лишь вышел Орфей из дворца,
 А три змеи уже очнулись,
 Не спят они больше, не лежат.
 Тут две сестры им велют и говорят:
 860 «Эй вы, змеи, летучие змеи!
 Что сидите здесь в темнице?
 Не видели вы, что стало во дворце?
 Наша сестра девушка Росида убежала,
 Полюбила другого короля свирельщика,
 865 Что играет на свирели знаменитой,
 Когда он заиграет, даже поле танцует!
 Убежала, да больше не возвратится.
 Король Харапин на вас очень разгневался,
 Да хочет спуститься вниз с крепостной стены,
 870 Чтобы вас таких молодых погубить,
 Что не сберегли его первую любовь.
 Сразу взлетайте высоко аж до неба,
 Да схватите его первую любовь;
 Пока та ещё далеко не убежала.
 875 Схватите их, да верните назад,
 Король Харапин их молодых погубит.»
 Как слышали это три змеи летучие,
 Что полюбила девушка Росида другого короля,
 Да убежала уже на его землю,
 880 Очень они разозлились, разгневались,
 Кару наметили, чтобы молодых погубить.
 Да вспорхнули высоко аж до неба,
 И преследуют девушку Росиду.
 Догоняли их, да всё догоняли,
 885 Девушка Росида ещё не научилась летать,
 Приблизилась уже, да вот схватят;
 Ещё не схватили, люто ей угрожают!
 Пищит, кричит девушка, да плачет:
 «Ой ли, Боже, милый Боже!
 890 Что делать, Боже, да что предпринять?
 Я сама знала, но не сама убежала.
 Как мне идти теперь к королю Харапину?

Той си ми е мощне налютену,
 Лу да си ида на таткуви сарае,
 Ша ма фърли афъ темна зандана,
 Де си лежетъ ду три змии фъркувити;
 Афъ занданъ ша ми кости изпогниетъ!»
 Какъ ми плаче наблизили вече змии,
 Уста си расзинали да си га погълнетъ.
 Какъ ми гледа Уфренъ юнакъ,
 Чудумъ си се чуди шо да прави,
 Шо да прави шо да стори?
 Де му наумъ дойде,
 Чи си има златну ношче афъ поесо,
 Шо му гу дала негува майка;
 Та си искара златну ношче уть поесо:
 Со лева-та рока си доржи златну ношче,
 Я с' десна-та рока си доржи свирка бележита;
 Та си ми засвири песна шо умава;
 Лу ми засвирилу песна шо умава,
 Ду три змии мощне ми се умаяли,
 Паднали ми на земе-та као мертви,
 Та си хми искара дуръ джигеро уть куремо!
 Истекли се ду три кръвави реки:
 Та ми се заезили цалу поле,
 Дуръ си поле море станалу!
 Па си фъркна Уфренъ да си фърка,
 С' негъ си фърка и мома Росида.
 Фъркала шо фъркала,
 Не можела вече да си фърка!
 Иска да си слезе на поле-ту да си фоди,
 Ела поле си е море станалу;
 Дуръ и пилци не можеть да ми фодеть!
 Та се чудумъ чуди Уфренъ шо да прави,
 Какъ да си утгара либе на негува земе?
 Какъ се чуди наумъ му дойде,
 Та си слезе долу ду море-ту;
 Си ми фърка все ду море,
 Па си доржи свирка афъ рока-та;
 Свирка се дупира ду море-ту,
 Та си път чини на мома Росида,
 Та си фоди мома као на суха земе,
 Испливали вече ду кръваву море.
 Дуръ тога дума продумали ду три змии:
 »Уть Богъ нашель Уфренъ юнакъ,
 Юнакъ си е билъ надъ юнаци-те!
 Да сме знали не сме гонили мома Росида,
 Тя си бива да си либи Уфренъ юнакъ.»
 Още рекли не отrekli,
 Шо си билу море загиналу,
 Па ми се подалу суха земе.
 Та си фоди Уфренъ на негува земе,
 С' нег' си фоди и мома Росида.
 Фодили шо фодили,
 На мома се вода припилу,
 Та си вода тера уть Уфренъ юнакъ,
 Он ведь очень разгневался,
 Лишь я приду в отцовский дворец,
 895 Бросят меня в тёмные застенки,
 Где лежат там три змеи летучие;
 А в темнице мои косточки сгниют!»
 Пока она плакала, змеи ещё приблизились,
 Уста свои расзинули, чтоб проглотить.
 900 Как увидел их юнак Орфей,
 Раздумывает он, что же делать,
 Что же делать, да что предпринять?
 Тут ему на ум дошло и он догадался,
 Что у него на поясе есть же золотой ножик,
 905 Который ему дала любимая мать;
 Тут достал он из-за пояса золотой ножик:
 В левой руке держит золотой ножик,
 А в правой руке держит свирель знаменитую;
 Тут заиграл он песню, что завораживает;
 910 Лишь заиграл он песню, что завораживает,
 Сразу три змеи сильно заморозились,
 И попадали на землю как мёртвые,
 Тут он им вспорол брюхо и печень!
 Истекли из них три кровавые реки:
 915 Да заполнили они целое поле,
 Даже поле как море теперь стало!
 Потом вспорхнул Орфей и полетел,
 С ним полетела и девушка Росида.
 Летела она, всё летела,
 920 Да не может больше она лететь!
 Хочет спуститься на поле, чтобы идти,
 Однако, поле как море стало;
 Даже и птицы не могут там ходить!
 Тут раздумывает Орфей, что же делать,
 925 Как доставить любимую на его землю?
 Когда раздумывал, то на ум ему пришло,
 Тут снизился вниз до самого моря;
 Они летели вместе над морем,
 Потом взял он свирель в руки;
 930 Свирелью соприкоснулся с морем,
 Да путь прокладывает девушке Росиде,
 Тогда пошла девушка как по сухой земле,
 Так переправились через кровавое море.
 Только тогда души трёх змей проговорили:
 935 «От Бога послан юнак Орфей,
 Что был герой, юнак над юнаками!
 Если бы знали, то не догоняли бы деву Росиду,
 Теперь она будет любить юнака Орфея.»
 Ещё свою речь не проговорили,
 940 А море стало сразу пропадать,
 Потом показалась уже сухая земля.
 Тут пришёл Орфей на свою землю,
 С ним пришла и девушка Росида.
 Проходили они, дальше пошли,
 945 Да девушка захотела попить воды,
 И просит воды у юнака Орфея,

Уфрeнь си ми фоди пу поле-ту,
 Да си тера вода за мома Росида;
 Та си ми исфоди цалу поле,
 Па не може вода да си найде:
 »Фоди, либе, на мое земе вода има,
 Таму ти вода ша си пиешъ.»
 »Вода ми се, либе, млогу припилу,
 Дурь ми се ноги изсъхнали!
 Аку не си найдешъ вода пу поле-ту,
 Ша си загина млада и зелена тука насредъ поле.»
 Та се чуди Уфрeнь шо да прави,
 Мольба си са моли дурь на Водна Бога:
 »Ой ти, Боже, Водна Боже!
 Я' кажи ми, Боже, де си има вода?
 Да си напое мое първе либе,
 Немой тука млада и зелена да загине;
 Аку нема, Боже, вода пу полету,
 Отори си, Боже, ду тои студни кладнеци,
 Та си прати долу на земе-та,
 Да си пие мое първе либе.»
 И Господъ му мольба услуше,
 Та си рука малка Дефа изметчие,
 Та му вели утговори:
 »Е бре, малка Дефо, мой изметчие!
 Слезе си ми долу на земе-та,
 Де ми седи Уфрeнь с' първе си либе,
 Та си чека да му прате вода уть небе-ту,
 Да си напои ду негуву първе либе;
 Чи й са е вода мощне припилу,
 Дурь й се ноги изсъхнали!
 Та ша си загине млада и зелена насредъ поле.
 Да му кажешъ, малка Дефо, да си продумашъ:
 »Е бре, Уфрeнь юнакъ свирелжие!
 Шо се мольба молишъ дурь на Бога,
 Да ти прати вода уть небе-ту,
 Та да си напоишъ тое първе либе,
 Афъ рока си доржишъ свирка чудувита,
 Лу шо искашъ со свирка ша си чинишъ.
 Фърли си свирка долу на земе-та,
 Лу де си ти падне свирка чудувита,
 Вода ша излезе кладнець ша си боде,
 Та ша пие тое първе либе;
 Ша си пиеть и пилци шо
 си фъркатъ на небе-ту;
 Хемъ нема вече вода да си заприе.»
 Та ми слезе малка Дефа долу на земе-та,
 Де ми седи Уфрeнь с' първе си либе,
 Та му вели утговори:
 »Е бре, Уфрeнь юнакъ свирелжие!
 Шо се мольба молишъ дурь на Бога,
 Да ти прати вода уть небе-ту,
 Та да си напоишъ тое първе либе,
 Афъ рока си доржишъ свирка чудувита,
 Лу шо искашъ со свирка ша си чинишъ.

Орфей начал ходитъ по полю,
 Чтобы найти воду для девушки Росиды;
 Так исходил целое поле,
 950 Пока не может нигде воды найти:
 «Пойдём, любимая, на моей земле есть вода,
 Там ты и попьёшь воды.»
 «Воды надо, любимый, я очень хочу пить,
 950 Даже мои ноги уже высыхают!
 Если не найдёшь воды в поле,
 Могу погибнуть младая и зелёная среди поля.»
 Тут раздумывает Орфей, что же делать,
 С молитвой просит он уже Водного Бога:³⁰
 955 «Ой ты, Боже, Водный Боже!
 А скажи мне, Боже, где имеется вода?
 Чтобы напоить мою первую любовь,
 Нельзя, чтобы младая и зелёная тут погибла;
 Если нет, Боже, воды на поле,
 960 Отопри, Боже, твои студёные источники,
 Да пошли нам вниз на землю,
 Чтобы попила моя первая любовь.»
 И Бог его молитву услышал,
 Да позвал небесную Деву помощницу,
 965 Он ей велит и говорит:
 «Гоя еси, небесная Дева, моя помощница!
 Спустись ты сейчас вниз на землю,
 Где сидит Орфей с первой любовью,
 Да ждёт, что я ему пошлю воды с неба,
 970 Чтобы напоить его первую любовь;
 Которая очень хочет попить воды,
 Что даже ноги у ней высыхают!
 Может погибнуть младая и зелёная среди поля.
 Да ему скажешь, небесная Дева, расскажешь:
 975 «Гой еси, юнак Орфей, свирельщик!
 Что ты с молитвой просил даже Бога,
 Чтобы тебе послал воды с неба,
 Да ты, чтобы напоил свою первую любовь,
 А в руках держишь свирель волшебную,
 980 Лишь захочешь, со свирелью всё сделаешь.
 Брось свирель вниз на землю,
 Лишь где упадёт свирель волшебная,
 Там будет бить вода из родника,
 Да может напиться твоя первая любовь;
 Будут пить там и те птицы,
 985 Что летают по всему небу;
 Однако, не иссякнет больше вода в роднике.»
 Тут спустилась небесная Дева на землю,
 Где сидел Орфей со своей первой любовью,
 Да ему велит и говорит:
 990 «Гой еси, юнак Орфей, свирельщик!
 Что ты с молитвой просил уже Бога,
 Чтобы тебе послать воды с неба,
 Да тебе, чтобы напоить свою первую любовь,
 А в руках держишь свирель волшебную,
 995 Лишь захочешь, со свирелью всё сделаешь.

Фърли си свирка долу на земе-та,
 Лу де си ти падне свирка чудувита,
 Вода ша излезе кладнець ша си боде,
 Та ша пие тое първе либе;
 Ша си пиеть и пилци шо
 си фъркать на небе-ту; 1000
 Хемъ нема вече вода да се заприе.»
 Та си фърли Уфрень свирка чудувита на земе-та,
 Лу де си паднала свирка чудувита,
 Излела ми вода студувита,
 Та си боде студень кладнець; 1005
 Та си пила студна вода мома Росида,
 Лу си пила профодила.
 Утгога си устаналу студень кладнець,
 Вода да си пиеть пилци
 шо си фъркать пу небе-ту.
 Фоди си ми Уфрень шо пофоди, 1010
 Дурь си дойде на негува земе.
 На край земе си гу чека Горска Юда,
 Какъ гу виде, пригърна гу, цалуна гу;
 Цалуна си и мома Росида;
 Мощне си га Юда бендисала: 1015
 Уть лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та!
 Кога дума бисерь блюва! 1020
 Мощне си е гюзель на земе-та.
 Кога си ми флезеха афъ кральски сарае,
 Янска крале на дори гу дучекалу.
 Та заправи Янска крале силна свадба,
 Да си жени ду негува бележита сина. 1025
 На свадба си калеса седемдесе крале,
 Да ги гости, да ги пои,
 Чи ша жени негува бележита сина.
 Та ги гости и ги пои тамамъ три месеци.
 Гозба вече хми се дудеела, 1030
 Искать жюмбушь да си чинать,
 Па да си идать на техна-та земе.
 Та си ми излезе млада зете уть женска худае,
 Афъ роки си доржи свирка бележита,
 Та си ми запе песна гласувита, 1035
 Засвири си свирка бележита,
 Гласъ му ечи дурь на висе небе!
 Шо се пилци пу небе-ту,
 Сите ми се собрали афъ сарае,
 Да си слушетъ песна гласувита. 1040
 Па си запе песна хорувита;
 Уть шо била песна хорувита,
 Дурь и планини проиграли!
 И седемдесе крале ми станали уть трапеза,
 Та ми хору играть аф сарае: 1045
 Играли се малу млогу,
 Малу млогу три недели,

Брось свирель вниз на землю,
 Лишь где упадѣт свирель волшебная,
 Там будет бить вода из родника,
 Да может напитокъ твоя первая любовь;
 Будут пить там и те птицы,
 что летают по всему небу;
 Однако, не иссякнет больше вода в роднике.»
 Та бросил Орфей свирель волшебную на землю,
 Лишь где упала свирель волшебная,
 Полилась там вода студѣная,
 Да забил студѣный родник;
 Тут попила девушка Росида студѣной воды,
 Лишь попила, да удалилась.
 Но с тех пор студѣный родник остался,
 Воду пьют там и те птицы,
 что летают по всему небу.
 Ходила она с Орфеем, шла как могла,
 Наконец, пришли на его землю.
 На краю земли его ожидала Горская Юда,
 Как его увидела, обнимает его, целует его,
 Поцеловала она и девушку Росиду;
 1015 Очень она Юде понравилась:
 От лика еѣ сияет ясное солнце!
 На груди еѣ ясный месяц!
 На подоле еѣ частые звѣзды!
 Коса у ней до самой земли!
 1020 Когда говорит, жемчугом мечет!
 Самая прелестная красавица на земле.
 Когда пришли в королевский дворец,
 Яньский король во дворе их уже ожидал.
 Тут справил Яньский король богатую свадьбу,
 1025 Чтобы женить своего знаменитого сына.
 На свабю пригласил он семьдесят королей,
 Чтобы их угостить, чтобы их напоить,
 В честь женитьбы своего знаменитого сына.
 Да их угощал и их поил там три месяца.
 1030 Угощение им, наконец, надоело,
 Хотели они играть в жмурки,
 Потом уже идти на свои земли.
 Тут вышел молодой зять из женской горницы,
 А в руках держит свирель знаменитую,
 1035 Тут запел он песню голосистую,
 Заиграл на свирели знаменитой,
 Голос его слышен даже на высоком небе!
 Что даже птицы, что летали по небу,
 Все собрались в королевском дворце,
 1040 Да слушают песню голосистую.
 Потом он запел песню хороводную;
 Хороша была песня хороводная,
 Что даже и горы заплясали!
 И семьдесят королей встали от трапезы,
 1045 Да танцуют хороводом во дворце:
 Танцевали ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало, целых три недели,

Дурь хми се е вече дуделу.
 Мольба си се молеть на Уфрень юнакъ,
 Да остави свирка на земе-та,
 Немой вече да си свиря песна хорувита,
 Чи си искать вече да си фодеть на земе-та.
 Та си хми Уфрень мольба услуше,
 Остави си свирка на земе-та,
 Не ми свиря песна хорувита.
 Дурь тога ми излела мома Росида,
 На седемдесе крале рока да цалуе:
 Уть лику й грее ясну сонце!
 В' гръди й е ясна месечина!
 В' скути й се дребни звезди!
 Коса й е ду земе-та!
 Кога дума бисерь блюва!
 Росида си рока цалуе,
 Я седемдесе крале си га дарба дареть
 Кой сусь дреха, кой сусь злату;
 Па си утишли на земе-та.
 Устаналу Уфрень юнакъ афъ сарае,
 Та си либи негуву първе либе;
 Хемъ си свиря свирка бележита.
 Дойде време па шедба да се шета пу земе-т
 Да си гледа де ша гу бендиса земе,
 Таму той да ми се заседне,
 Чи негува земе не бендисалу.
 Та ми се шета пу земе-та тамамъ три години,
 Лу утде ми поминалу,
 Сите крале загубилу,
 Сита земе заптисалу!
 Ела нийде земе не гу бендисалу.
 Па си фъркна да се шета,
 Утиде си и на таткува Янска земе,
 Та си сита таткува земе исфодилу.
 Таткува си земе мощне бендисалу,
 Чи е плодувита, мощне берекетлие,
 Хемъ е пуста запустена;
 Ниту люде си му фодеть пу поле-ту,
 Ниту пилци си ми фъркать пу небе-ту.
 Та си вели утговори:
 »Ету де е била земе шо си терамъ!
 Шо се люде пу мое-та земе,
 Тука ша ги докарамъ да ми се заседнать,
 Да си копать, да си орать плодувита земе,
 Па язъ да си самъ първа крале на земе-та.»
 Сова рече не отрече.
 Фъркна си ми па утиде на негува земе.
 Либе му гу пита и гу праши:
 »Е бре, Уфрень, мое първе либе!
 Какъ ми се шета пу земе-та,
 Не ли та нейде земе бендисалу,
 Таму ти да ми се заселишь,
 Та да бодешъ първа крале на земе-та?»
 »Бендисахъ си, либе, таткува Янска земе,

Пока это им уже надоело.
 С мольбой просят юнака Орфея,
 1050 Чтобы оставил свирель на земле,
 Не надо больше играть песню хороводную,
 Что хотят уже просто ходить по земле.
 Тут их просьбу Орфей выслушал,
 И оставил свирель на земле,
 1055 Не играет больше песню хороводную.
 Только тогда вышла девушка Росида,
 Семидесяти королям, чтобы поцеловать руку:
 От лика её сияет ясное солнце!
 На груди у ней ясный месяц!
 1060 На подоле её частые звёзды!
 Коса её до самой земли!
 Когда говорит, жемчугом мечет!
 Росида им руку целует,
 А семьдесят королей ей дарят подарки,
 1065 Кто из одежды, а кто из золота;
 Потом отправились на свои земли.
 Остался юнак Орфей во дворце,
 Да любит свою первую любовь;
 Однако, и на свирели играет знаменитой.
 1070 Пришло время путешествовать по земле,
 Да посмотреть, где ему земля понравится,
 Там, чтобы ему её можно было заселить,
 Потому что его земля ему не нравилась.
 Да путешествовал по земле там три года,
 1075 Лишь где он проезжал,
 Все короли были погублены,
 Вся земля была захвачена!
 Однако, нигде земля ему не нравилась.
 Потом он полетел, чтобы прогуляться,
 1080 Уйти на отцовскую Яньскую землю,
 Да всю отцовскую землю исходил.
 Отцовская же земля очень нравилась,
 Что была плодородная и очень урожайная,
 Однако, была пустая запущенная;
 1085 Нет людей, чтобы ходили по полю,
 Нет птиц, чтобы летали по небу.
 Тут он молвит, говорит:
 «Это была земля, которую я искал!
 Чтобы люди были на моей земле,
 1090 Только нужно их привести и заселить,
 Да копать и пахать плодородную землю,
 Потом я буду сам первый король на земле.»
 Свои слова ещё не отговорил.
 Вспорхнул и направился на его землю.
 1095 Любимая его пытается и спрашивает:
 «Гой еси, Орфей, моя первая любовь!
 Как ты путешествовал по земле,
 Не нашёл ли где землю наилучшую,
 Чтобы нам её там заселить,
 1100 Да был бы ты первым королём на земле?»
 «Понравилась, любимая, отчая Яньская земля,

Чи е мощне плодувита,
 Хемь е пуста запустена!
 Шо се люде пу мое-та земе,
 Ша ги откарамъ на таткува Янска земе, 1105
 Да си орать, да си копать плодувита земе;
 Я татку ми тука да устане,
 Да си съди на старци и бабици.»
 Още рече не отрече,
 Си засвири песна гласувита, 1110
 Та си собра сите люде пу негува земе.
 Шо билу младу гу закаралу,
 Шо си билу стару гу уставилу,
 Да си седеть на негува земе,
 Да хми съди Янска крале. 1115
 Уть майка си прошка зева,
 Прошка зева, прошка й дава.
 Та си навървилу да си иде на Янска земе,
 С' негъ си фоди първе либе;
 Пу първе му либе фодеть млади юнаци, 1120
 Млади юнаци, малки моми.
 Вървели малку шо вървели,
 Душли ми се ду църну-ту море;
 Запрели се сички на край море,
 Та се чудумъ чудеть, 1125
 Какъ ша си испливат църну-ту море?
 Та се чудили шо се чудили,
 Уфренъ си ми фърка все надолу,
 Дуръ си дойде ду море-ту;
 Туку си дупрелу свирка
 бележита ду море-ту, 1130
 Море-ту си път чинилу,
 Та си заминали као пу суха земе;
 Утидоха вече дуръ на Янска земе.
 Земе си е мощне плодувита,
 Ела си е пуста запустена; 1135
 Ниту люде си ми фодеть пу поле-ту!
 Ниту пилци си ми фъркать пу небе-ту!
 Дуръ си Уфренъ свирка засвири,
 Тога си се пилци разфъркали пу небе-ту,
 Та ми се пуста земе заселила. 1140
 Шо е младу си ми орать плодувита земе.
 Та ми награди Уфренъ първа града на земе-та,
 И ми боде първа крале,
 Чи е заселилу пуста земе.
 Там' сй либи ду негуву първе либе, 1145
 И си свири свирка бележита.
 Родилу е тамамъ седемъ сина,
 Седемъ сина седемъ крале на земе-та.
 Сова ми усторилу Уфренъ юнакъ!
 И е устаналу песна да се пее, 1150
 Да се помни чи сме имали бележита крале,
 Шо ми правилу чуда со свирка бележита.
 Уть Бога зраве, уть мене песна.

Которая очень плодородная,
 Однако, она пустая, запущенная!
 Что имеются люди на моей земле,
 Буду приводить их на отчую Яньскую землю,
 Чтобы пахать, да копать плодородную землю;
 А тятенку здесь мы оставим,
 Пусть живёт с дедушками и бабушками.»
 Ещё свою речь не закончил,
 Да заиграл песню голосистую, 1110
 Да собрал всех людей со своей земли.
 Кто был младой, его забирали,
 Кто был старый, его оставляли,
 Чтобы жить на своей земле,
 Да с ними остался и Яньский король. 1115
 У матери попросил благословения,
 Попросил благословение и она ему дала.
 Теперь направились идти на Яньскую землю,
 С ним отправилась и его первая любовь;
 Со своими невестами уходят молодые юнаки,
 Молодые юнаки, милые девушки.
 Прошли они немного, потом ещё шли,
 Дошли до самого Чёрного моря;
 Остановились все на берегу моря,
 Да удивляются и раздумывают, 1125
 Как же переплыть Чёрное море?
 Да удивляются, да всё раздумывают,
 Орфей с лёта спустился вниз,
 Потом подошёл он к морю;
 Только он дотронулся свирелью
 знаменитой до поверхности моря,
 Море сразу для пути обнажилось,
 Да миновали его как по сухой земле;
 Добрались уже прямо на Яньскую землю.
 Земля здесь очень плодородная, 1135
 Однако, пустая, запущенная;
 Нет людей, чтобы ходить по полю!
 Нет птиц, чтобы порхать по небу!
 Только Орфей заиграл на свирели,
 Тотчас птицы запорхали на небе,
 Так пустая земля заселилась. 1140
 Молодые будут пахать плодородную землю.
 Тут Орфей построит первый град на земле,
 И станет он потом первым королём,
 Который смог заселить пустую землю.
 Там он любил свою первую любовь,
 И играл на свирели знаменитой.
 Родилось у него там семь сыновей,
 Семь сыновей – семь королей на земле.
 Слова свои сдержал юнак Орфей!
 И теперь осталась песня, чтобы пели, 1150
 Да помнили, что имели знаменитого короля,
 Что творил чудо со свирелью знаменитой.
 От Бога вам здоровье, а от меня песня.

ХП. Пакъ за рождение-то на Орфея, но различно.

Ой ти Боже, мили Боже!
Шо си творишь чуду и нишане,
Да се чудеть люде на земе-та,
И Юди Самуили низъ планини;
Днеска още рану хаберъ си ми дойде,
Синце крале писму ми е пратилъ,
Сусъ писму си кани седемдесетъ крале,
Да си дойдатъ у негува земе гозба да се гостеть.
Писму ми дунесе ду младу татарче,
На писму крале сусъ радость напева;
Та си дума и говори:
„Е бре, вие седемдесе крале!
Лу шо ми земете бела книга
Бела книга цырну писму
Да си яхнете ваши бырзи коне,
Та да дойдете у мое земе цырвенуга;
Язь да си ва гозба госте,
Чи ми се е породилу дете бележиту;
Фафъ роки си доржи свирка кеменига,
Та ми свири каку Юда гласувита;
Свирка ми се слуше ду сичка-та земе!
Я шо си е бележиту нишанлие.
Си има пилувити криле,
Та ми фырка низъ небе-ту као пиле,
Као пиле шо е найфыркату!
Още утъ майка си не падналу,
Ми засвири тава Юдна свирка,
Гласъ се слуше пу сичка-та земе!
Шо си беха пилци пу земе-та,
Сите си дойдоха фафъ мои сарае,
Утъ свирка умаяни не си фыркатъ,
Лу ми стоеть свирка да си слушетъ.
Си ми дойде и пиле славекову,
И славекъ си зафати гласувиту да си пее;
Я шо си е мое бележиту дете,
Пиле славекову си надбори.
Та си падна пиле славекову умрелу на дори,
Катъ да гу е Юда усрелила!
Дойдете ми седемдесе крале
у мое земе цырвенуга,
Сами да си видите шо е дете бележиту.
Ела бележита крале на гозба не каните,
Чи си ми е мощне инатчие,
Неша да си има друга бележита пу земе-та;
Ша си каскандиса на мое бележиту дете,

ХП. Опять о рождении Орфея, но по иному.

Ой ты, Боже, милый Боже!
Что ты творишь чудо и знамения,
Да удивляешь людей на земле,
И Юду Самувилу, что в горах;
5 Сегодня ещё утром весть пришла,
Король Синца письмо прислал,
В письме он приглашает семьдесят королей,
Чтобы пришли на его землю погостить,
Письмо им принёс молодой слуга,
10 В письме король радостно напевал,³¹
Да речь такую говорил:
«Гой еси, вы, семьдесят королей!
Лишь возьмёте вы белую бумагу,
Белую бумагу чёрного письма,
15 Да оседлайте ваших борзых коней,
И приезжайте на мою землю краснозёмную,
Я вас хочу яствами угостить,
Так как у меня родилось дитя знаменитое;
В руках держит лиру со струнами,
20 Да играет как Юда голосистая;
Лира его слышится на всей земле!
А она у него знаменитая, волшебная.
Она имеет птицевидные крылья,
Да летает по небу как птица,
25 Как птица, что наибоыстрокрылая!
Ещё от матери не отделился,
Да заиграл на Юдиной лире,
Глас её слышится на всей земле!
Какие были птицы на земле,
30 Все пришли в мой дворец,
От лиры замороженные, не летают,
Лишь стоят, да слушают лиру.
С ними пришла и птица соловьиная,
И соловей начал голосисто петь;
35 Но вместе с моим знаменитым дитя,
Птицу соловьиную он превзошёл.
Тогда упал соловей и умер во дворе,
Как будто его Юда застрелила!
Приходите ко мне семьдесят королей
на мою землю краснозёмную,
40 Сами увидите, что дитя очень знаменитое.
Однако, знаменитого короля в гости не зовите,
Потому что он великий упрямец,
Не хочет иметь другую знаменитость на земле,
Будет завидовать моему знаменитому дитя,

Ша си стане с негу борба да се бори,
 Та ша падне убитъ низъ трапези;
 Криви ша текать као мытни реки!
 Тя ша си трапези мощне загнусеть.»
 Младу татарче още рану приранилу,
 Та ми дойде предъ зорница
 фафъ кральски сарае,
 Де си найде седемдесе крале.
 Уфъ средъ земе ми се собрали,
 Да ми гледать шо е сова чуду на небе-ту?
 Сите звезде на небе си стоеть,
 Ниту грееть, ниту ми заходать!
 Лу си гледать чуду на земе-та,
 Малку дете си ми свире свирка кеменига,
 Та ми е собралу сите пилци у дори си,
 Седемдесе крале чудумъ си се чудеть,
 Шо е сова чуду на земе-та?
 Я шо беже младу татарче,
 Уть пазуфи си искара бела книга.
 Та я даде на седемдесе крале,
 И имъ вели утговори:
 „Е бре вие, седемдесе крале!
 Шо се чудумъ чудите за звезде-те,
 Чи ми стоеть пу небе-ту?
 Звезде си слушать наше дете бележиту,
 Какъ ми свире свирка кеменига,
 Та ми е собралу сите пилци у дори си,
 Да си слугаеть негува чудувита свирка.»
 Какъ ми пеха седемдесе крале бела книга,
 Бела книга цырну писму,
 Сите велеть, да си идать на земе цырвенуга,
 Да си видеть шо е дете бележиту.
 Та ми навырвиха седемдесе крале.
 Да ми идать на земе цырвенуга.
 Бележита крале на гозба не каниха,
 И той да ми види бележиту дете.
 Та ми утидоха на земе цырвенуга.
 Кундисали на поле широку,
 Де ми бежа сите манци наотвени.
 Таму си ги чекаше Синце крале.
 Лу да дойдать на гозба да ми седнаць.
 Та ми седнаха седемдесе крале на трапези,
 Си ми ядоха и ми пиха тамамъ три недели,
 Още бележиту дете не видели,
 И ска секи да си фоди на земе-та.
 Синце крале ги запира:
 „Седели сте, седемдесе крале, три недели,
 Седите ми още една неделе,
 Дурь да дойде мое бележиту дете;
 Жюмбушь малку да ви чини;
 Чи ми фыркна днесъ неделе на небе-ту,
 Още нема да си дойде.»
 Още рече Синце крале не отрече,
 Ету фырка бележиту дете пу небе-ту;

45 Да станет с ним в борьбе биться,
 И упадѣт убитымъ прямо на трапезе;
 Кровь истечѣт, как мутная река!
 Да трапеза будет очень испорчена.»
 Младой слуга ещѣ рано, прерано,
 Да как раз перед Зарницей
 50 пришѣл в королевский дворец,
 где нашѣл семьдесят королей.
 Они собрались со всех земель,
 Да глядят, что за чудеса на небе?
 Все звѣзды на небе остановились,
 55 Не всходят они и не заходят!
 Лишь разглядывают чудо на земле,
 Как малое дитя играет на струнах лиры,
 Да собрал всех пташек во дворе,
 Семьдесят королей чуду удивляются,
 60 Разве есть совершенное чудо на земле!
 Но прибежал младой слуга,
 Из пазухи достает белую бумагу.
 Да отдаѣт их семидесяти королям,
 И им велит, да говорит:
 65 «Гой еси, вы, семьдесят королей!
 Что удивляетесь чуду со звѣздами,
 Как они остановились на небе?
 Звѣзды слушают нашего дитя знаменитого,
 Как он играет на струнах лиры,
 70 Да собрал всех пташек во дворе,
 Чтобы слушали его чудесную лиру.»
 Тут суѣт семидесяти королям белую бумагу,
 Белую бумагу, чѣрное письмо,
 Всем велит идти на землю краснозѣмную,
 75 Чтобы увидеть, что есть дитя знаменитое.
 Тут направились семьдесят королей,
 Чтобы идти на землю краснозѣмную.
 Знаменитого короля в гости не пригласили,
 И он, чтобы не увидел знаменитого дитя ,
 80 Тут отправились на землю краснозѣмную.
 Остановились на отдых в широком поле,
 Где было заготовлено всем место.
 Там их ожидал король Синца.
 Чтобы проводить их в гости, где им жить.
 85 Тут сели семьдесят королей за трапезу,
 Да ели и пили там целых три недели,
 Ещѣ знаменитого дитя не видели,
 Хотели уже возвращаться на свои земли.
 Король Синца их удерживал:
 90 «Сидели вы, семьдесят королей, три недели,
 Посидите ещѣ одну неделю,
 Пока не подойдет мое знаменитое дитя;
 Поиграйте вы немного в жмурки;
 Пока он долетит по небу на неделе,
 95 Ещѣ немного он не добрался.»
 Ещѣ король Синца свою речъ не отговорил,
 Вот порхает по небу дитя знаменитое;

Фыркалу е малу млогу два сахате,
 Та ми слезе вече на широку поле,
 Си ми седна на кральски трапези,
 И той гозба да се гости.
 Яде малку шо пояде,
 Още беше малку не едеше;
 Иска биска да бизае.
 На татку си вели утговори:
 „Искамъ тате, биска да си бизамъ,
 Чи самъ мощне уморену уть длега пыте.»
 Още рече дете не отрече,
 Де си дойде Юда Самуила:
 Уть лику й сонце греелу!
 Низъ ноги й звезды трептели!
 В скути има ясна месечина!
 Та искара ду бели си биски,
 Та си набиза бележиту дете.
 Тя си беше ду негува майка,
 На дете си вели утговори:
 „Е бре дете, милу сину,
 Сега вече си се биска набива,
 Земи тое свирка кеменига,
 Та си запей песна радустлива,
 Да си сторишь жюмбушь на седемдесе крале,
 Чи се душили тебе да си видеть,
 Шо си дете мощне бележиту.»
 Сова рече Юда Самуила,
 Та си фыркна и утиде на Юдинска планина. 125
 Я шо беше дете бележиту,
 На майка си хатырь не расипа,
 Си искара уть пазуфи свирка кеменига,
 Та засвири песна мощне радустлива.
 Сите пилци шо си беха низъ поле-ту,
 Си дойдоха у широку поле,
 Да си слушетъ тае свирка кеменига;
 Си стоеха пу поле-ту као умаяни!
 Саму пиле славекову уть ядости се пукаше,
 Та си каскандиса на дете бележиту,
 Чи си мощне харну свире.
 На пеене гу млогу млогу надминува!
 Та си фыркна пиле славекову умаяну,
 И ми фырка пу небе-ту и ми пажда!
 Дурь ми се е вече утмаялу,
 Та утиде у бележита крале.
 Той ми спие на бахче-ту пудъ дарве-ту,
 Пиле славекову си застава на дарве-ту.
 Та ми пее и ми писка:
 „Стани стани бележита кралю!
 Шо ми спиешъ у дылбока сона,
 Синце крале сите крале е поканилъ на гозба,
 Чи му се е породилу дете бележиту,
 Саму тебе не е канилъ,
 И ти на гозба да ми идешъ.
 Та ми ядаты и ми пиетъ седемдесе крале,

Порхал ни много, ни мало, аж два часа,
 Да спустился уже на широкое поле,
 100 Сел со всеми за королевскую трапезу,
 А там яствами угощаются,
 Еду малому дают, что съест,
 Но малый ещё не стал кушать;
 Хотел он грудь пососать.
 105 Батюшке своему он говорит:
 «Хочу, тятя, грудь пососать,
 Я очень устал от длинного пути.»
 Ещё речь малыш не отговорил,
 К нему подошла Юда Самуила:
 110 От лика её солнце сияет!
 На ногах у ней звезды мерцают!
 На подоле светит ясный месяц!
 Тут обнажила она белые груди,
 Да накормила знаменитого дитя.
 115 Потому что была для него матерью,
 Дитю она велит, говорит:
 «Гой еси, дитя, милый сын,
 Довольно уже мою грудь колотить,
 Возьми твою лиру со струнами,
 120 Да запой песню радостную,
 И произведи впечатление на семьдесят королей,
 Что пришли, чтобы на тебя посмотреть,
 И убедились, что ты дитя очень знаменитое.»
 Свою речь Юда Самуила не отговорила,
 125 Да вспорхнула и улетела на Юдинскую гору.
 А что относится к знаменитому дитя,
 Чтобы матери уважение не потерять,
 Достал из-за пазухи лиру со струнами,
 Да заиграл песню очень радостную.
 130 Все птицы, что были на поле,
 Собрались на широком поле,
 Да слушают ту лиру со струнами;
 Они стоят в поле как замороженные!
 Сама птица соловьиная лопалась от злости,
 135 Так завидовала дитю знаменитому,
 Что очень хорошо играл на свирели.
 Да в пении его намного, намного превосходил!
 Тут вспорхнул соловей замороженный,
 Вспорхнул он на небо и сразу упал!
 140 Только потом уже очнулся,
 Да отправился к знаменитому королю.
 Тот спал в садике под деревом,
 Птица соловьиная села на дерево.
 Да ему напевает, попискивает:
 145 «Вставай, вставай, знаменитый король!
 Что ты спишь глубоким сном,
 Король Синца всех королей пригласил в гости,
 Что у него родился сын знаменитый,
 Только тебя он не пригласил,
 150 Чтобы ты к нему пришёл в гости.
 Там едят и пьют семьдесят королей,

- Я шо си е дете бележиту жюмбушь хми прави;
 Си хми свире свирка кеменига.
 Песна си напева на той ядости,
 Чи и тебе може да надбори.»
- 155
 Какъ ми чу бележита крале пиле славекову,
 Разлюти се, разеди се.
 Отъ и негу Синце крале да не кани на гозба.
 Та си яхна ду негува змийна коне.
 Шо ши имаше седемъ глави сусъ езици;
 Колку си бе змийна.
 Още си гу и сусъ змии обружи,
 Сички крале сусъ змии да усрели!
 Лу си яхна тае люта коне,
 И се найде в' средь поле-гу,
 Де си найде седемдесе крале,
 Чи си още ядаты и ми пиеть;
 Бележиту дете си хми свирка свире;
 Околь негу стоеть сите пилци умаяни.
 Какъ гу виде бележита крале.
 Иска негу да убие,
 Немой и другъ као негу да си има пу земе-та.
 Сите крале си му месту праветь,
 Си гу канеть и той на трапези да си седне;
 Немой хатырь да му устане,
 Чи се негу на гозба неканили;
 Тие си гу канеть, той си не седнува,
 Лу си гледа на бележиту дете,
 Какъ да негу малку погуби?
 На коне си вели утговори:
 „Ой ти коню, змийна коню!
 Аку си юнакъ сега да та виде:
 Сова дете с той ноги да подробишь,
 Немой и той нишанлие на земе-та да си боде.
 И негу фальба да си фалеть.»
 Сова рече и си коне копна,
 На дете си утговори:
 „Излезъ дете, на мегдано борба да се бориме!
 Или ти мене да погубишь,
 Или язъ тебе малку да погубе,
 Лу кой утъ насъ устане жвотъ да живова,
 Пу сичка земе единъ да е прочуень.»
 Как ми чулу бележиту дете,
 Чи си иска бележита крале негу да погуби,
 Си устави свирка кеменига,
 Та си хрипна на ноги-те,
 Та му вели утговори:
 „Е бре бележита кралю!
 И ти си нишанлие на земе-та,
 Я и малку дете си е мощне нишанлие,»
 Та си фати бележита крале за коса-та,
 Гу подигна дуръ на висе небу,
 Та гу фырли као малка камень на земе-та,
 Си потына.читреесте растега уфъ земе-та!
 Писна, цикна крале да ми плаче.
- Но дитя знаменитое произвёл впечатление;
 Со своей игрой на лире со струнами.
 Песню он напевает с угрозою,
 Что и тебя может побороть.»
- 160
 Как услышал знаменитый король соловья,
 Разгневался он, разбушевался.
 Что его король Синца не пригласил в гости.
 Да оседлал своего змеиноного коня.
 Что имеет семь голов с языками;
 Поскольку они также змеиные.
 Ещё у него все змеи вооружены,
 Всех королей, чтоб змеи застрелили!
 Лишь вскочил он на лютого коня,
 И носился, искал среди поля,
 Где нашёл семьдесят королей,
 Которые ещё в гостях ели и пили;
 Знаменитое дитя им играл на лире;
 Около него стоят все птицы замороженные.
 Как его увидел знаменитый король,
 Захотел его как-нибудь убить,
 Нельзя, чтобы другой как он был на земле.
 Все короли ему место предлагают,
 Хозяин его тоже приглашает сесть за трапезу;
 Не надо уважение ему оказывать,
 Раз его не пригласили в гости;
 Они его приглашают, но он не садиться,
 Лишь глядит на дитя знаменитого,
 Как же ему малого погубить?
 170
 Своему коню он велит и говорит:
 «Ой ты конь, змейный конь!
 Если ты сейчас видишь этого юнака:
 Этому дитя подробишь его ноги,
 Нельзя, чтобы был он прекрасней всех на земле.
 185
 И его, чтобы хвалили и славили.»
 Слова высказал и конь устремился,
 А для дитя он говорит:
 Выходи, дитя, на площадь, в борьбе поборемся!
 Или ты меня можешь погубить,
 190
 Или я тебя малого могу погубить,
 Лишь кто из нас останется в живых,
 По всей земле один будет прославлен.»
 Как услышал знаменитый ребёнок,
 Что знаменитый король хочет его погубить,
 195
 Он оставил свою лиру со струнами,
 Да сразу вскочил на ноги,
 Тут же ему говорит,отвечает:
 «Гой еси, знаменитый король!
 И ты есть могущественный на земле,
 200
 Но я, малое дитя, ещё больше могущественнее.»
 Тут он схватил знаменитого короля за волосы,
 Да поднял его аж до высокого неба,
 Потом бросил его как малый камень на землю,
 Он увяз на четырёхста саженей под землю!
 205
 Завопил, запищал король, да заплакал.

Ела никой не гу слуше!
 На коне си се мольба моли,
 Да си флезе при негу уфъ земе-та,
 Немой дете бележиту да га земе,
 Сусъ негу фальба да се фали.
 Коне си му мольба не услуше,
 Лу утвору змийни уста.
 Та му вели утговори:
 „Е бре кралю, мой ступане!
 Ти не си билъ вреданъ мене да си яхашъ,
 Вредну си е бележиту малку дете;
 Той мене ша си яха низъ поле-ту,
 Мощне харну с негу ша се уйма уйдисаме;
 И малку дете нишанлие и язъ нишанлие!»
 Уть жельба бележита крале ношче си искара
 210 Самъ самичекъ си гу на куремо забоде!
 Уть криви му истече мытна река,
 Та заези сите кральски трапези.
 Дуръ тога ми слезе дете бележиту уть небе-ту.
 Та ми трыгна змийна коне уфъ дупка-га:
 215 „Пий ми коню, да испиешъ тая река,
 Чи е заезила ду сички трапези;
 Седемдесе крале не можетъ вейке да си ядать
 Да си ядать, да си пиеть:
 Или си испий тава река,
 230 Шо истече уть криви-те на бележита, крале.
 Иль и ти као негу ша погинешъ!»
 „Ша я йспие, малку дете бележиту;
 Андекъ за сова си имамъ седемъ глави,
 Цалу море ша испие,
 235 Диль ки река да не испие.»
 Еакъ расзина змийна коне тие седемъ глави,
 Си испи сичка река ду капка!
 „Още една, вели, да имаше.
 Чи самъ мощне жеданъ.»
 240 Та си яхна бележиту дете змийна коне.
 Та утиде дуръ на небу,
 На Гулема Бога свирка да си свире,
 Свирка да си свире, песна да му пее.
 На поле-ту устанаха седемдесе крале.
 245 Та гу гледать какъ си фырка пу небе-ту;
 И се чудумъ чудеть шо е сова дете бележиту?
 На татку му велеть и говореть:
 „Е бре, Синце кралю, нашъ побратиме!
 Шо ша та питаме праву да ни кажешъ.
 250 Уть какъ се е породилу тое дете
 Колку месеци се поминали?
 И какъ се е заченалу уфъ майчино си куремъ?
 Та е станалу толку нишанлие,
 Да си яха нишанлие змийна коне,
 255 С негу да си фырка пу небе-ту.»
 Синце крале хми вели утговори:
 „Е бре седемдесе крале, мои побратиме!
 Язи праву ша ви кажемъ.
 Однако, его никто не слушает!
 Своего коня он с мольбой просит,
 Чтобы тот спустился к нему под землю,
 Не надо дитя знаменитого, что на земле,
 210 Чтобы его хвалили, да славили.
 Конь его просьбу не слушает,
 Лишь раскрыл змеиные уста,
 Да ему говорит, отвечает:
 «Гой еси, король, мой господин!
 215 Ты был не готов, когда на меня садился,
 Готово было малое дитя знаменитое;
 Тот на мне ездил по всему полю,
 Очень хорошо с ним, что пришёлся впору;
 И малое дитя могучий и я могучий!»
 Из жалости знаменитого короля ночью достал,
 220 Один одинёшенек и живот вспорот!
 Из крови его истекла мутная река,
 Да залила всю королевскую трапезу.
 Тогда спустился знаменитый ребёнок с неба.
 Да отправил змеиного коня в ту дыру:
 «Пей, мой конь, чтобы испил эту реку,
 Что залила всю нашу трапезу;
 Семьдесят королей не могут больше есть,
 Чтобы им есть, чтобы им пить:
 230 Или испей эту всю реку,
 Что истекла из крови знаменитого короля.
 Или ты, также как и он, можешь погибнуть!»
 «Буду я пить, малое дитя знаменитое;
 Поскольку я имею целых семь голов,
 235 Целое море могу выпить,
 Да чтобы я реку не выпил.»
 Как разинул змеиный король свои семь голов,
 Да испил всю реку до капли!
 «Ещё одну, говоришь, имеешь.
 240 А то я сам очень жажду выпить.»
 Тут уселось знаменитое дитя на змеиного коня.
 Да отправилось опять на небо,
 Всевышнему Богу на лире поиграть,
 На лире поиграть, да песни ему спеть.
 245 На поле остались семьдесят королей.
 Да глядят, как он порхает по небу;
 И удивляются, что задумало дитя знаменитое?
 Его отцу они велят, говорят:
 «Гой еси, король Синца, наш побратим!
 250 Что мы правду спрашиваем, а ты не говоришь.
 Каким образом родилось твоё дитя,
 Сколько месяцев уже миновало?
 И как зачинался в материнном чреве?
 Что стал такой знаменитый,
 255 Да вскочил на могучего змеиного коня,
 И летает на нём по всему небу.»
 Король Синца им говорит, отвечает:
 «Гой еси, семьдесят королей, мои побратимы!
 Я правду вам всю расскажу.

- Ела вие неша ма верувате.
Мое дете днесь месець стори
утъ какъ се е породилу,
Лу си падна утъ майчинуть куремъ,
Со свирка засвири и со ноги профоди!
Какъ си ми е дете нишанлие,
И майка му гу сусъ нишанъ заченала.
Язъ се вече устарехъ дете не бехъ стигналь,
Мое кралица афъ куремо бе расипана.
За дете се млогу тыжехъ и желехъ,
На Бога се мольба молехъ,
На стару време дете да ми даде,
Лу да виде дете й да умра.
Та ми Богъ молба услыше,
Та си прати ду негува силна изметчие,
Хаберъ да ми чини, да ми каже.
Че на стару време дете ша си стигна,
Шо ша бодe мощне бележиту.
Фафъ роки ша доржи свирка кеменига,
И ша има пилювита криле,
Да си фырка пу небе-ту,
Хаберъ ми чини силна Богува изметчие,
И си фыркна та утиде на небе-ту.
Не поминалу малку време ду единъ месецъ,
Ету дойде Юда Самуила утъ гора-та.
Утъ кралица си изимъ потера,
Да си легне при мене на потстеле,
Да се сфоди с' мене ду три пыте,
За кралица тя да си роди мыжку дете.
И тя майка на стару време да си бодe.
Мое кралица какъ ми чу мощне се зарадува,
Чи за нея Юда Самуила
ша си роди мыжку дете,
Та й вели утговори:
„Сфоди си се, Юду, с' мое крале,
Отъ да не се сфодишь,
И язъ майка на стару време да си бода.
Та си легна Юда Самуила на мое потстеле,
На три пыте си се с мене сфоди,
Дуръ си стана вейке сасдетина.
Храниль си самъ Юда Самуила афъ мои сарае
Тамамъ осемъ месеци и три недели,
Дуръ й дойде вейке време да си роди.
На деветъ месеци се замочи за рожба,
Мочила се е тамамъ две недели,
Па си дете не родева.
Дуръ си рукахъ изъ планина Юда хикимцийка.
Та й донесе лекувити бильки.
Сусъ техъ си запи Юда мое любовница.
Шо си билька испила,
И си мыжку дете породилу,
Породилу гу и си афъ гора пойде;
Ни постое ичъ ни почека,
Баремъ дете да си види шо е породила.
- 260 Если вы мне ещё не верите.
Моему дитя сегодня месяц исполнился,
с той поры как он родился,
Лишь выродился из материного живота,
Заиграл на лире и на ноги вскочил!
Как есть, у нас дитя знаменитое,
265 И мать его с целью зачинала.
Я уже постарел, детей больше не ожидал,
У моей королевы был повреждён живот.
Из-за дитя она много тужила и горевала,
Богу с просьбой молились,
270 Чтобы на старое время детей дал,
Лишь увидеть детей, да можно умереть.
Тут Бог нашу молитву услышал,
Да послал нам сильную помощницу,
Весть чтоб принесла, да рассказала.
275 Что на старое время дитя можем получить,
Да будет оно очень знаменито.
В руках будет держать лиру со струнами,
И ещё будет иметь птицевидные крылья,
Чтобы можно было порхать по небу,
280 Весть принесла нам сильная Богова помощница,
И потом вспорхнула и улетела на небо.
Не прошло и малое время не более месяца,
Вдруг появилась Юда Самувила с леса.
От королевы дозволение получила,
285 Чтобы лечь со мной в постель,
Да сойтись со мной три раза,
За королеву, чтобы родить мальчика.
Она матерью на старости лет, чтоб побыла.
Моя королева, как узнала, очень обрадовалась,
Что за неё Юда Самувила будет
290 рожать дитя – мальчика ,
Да ей велит, говорит:
«Соитишься, Юда, с моим королём,
А если не соитишься,
То, чтобы я стала матерью на старости лет.»
295 Ту легла Юда Самувила со мной на постель,
Да три раза со мной соитилась,
До тех пор, пока уже забеременела.
Сохранял я Юду Самувилу в моём дворце
Там она была восемь месяцев и три недели,
300 Пока не пришло уже время ей рожать.
На девятом месяце замучилась с родами,
Мучилась там целых две недели,
Да так дитя не родила.
Пока не позвала с гор Юду рожаницу.
305 Та ей принесла лекарственные травы.
Чтобы ими напоить Юду мою любовницу.
Как только она травку испила,
И родила сразу мальчика-дитя,
Родила его, а сама в лес ушла;
310 Ни постояла, ни подождала,
Хотя бы посмотрела, что за дитя родила.

Сега е душла биска да си гу бизае,
 Тая си е Юда што сте видели.
 Ету си ви казахъ рожба чудувита,
 Какъ се е зачелу мое бележиту дете.»
 Какъ си чуха седемдесе
 крале, мощне дете пофалили,
 Чи ша бодe юнакъ на земе-та,
 Шо гу нема ни на небе-ту!
 И на небу фоди свирка да си свири,
 Я шо беше Самандаръ крале,
 На дете си вели утговори:
 „Е бре дете, мой побратиме!
 Още две години ти при мене да си дойдешъ,
 Да ти каза дека има мома спроти тебе,
 Тава мома си приличе за тебе.
 Раста дете бележиту вече си порасна,
 Дойде време да се жени.
 Сита земе си убиде уть край дуръ ду край,
 Ела нема мома спроти негу да си найде.
 Чудумъ си се чуди шо да прави,
 Шо да прави дека мома да си тера?
 Де му на умт, дойде,
 Да си иде при Самандаръ крале.
 Да гу пита дека има мома спроти негу?
 Та си яхна змийна коне,
 И утиде на Самандарска земе,
 Та ми флезе у Самандарски сарае,
 Самандаръ крале мощне храну си гу дучека.
 Гу нагости и напои.
 Па си му се мольба моли,
 Да засвири свирка кеменига,
 Да запее песна хорувита;
 Да поиграть ду негуви изметчии.
 Шо си беше дете бележиту Форленъ юнакъ,
 Не хте свирка да засвири,
 Ниту песна хорувита да запее.
 На Самандаръ си вели утговори:
 „Е бре Самандаре кралю, мой побратиме!
 Язи не самъ душель свирка да си свире,
 Ниту песна хорувита да си пее,
 Лу самъ душель тебе да си питамъ,
 Дека има мома сароти мене?
 Да ли на умъ ша ти дойде шо ми си казалъ
 Кога си та уть наше земе испратихъ?
 Ми се фтакса тина мома да ми найдешъ,
 Сега дойдох да та питамъ,
 Дека си е тава мома?
 Чи ми вейке време дойде да се жене.
 Сичка земе самъ убишель
 уть край дуръ ду край,
 Па не можехъ мома да си найда,
 Мома шо приличе за мене.»
 Самандаръ крале му вели утговори:
 „Е бре бележиту дете Форленъ юнакъ!

Сегодня приходила покормить его грудью,
 То была Юда, которую вы видели.
 Вот вам рассказ про роды удивительные,
 315 Как начиналось моё знаменитое дитя.»
 Как слышали семьдесят королей,
 Очень они дитя все хвалили,
 Что будет такой богатырь на земле,
 Которого нет даже на небе!
 И по небу летает, и на лире играет,
 350 А ещё там был король Самандар,
 Да малышу велит, говорит:
 «Гой еси, малыш, мой побратим!
 Через два года ты ко мне приедешь,
 Я скажу тебе, где есть девушка, достойная тебя,
 355 Эта девушка так похожа на тебя.
 Растёт дитя знаменитое, больше подрастает,
 Пришло уже время, что можно жениться.
 Все земли он проехал от края и до края,
 Однако, нигде не нашёл девушки достойной его,
 360 Раздумывает он, что делать, да что предпринять,
 Что делать, где найти девушку?
 Тут он вспомнил и на ум пришло,
 Чтобы поехать к королю Самандару.
 Да спросить его, где есть дева достойная себя?
 365 Тут вскочил он на змеиного коня,
 И отправился на Самандарскую землю,
 Там зашёл в Самандарский дворец,
 Король Самандар с обильной едой его ожидал.
 Принял его в гости, накормил и напоил.
 370 Потом его с мольбой попросил,
 Чтобы поиграл на лире со струнами,
 Да запел песню хороводную;
 Чтобы потанцевали его придворные.
 Хотя и был малым знаменитый юнак Орфей,
 375 Не хочет поиграть на лире,
 Не запел песню хороводную.
 Самандару он говорит, отвечает:
 «Гой еси, король Самандар, мой побратим!
 Я пришёл не на лире поиграть,
 380 Не песню хороводную, чтобы петь,
 Лишь я пришёл, чтобы тебя спросить,
 Где имеется девушка, достойная меня?
 Вспомни сам, что ты мне говорил,
 Когда отправлялся с нашей земли?
 385 Мне обещал такую девушку найти,
 Сейчас я приехал, чтобы тебя спросить,
 Где имеется эта девушка?
 Так как пришло время, чтобы жениться.
 Всю землю я сам объехал
 от одного края и до другого края,
 390 Пока не могу девушку нигде найти,
 Девушку, что похожа на меня.»
 Король Самандар ему говорит, отвечает:
 «Гой еси, знаменитое дитя, юнак Орфей!

Мома има за тебе у горна земе уфъ пещера,
 Майка ѝ е либила златну сонце,
 Та и тя си грее као сонце!
 Пещера дека седи си е темна тамница,
 Мома си пещера усветева,
 Уфъ пещера си грее ду деветь сонца!
 Ель си йзь пещера не излева,
 Клетва уть майка си има,
 Уть пещера да не излезе,
 Чувекъ немой да е види,
 Чи ша си сонце налюти,
 Та ша си нее погури сусь златни-те си зари.
 Сички крале уфъ пещера се пошли,
 Дано мома со измама измаметь
 Да излезе уть темна пещера,
 Да се жени за техна-та сина;
 Ела мома не се измамюва,
 Уть пещера никакъ не излиза,
 Тина можешъ, Форлень юнакъ,
 мома да измамишъ.
 Кога идешъ у горна земе уфъ пещера,
 Засвири си тое свирка кеменига,
 И си запей тава песна хорувита:
 Какъ ша чуе мома тое свирка,
 И чи пеешь лепа песна хорувита,
 Ша излезе уть темна пещера хору да играе.
 Как ша си мома хору играе,
 Да ѝ земешъ златна китка уть глава-та,
 Шо ѝ е далу татку ѝ ясну сонце;
 Та си яхни змийна коне,
 И си фоди у ваше земе цырвенуга,
 При той татка Синце крале.
 Какъ ша и земешъ златна китка уть глава-та,
 Ша навырви пу тебе да си фоди,
 Златна китка да си тера;
 Златна китка да не ѝ давашъ:
 Бели роки ша си кырши,
 Дребни солзи ша си рони,
 Тина мома да не желишъ,
 Чи ша прави сичку за тое измама.
 Кога идешъ у дома си,
 Дурь тога китка да ѝ дадешъ;
 Неша знае назадъ да се вырне,
 Та ша се за тебе венчее.
 Та си янха Флорень юнакъ змийна коне,
 Да си иде горна земе;
 Копна змийна коне да си фырка,
 Дурь да яхне утиде у горна-та земе.
 Шеталь се е низъ горна-та земе малу млогу
 Малу млогу три недели,
 Дурь да найде потайна пещера;
 Три недели си га тера,
 Па не може да га найде.
 Вейке ми се мощне уморилу,
 Девушка есть для тебя в лесной земле, в пещере,
 395 Мать её полюбила золотое солнце,
 Да и она светится как солнце!
 Пещера, где она сидит, есть тёмная темница,
 Девушка ту пещеру освещает,
 Пещеру она и грее как девять солнц!
 400 Однако, из пещеры она не выходит,
 Потому что, клятву от матери имеет,
 Чтобы из пещеры не выходить,
 Ни один человек, чтобы не увидел,
 Иначе Солнце будет злиться,
 405 Да сожжёт её своей золотой Зарёй.
 Много королей в пещеру приходили,
 Чтобы девушку от чар избавить,
 Да вытащить из тёмной пещеры,
 Чтобы выдать замуж за своего сына;
 410 Однако, девушку от чар не избавили,
 Из пещеры никак не выходит,
 Ты сможешь, юнак Орфей
 девушку от чар избавить.
 Когда придёшь в лесную землю, в пещеру,
 Заиграй на своей лире со струнами,
 415 И запой свою песню хороводную:
 Как только девушка услышит твою свирель,
 И что ты поёшь красиво песню хороводную,
 Выйдет она из тёмной пещеры потанцевать.
 Когда девушка будет танцевать хороводную,
 420 Чтобы у ней взял с головы золотой цветок,
 Что ей дал отец ясное Солнце;
 Да вскочишь на змеиного коня,
 И направишься в вашу землю краснозёмную,
 К своему отцу королю Синце.
 425 Когда возьмёшь золотой цветок с головы,
 Направиться она за тобой уходить,
 Златой цветок, чтобы забрать;
 Златой цветок ты ей не отдавай:
 Белые руки будет она заламывать,
 430 Мелкие слёзы будет она ронять,
 Сначала девушку ты не жалея,
 Тогда она сделает всё за своё избавление.
 Когда будешь уже возле дома,
 Только тогда цветок ей отдашь;
 435 Но она не знает дороги назад, чтобы вернуться,
 Да будет с тобой венчаться.
 Тут вскочил юнак Орфей на змийного коня,
 Да направился в лесную землю;
 Ударил копытом змийный конь и фыркнул,
 440 Потом поскакал оттуда в лесную землю.
 Скитался по лесной земле ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало, а три недели,
 Чтобы найти потайную пещеру;
 Три недели везде её искал,
 445 Пока не может нигде найти.
 Больше не может, очень устал,

Легналу ми е пудъ бука дарву да ми спие,
 Де ми свире ду люта змие,
 На Форленъ юнакъ хаберь си чини,
 Дека си е потайна пещера,
 Та му дума змие и говори:
 Е бре бележиту дете Форленъ юнакъ!
 Стани немой спиешъ пудъ бука дарву,
 Тука си е мое гнезду,
 Ша си смачкашь мои малки змийки!»
 Утговори Форленъ юнакъ:
 „Не си ставамъ люта змию, уть тое-ту гнезду!
 Кажи си ми дека си е потайна пещера,
 Дурь тога уть тое гнезду ша си стана.»
 Та му каза люта змие
 дека си е потайна пещера.
 „Фоди, вели, низъ гора-та
 Дека ша си найдешъ дарву сивлие,
 Пудъ негу е потайна пещера;
 У пещера си седи мома днюнягузеллийка.»
 Та ми стана Форленъ юнакъ,
 Си фоди низъ гора-та.
 Де си гледа дарву сивлие,
 Вейки му се засенили потайна пещера,
 Утмалъ си се пещера гледа.
 Та си слезе Форленъ юнакъ
 уть змийна-та коне.
 Нема мома да си види уфъ пещера,
 Си се крие као змие афъ гнездо-ту.
 Лу засвири свирка кеменига,
 И запе лепа песна хорувита,
 Си излезе мома уть пещера хору да играе.
 Какъ е виде Форленъ юнакъ,
 Почуди се за нейна гиздавина,
 Чи си грее као ясну сонце!
 Златна китка носи на глава-та,
 Хору си играе и си китка со рока доржи.
 Да не й га никой грабне.
 Чудиль се е Форленъ юнакъ шо да прави,
 Какъ да й китка уткисне уть глава-та?
 Та засвири песна шо умава,
 Играла мома шо играла,
 Да се вече мощне умаяла,
 Та й уткисна Форленъ юнакъ
 уть глава-та златна китка,
 Ти си яхна змийна коне да си иде.
 Дурь тога се мома утмаяла,
 Златна китка й нема на глава-та;
 Запади се да си тера златна китка,
 Златна китка не и дава.
 Цикна, писна мома да си плаче,
 Бели роки си кырши,
 Дребни солзи си рони,
 Си се мочи да измами Форленъ юнакъ,
 Дано китка й даде,
 Лѣг он под буковым деревом и заснул,
 Где ему зашипела лютая змея,
 Да юнаку Орфею сведения сообщила,
 Где находится потайная пещера,
 Там ему змея молвила, сказала:
 «Гой еси, знаменитое дитя, юнак Орфей !
 Вставай, не спи под буковым деревом,
 Здесь находится моё гнездо,
 Ты можешь раздавить моих малых змеек!»
 Отвечает ей юнак Орфей:
 «Не встану, лютая змея, с твоего гнезда!
 Скажи мне, где находится потайная пещера,
 Только тогда встану с твоего гнезда.»
 Тут ему сказала лютая змея,
 где находится потайная пещера.
 «Проходи, велит, через лес,
 Где найдёшь ты дерево засохшее,
 Под ним находится потайная пещера;
 В пещере сидит девушка всемирная красавица.»
 Тут поднялся юнак Орфей,
 Да пошёл через лес.
 Где увидел сухое дерево,
 Ветви ему заслонили потайную пещеру,
 С трудом он пещеру разглядел.
 Тогда слез юнак Орфей
 со своего змийного коня.
 Нет девушки, не видно её в пещере,
 Она скрылась, как змея в гнездо.
 Лишь заиграл он на лире со струнами
 И запел прекрасную песню хороводную,
 Вышла девушка из пещеры и танцует хоро.³²
 Как увидел её юнак Орфей,
 Удивился её необычайной красоте,
 Что сияет она, как ясное солнце!
 Златой цветок носит на голове,
 Когда танцует хоро, цветок держит руками,
 Чтобы у ней его никто не выхватил.
 Раздумывает юнак Орфей, что же делать,
 Как у ней цветок сорвать с головы?
 Да заиграл песню, что завораживает,
 Танцевала девушка, всё танцевала,
 Да уж очень умаялась,
 Тут и сорвал юнак Орфей
 с её головы златой цветок,
 Да вскочил на змийного коня, чтобы уехать.
 Только тогда девушка очнулась,
 Златого цветка нет у ней на голове;
 Упала, чтобы он отдал златой цветок,
 Златой цветок ей не отдаёт.
 Пищит, вопит девушка, да плачет,
 Белые руки себе заламывает,
 Частые слёзы она роняет,
 Замучилась просить юнака Орфея,
 Обещает цветок ей отдать,

Да се върне пак назад;
 Ела китка Форлень не й дава.
 Мома си все пу коне фоди,
 Дурь си поиде Форлень у негува земе,
 При негувъ татка Синце крале.
 Тога си й вече златна китка даде:
 Земи си златна китка мому!
 Та ми фоди дека сакашь.»
 Утмалъ мома си му утговори:
 „Дека сега ша си фодѣ бре юначе!
 Пытѹ не си знамъ що си фоди на наше земе!
 На ваше земе ша се жене.
 Тебе юнакъ ша си зема.
 Лу си заправи силна свадба,
 На свадба си калесай седемдесе крале,
 Чи да стане свадба чудувита.»
 Се покачи Форлень горе на потоне,
 Де си найде Синце крале чи ми спие;
 Чудиль се е какъ да си гу разбуди,
 Немой нему да се налюти.
 Та си обзе китка бусилькува,
 Накваси га сусъ студена вода;
 Китка си прысна пу таткуву лице,
 Расхлади гу, разбуди гу.
 Ега стана чи си гледа Форлень юнакъ,
 Загырна гу, цалуна гу,
 Па гу пита да л' е нашель мома спроти негу?
 „Найдохъ тате, мома спроти мене,
 Си се шета низъ бахче-ту;
 Я излези, тате, на кйоскю,
 Подай си се уть шарени пармаци,
 Да си видишь мома шо дукарахъ,
 Да л' и тебе ша хареса?
 Подаде се Синце крале на пармаци,
 Та погледа уфъ бахче-ту.
 Какъ се шета малка мома,
 Уть лику й грее ясну сонце!
 Мощне си га бендиса Синце крале,
 Чи е мома дюнягюзеллийка,
 Та заправи силна свадба.
 Та си прати негувъ сина,
 Да калеса сички крале пу земе-та,
 И Турцка крале уть Стамболь града,
 Да си бодѣ свадба чудувита.
 Си ми фыркна Форлень юнакъ
 сусъ криле пу небе-ту,
 За единъ день си исфоди сита земе,
 Та ми калеса сички крале пу земе-та,
 И Турцка крале уть Стамболь града.
 Та ми дойдоха седемдесе
 крале у земе цырвенуга,
 Найсетне ми дойде и Турцка
 крале уть Стамболь града.
 Чи си билъ на буйну-ту поле.

Да снова вернуть ей назад;
 Однако, цветок ей не отдаёт.
 500 Девушка всё возле коня ходит,
 Уже пошла с Орфеем на его землю,
 К его отцу королю Синце.
 Тогда он ей уже отдаст золотой цветок:
 «Возьми этот золотой цветок, девушка!
 505 Да иди тогда куда хочешь.»
 С трудом девушка ему говорит:
 «Куда сейчас пойдёшь гой храбрец!
 Попрошаю и не знаю, придёшь на нашу землю!
 На вашей земле будешь жениться.
 510 Тебе, юнак, жену надо взять,
 Да справишь богатую свадьбу,
 На свадьбу пригласишь семьдесят королей,
 Чтобы стала свадьба удивительной.»
 Поднялся Орфей на высокий балкон,
 515 Где нашёл короля Синца, который спал;
 Да раздумывал, как его разбудить,
 Чтобы он не рассердился.
 Тут связал он букет из васильков,
 И намочил в студёной воде;
 520 Букетом прыснул отцу в лицо,
 Охладил его, да разбудил его.
 Вот встал он, глядит на юнака Орфея,
 Обнимает его и целует его,
 Да спрашивает, нашёл ли деву достойную его?
 525 «Нашёл, папа, девушку, достойную меня,
 Она гуляет сейчас по садику;
 А поднимись, папа, на лоджию,
 Да высунься из узорчатых перил,
 Чтобы увидеть девушку, которую я привёл,
 530 Да скажи, ты мой выбор одобряешь?
 Высунулся король Синца из-за перил,
 Да поглядел вниз в садик.
 Как гуляет милая девушка,
 От лица её сияет ясное солнце!
 535 Очень она понравилась королю Синце,
 Что явилась девушка всемирная красавица,
 Тут подготовил богатую свадьбу.
 Да посылает он своего сына,
 Чтобы пригласил всех королей на земле,
 540 И турецкого короля из града Стамбула,
 Что будет свадьба чудесная .
 К ним полетел юнак Орфей
 С помощью крыльев по небу,
 За один день посетил все земли,
 Да пригласил всех королей на земле,
 545 И турецкого короля из града Стамбула.
 Тут подъехали семьдесят королей
 на его землю краснозёмную,
 После всех появился и турецкий
 король из своего града Стамбула.
 Что был занят на поле битвы.

Още сабе уфъ роки си носи, Роки му се ду лахте укрывавени!	550	Ещё саблю свою держал в руках, Руки его были до локтей окровавлены!
Си гу питать седемдесе крале, си гу прашеть: „Е бре Турцка кралю!		Его пытаются семьдесят королей и спрашивают: «Гой еси, турецкий король!
Шо си сабе носишъ уфъ роки-те? И шо ти се роки укрывавени?»		Что ты саблю держишь в руках? И почему у тебя руки окровавлены?»
„Сабе си носе за мои душмане Роки ми се укрывавени, Чи самъ биль на буйну-ту поле, Самъ самичекъ сите душмане искардисахъ.»	555	Саблю ношу из-за моих врагов, Руки мои окровавлены, Потому что я был на поле битвы, Один-одинёшенек всех врагов уничтожил.»
Какъ ми чуха седемдесе крале, Сички паждаты и му се кланеть.	560	Как услышали это семьдесят королей, Все припали и ему поклонились. Лишь один был юнак Орфей, Который не припал и ему не поклонился, Не смотря, что был моложе турецкого короля.
Лу шо си бе Форленъ юнакъ, Той не падна да му се поклони, Чи си биль поюнакъ уть турцка крале. Та заправи Синце крале силна свадба, Гозба си гости седемдесе крале,	565	Тут справил король Синца богатую свадьбу, Пировали в гостях семьдесят королей, Службу им несла младая невеста, От лица её сияет ясное солнце Да освещает сразу всю трапезу!
Служба си ги служи ду млада невеста, Уть лику й грее ясну сонце Та си свети низъ трапези!		Все короли восхищаются молодой невестой, Что она такая всемирная красавица; Все ей дарили по связке алтынов; А кто был турецкий король, То он подарил две связки, Потому что стал королём над всеми королями.
Сички крале си се чудеть за млада невеста, Чи си е дюнягюзеллийка;	570	Свадьба длилась три недели. Семьдесят королей возвратились кто на свою землю, кто в лес, Только тогда закончилась богатая свадьба. Слова нам сложил юнак Орфей И установили, чтобы песня пелась.
Сички си га дариха пу туваръ алтане; Я шо беше Турцка крале, Си га дари два тувара, Чи си е той краль надъ сите крале. Свадба ми траела три недели. Седемдесе крале си утидоха кой на земе, кой у гора, Дуръ тога се расипала силна свадба. Сова ми усторилу Форленъ юнакъ И е устаналу песна да се пее.	575	

ХІІІ. Пакъ за рождение-то на Орфея, но различно.

Брава крале, шо си сыди сичка земе,
Ми е собралъ силна ойске сто иледи,
Да се бие да се борба бори сушь седемдесе крале.
Та ми надбори седемдесе крале,
Техна земе сита си обзе,

5

Па си стана пырва крале на земе-та.
Ела се е вече стару устарелу,
Па си още чеду нема уть сорце-ту.
Та се жельба жели, тыжба се тыжи,
Глас си виси дуръ на небе,
На Гулема Бога мольба си се моли:
„Ой ти Боже, Вишню Боже!

ХІІІ. Снова про рождение Орфея, но по другому.

Король Брава, что обладал всеми землями,
Собрал сильное войско в сто тысяч,
Да в битве сразился с семидесятью королями.
Там он семьдесят королей победил,
Их земли он все захватил,
Потом стал первым королём на земле.
Однако, уже стал старым, престарелым,
Но ещё не имел чадо от сердца.
Да печалью печалится, горько тужит,
Голос свой подал высоко до неба,
Да Всевышнего Бога с молитвой просит:
«Ой ты, Боже, Вышний Боже!

Я дай си ми Боже, на стару време едно чеду,
 Лу да си гу виде па да си умра.
 Той да си ми земе наследии,,
 Немой мое име да загине,
 Нить име да загине,
 Нить земе да ми се запусти.»
 Брава крале молба си се моли,
 Ти дете на стару време ша си имашь. 50
 Ела ти уфь средь градо църква да наградишь,
 Уфь средь църква чешма нишанлие,
 Шо га нема нийде пу земе-та;
 Уть чешма вода да си точеть Юди Самуили.
 Ша си дойде и башь Юда вода да наточи, 55
 Стара майка да си напои:
 На лице й грееть три сонца!
 На грыди й грее ясна месечина!
 Кога дума ситень бисерь блюва!
 Тае Юда кога си дойде на тое чешма,
 Да й земешь влакну уть коса-та,
 Да гу туришь афь тое шарена ковчега.
 Юда влакну ша си тера,
 Тина влакну да не й си даваль,
 Нека си ти боде Юда пырве либе.
 Сусь нее тина на тришь да се сфодишь,
 Ша ти роди мьжку дете юнакъ надь юнаци!
 Хемь ша свире свирка нишанлие,
 Кога свире пилци ша собира,
 Да си слушеть гласувита свирка;
 Я шо си е поле широку хору ша играе!
 Име ша си му е Фырклень юнакъ,
 Ша си фырка уть земе-та на небе-ту,
 Сусь свирка Вишню Бога да си фали.
 Сова дете мощно нишанлие ша си боде,
 Ша заптиса сита земе и планини,
 Да си боде пырва крале на земе-та.»
 Рече стару деду не отрече,
 Па си фыркна горе на небе-ту,
 Ду си фали Вишню Бога,
 Шо си прави чуда на земе-та.
 Утре още рану пред зорница
 Брава крале уть потстеле си стана,
 Та си собра сички сой и роднини,
 Па имь каза шо е на сонь слушель,
 Какь му думаль стари деду:
 „Е бре кралю, Брава кралю!
 Тое рока мощне си е длега,
 Немой стоишь, немой чекашь,
 Скуру прати люде на тое-та земе,
 Да дукарать сите масторе и дюльгере,
 Да наградеть уфь средь градо тае църква
 Уфь средь църква чешма нишанлие.
 Шо га нема нийде пу земе-та.
 За месець църква да саградеть,
 За три месеца чешма да наградеть,

А дай мне Боже на старость одно чадо,
 Лишь я его увижу, потом можно и умереть.
 15 Чтобы он мои земли унаследовал,
 Нельзя, чтобы моё имя забылось,
 Ни имя, чтобы предали забвению,
 Ни землю, чтобы стала запущенная.»
 Король Брава о просьбе своей молился,
 «Ты на старость дитя будешь иметь,
 50 Если посреди града храм построишь,
 А в храме источник необыкновенный,
 Которого такого нет больше на земле;
 В источнике, чтобы брали воду Юды Самуилы.
 55 Тогда придёт главная Юда воды набрать,
 Чтобы напоить старую мать:
 На лице её сияют три солнца!
 На груди её сияет ясный месяц!
 Когда говорит, чистый жемчуг мечет!
 60 Когда та Юда придёт на тот источник,
 То возьмёшь у неё волос из косы,
 Да его положишь в красивый сундучок.
 Юда за волосом должна прийти,
 Ты ей волос не отдавай,
 65 Тогда Юда будет тебе первой любовью.
 С нею ты должен три раза сойтись,
 И она родит тебе мальчика юнака над юнаками!
 Который будет играть на свирели знаменитой
 Когда начнёт играть, птицы будут собираться,
 70 Чтобы послушать свирель голосистую,
 И ещё на поле широком в хороводе танцевать!
 Имя ему будет юнак Орфей,
 Будет летать с земли на небо,
 Со свирелью Вышнего Бога прославлять.
 75 Это дитя очень знаменитое будет,
 Что завладеет всеми землями и горами,
 Да будет первым королём на земле.»
 Эту речь старый дед не отговорил,
 Да вспорхнул высоко на небо,
 80 Чтобы прославить Вышнего Бога
 Что делает чудеса на земле.
 Утром ещё рано перед Зарницей
 Король Брава встал с постели,
 Да собрал всех близких и родственников,
 85 Потом им сказал, что ему привидился сон,
 Там ему наказал старый дед:
 «Гой еси король, Брава король!
 Твоя рука очень длинная,
 Нельзя простаивать, нельзя ожидать,
 90 Быстро посылай людей на твои земли,
 Да приводи всех мастеров и плотников,
 Чтобы тебе построить посреди града храм.
 А в центре храма источник необыкновенный.
 Что такого больше нет нигде на земле.
 95 За месяц, чтобы храм построить,
 За три месяца источник, чтобы соорудить,

Скору чеду да си стигнешь,
 Тое земе да наследи.»
 Брава крале ни постое, ни почека,
 Я си прати ду негуви верни слуги,
 Си имь даде и негува башь фермане,
 Да исфодеть сита земе на дюне-та;
 Да си терать масторе дюльгере.
 Лу де найдать масторе дюльгере,
 Да ги закарать цыркуа да си градеть;
 Ощь и чешма нишанлие.
 За месец време сита земе исфодили,
 Та собрали ду иледа масторе,
 Ду иледа масторе все на отбурь,
 Сите хрипать афь море-ту на дыне-ту,
 Да искарать тие елмазь таши;
 Та ми сите искараха пу елмазь таши;
 Сите калфи беха иледа,
 И камене беха иледа.
 Та наградиха тава чешма нишанлие,
 Уть нее си грееть ду деветь сонца!
 Кой е види чудумь си се чуди.
 Хаберь ойде дурь на Юда Самуили,
 Чи е Брава крале чешма наградиль,
 Уть чешма си грееть ду деветь сонца!
 Та ми Фодеть Юди Самуили вода да си точеть.
 Я шо си е ду башь Юда,
 Не се мами, не се лыже;
 Не ми фоди вода да наточи.
 Лу си седи афь сарае,
 Та си гледа стара майка;
 Болна лежи, деветь години.
 „Кажы мале, шо понуда искашь?»
 „Чухь си керку, чи е Брава
 крале чешма наградиль.
 Уть тава чешма вода да си пие,
 Па нека си вече умра.»
 „Ша ида мале, оть да не ида,
 Кешки ти вода да си искашь.»
 Та ми зева башь Юда афь роки-те ду две стомни
 И ми фоди вода да си точи.
 Какь ми флела афь кральски сарае,
 Афь сарае се изгреели три сонца!
 Дурь да иде Юда на чешма-та,
 Брава крале хрипна уть потоне,
 Та й кыцна златну влакну уть коса-та,
 Си гу тури афь шарена ковчега.
 Писна Юда влакну да си тера,
 Той си й влакну не дава,
 Та си боде Юда негуву пырве либе.
 Още тришь сусь нее не се сфодиль
 И ми Юда тешка стана,
 Тешка стана вече ша си роди.
 Какь ми виде Брава крале,
 Чи Юда дете ша му роди,
 Скоро тогда чадо дождёшься,
 Твои земли, чтобы унаследовало.»
 Король Брава не постоял, не подождал,
 100 Да послал за своими верными слугами,
 Он им дал свой главный приказ,
 Чтобы исходить все земли в мире;
 Да найти мастеров и плотников,
 Лишь, где найдут мастеров и плотников,
 105 Чтобы привести их строить храм,
 Да ещё и источник необыкновенный.
 За время месяца все земли исходили,
 Да собрали до тысячи мастеров,
 До тысячи мастеров, все на отбор,
 140 Все стали нырять в море на дно,
 Да искать там алмаз в скорлупе;
 Там все достали по алмазу в скорлупе;
 Всех мастеровых было тысячу,
 И драгоценных камней было тысячу.
 145 Да построили тот источник необыкновенный ,
 От него сияние, как от девяти солнц!
 Кто его увидит, чуду удивляется.
 Весть уже дошла к Юдам Самуилам,
 Что король Брава источник построил,
 150 От источника сияние, как от девяти солнц!
 Туда идут Юды Самуилы, чтобы воды набрать,
 Но была ещё главная Юда,
 Её не обманешь, её не проведёшь
 Не ходила к нему, чтобы набрать воды
 155 Лишь находилась в своих палатах,
 Да ухаживала за старой матерью;
 Больная лежит уже девять лет.
 «Скажи, мама, какой гостинец хочешь?
 Слышала я, дочка, что король
 Брава у себя источник построил.
 160 Из того источника воды бы попить,
 Потом можно уже и умереть.»
 Могу пойти, мама, почему бы не пойти,
 Лучше тебе будет от воды, если желаешь.»
 Тут взяла главная Юда в руки два кувшина
 И пошла туда, чтобы набрать воды.
 Как пришла она в королевский дворец,
 Во дворце словно засияли три солнца!
 Только пришла Юда на источник,
 Король Брава нагнулся с балкона,
 170 Да оторвал золотой волос из косы,
 И положил его в красивый сундучок.
 Завопила Юда, чтобы волос вернул,
 А он ей волос не отдаёт,
 Так стала Юда его первой любовью.
 175 Ещё три раза с ней не соитился,
 А Юда уже стала беременной,
 Беременной стала, уже может родить.
 Как увидел её король Брава,
 Что Юда ему может дитя родить,

Курбанъ си заправи на Вишну Бога,
 Та утиде курбанъ да си коле афъ цырка-та.
 И да си гости сой и роднини.
 Та ми седе афъ цырка-та малу млогу,
 Малу млогу два месеца.
 Дуръ да си дома иде,
 Хаберъ си, му на пыть дойде,
 Чи се е Юда мощне затрудила,
 Мыжку дете ша си роди,
 Ела рожба си е чудувита:
 Сега има две недели
 Уть какъ се е Юда затрудила,
 Па не може дете да си роди.
 Какъ ми е чуль Брава кралег
 Мощне му се нажелилу, натыжилу,
 Та си рукна ду негува пырвь биларинъ,
 Шо си гледа на небе-ту на звезди-те,
 Па му дума и говори:
 „Е бре биларине, мой приятелю!
 Юда мое пырво либе си е затрудила
 Сега има две недели,
 Да си роди мыжку дете,
 Ела рожба си е чудувита,
 Ощъ не може да гу роди.
 Тебе думамъ молба ти се моле,
 Да си гледашъ на небе-ту на звезди-те.
 Да ми кажешъ шо си иска Вишну Бога:
 Да ли курбанъ да му коле?
 Или три кули имане сюрумаси да си раздамъ?»
 Башъ биларинъ вели утговори:
 „Е бре кралю, Брава кралю!
 Язи днеска още рану предъ зорница
 Пу небе погледнахъ и си на звезди видехъ,
 Чи уть тебе си иска Вишну Бога
 Тешекъ курбанъ да му колешъ,
 И три кули имане пу
 сюрумаси да раздаешъ;
 Дуръ тога тое пырве либе дете ша си роди.»
 Брава крале ни постое, ни почека,
 Курбанъ Вишну Богу си принесе
 иледа юнци невпрегнати,
 И иледа ювна все факлати;
 Си раздаде и три кули имане пу сюрумаси;
 Пырва кула за кралеву зраве,
 Втора кула за Юдинску зраве,
 Я трета кула за малку дете.
 Лу шо си е крале курбанъ дуфтасаль,
 Юда си е малку дете породила,
 Шо е дете мощне чудувиту,
 Криле има пудъ мишница,
 Та ми фырка као пиле найфыркату:
 Я кога си свирка засвири,
 Околь негу си собира сите пилци,
 Да си слушетъ гласувита свирка;

180 Требу подготовил он Вышнему Богу,
 Да отослал её, чтобы принести требу в храме.
 Да угостить всех близких и родственников.
 Так сидели с ним в храме ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало, да два месяца.
 185 Только стали домой возвращаться,
 Весть пришла ему в пути,
 Что Юда уже совсем на сносях,
 Мальчика-дитя будет она рожать
 Однако, роды её были чудодейственные:
 190 Всего продолжают только две недели
 С момента, как Юда забеременела,
 Пока затрудняется она дитя родить.
 Как услышал это король Брава,
 Очень он огорчился, опечалился,
 195 Да позвал своего первого волхва,³³
 Чтобы он поглядел на небо, на звёзды,
 Потом ему молвит, говорит:
 «Гой еси, волхв, мой приятель!
 Юда, моя первая любовь, забеременела
 300 И сейчас прошло только две недели,
 Да должна родить мальчика-дитя,
 Однако, её роды чудодейственные,
 Ещё затрудняется она родить.
 К тебе обращаюсь, с мольбой прошу,
 205 Чтобы ты посмотрел на небо, на звёзды.
 Да сказал мне, чего хочет Вышний Бог:
 То ли ему требу принести?
 Или три куля сокровищ беднякам раздать?»
 Главный волхв ему говорит, отвечает:
 210 «Гой еси король, Брава король!
 Я сегодня ещё рано перед Зарницей
 На небо поглядел и по звёздам увидел,
 Что от тебя хотел Вышний Бог
 Большую требу, чтобы ему принёс,
 И также три куля сокровищ,
 215 чтобы всем беднякам раздал;
 Только тогда твоя первая любовь дитя родит.»
 Король Брава не постоял, не подождал,
 В требу Вышнему Богу принёс
 тысячу бычков, не бывших в упряжке,
 И тысячу баранов, все мохнатые,
 220 Он раздал и три куля сокровищ для бедняков;
 Первый куль за королевское здоровье,
 Второй куль за Юдинское здоровье,
 А третий куль за малое дитя.
 Лишь король принёс достаточную требу,
 225 Юда малым дитя разродилась,
 Дитя было очень удивительное,
 Крылья у него были под мышками,
 Да летал, как птица наибыстрая.
 А когда он заиграл на свирели,
 230 Около него собралась все птицы,
 Да слушали свирель голосистую,

Я шо си е поле хору си играе!
 Как ми. чулу Брава крале,
 Чи му се е дете чудувиту породилу,
 Мощне се е млогу зарадувалъ,
 На слуги си вели утговори:
 „Е бре вие слуги, мои изметчии!
 Гозба искамъ да си госте сой и роднини.
 Заколите ощъ иледа юнци невпрегнати,
 И иледа ювна все факлати;
 Заколите зготвите ги сладки манци;
 Источите и баш бычва руйну вину,
 Та си калесайте мои сой и роднини,
 Да си ядате да си пиете за детюву зраве.»
 Гозба се е вече наготивила,
 На гозба си дойдоха сите сой и роднини,
 Та си туреть име на малку дете,
 Име му е Фыркленъ юнакъ.
 Ду му име туриха
 И си фырка утъ земе-та на небе-ту,
 Да си фали Вишню Бога сусъ негува свирка.
 Гозба си се траела три недели и три дене,
 Още нема дете да си дойде.
 Дуръ хми се е вече дудеелу,
 Искать да си фодеть пу дома си.
 Браве крале мольба имъ се моли,
 Да си седеть още два дни,
 Дури дете да си дойде,
 Сииръ нешу да имъ устори.
 Още рече крале не отрече,
 Де си фырка малку дете пу небе-ту,
 И си свире свирка гласувита,
 Свирка си се слуше дуръ на край земе!
 Пу негъ си фодеть пилци као облакъ,
 Я шо си е земе хору си играе!
 Та си дойде малку дете на трапези,
 Си цалуна рока на сой на роднини.
 Малку билу на три недели,
 Я си умъ ималу као стару деду,
 Вредну си е земе да наследи.
 Пырва крале на земе-та да си боде.
 Брава крале си гу кани,
 Да посвири свирка гласувита,
 Сой и роднини да разшани.
 Та засвири тае свирка гласувита,
 И си запе песна мощне радуствива.
 Утъ де чуха тие пусти пилци,
 Се собраха као облакъ околъ негу!
 Слушели се свирка шо се слушели,
 Си паднаха, као умаяни на земе-та,
 Я той си се смехъ насмева,
 Чи си пилци лежатъ као умаяни низъ трапези;
 Дуръ си свирка на земе устави,
 Тога си пилци изфыркаха.
 Та ми седаха на трапези

А ещё в поле хороводом танцевали!
 Как услышал про то король Брава,
 Что у него дитя чудесное родилось,
 235 Очень он сильно обрадовался,
 Своим слугам он велит, говорит:
 «Гой еси, вы слуги, мои помощники!
 Хочу пригласить в гости близких и родных.
 Приготовьте ещё тысячу бычков не рабочих,
 240 И тысячу баранов, всех мохнатых,
 Разделайте и сготовьте вкусные манци;³⁴
 Налейте в большие бочки алого вина,
 Да пригласите моих близких и родных,
 Чтобы покушать выпить за детское здоровье.»
 245 Наготовили уже всяких угощений,
 На угощение пришли все близкие и родные,
 Да ещё дать имя малому дитя,
 Имя ему дали юнак Орфей.
 Когда его нарекли именем,
 250 Он вспорхнул с земли на небо,
 Там прославить Вышнего Бога своей свирелью.
 Пир длился три недели и три дня,
 Однако, мальчик ещё не вернулся.
 Наконец, им это уже надоело,
 255 Хотят возвращаться по своим домам.
 Король Брава с мольбой их просит,
 Чтобы посидели ещё два дня,
 Пока вернётся его дитя,
 Обещал им ещё нечто показать.
 260 Ещё свою речь король не отговорил,
 Как по небу летит малое дитя,
 И играет на свирели голосистой,
 Свирель его слышно даже на краю земли!
 265 Под ним находятся птицы, как облако,
 А на земле они танцуют хороводом!
 Тут прибыло малое дитя на трапезу,
 Да целует руки близким и родным.
 Малому от рода было три недели,
 А ум имел, как у старого деда,
 270 Пригодную землю, чтобы унаследовал.
 Первым королём на земле, чтобы был.
 Король Брава его пригласил,
 Чтобы поиграл на свирели голосистой,
 Близких и родных, чтобы развлечь.
 275 Тут заиграл он на свирели голосистой,
 И запел песню очень радостную.
 Как слышали его брошенные птицы,
 Все собрались, как облако возле него!
 Слушали свирель, всё слушали,
 280 Да попадали, как замороженные на землю,
 А он смеётся, надсмехается,
 Что птицы лежат, как замороженные на трапезе,
 Только, когда свирель на земле оставил,
 Тогда все птицы улетели.
 Так сидели у него на трапезе

още два дни и два ноца.
 Ставать вече да си фодеть,
 Малку дете си дарба дареть,
 Кой желтица, кой кара грошь,
 Та си секи ойде пу дома си.
 Сама крале си устана,
 На дивана седи и си малку дете гледа.
 Кога да порасте още по на умъ да си дойде,
 Да гу прати книга да си учи,
 Цырна книга да си пее,
 И цырну писму да си пише.
 За день книга ми се научилу,
 Цырна книга да си пее,
 И китипе да си пише.
 Толку умну си бе.
 Кога беше на година,
 Таткува си столнина наследи,
 И си бодє пырва крале на земе-та.
 Сите крале се души поклонъ
 да му се поклонеть,
 Ощъ и дарба да гу дареть,
 Сусъ негу побратиме да си бодать. .
 Раста дете шо порасна,
 Иска вече да се жени,
 Ела нема мома спроти негу;
 Исфоди си сита негува земе,
 Па не може да си найде.
 Навырвилу вече да си дойде афъ негува града,
 Лу си флезе афъ сарае.
 Падна боланъ да лежи;
 Болка му е млогу тешка ша си умрие.
 Брѡва крале ми се чуди шо да прави,
 Шо да прави шо да чини,
 Си га пита си га праши:
 „Кажѡ, сину, шо си имашъ афъ сорце-ту?
 Татку тебе ща лекува.»
 Той га пита он му не кажува.
 Та ми рукна ду негува башъ биларинъ,
 Та му дума и говори:
 „Е бре биларине, мой побратиме!
 Мое сина Фыркленъ юнакъ боланъ лежи,
 Боланъ лежи ша си умре:
 Мене не кажува шо си има афъ сорце-ту?
 Утре още рану предъ зорница
 Ти да гледашъ на небе-ту,
 На небе-ту на звезди-те,
 Да познаешъ шо си има афъ сорце-ту?
 Да си тераме Юда хикимцийка
 Тя да гу лекува да гу дигне.»
 Та ми стана башъ биларинъ още рану,
 Още рану предъ зорница,
 Та ми гледа на небе-ту,
 Ела звезди не кажувать
 Шо си има Фыркленъ юнакъ афъ сорце-ту!

285 Ещѣ два дня и две ночи.
 Встали, чтобы уже уходить,
 Малому дитя подарки дарят,
 Кто жѣлтые монеты, кто чѣрный грош,
 Тогда все возвратились по домам
 290 Сам король дома остался,
 На диване сидит и на малое дитя глядит.
 Когда подрастѣт, то ещѣ вспомнит,
 Что его послали по книгам учиться,
 Чѣрная книга, чтобы по ней петь,
 295 И чѣрное письмо, чтобы его писать.
 За один день по книгам выучился,
 Чѣрную книгу, чтобы петь,
 И красиво, чтобы ему писать.
 Такой вот умный он был.
 300 Когда пройдут многие годы,
 Отцову столицу он унаследует,
 И будет первым королѣм на земле.
 Все короли придут поклоном,
 чтобы ему поклониться,
 Ещѣ и подарки подарят,
 305 С ним побратимами, чтобы быть.
 Растѣт дитя, все больше подрастает,
 Хочет уже, чтобы жениться,
 Однако нет девушки, достойной его,
 Исходил он все свои земли,
 310 Пока нигде не может еѣ найти.
 Возвратился уже и пришѣл в свой град,
 Лишь вошѣл он во дворец.
 Сразу упал и больной лежит;
 Боль его такая тяжѣлая, что может умереть.
 315 Король Брѡва раздумывает, что же делать,
 Что делать, да что предпринять,
 Он его пытается и спрашивает:
 «Скажи, сын, что имеешь ты на сердце?
 Отец тебя будет лечить.»
 320 Тот его спрашивает, а он не отвечает.
 Тогда позвал своего главного волхва,
 Да ему молвит, говорит:
 «Гой еси волхв, мой побратим!
 Мой сын юнак Орфей болен лежит,
 325 Болен лежит, что может умереть:
 Мне не говорит, что имеет на сердце?
 Утром ещѣ рано перед Зарницей,
 Ты, чтобы поглядел на небо,
 На небо, да ещѣ на звѣзды,
 330 И узнаешь, что он имеет на сердце?
 Да приведѣшь Юду травницу.
 Чтобы его полечила и подняла»
 Тут втал главный волхв ещѣ рано,
 Ещѣ раньше перед Зарницей,
 335 Да поглядел он на небо,
 Однако, звѣзды не стали говорить,
 Что имеет юнак Орфей на сердце!

Башъ биларинъ си се моли на звезда месечина,
 Та й дума и говори:
 „Ой ти звезду, звезду месечину!
 Кажи си ми, звезду, шо
 си има Фыркленъ юнакъ?
 Чи ша мене крале млада погуби,
 Оти си ма има за такова време да се найда.»
 Звезда месечина смехъ се насмеела,
 Па си дума биларину и говори:
 „Е бре биларйне нашъ побратиме!
 Шо ма питашь шо ма прашишь?
 Фыркленъ юнакъ нема нищу афъ сорце-ту.
 Време си му дойде да се жени,
 Ела нема либе спроти негу,
 За сова му е сорце наранену,
 Па си гу е срамъ на татку да си каже.
 Тука долу има афъ поле-ту Юда Самуила.
 Тя си има билька севдалие,
 Лу да си гу с билька напои,
 Ша си стане на ноги-те,
 Та ша иде да си тера либе спроти негу.»
 Още рече звезда месечина не отрече,
 Си ми флезе афъ средъ облаци-те,
 Обви се сусъ темну темнилу.
 Я шо беше ду башъ биларинъ
 утиде при Брера крале,
 Та му каза шо е чуль уть звезда месечина.
 Да си терать афъ поле-ту Юда Самуила,
 Да гу пои с' тава билька севдалие,
 Да но на ноги-те да си стане,
 Немой младу да погине.
 Чуди ми се Брера крале да е тава Юда Самуила?
 Чуди ми се на умъ не му духожда,
 Та си пита ду негую пырве либе:
 „Е бре Юду, мое пырве либе!
 Да ли знаешь дека си е Юда Самуила
 Шо си има билька севдалие?
 С билька да си пои наше дете
 Да си стане на ноги-те,
 Та да иде да си тера либе спроти негу,
 Немой младу да погине.
 Той си нема нищу афъ сорце-ту,
 Лу си иска да се жени,
 Ела нема либе спроти негу.
 Утговори Юда Самуила:
 „Знамъ, кралю, дека си е Юда Самуила
 Шо си има билька севдалие:
 Теа си е мое милна сестра!
 Лу да си й хаберъ прате,
 Ша си дойде да ма види,
 Лу си нема кой да иде долу афъ поле-ту,
 Уть менъ поклонъ да й каже,
 И мое златна китка да й утнесе,
 Да си види мое нишана.»

Главный волхв просит звезду Луну,
 Да ей молвит и говорит:
 «Ой ты, звезда, звезда Луна!
 Скажи мне звезда Луна,
 Что имеет юнак Орфей на сердце?
 Иначе меня король молодого погубит,
 Если я за это время причину не найду,»
 Звезда Луна со смехом рассмеялась,
 Потом волхву говорит , отвечает:
 «Гой еси волхв, наш побратим!
 Что ты меня пытаешь, что спрашиваешь?
 У юнака Орфея ничего нет на сердце.
 Время ему пришло, чтобы жениться,
 Однако, нет у него любимой, достойной его,
 Поэтому у него сердце изранено,
 Пока ему стыдно отцу это сказать.
 Тут внизу на поле есть Юда Самувила.
 Она имеет травку любовную,
 Лишь его этой травкой напоишь,
 Будет он стоять на ногах,
 Да пойдёт и приведёт любовь, достойную его.»
 Ещё речь звезда Луна не закончила,
 Да скрылась среди облаков,
 Закуталась в тёмные темнила.
 А что было с главным волхвом,
 то он отправился к королю Браве,
 да ему сказал, что он слышал от звезды Луны.
 Чтобы привести с поля Юду Самувила,
 Да она напоила бы его травкой любовной,
 Чтобы на ноги его поставить,
 Младой не должен погибнуть.
 Удивляется король Брера, что за Юда Самувила?
 Удивляется и ничего ему на ум не приходит,
 Да спрашивает свою первую любовь:
 «Гой еси, Юда, моя первая любовь!
 Да знаешь ли ты, где есть Юда Самувила,
 Которая имеет травку любовную?
 Травкой надо напоить наше дитя
 Чтобы поставить его на ноги,
 Тогда пойдёт и найдёт любовь, достойную его,
 Младой не должен погибнуть.
 У него ничего нет на сердце,
 Лишь хотел он жениться,
 Однако нет любимой, достойной его.
 340 345 350 355 360 365 370 375 380 385

„Ша си прате, вели Брава
 крале, мой биларинь,
 Той ша свырши тава рабута.»
 Та си рукна ду негувь биларинь:
 „Е бре биларине, мой побратиме!
 Ти ша идешь долу афь поле-ту
 Дека седеть Юди Самуили,
 Да дукарашь Юда Самуила,
 Шо си има билька севдалие.»
 „Ша ида кралю, оть да не ида,
 Лу ми кажи какь да докарамь Юда Самуила?
 Тя ми фырка као пиле найфыркату,
 Какь ша мога да е фана?»
 Утговори Юда кравеву пырве либе:
 „За сова биларине, кахырь ми берешь!
 Теа си е мое милна сестра.
 Какь ша идешь долу афь поле-ту,
 Кога вече идешь ду Юдински пещери,
 Колку можешь яче подрукни се:
 Ой ти Юду Сурвалию, кральска керку!
 Лу де да си тука да си;
 Какь га виде солзи си зарони,
 Роки си закырши па си китка цалуна.
 „Иска, Юду, тебе да си види.
 Да си дойдеть у наше-та земе,
 Има нещю да ти каже;
 Лу да земешь и билька севдалие,
 Да лекувашь неину-ту малку дете,
 Чи си болну лежи ша умрие.»
 Шо си бе Юда Сурвалие му вели утговори:
 „Иди си ти, бре юначе, у ваше-та земе,
 Дурь да идешь ти и язь ша си дойда,
 Чи си немамь билька севдалие.
 Ша ида на наше планина афь езеру-ту,
 Да си бера билька севдалие.»
 Та утиде Юда афь планина?
 Ела езеру бе присыхналу,
 Нема билька севдалие.
 Та си дуна сова тиху ветарче,
 И зароси тава дребна роса,
 Та се езеру напылни.
 Дурь тога ми найде билька севдалие,
 Та си фыркна као пиле найфыркату
 И утиде при милна си сестра.
 Още биларинь не е душель!
 Лу утиде и запита шо си има Фырклень юнакь?
 „Ела, сестру, да га видишь,
 Да га видишь билька да га поишь,
 Дано на ноги да си стане.»
 Лу га виде и га позна,
 Чи си иска да се жени,
 Ела либе нема спроти негу.
 Та га запой тава билька севдалие,
 Фьрклень юнакь на ноги си стана,

390 «Буду посылать, говорит король
 Брава, моего побратима волхва,
 Чтобы он завершил эту работу.»
 Тут позвал он своего волхва:
 «Гой еси волхв, мой побратим!
 Ты пойди вниз на то поле,
 395 Где сидят Юды Самувилы,
 Да приведёшь Юду Самувилу,
 Которая имеет травку любовную.»
 «Буду идти, король, отчего же не пойти,
 Лишь скажи, как я приведу Юду Самувилу?
 400 Ведь она летает, как птица наибоыстрая,
 Как же я могу её поймать?»
 Отвечает Юда, первая любовь короля:
 «За это , волхв, не беспокойся!
 Та Юда моя родная сестра.
 405 Как придёшь вниз на то поле,
 Когда уже дойдёшь до Юдинской пещеры,
 Как можно громче позови её:
 Ой ты Юда Сурвалия, королевская дочка!
 Лишь где ты есть, где ты тут;
 440 Как её увидишь, слёзы ты зарони,
 Руки разведи, потом цветок поцелуй.
 «Хочу, Юда, очень тебя увидеть.
 Чтобы ты пришла в нашу землю,
 Имею нечто и хочу тебе сказать;
 445 Лишь возьмёшь травку любовную,
 Да полечишь их малого дитя,
 Потому что больной лежит и умирает.»
 На это ему Юда Сурвалия велит и говорит:
 «Иди ты, гой юначик, в вашу землю,
 450 Только ты придёшь, а я уже буду там,
 Но нет у меня травки любовной.
 Надо идти на нашу гору к озеру,
 Да набрать травки любовной.»
 Тут отправилась Юда на гору,
 455 Однако, озеро было высохшее,
 Нет там травки любовной.
 Тут дунул совсем тихий ветерок,
 И заморосил там мелкий дождичек,
 Тут озеро и наполнилось.
 460 Только тогда она нашла травку любовную,
 Да полетела, как птица наибоыстрая
 И прибыла к своей родной сестре.
 А волхв ещё так и не дошёл!
 Лишь пришла и спрашивает, как юнак Орфей?
 465 «Сейчас, сестра, его увидишь,
 Когда его увидишь, то травкой напоишь,
 За день на ноги, чтобы встал.»
 Лишь его увидишь и узнаешь,
 Что хотел он уже жениться,
 470 Однако, нет любимой, достойной его.
 Тут напоила его этой травкой любовной,
 Юнак Орфей сразу на ноги встал,

Та си зе свирка гласувита,
 Та си засвири песна радуствлива,
 Малку сорце да разшани.
 Какъ ми виде Юда Сурвалие,
 Чи си има Фыркленъ гласувита свирка,
 И си има криле пудъ пазуфи,
 Пудъ мустакъ се смехъ насмее
 Па му дума и говори:
 „Е бре юнакъ, Фыркленъ юнакъ!
 И ти за женете кахыръ берешъ!
 С тава гласувита свирка
 Ша си найдешъ либе спроти тебе,»
 „Нема да си найда, Юду Сурвалию!
 Сичка земе самъ исфодилъ,
 Па не можахъ да си найда либе спроти мене!»
 „Да идешъ Фыркленъ на Харапска земе,
 Таму има либе спроти тебе.
 Харапска крале има ду три керки,
 И три-те се мощне гюзелии,
 Я шо си е наймалка-та,
 Уть нее си грееть деветь ясни сонца!
 Коса й е златна до земе-та,
 Та си бива за тое пырве либе.
 Да си земешъ гласувита свирка,
 Та да идешъ на Харапска земе.
 Харапска крале гозба гости седемдесе крале,
 И ти на гозба да си идешъ,
 На трапези свирка да засвиришъ,
 Песна шо умава да запеешъ,
 Да умашъ седемдесе крале,
 Па тога да си слезешъ долу на двореве,
 Да си флезешъ афъ бахче-ту.
 Таму има две ламии найфыркати,
 Що си чувать ди три кральски моми,
 Уть бахче-ту да не излевать,
 Нити при нихъ некой да си флезе;
 Лу кой си е афъ бахче-ту флезаль,
 Ламии гу сусъ срела усрелевать.
 Ду какъ ша си афъ бахче-ту флезешъ,
 Да засвиришъ свирка гласувита,
 Да запеешъ песна шо умава,
 Да умашъ ду две ламии найфыркати,
 Немой тебе сусъ срела да усрелеть.
 Па да имашъ и потайну ношче,
 Да убодешъ ду две ламии,
 Немой сусъ криле да та стигнашь.
 Кога ша си ламии убодешъ,
 Да засвиришъ песна хорувита,
 Да запеешъ песна радуствлива,
 Да играеть ду три моми хору харабиту.
 Шо се две-те погулеми съ хору ша се умореть,
 Ша си легнашь да поспиеть;
 Я шо си е наймалка-та,
 Наймалка-та найгюзеллийка,
 Да взял свою свирель голосистую,
 Тут заиграл он песню радостную,
 475 Младое сердце расшевелилось.
 Как увидела Юда Сурвалия,
 Что Орфей имеет свирель голосистую,
 И у него есть крылья под мышками,
 В кулак смеётся, улыбается
 480 Потом ему молвит и говорит:
 «Гой еси юнак, Орфей юнак!
 Ты за женитьбу не беспокойся!
 С такой голосистой свирелью
 Можно найти любимую достойную тебя.»
 485 «Нигде не нашёл, Юда Сурвалия!
 Все земли сам я исходил,
 Пока не смог найти любовь, достойную меня!»
 «Ты Орфей пойдёшь на Харапскую землю,
 Там имеется любимая, достойная тебя.
 490 Харапский король имеет три дочки,
 И все три прелестные красавицы,
 А что касается наименьшей,
 От неё сияют девять ясных солнц!
 Коса её золотая до самой земли,
 495 Она будет тебе первой любовью.
 Чтобы взял голосистую свирель,
 Да пошёл в Харапскую землю.
 Харапский король угощает семьдесят королей,
 И ты на пир к нему придёшь,
 500 На трапезе заиграешь на свирели,
 Песню, что заворачивает, чтобы запел,
 Да заморозишь семьдесят королей,
 Тогда слезешь вниз во двор,
 Да направишься в тот садик.
 505 Там имеются две Ламии сверхлетучие,
 Что стерегут трёх королевских дочек,
 В садик просто так не зайдёшь,
 Никто при них не может зайти;
 Лишь кто в садик тот входил,
 510 Ламии его стрелой застреливали.
 Ты как в садик будешь заходить,
 Заиграешь на свирели голосистой,
 Да запоёшь песню, что заворачивает,
 Тогда заморозишь двух Ламий сверхлетучих,
 515 Не смогут они тебя стрелой застрелить.
 Потом достанешь потайной ножик,
 Да заколешь тех двух Ламий,
 Чтобы на крыльях тебя не настигли.
 Когда ты Ламий заколешь,
 520 То заиграешь песню хороводную,
 Да запоёшь песню радостную,
 Чтобы три девушки потанцевали хороводом.
 Затем две старшие от хоровода устанут,
 Да прилягут, чтобы поспать;
 525 А что касается наименьшей,
 Наименьшей прелестной красавицы,

Тя си кулай не уморева,
 Нить ша легне да поспие,
 Сама хору ша играе.
 Та си ума седемдесе крале,
 Као умрели си лежеть пу трапези!
 Та ми слезе Фыркленъ юнакъ долу на двореве,
 И ей флезе афъ бахче-ту.
 Де си гледа две ламии найфыркати,
 Си се шетать и си фыркають пу бахче-ту. 560
 Какъ си видеха Фыркленъ юнакъ,
 Искареха срели да гу усрелеть;
 Я той си искара свирка гласувита,
 Та засвири песна шо умава,
 Та си ума ду две ламии найфыркати,
 Си се валеть пу земе-та као умаени! 570
 Фыркленъ юнакъ си искара потайну-ту ношче,
 Та убодe афъ сорце-ту ду две ламии.
 Тога флезе фнетре афъ бахче-ту.
 Ега гледа шо ша види!
 Три моми се шетать низъ бахче-ту,
 И три-те се мощне гюзеллии;
 Я шо си е наймалка-та,
 Уть нее си грееть деветь ясни сонца!
 Коса й е златна ду земе-та! 580
 Мощне си е бендиса Фыркленъ юнакъ,
 Та засвири песна хорувита,
 И си запе песна радустлива.
 Ду три моми си играеть хору харабиту.
 Две-те погулеми си се умориха,
 Та си легнаха малку да поспиеть;
 Я шо си бе наймалка-та,
 Наймалка-та найгюзеллийка,
 Тя се ичь не уморева,
 Ниту легна малку да поспие,
 Лу си сама хору играе.
 Фыркленъ юнакъ си устави песна хорувита,
 Та засвири песна затеглива,
 Пу негъ да си тегли малка мома.
 Та си излезе уть бахче-ту,
 И малка мома пу негу си навырви,
 Свирка си е тегли као мухладузь железу!
 Лу излезе уть бахче-ту,
 Си й тури пудъ мишница фыжркати криле,
 Шо ги даде Юда Сурвалие,
 Та и теа си фыркна као пиле на небе-ту;
 И два-та си фыркають као пилци другарции,
 Та си дойдоха на техна-та земе,
 Де ги чека Брава крале;
 Какъ ги виде мощне се зарадува,
 Та заправи силна свадба.
 Ми калеса сите кралюве и бануве,
 Да ги гости, да ги пои,
 Чи си има сныха дюнягюзеллийка,
 Шо е нема нийде пу земе-та;

То та способна не утомляться,
 Не будет ложиться, чтобы поспать,
 Сама хороводную будет танцевать.»
 Там заморозил он семьдесят королей,
 Как мёртвые лежат на трапезе!
 Затем спустился вниз юнак Орфей во дворик,
 И направился в тот садик.
 Где увидел двух Ламий сверхлетучих,
 Что бродили и летали по садику,
 Как увидели они юнака Орфея,
 Достали стрелы, чтобы его застрелить;
 А он достал свирель голосистую,
 Да заиграл песню, что замораживает,
 Так заморозил двух Ламий сверхлетучих,
 Они повалились на землю, как мёртвые!
 Юнак Орфей достал потайной ножик,
 Да заколол в сердце тех двух Ламий,
 Тогда пошёл вглубь садика.
 575 Глядит он и что же видит!
 Три девушки прогуливаются по садику,
 И все три прелестные красавицы,
 А что касается наименьшей,
 От неё сияют девять ясных солнц!
 580 Коса её золотая до самой земли!
 Очень она понравилась юнаку Орфею,
 Тут заиграл он песню хороводную,
 Да запел песню радостную,
 Три девушки затанцевали хороводом.
 585 Затем две старшие от хоровода устали,
 Да прилегли, чтобы немного поспать;
 А что касается наименьшей,
 Наименьшей прелестной красавицы,
 То та способна не утомляться,
 590 Не хочет ложиться, чтобы немного поспать,
 Лишь сама хороводную танцует.
 Юнак Орфей закончил песню хороводную,
 Да заиграл песню завлечённую,
 К нему, чтобы влекло младую девушку.
 595 Тут она выходит из садика,
 И младая девушка к нему направляется,
 Свирель её влечёт как магнит железо!
 Лишь вышли они из садика,
 Он ей приладил под мышки летучие крылья,
 600 Что ему дала Юда Сурвалия,
 Да вспорхнули они как птицы в небо,
 И двое летят как птицы голубки,
 Так прилетели уже на его землю,
 Где их ожидал король Брава;
 605 Как увидел их, очень он обрадовался,
 Тут подготовил он богатую свадьбу.
 К себе пригласил всех королей и князей,
 Чтобы их угостить, да чтобы их напоить,
 Что имеет сноху прелестную красавицу,
 610 Которой нет такой на земле,

Та ги гости три месеци и недеље,
 Вече искать да си фодеть.
 Излела е млада невеста,
 Рока да цалуне на седемдесе крале:
 Уть нее си грееть деветь ясни сонца!
 Коса й е златна ду земе-та!
 Невеста хми рока цалуне,
 Крале си е дарба дареть.
 Ду тога е била свадба траела.
 Я шо си бе Фырклень юнакъ,
 Си надбори сите крале пу земе-та,
 Та заптиса сита земе;
 Саму турцка крале не надбори,
 Негува земе не заптиса,
 Чи и той е юнакъ на земе-та;
 Сусь негу си се брате побратиха.
 Сова ми стори Фырклень юнакъ!
 И е устаналу песна да се пее,
 Да се помни шо юнакъ е билъ на земе-та.

Там их угощал три месеца и недеље,
 Уже все хотели возвращаться.
 Вышла к ним младая невеста,
 Чтобы поцеловать руки семидесяти королям:
 615 От неё сияют девять ясных солнц!
 Коса её золотая до самой земли!
 Невеста им руки целует,
 А короли ей подарки дарят.
 Только тогда свадьба закончилась.
 620 А что было с юнаком Орфеем,
 То он победил всех королей на земле,
 Да подчинил все их земли;
 Только турецкого короля не победил,
 Его земли не подчинил,
 625 Потому что тот тоже был юнак на земле;
 С ним они как братья побратались.
 Слова эти сложил Юнак Орфей!
 И оставил песню, чтобы пели,
 Да помнили, что был такой Юнак на земле.

XIV. Пакъ за рождение-то на Орфея, но различно.

Забахта се жива Юда, замочи се,
 Да си роди ду нейна милна сина,
 Та се бахте и се мочи малу млогу
 Малу млогу три месеци,
 Па не може рожба да си роди.
 Та се рукна гласумъ и подрукна:
 „Лу де да си, сестру, тука да си,
 Да си земешъ мое душе,
 Да си умра млада и зелена,
 Немой вече да се бахта, да се моче!
 Пусту устаналу мое дете
 Шо се зачиналу кришемъ афъ темнилу!»
 Още рече Юда не отрече,
 Гора заечила с' цырну се облекла,
 Чи си иде Мора Юда афъ цырну облечена;
 Афъ десна си рока носи осра сабе,
 Афъ лева си рока носи бильки отрувити,
 Още близу не е приближала
 Гласъ возвиси дуръ на синю небу,
 Па на сестра си дума продумала:
 „Кажы, сестру, шо ма рукашъ шо ма викашъ?
 Язы си бежъ дуръ на крайна земе,
 Дуръ да дойда дуръ при тебе.
 Мощно ми се дудеелу,
 Ела шо да праве оти ми си сестра.»
 Какъ га виде Жива Юда мощне се потресала,

XIV. Опять про рождение Орфея, но различно.

Утомилась Жива Юда, замучилась,
 Чтобы родить своего родного сына,
 Да томилась и мучилась ни много, ни мало,
 Ни много, ни мало целых три месяца,
 5 Пока роды не могли быть успешными.
 Тут крикнула она, громко позвала:
 Эй, где ты есть, сестра, тут ли ты,
 Чтобы ты взяла мою душу,
 Да умру я младая и зелёная,
 10 Не могу больше, утомилась, да замучилась!
 Одиноким останется моё дитя,
 Что зачинаясь скрытно в темноте!»
 Ещё речь Юда не отговорила,
 Лес загрохотал и настала темнота,
 15 Это идёт Мора³⁴ Юда в чёрном облачении;
 В правой руке носит острую саблю,
 А в левой руке носит травку ядовитую,
 Ещё близко не приблизилась
 А голос возвышается на всё синее небо,
 20 Потом к сестре обращается, говорит:
 «Скажи, сестра, что кричишь, что зовёшь?
 Я была только на крайней земле,
 Теперь добралась уже к тебе.
 Очень это мне надоело,
 25 Однако, сестра, что ты хочешь от меня.»
 Как её увидела Жива Юда, очень задрожала,

Утмалъ душе продумала:
„Ой ти сестру, Мора сестру!
Язи си та викамъ да си ми помогнешъ,
Рожба, сестру, вече да си роде,
Чи ми се е вече рожба дудеела;
Я ти ми си душла афъ цырну облечена:
Афъ десна си рока носишь осра сабе,
Афъ лева си рока бильки отрувити,
Може мене да погубишь млада изелена?»
„Аку носе, сестру, ша ги фырле;
Како тебе, сестру, ша си погубе,
Аку ти погинешъ сита земе погинила!»
Още рече не отрече,
Си соблече цырна дреха поцырнела,
Осра сабе афъ гора си фырли
Я бильки отрувити си изеде,
Та утиде близумъ ду сестра си.
Какъ хи виде рожба халувита,
Мощне й се натъжила, нажелила,
Та га пита и га праси:
„Кажы, сестру, шо грехъ си чинила?
Та се дуръ на Бога нагрозила,
Та си ти е пратиль рожба халувита,
Дури млада и зелена да загинешъ.»
„Шо самъ сестру грехъ учинила.
Утъ Богъ нашла, Леле, Юда Сурвалие,
Шо ма измамила на день на Боже име,
Та се сфодихъ с ясну сонце мое либе;
Вечерь билу на цырна година,
Та се е нагрозила дуръ на Бога,
И ми прати рожба халувита.»
„Грехъ си учинила, сестру, и кабахать,
Шо се сфоди на день на Боже име,
Хемъ е билу вечеръ на цырна година.»
„Шо да праве сестру, шо да чина.
Юда Сурвалие ма е измамила,
Чи ша роде дете болежиту нишанлие :
Лику ша си му е као ясну сонце,
Ша си има криле пудъ мишници,
Афъ десна си рока ша доржи свирка бележита.
Кога свирка си засвири,
Ша собира сите пилци да си слушетъ,
Шо е тае песна гласувита;
Ша си фырка и на висе небу,
Дуръ на Бога свирка да си свири.
Така са самъ, сестру, измамила
Та се сфодихъ с' ясну сонце мое либе.»
„Трала ми си, сестру, три месеци,
Потрай си ми още два дни,
Дуръ да ида на край земе,
Да си терамъ мое сестра Юда хиким цийка,
Шо си има бильки родувити.
Мольба ша й се моле, .
Да си дойде тука дуръ при тебе,

Еле переводя дух, её душа сказала:
«Ой ты сестра, Мора сестра!
Я кричала, чтобы ты мне помогла,
30 Роды, сестра, подошли, уже надо родить,
А мне уже такие роды надоели;
А ты пришла в чёрном облачении:
В правой руке носишь острую саблю,
А в левой руке травку ядовитую,
35 Может меня погубишь младую и зелёную?»
«Если ношу, сестра, могу её выбросить;
Как тебя, сестра, можно погубить,
Если ты погибнешь, вся земля погибнет!»
Ещё свою речь не отговорила,
40 Да сняла чёрное блачение почерневшее,
Острую саблю в лес бросила
А травки ядовитые она съела.
Да подошла поближе к сестре.
Как увидела она роды неблагоприятные,
45 Очень она опечалилась, огорчилась,
Да её пытается и спрашивает:
«Скажи, сестра, что за грех ты совершила?
Да ещё Богу пригрозила,
Поэтому послал тебе роды неблагоприятные,
50 Ещё младая и зелёная погибнешь.»
«Это я сама, сестра грех сотворила.
От Бога кара Леле, Юде Сурвалии,
Что меня обманули на Божий праздник,
Я соитилась с ясным Солнцем моей любовью;
55 Вечером, когда была Чёрная година,
Да пригрозила тогда Богу,
И мне послал роды неблагоприятные.»
«Грех совершила ты, сестра, и проступок,
Что соитилась на Божий праздник,
60 Ведь вечер был в чёрную годину.»
«Что делать, сестра, что предпринять.
Юда Сурвалия меня обманула,
Что рожу дитя удивительно знаменитого:
Лик у него будет, как ясное солнце,
65 Да будет иметь крылья под мышками,
А в правой руке будет свирель знаменитая.
Когда на свирели заиграет,
Все птицы соберутся, чтобы его послушать,
Что есть такая песня голосистая;
70 Которая долетит и на высокое небо,
Хотя бы до Бога свирель доиграла.
Так, я сама, сестра, обманулась
Да соитилась с ясным Солнцем моей любовью.»
«Длилось у тебя, сестра, три месяца,
75 Потерпи пока ещё два дня,
Только схожу на край земли,
Да встречу мою сестру Юду травницу,
Которая имеет травку родовую.
Буду с мольбой её просить,
80 Чтобы пришла только к тебе,

Да та лечи билька да та пои,
 Да си родишь мышку дете бележиту.»
 „Иди сестру, немой стои,
 Чи не мога вече да си трае!
 Дано млогу да се не бавишь.»
 Та си фырка Юда да си фырка,
 За день утишла на край земе.
 Тамъ си тера Юда хикимцийка,
 Исфодила сита Юдинска земе,
 Па не може да си найде Юда хикимцийка,
 Дурь утиде на Юдинску езеру,
 Де се банеть млади Юди все бульки,
 Тамъ си найде Юда хикимцийка,
 Чи си бере билька родувита,
 Та и вели утговори:
 „Уть Богъ нашла Юду хикимцийку!
 Сита земе самъ убишла да та терамъ,
 Па не можехъ да та найда.»
 „Шо ма тераш, Мора Юду, шо ма трысишь?»
 „Ша та карамъ Юду дурь на средь земе,
 Да си лечишь рожба халувита.»
 „Иди си ми Юду, не духождамъ!
 Сонце си ма праща дурь при наше сестра,
 Да си ида билька да га пое,
 Дано си роди дете бележиту;
 Ела езеру е присыхналу,
 Ниту билька има родувита;
 Та се чудум чуде шо да праве
 Шо да праве шо да стореть?»
 „И язъ сестру, за сова-та терамъ!
 Язъ самъ била дурь при наше сестра,
 Какъ и самъ видела рожба халувита,
 Натыжилу ми се, нажелилу ми се,
 Та си дойдохъ тебе да си терамъ,
 Да та карамъ дурь при нее,
 Да га лечишь билька да га поишь.,
 Дано си роди мжжку дете бележиту;
 Хемъ уть мока да се куртолиса,
 Три месеци се бахтала и мочила!»
 Какъ ми чула Юда хикимцийка,
 Завикала мощне, заплакала,
 Гласъ й се слуше дурь на небе,
 Де га дучу Вишню Бога,
 На сонце си вели утговори:
 „Сончице, мое златну сончице!
 Я сончице, какъ си греешь пу заме-та,
 Не ли си видель нейде Юда хикимцийка
 И неини-те ду две сестри?
 Сега има три месеци
 Уть какъ не се душли на небе-ту
 На небе-ту дурь при мене,
 Днеска още рану глас си чухъ уть земе-та,
 Чи си плаче, чи си ви[ка] Юда хикимцийка,
 Та не знамъ шо е толку цвижба?»

Да травкой бы напоила и вылечила,
 Да родишь мальчика-дитя знаменитого.»
 «Иди, сестра, не надо стоять,
 Нельзя больше затягивать время!
 85 Давай быстрее не опаздывай.»
 Тут вспорхнула Юда, да полетела,
 За день добралась до края земли.
 Там искала Юду травницу,
 Исходила все Юдинские земли,
 90 Пока не может найти Юду травницу,
 Тогда пришла на Юдинское озеро,
 Где купаются молодые Юды, все невесты,
 Там и нашла она Юду травницу,
 Что собирала травку родовую,
 95 Да ей молвит и говорит:
 «С Богом нашла Юду травницу!
 Все земли я обошла, чтобы тебя найти,
 Пока не могла тебя найти.»
 «Что ищешь, Мора Юда, чего просишь?»
 100 «Надо привести, тебя Юда на среднюю землю,
 Да полечишь роды затяжные.»
 «Иди Юда, не приходи!
 Солнце уже спрашивал про нашу сестру,
 Чтобы пришла и травкой её напоила,
 105 Да родила бы она дитя знаменитого,
 Однако, озеро было высохшее,
 Не имеется там травки родовой;
 Да размышляю, что же делать
 Что же делать, да что предпринять?
 110 «И я, сестра, за этим же пришла!
 Я сама была только у нашей сестры,
 Как и сама видела роды тяжёлые,
 Опечалилась я, да огорчилась,
 Да добралась, тебя, чтобы найти,
 115 И привести тебя уже к ней,
 Чтобы напоила травкой и полечила,
 Дабы родила она мальчика-дитя знаменитого;
 Однако, от муки надо спасти,
 Три месяца томилась и замучилась!»
 120 Как услышала Юда травница,
 Заголосила очень, заплакала,
 Голос её слышен даже на небе,
 Где её услышал Вышний Бог,
 Да Солнцу говорит, спрашивает:
 125 «Солнышко, моё златое Солнышко!
 Ты, Солнышко, когда светишь на землю,
 Не видел нигде Юду травницу
 И её двух сестёр?
 Сейчас прошло уже три месяца
 130 С тех пор, как они не пришли на небо
 На небо, чтобы уже быть при мне,
 Сегодня утром голос слышал с земли,
 Что плачет, что зовёт Юда травница,
 Ты не знаешь, почему столько крика?»

Утговори ясну сонце:
„Ой ти Боже, мили Боже,
Зарь незнаешь шо си тегли Жива Юда,
Жива Юда мое пырве либе?
Три месеци има уть какъ се е замочила,
Да си роди мыжку дете бедежиту,
Па не може да си гу роди,
Та ша си загине млада и зелена,
Хикимцийка Юда ша си га пои билька родувита,
Ела езеру е присыхналу,
Та си нема билька родувита;
За сова си вика Юда хикимцийка,
Гласъ й се слуше .дурь при тебе.
Мольба ти се, Боже, моле:
Изимъ да дадещъ на тои-те кладнеци,
Да си пратеть силна дожда на земе-та,
Да наполнетъ юдинску езеру присыхналу,
Да излезе билька родувита.»
„Язь ша отворе мои-те кладнеци,
И ша прате силна дожда на земе-та,
Ела иска и ти да закриешъ тое виделина,
Немой да си грешъ на земе-та,
Чи хатырь ша устане на облаци-те.»
„Мое виделина, Боже, ша занечи
мое сестра звезда месечина
Дурь да се наполни юдинску езеру присыхналу.»
Та утключи Вишну Бога ду негуви кладнеци 160
И си прати силна дождъ на земе-та;
Я сонце се занечи зад сестра си звезда месечина
Дождъ си иде тамам два сахате,
Дурь се езеру вече припылниту;
Лу се припылниту и билька излезала,
Та набрала Юда билька родувита.
Искать вече да си идать дурь при сестра си,
Ела нема какъ .да идать,
Чи си иде силна дождъ уть небе-ту,
Та се мольба молеть. сонце-ту:
„Я блесни си, сончице, на земе-та,
Да разгонишь тие цырни облаци;
Немой вече дождъ да си иде;
Да идеме скору при тое-ту пырве либе,
Да га поим билька родувита,
Да си роди мыжку дете бележиту;
Немой вече да се бахте да се мочи.»
Сонце си хми вели утговору:
„Шо се Юди мене мольба молити?
Шо си сыде язь на виделина?
Фатите си ду две сиви голабче-та,
Курбанъ да ги колете на Вишну Бога,
Да си заключи ду негуви кладнеци,
Немой вече дождъ да има на земе-та.»
Чудумъ си се чудеть ду две Юди,
Де да найдать ду две сиви голабче-та?
Една другумъ си говореть:

135 Отвечает ему ясное Солнце:
«Ой ты, Боже, милый Боже!
Ты не знаешь, что случилось с Живой Юдой,
Живой Юдой, моей первой любовью?
Три месяца прошло, как она мучается,
140 Чтобы родить мальчика-дитя знаменитого,
Пока никак не может его родить,
Да погибает млада и зелёная,
Юда травница напоит её травкой родовой,
Однако, озеро то высохло,
145 Да нет там травки родовой;
Поэтому и кричала Юда травница,
Голос её был слышен даже у тебя.
Молимся тебе, Боже, просим:
Поручение дай тем источникам,
150 Чтобы послали сильный дождь на землю,
Да наполнили Юдинское озеро высохшее,
Чтобы выросла травка родоая.»
«Я отворю все мои источники,
И пошлю сильный дождь на землю,
155 Если хочешь и ты закроешь свой свет,
Не будешь светить на землю,
Из-за уважения останешься на облаках.»
«Мой свет, Боже, будет замещать
моя сестра звезда Луна,
Только наполни Юдинское озеро пересохшее.»
Тут отомкнул Вышний Бог свои источники,
И послал сильный дождь на землю;
А Солнце замещала сестра звезда Луна.
Дождь длился там два часа,
Пока озеро уже наполнилось,
165 Лишь оно наполнилось и травка выросла,
Тут набрала Юда травки родовой.
Да хотели уже идти к сестре,
Однако, не знают, как им идти,
Потому что, сильный дождь идёт с неба,
170 Тут с мольбой просят они Солнце:
«А блесни, Солнышко, на землю,
Да разгони те чёрные тучи,
Чтобы дождь больше не шёл;
Да пойдём быстрее к твоей первой любви,
175 Чтобы напоить травкой родовой,
Да родила бы она мальчика-дитя знаменитого;
Не может она больше утомляться и мучиться.»
Солнце им говорит, отвечает:
«Что вы, Юды, меня с мольбой просите?
180 Что судите меня за освещение?
Поймайте двух сизых голубков,
Да требу принесите Вышнему Богу,
Чтобы замкнул свои источники,
Не будет тогда дождя на земле.»
185 Удивляются, да раздумывают две Юды,
Где же им найти двух сизых голубков?
Одна другой они говорят:

„На край земе нема сиви голабче-та,
 Де да идеме шо да правиме?»
 Още рекоха не отрекоха,
 Де си гледать уть небе-ту
 ду две сиви голабче-та,
 Криле хми се злату позлатени,
 Очи си хми свететь као безцени камене,
 Афъ ноги си носеть бела книга
 Бела книга цырну писму;
 195 Фыркать фыркатфъ си дойдоха дуръ при Юди,
 Какъ си фыркать на книга си гледать,
 Та си гукать и си думать:
 „Мари Юди Самуили!
 Шо стоите, шо чека
 200 Нее курбанъ ша бодеме на Вишну Бога,
 Да заприе силна дождь,
 Немой вече да си иде на земе-та;
 Да идете при ваше-та сестра,
 Да си га поите билька родувита,
 205 Да си роди мыжку дете бележиту,
 З тия вече да се куртолиса уть рожба халувита.
 Тия си е наше стара майка,
 Що си дава храна на земе-та!»
 Какъ ми чуха ду две Юди
 210 Шо си пееть ду две сиви голабче-та,
 Фащать си ги да ги колетъ.
 Ела нема сась шо да ги колетъ.
 Мора Юда сабе бе фырлила низъ гора зелена,
 Тера си га не може да га найде.
 215 Ега гледать афъ средь езеру сребрену ношче,
 Шо падналу уть небе-ту,
 Та гу зевать и си колетъ ду две сиви голабче-та;
 Ги заклаха курбанъ дуръ на Вишну Бога.
 Дуръ тога се небе разеснилу,
 220 Та си блесна ясну сонце да си грее.
 Ду две сиви голабче-та не били заклани,
 Па си фыркнаха на висе небу дуръ при Бога;
 Чи не се били сиви голабче-та,
 Лу се били ду два Дефа,
 225 Шо си праветь изметъ дуръ на Бога.
 Ду две Юди си фыркнаха
 да си идать на средь земе,
 Да си видеть шо хми прави милна сестра?
 Дуръ да клепне сонце утидоха на край земе.
 Там си гледать милна сестра,
 230 Чи се бахте да си роди мыжку дете;
 Какъ ги виде заплакала, завикала,
 Солзи рони изъ очи-те,
 На сестри си се мольба моли,
 Да си терать билька родувита.
 Шо си бе Юда хикимцийка,
 Мощне й се натыжилу,
 Натыжилу, нажелилу,
 Та ни постое, ни почека,
 «На край-земле нет сизых голубей,
 Куда идти, да что делать?»
 190 Ещё свою речь не отговорили,
 Вдруг, глянули они на небо
 А там видно два сизых голубка,
 Крылья у них золотые позлаченные,
 Очи у них светятся как драгоценные камни,
 А в когтях несут белую книгу
 195 Белую книгу чёрного письма
 Летели, летели, да прилетели прямо к Юдам,
 Когда летели, в книгу глядели,
 Да гукуют они и им говорят:
 «Эй вы, Юды Самуилы!
 200 Что стоите, чего ждёте?
 Вашей требой мы будем для Вышнего Бога,
 Который запрет сильный дождь,
 Чтобы не шёл больше на землю;
 Да идите вы к вашей сестре,
 205 Чтобы напоить её травкой родовой,
 Да родила бы мльчика-дитя знаменитого,
 И избавилась бы от родов тяжёлых.
 Потому что, это есть наша старая мать,
 Которая даёт питание на земле!»
 210 Как услышали это две Юды,
 Что пропели два сизых голубка,
 Стали ловить их, чтобы совершить требу.
 Однако, нет ничего, чтобы их заковать.
 Мора Юда бросилась в лес зелёный,
 Искала что-нибудь и не может найти.
 Вдруг, увидела в озере серебряный ножичек,
 Который упал прямо с неба,
 Его взяли и заклали двух сизых голубков;
 Их принесли в требу для Вышнего Бога.
 220 Только тогда небо прояснилось,
 Да блеснуло ясное Солнце, чтобы светить.
 Но два сизых голубка не были закланы,
 Потом вспорхнули высоко в небо до Бога;
 Однако, это были не сизые голубки,
 225 Оказывается, это были две Девы небесные,
 Которые помогают и службу несут у Бога.
 Тогда две Юды вспорхнули
 и направились на среднюю землю,
 Чтобы увидеть, что же делает родная сестра?
 Уже Солнце затрепетало и ушло на край земли.
 230 Там они увидели родную сестру,
 Что утомилась уже рожать мальчика-дитя;
 Как увидела их, заплакала, запричитала,
 Слёзы роняет из ясных очей,
 Сестёр с мольбой просит,
 235 Чтобы дали ей травку родовую.
 Что была у Юды травницы,
 Очень ей печалилось,
 Опечалилась и тужила,
 Она не постояла, не подождала,

Лу искара уть пазуфи билька родувита,
 Та запои сестра си Жива Юда;
 Лу е пила билька родувита
 И е дете навырвилу да излезе;
 Още день не поминалу рожба се родила.
 Падна дете на земе-та,
 Уть шо си е бележиту земе се потресла!
 Загырмилу на небе-ту затрещелу!
 Сонце още предъ зорница е изгрелу,
 Да си види ду негуву мыжку дете:
 Лику му е као ясну сонце!
 Има криле пудъ мишница!
 Афъ десна си рока доржи свирка бележита!
 Лу е на земе падналу,
 На майка си продумалу:
 „Ой ле, мале, мила мале!
 Дай ми, мале, биска да си бизамъ,
 Чи ша свире свирка бележита.»
 Та бизалу шо бизалу,
 Меракъ млогу има на свирка-та,
 И бизае и си свирка гледа!
 Какъ засвири свирка бележита,
 Шо се пилци пу небе-ту,
 Се собраха да си слушетъ песна гласувита,
 Шо га нема нийде пу дюне-та,
 И си слушетъ и си хору играть,
 Дуръ и тие планини заиграха!
 Уть шо беше свирка гласувита,
 Сите крале пу земе-та си га чуха,
 Са се чудумъ чудеть шо е сова чуду?
 Сите велеть, чи е свирка на небе-ту,
 Си га свиреть малки Дефове;
 Я шо си бе юдинска крале,
 Си ми гледа горе на звезди-те,
 Да му кажетъ де си свири свирка гласувита?
 Гледа си ми три дни и три ноци,
 Та му звезди не казувить,
 И тие се уть свирка умаяни!
 Дугледа гу ясну-ту сонце,
 Та му вели утговори:
 „Е бре кралю, е бре стари деду!
 Шо си гледашъ горе на небе-ту?
 Гласувита свирка не е тука на небе-ту,
 Тя е долу на земе-та,
 Си га свири мое мыжку дете.
 Мое мыжку дете тое пырву мнуче,
 Той си свирка свири на средъ земе.
 Да закарашъ сите крале и бануве,
 Да идете на край земе при мое-ту мыжку дете,
 Да видите како си е бележиту;
 Да си гостишь ти сите крале и бануве,
 Да ги гостишь да ги поишь,
 Чи си имашъ бележиту мнуче.
 Кога вече гозба си дуфтасашъ,

240 Лишь достала из кармана травку родовую,
 Да напоила сестру Живу Юду;
 Лишь выпила она травку родовую
 И дитя пролезло и вылезло;
 Ещё день не прошёл, как роды кончились.
 245 Упало дитя на землю,
 От того, что был знаменитый, земля затряслась!
 Загремело на небе, затрещало!
 Солнце ещё перед Зарницей взошло,
 Чтобы посмотреть на своего мальчика-дитя:
 250 Лик у него, как ясное солнце!
 Имел он крылья под мышками!
 А в правой руке держал свирель знаменитую!
 Лишь на земле он появился,
 Сразу с матерью заговорил:
 255 «Ой ты, мама, родная мама!
 Дай мне, мама, грудь сососать,
 Чтобы поиграть на свирели знаменитой.»
 Да сосал он, всё время сосал,
 Но больше хотел иметь времени для свирели,
 260 И сосал грудь, и на свирель смотрел!
 Как заиграл на свирели знаменитой,
 Что все птицы на небе услышали,
 Да собрались и слушают песню голосистую,
 Что такой нет нигде на свете,
 265 И слушают и хором танцуют,
 Даже и наши горы затанцевали!
 От мощи свирели голосистой,
 Все короли на земле её услышали,
 Да удивляются, что это за чудо из чудес?
 270 Все думают, что свирель на небе,
 Что играют младые Девы небесные;
 И только был Юдинский король,
 Который глядел вверх на звёзды,
 Чтобы сказали, где играет свирель голосистая?
 275 Так глядел он три дня и три ночи,
 Но ему звёзды ничего не говорят,
 Потому что от свирели умаялись!
 Увидело его ясное Солнце,
 Да ему молвит и говорит:
 280 «Гой еси, король, гой еси старый дед!
 Что глядишь вверх на небо?
 Голосистая свирель не на небе,
 Она тут внизу на земле,
 На ней играет мой мальчик-дитя.
 285 Мой мальчик-дитя, твой первый внук,
 Он играет на свирели на средней земле.
 Ты соберёшь всех королей и князей,
 Да пойдёте на край-землю к моему мальчику,
 Чтобы увидеть, какой он знаменитый;
 290 Да угостишь всех королей и князей,
 Ты их угостишь, да их напоишь,
 Что ты имеешь знаменитого внука.
 Когда уже пир закончится,

Да си земешь тое керка Жива юда
 И мое бележиту мыжку дете,
 Да си ги уткарашь на тои сарае,
 Да си гледашь мое дете дурь да си порасне.
 Той не ша иска с тебе да си дойде,
 От си нема име да се рука,
 Дурь му име не кажешь,
 Не ша дойде афь тои сарае;
 Да гу рукнешь, дума да му продумашь:
 „Хаде мнуче, Уфрень юнакъ, афь мои сарае,
 Таму да си свиришь свирка гласувита;»
 Лу какь ша си чуе негуву-гу име,
 Ша си фати свирка афь рока-та.
 Та ша фыркне као пиле найфыркату;
 Дурь да яхнешь ти бырза-та коне,
 Той ша иде афь тои сарае.
 Иди сега кажи на крале и бануве.»
 Дурь да иде Юдинска крале при крале,
 Тие се уть свирка умаяли,
 Та легнали као мертви на земе-та?
 Дурь да си ги дигне му се дудеелу,
 Утмалъ као упиени станали,
 Той имь вели утговори:
 „Е бре, седемдесе крале, хемь бануве!
 Не е била свирка на небе-ту,
 Туку си е тука на средь земе,
 Мое мнуче си га свири;
 Да идеме скору на средь земе,
 Да си виде мое милу мнуче;
 Хемь да си ва гозба госте,
 Чи ми се е родилу мнуче бележиту.»
 Та яхнаха сите крале и бануве,
 Кой на бырза коне, кой на люта ламие;
 Колку фодеть свирка си е още погласувита,
 Утидоха вече на сред земе.
 Ега да видеть шо ша видеть:
 Ду три юди, ду три сестри,
 седеть на зелени ливаде, 330
 Афь средь техь си седи малку дете,
 Уть лику му грее ясну сонце!
 Афь рока си доржи гласувита свирка.
 И си свири песна хорувита,
 Та си играть хору пилци и планини!
 Не можеха да си траеть седемдесе крале,
 И тие ми станаха хору да играеть,
 Та играха малу млогу две недели,
 Дурь хми се е вече дудеелу,
 Ела си се умаяни као уть люта ракие,
 Мольба му се сите молеть,
 Да устави свирка гласувита,
 Гозба да ги гости юдинска крале;
 Той имь мольба не слуше,
 Лу си свири още погласувиту.
 Тога си му юдинска крале вели утговори:

Ты возьмёшь свою дочку Живу Юду
 295 И моего знаменитого мальчика-дитя,
 Да отведёшь их в свой дворец,
 И присмотришь за моим дитя, пока подрастёт.
 Он не может с тобой пока пойти,
 Потому что, не прошёл имянаречение,
 300 Пока ему имя не скажут,
 Он не должен прийти в твой дворец;
 Когда его позовёшь, такие слова ему скажешь:
 «Приезжай внучек, юнак Орфей, в мой дворец,
 Там поиграешь на свирели голосистой:»
 305 Лишь как услышит своё имя,
 Сразу схватит свирель в руки.
 Да вспорхнёт, как птица наибо́йстрая,
 Пока ты оседлаешь борзого коня,
 Он уже будет в твоём дворце.
 310 Иди сегодня позови королей и князей.»
 Только подъехал Юдинский король к королям,
 А они от свирели заворожились,
 Да лежали ли как мёртвые на земле?
 Только поднимать их ему надоело,
 315 С трудом, как пьяные вставали,
 Тот им велит и говорит:
 «Гой еси, семьдесят королей, особенно князя!
 Не было свирели на небе,
 Тут она, тут на средней земле,
 320 Мой внучок играл на свирели;
 Да поедem скорее на среднюю землю,
 Чтобы увидеть моего родного вну́чека;
 И приглашаю вас на пиршество в гости,
 Что у меня родился внучек знаменитый.»
 325 Тут вскочили все короли и князья,
 Кто на борзого коня, кто на лютовую Ламию;
 Столько проехали, что свирель слышна громче,
 Добрались вечером на среднюю землю.
 Смотрят они и что же видят:
 си Там три Юды, три родные сестры,
 сидят на своём зелёном лужочке,
 А среди них сидит малое дитя,
 От лика его сияет ясное солнце!
 А в руках держит свирель голосистую.
 И играет песню хороводную,
 335 Тут затанцевали хороводом птицы и горы!
 Не могут утерпеть семьдесят королей,
 И они тоже стали в хороводе танцевать,
 Так танцевали ни много, ни мало, две недели,
 Пока им это уже надоело,
 340 Совсем умаялись, как от крепкой водки,
 С мольбой его все просят,
 Чтобы оставил свирель голосистую,
 Гостей хочет угостить Юдинский король;
 Тот их просьбу не слушает,
 345 Лишь играет ещё голосистее.
 Тогда Юдинский король ему велит и говорит:

„Е бре мнуче, Уфрень юнакъ!
 И язъ ти се мольба моле,
 Остави си вече свирка гласувита,
 Седемдесе крале малку да починать,
 Да си ги гозба госте,
 Чи си имаъ мнуче бележиту.»
 Дурь тога е Уфрень свирка уставилу,
 Та си изъ редь гледа седемдесе крале,
 Си ги гледа и ги пита кой утъ де е?
 Та си гости юдинска крале седемдесе крале,
 Гости ги и ги пои тамамъ три дни и три нощи.
 Вече искать крале да си идать.
 Малку дете си хми вели утговори:
 „Идите си с Богомъ сега крале!
 Утъ година пакъ да дойдете на средь земе,
 Язи тука града ша си граде,
 Тука ша си е мое столнина,
 Жюмбушь да правите на мое-та свадба.»
 Сова рече не отрече,
 И си фыркна горе на небе-ту,
 И на небе малку свирка да посвири.
 Я юдинска крале си закара Жива юда,
 Та утиде на юдинска земе,
 Си седеше таму афъ сарае-ту.
 Уфрень юнакъ ми се бави ифратъ млогу,
 Седель ми е на небе-ту тамамъ година.
 Вече дойде време да се жени,
 Ела нема либе спроти негу,
 Та се жели, свирка вече не ми свири;
 Си утиде на юдинска земе при майка-си.
 Утъ жельба е падналь болан да лежи,
 Боланъ лежи ша умрие.
 Лу кой иде си гу пита,
 Шо си има на сорце-ту?
 Той си имъ не казува.
 Утмалъ се е дусетила Жива Юда,
 Чи си иска да се жени,
 Ела либе нема спроти негу,
 Та си фоди дурь при негу на потстеле-та:
 „Кажы, сину, оти боланъ лежишь?
 Шо си имашъ на сорце-ту?»
 „Немамъ нищу, мале, на сорце-ту,
 Лу ми дойде време да се жене,
 Ела либе нема спроти мене.»
 „Стани, сину, утъ потстеле,
 За сова ли ти кахыръ берешъ!
 Язи ша ти каза де си има либе за тебе,
 Хемъ ша можешъ тина да я земешъ;
 Лу какъ ша ти чуе свирка,
 Сама пу тебе ша навырви! «
 На Уфрена дурь тога му сорце дойде,
 Та си стана утъ потстеле,
 Афъ рока си зе гласувита свирка,
 Та ми свири и ми пее тамамъ две недели.

«Гой еси внучек, юнак Орфей!
 И я тебя тоже с мольбой прошу,
 Оставь уже свирель голосистую,
 350 Чтобы семьдесят королей немного отдохнули,
 Да я бы угостил их яствами,
 Что заимел внука знаменитого.»
 Только тогда Орфей свирель оставил,
 Да из круга глядят семьдесят королей,
 355 Он на них глядит и спрашивает кто откуда?
 И угощал Юдинский король семьдесят королей,
 Угощал он их и поил там три дня и три ночи.
 Уже хотят короли уезжать назад.
 Малое дитя им молвит, говорит:
 360 «Идите с Богом сейчас короли!
 Через год придёте на среднюю землю,
 Я тут град буду строить,
 Тут будет моя столица,
 Пожелаете, приезжайте на мою свадьбу.»
 365 Свою речь ещё не договорил,
 И вспорхнул высоко на небо,
 Да на небе малый заиграл на свирели.
 А Юдинский король забрал Живу Юду,
 Да отправился на Юдинскую землю,
 370 Чтобы жить там в своём дворце.
 Юнак Орфей играл продолжительно и много,
 Сидел там на небе целый год.
 Уже подошло время, чтобы жениться,
 Однако, нет любимой, достойной его,
 375 Да печалился, на свирели больше не играл;
 Он вернулся на Юдинскую землю к матери.
 От печали упал и больной лежит,
 Болен лежит, совсем умирает.
 Лишь кто придёт и его спрашивает,
 380 Что он имеет на своём сердце?
 То он им не отвечает.
 С трудом догадалась Жива Юда,
 Что он хочет жениться,
 Однако, нет любимой, достойной его,
 385 Да подошла уже к нему на постель:
 «Скажи, сын, почему больной лежишь?
 Да что имеешь ты на сердце?»
 «Нет ничего, мама, на сердце,
 Лишь пришло время мне жениться,
 390 Однако, нет любимой, достойной меня.»
 «Встань, сын, со своей постели,
 За это ты можешь не беспокоиться!
 Я тебе скажу, где имеется любимая для тебя,
 Вскоре ты можешь молодлицу взять;
 395 Лишь как услышит твою свирель,
 Сама к тебе прибежит!»
 Орфею только тогда до сердца дошло,
 Да встал он со своей постели,
 А в руки взял голосистую свирель,
 400 Да играл и пел там две недели.

Дурь тога е майка попиталу:
 „Кажы, мале, дека има либе спроти мене?
 Аку има нейде да га терамъ.»
 „Има, сину, либе спроти
 тебе на край белъ Дунавъ,
 Кральска керка си е дюнягюзеллийка,
 Шо га нема нийде на дюне-та;
 Ела татку има као люта змие,
 Не й дава да се жени,
 Той си иска лику да й цалива!
 Млогу пыте е бегала уть негуви пусти сарае, 410
 Па га фаща и га враща.
 Сега му се е на умъ наумилу,
 Та га има фнетре афъ зандана,
 На порти седеть ду две люти змии,
 Шо си иматъ пилски криле та си фыркатъ, 415
 Не й даватъ да излезе уть вунъ зандана;
 И да излезе, па га фащатъ.»
 „Язи, мале, ша си омамъ люти змии,
 Та ша флеза дурь при нея афъ зандана,
 Да га виде да ли си е спроти мене?
 Лу ми кажи какъ е таткуву хи име?
 Кого срещна пу пыте да си питамъ,
 Дека си е ду белъ Дунавъ?»
 „Лу си питай дека си е дунавска крале,
 Та ша найдешъ де си тече ду белъ Дунавъ; 425
 Ела гледай свирка нейде да не уставишь,
 Чи ша си та люти змии младу погубеть.»
 Даде си му още и неини-те криле,
 Ега си закара млада булъка,
 Да й тури криле пудъ мишници,
 И тия с негу да сифырка,
 Немой да ги стигнашь люти змии.
 „С Богомъ, мале!
 Да ма чекашь с млада булъка.»
 Сова рече не отрече,
 И си фыркна да си иде на белъ Дунавъ,
 Дурь да иде месецъ поминалу,
 Наблизы вече ду белъ Дунавъ.
 Чудумъ си се сега чуди
 Де ми седи Дунавска крале?
 Нема никомъ да си пита:
 Ниту чувекъ има да заmine,
 Ниту пиле да си фыркне.
 Лу си гледа на край Дунавъ сура ламие,
 Тя си му се кани млогу люту,
 Не му дава да заmine презъ Дунава;
 Ела той си га не слуше,
 Лу си фыркна още понависе;
 Да прифыркне ду белъ Дунавъ;
 Си ми фырка и на сонце си се моли: 450
 „Сончице, милу сончице!
 Я кажи ми, сончице, де си е Дунавска крале?
 Да си ида на негуви сарае,
 Только тогда спрашивает он мать:
 «Скажи, мама, где есть любовь, достойная меня?
 Если имеется где-то, то чтобы мне привести.»
 «Имеется, сын, любимая, достойная
 тебя на самом краю Белого Дуная,
 405 Королевская дочка всемирная красавица,
 Что такой нет нигде на свете;
 Однако, у неё есть отец, злой, как лютый змей,
 Не даёт ей выйти замуж,
 Он хочет сам её лик целовать!
 Много раз убегала из его пустого дворца,
 Потом её хватали и возвращали.
 Сейчас ему на ум пришло,
 Чтобы держать её в темнице,
 На воротах посадил двух лютых змей,
 415 Что имеют птичьи крылья, чтобы летать,
 Не дают ей выйти из темницы;
 А если выходит, сразу её хватают.»
 «Я, мама, заворожу лютых змей,
 Да зайду пока к ней в темницу,
 420 Чтобы увидеть, достойна ли она меня?
 Лишь скажи, как зовут её отца?
 Кого встречу, того испытаю и спрошу,
 Где находится Белый Дунай?»
 «Лишь спросишь, где живёт Дунайский король,
 425 Тогда найдёшь, где течёт Белый Дунай;
 Однако, смотри, свирель нигде не оставляй,
 Иначе лютые змеи тебя младого погубят.»
 Дам тебе ещё свои крылья,
 Если заполучишь младую невесту,
 430 То прикрепи ей крылья под мышками,
 И тогда с ней прилетишь,
 Не догонят тебя лютые змеи.»
 «С Богом, родная мама!
 Да ожидай меня с младой невестой.»
 435 Свою речь ещё не отговорил,
 Да вспорхнул и направился на Белый Дунай,
 Уже месяц миновал, как он ушёл,
 Близко показался Белый Дунай.
 Раздумывает он сейчас, удивляется
 440 Где живёт Дунайский король?
 Нет никого, чтобы спросить:
 Нет людей, которые бы проходили,
 Нет птиц, которые бы пролетали.
 Лишь увидел на берегу Дуная Суру Ламию,
 445 Что ему угрожает очень люто,
 Не даёт ему переправиться через Дунай;
 Однако, он её не слушает,
 Лишь взлетел очень высоко;
 Да перелетел он Белый Дунай;
 450 Он полетел и просит Солнце:
 «Солнышко, родное Солнышко!
 Скажи мне, Солнышко, где Дунайский король?
 Чтобы прийти в его дворец,

Да си виде негува-та гюзель керка;
 Аку си е дюнягюзеллийка,
 Да си бодее мое пырве либе.»
 На сонце си думилелу,
 Та му вели утговори:
 „Бре Уфрене! башь свирелжие!
 Язи да ти каза де си е Дунавска крале,
 Лу се боимьда не таму младу погинешь,
 Чи си таму има люти змии.»
 „Кажы си ми, сончице, немой се боишь,
 Язь си имамь свирка бележита
 Що умава люде и пиле-та,
 Свирка ша умае и люти змии.»
 „Фыркны си ми още понависе,
 Та ша видишь шарени сарае,
 Шо се наградени уть елмазь камень,
 Афь средь дори има темань зандань,
 Де си седи кральска керка.
 Шо га нема нийде на дюне-та.»
 Какь си фыркна Уфрень юнакь понависе,
 Афь средь полету си дугледа шарена сарае,
 Наградени уть елмазь камень;
 Афь средь дори си гледа темань зандань,
 Лу га виде сорце му се шанландиса,
 Лику му се мощне засмее,
 Та си слезе уть висе планина,
 И утиде на кральски сарае.
 Уть порти си още засвири свирка гласувита,
 Та си ума Дунавска крале и две люти змии,
 Шо чуваха кральска керка афь зандана.
 Та ми флезе фнетре афь зандана,
 Де си найде чи си плаче кральска керка;
 Дюнягюзеллийка беше шо
 га нема нийде на дюнета.
 Какь га виде мощне га бендиса,
 Та й вели утговори:
 „Оть ми плачешь, кральску керку?
 Оть ми ронишь дребни солзи?
 „Е бре юначе, бре делию!
 Какь да не плака, солзи да не роне.
 Сега три години има шо не
 самь уть зандань излела,
 Юнаци мое гиздавина да си видеть,
 Мене тие да залибеть.»
 „Фоди сега ти пу мене,
 Ша си бодешь мое пырве либе,
 Хемь ша бодешь башь кралица на земе-та.»
 „Молчи, молчи бре юначе!
 Да не си та чуеть ду две люти змии,
 Чи ша си та младу погубеть.»
 „Язь самь люти змии умаялу,
 Као мертви на земе-та си лежать!»
 И си дума дума и си свирка свири,
 Малку свирка да остави,

Да увидеть его красивую дочку;
 455 Если она окажется всемирной красавицей,
 То будет мне первой любовью.»
 Солнце сразу подобрело,
 Да ему молвит, говорит:
 «Гой Орфей! Главный свирельщик!
 460 Я тебе скажу, где Дунайский король,
 Лишь боюсь того, что там молодой погибнешь,
 Потому что там есть лютые змеи.»
 «Скажи мне, Солнышко, не надо бояться,
 465 Ведь я имею свирель знаменитую,
 Что завораживает людей и птиц,
 Свирель заморозит и лютых змей.»
 «Взлети ты ко мне ещё повыше,
 И увидишь расписной дворец,
 Что украшен алмазным камнем,
 470 А среди двора есть тёмные застенки,
 Где сидит королевская дочка,
 Что такой нет нигде на свете.»
 Как взлетел юнак Орфей ещё выше,
 И в полёте увидел расписной дворец,
 475 Украшенный алмазным камнем;
 А среди двора увидел тёмные застенки,
 Лишь увидел, сердце его заволновалось,
 Лик его очень улыбался,
 Да спустился свысока на гору,
 480 А оттуда в королевский дворец.
 Ещё в воротах заиграл на свирели голосистой,
 Да заморозил Дунайского короля и лютых змей,
 Что стерегли королевскую дочку в темнице.
 Тут он влез внутрь темницы,
 485 Где нашёл плачущую королевскую дочку;
 Всемирная красавица была такая,
 что не найдёшь такой нигде на свете.
 Как увидел её, очень она ему понравилась,
 Да ей молвит, говорит:
 «Почему ты плачешь, королевская дочка?
 480 Отчего роняешь частые слёзы?
 «Гой еси, юначик, гой храбрец!
 Как мне не плакать, да слёзы не ронять.
 Сейчас уже три года миновало,
 как я не выходила из темницы,
 Юнаки теперь увидят мою красоту,
 495 Меня могут полюбить.»
 «Выходи ты сейчас за меня замуж,
 Да будешь мне первой любовью,
 Ещё будешь главной королевой на земле.»
 «Молчи, молчи, гой юначик!
 500 Как бы не услышали две лютые змеи.
 Которые могут тебя молодого погубить.»
 «Я сам лютых змей заморозил,
 Как мёртвые они на земле лежат!»
 И говорил, говорил, да на свирели играл,
 505 На миг свирель оставил,

Люти змии се разбудевать. Та си навырви кральска керка пу Уфрень юнакъ. Лу се порти изминали Люти змии се разбудили, Та ги гонеть да си фатеть кральска керка. Уфрень юнакъ й тури майчини си криле, Да си фырка и тя на vise небу. Ела не се знае какъ се фырка, Га стигнаха вече да га фатеть. Писна, викна да си плаче: „Шо да праве, Боже, сега шо да сторее? Люти змии млада ша ма погубеть.» Дурь тога ми Уфрень засвири песна Шо умава као люта ракие, Та си ума ду две люти змии, Паднаха на земе-та као мертви, Та искара Уфрень потайну си ношче И убоде ду две люти змии на сорце-ту, Уть техъ истекоха ду две кривави реки: Една тече каде угрева, Я друга-та тече каде заходъ. Дурь тога си на либе вели утговори: „Фыркай, либе, да идеме на. наше-та земе, Да си видишь мое мила майка.» Та си утиде на техна-та земе, Уть далечъ на майка си рука: „Я излези, мале, да си видишь тое мила сныха. Да ли мяса тя за мене?» „Меса, сину, мощне си е харна, Лу си заправи силна свадба, Та си калесай сите крале и бануве, Да ги гостишь да ги поишь.» Та заправи силна свадба, Си калеса сите крале и бануве; Свадба е траела три месеци. Дурь да им се свадба свырши, Масторе свыршили и негува града, Де си тури негува силна столнина. Та заптиса сита земе да повеле, Земе си повелеше и си свирка свиреше, Да си жюмбушь чини с прве-ту либе. Сова чуду ми е сториль Уфрень юнакъ! И е устаналу песна да се пее, Да се помни негуву-ту бележиту име, Уть Бога зраве, уть мене песна.	510 515 520 525 530 535 510 545 550	Лютые змеи стали пробуждаться. Тут побежали королевская дочка с Орфеем. Только миновали ворота Лютые змеи пробудились, Догоняют, чтобы схватить королевскую дочку. Юнак Орфей прикрепил ей материны крылья, Чтобы взлететь с ней на высокое небо. Однако, она не знает, как ей взлететь, Их настигают уже, чтобы схватить. Пищит, кричит она, да плачет: «Что делать, Боже, сейчас что предпринять? Лютые змеи младую меня погубят.» Сразу тогда Орфей заиграл песню, Что одурманивает, как крепкая водка, Тут одурманились две лютые змеи, Упали на землю, как мёртвые, Тогда достал Орфей потайной ножичек И ударил двух лютых змей в самое сердце, Из них истекли две кровавые реки: Одна из них потекла на восток, А другая из них потекла на запад. Только тогда он любимой молвит, говорит: «Взлетай, любимая, да полетим на нашу землю, Где увидишь мою родную маму.» Тут направились они на его землю, Ещё издалека он кричит матери: «А выходи, мама, и увидишь свою милую сноху. Да ты теперь успокоишься за меня?» «Успокоюсь, сын, всё очень хорошо, Лишь надо справить богатую свадьбу, И пригласить всех королей и князей, Да их угостить, да их напоить.» Тут справили богатую свадьбу, Пригласили они всех королей и князей; Свадьба длилась целых три месяца. Только их свадьба завершилась, Мастера закончили строить его град, Где стала его могущественная столица. Потом подчинил все земли и повелевал, Землями повелевал и на свирели играл, Да в согласии жил с первой любовью. Это чудо сотворил юнак Орфей! И оставил песню, чтобы пели, Да помнили его знаменитое имя, От Бога вам здоровье, а от меня песня.
--	---	--

XV. Орфеева женитба со керка на

XV. Орфеева женитьба на дочери

арабска кралe.

Бре Орфене млади свирелжия!
Сички юнаци сырце иматъ,
Кой на пушка, кой на сабя;
С пушка дребна лова да ловець,
Со сабя на юдинску поле да се биятъ,
Единъ другумъ намъ да си дадатъ.
Орфенъ младъ юнакъ сырце нема
Не на пушка не на сабя,
И той со пушка дребна лова да лови,
Стару си майку даръ да утнесе,
Сладка вечеря да си зготви,
Кога на трапеза седне.
Да си яди дребна лова,
И Орфена фалба да си фали,
Чи си има юнакъ надъ юнаци!
Нить на сабя сырце има,
Сось юнаци на юдинску поле да се бия,
И той намъ да си даде,
Сички Юди да зачуди.
Тая дарба Орфенъ си не има
Лю си има сырце свирка да си свире,
Лю дэ иде в рыки си свирка държи,
Кога засвири тая юдинска свирка,
Сички Юди се на поле збиратъ,
Да си слушетъ шо е тая свирка
С коя дуръ и планини заиграватъ
Та се люлетъ какъ се люле малку дете въ люлка!
Раста Орфенъ що раста
Дойде время да се жени,
Сите Юди искатъ зетя да гу сторетъ
Коя со керка, коя со мнука.
Нему си се на сырце не слага!
Иска мома спроти негу да си тера:
Уть лику хи ясну сонце да си грея!
Коси хи ду земя да се влачетъ!
Ут майка си прошка тера
Да гу пусне пу земя да се шета,
Любу спроти негу да си тера,
Белки да си найде каква-ту той си иска?
Той хи прошка тера,
Тя му прошка не дава:
„Седи сину, ми пу земя ходишь,
Чи си едно на майка!
На тоя свирка ща каскандисатъ
И тебе младу ща погубетъ
Ду мои петъ душманки все Юди.
Сетне майка що ще прави?
Какъ ща седи в тия сарая сама самичка
Сама самичка кату кукувица?»
Орфенъ хи вэли ютговори:

арабского короля

Гой Орфей, молодой свирельщик!
Всем юнакам что-то по сердцу,
Кому нравится лук, кому сабля;
С луком на мелкую дичь охотяться,
5 С саблей на Юдинском поле бьются,
Друг перед другом выхваляются.
Орфею младому юнаку не по сердцу
Не нравится ему ни лук, ни сабля,
И с тем луком мелкую дичь добывать,
10 Да старой матери в дар относить,
Чтобы приготовила вкусную вечерю,
Когда сядут все за трапезу.
Да отведают мелкой дичи,
И Орфея хвалой все похвалят,
15 Что стал юнаком над юнаками!
Не лежит у него сердце к сабле,
С юнаками на Юдинском поле биться,
И он для них был непобедимым,
Все Юды стали удивляться.
20 Что у Орфея не имеется дара
Лишь по сердцу ему на свирели играть,
Если куда идёт, в руках свирель держит,
Когда заиграет та Юдинская свирель,
Все Юды на поле собираются,
25 Да слушают, что есть такая свирель
С которой даже горы начинают плясать
Да качаются как малое дитя в люльке!
Растёт Орфей, ещё подрастает
Пришло время, чтобы уже жениться,
30 Все Юды хотят иметь такого зятя,
Кто с дочкой, кто с внучкой.
Его сердце никого не признаёт!
Хотел девушку, достойную его привести:
Чтобы от лика её ясное солнце сияло!
35 Коса у ней до самой земли доставала!
У матери разрешения просит,
Чтобы пустила по земле путешествовать,
Любимую, достойную его поискать,
Может быть найдёт такую, какую хотел?
40 Он у неё разрешение просит,
А она ему разрешение не даёт:
«Сиди, сын, не надо по земле ходить,
Потому что ты у матери один!
Твоей свирели будут завидовать
45 И тебя младого могут погубить
У меня пять врагов и все Юды.
Я чувствительная мать, что же делать?
Как я останусь во дворце одна одинёшинька
Одна одинёшинька как кукушка?»
50 Орфей ей говорит, отвечает:

„Ой ле мале, стара Юда!
 За това, ти кахыр̄ ми береш̄!
 Яз̄ь сос̄ь свирка сички душмане ща си омам̄ь
 Та сос̄ь мене ща се побратет̄ь;
 Сал' ти се молбе моля,
 Да си ми изим̄ь дадеш̄ь,
 Да исфод̄е сичка земя,
 Да си ида дур̄ь на земя Харабия.
 Харабиня краля има десет̄ь моми,
 Ут̄ь сичка тях̄ь сонце грея!
 Ут̄ь как̄ь си се ут̄ь майка си паднали
 Чувешку оку още не ги е видялу!
 Ут̄ь сарая вонка не изляват̄ь,
 Ду ся ашик̄ь на нишу не се станали.
 Лю яз̄ь таму да си ида,
 На моя свирка ашик̄ь ща си станат̄ь,
 Ща излязат̄ь свирка да ми видет̄ь
 Та ща зема язи наймалка-та кралска керка,
 Наймалка-та кралска керка що си е спроти мене!
 Ут̄ь лику хи сонце грея!
 Коси хи се пу земя влачет̄ь!
 Лю що си ми каза моя чиче Самувила,
 Чи си на Харабия има такава мома,
 Що си е спроти мене,
 Сырце ми е за нея трепналу.
 Аку нея не си зема
 Яз̄ь младу ща си умра!»
 Как̄ь си чу майка му стара Юда
 От̄ь сырце издыхна и му вели ютговори:
 „Ут̄ь Бог̄ь да найде тоя чиче Самувила.
 Що ти каза за тие десет̄ь моми!
 Язи прошка не ти давам̄ь
 Да си идеш̄ь на земя Харабия.
 Земя Харабия е на край земя,
 На край земя близу ду това цырну моря,
 Дека седи Фейска краля,
 Та си сьди на цырнуморски Юди;
 Тие Юда лю кой юнак̄ь видет̄ь,
 При Фейска краля гу уткаруват̄ь,
 На негу измет̄ь да си чини,
 Ут̄ь дека вейке не се враща.
 Ут̄ь това се е и моря нарекло цырну,
 Оти си млогу майки поцырнява.»
 Как̄ь си чу Орфен̄ь млад̄ь свирелжия.
 Чи си му майка прошка не дава,
 Да исфоди сичка земи
 Да иде и на Харабия земя,
 Ут̄ь желба падна болан̄ь да лежи.
 Болан̄ь лежи и се чуди що да прави,
 Що да прави как̄ь майка да кайлатиса?
 Майчина прошка да му даде
 Да си иде на Харабия земя.
 Прати слуга да си рука ду негува чиче,
 Тя да си му каже що да прави.

«Ой ты, мама, старая Юда!
 За это ты не беспокойся!
 Я со свирелью всех врагов обману
 Да со мной они ещё побратаются;
 55 Только лишь тебя с мольбой прошу,
 Чтобы мне своё дозволение дала,
 Дабы походить по всей земле,
 Да идти уже на землю Арабию.
 Арабский король имеет десять девушек,
 60 От всех их солнце сияет!
 С тех пор, как мать их родила
 Человеческое око их ещё не видело!
 Из дворца наружу они не выходят,
 Чтобы явно ничего не случилось.
 65 Лишь я туда сам направлюсь,
 Со своей свирелью явно войду,
 Они выйдут, чтобы на свирель посмотреть
 А я возьму наименьшую королевскую дочку,
 Наименьшая королевская дочка достойна меня!
 70 От лица её солнце сияет!
 Коса её до самой земли достаёт!
 Мне про неё рассказала моя тётка Самувила,
 Что есть в Арабии такая девушка,
 Которая будет достойна меня,
 75 Сердце моё из-за неё затрепетало.
 Если я не смогу её взять,
 Я младой ещё могу умереть!»
 Как услышала его мать, старая Юда
 Сердечно вздохнула и ему говорит, отвечает:
 80 «Бог накажет твою тётку Самувилу.
 Что тебе сказала за тех десять девушек!
 Я тебе своё дозволение не дам,
 Чтобы ты пошёл на землю Арабию,
 Земля Арабия находится на краю земли,
 85 На краю земли вблизи того Чёрного моря³⁵,
 Где живёт Фейский король,
 Которому служат Черноморские Юды,
 Эти Юды, как какого юнака увидят,
 К Фейскому королю его доставляют,
 90 Чтоб ему прислуживал да работал,
 Оттуда больше не возвращается.
 От того и море нарекли Чёрным,
 Потому что многие матери почернели.»
 Как услышал это Орфей младой свирельщик.
 95 Что ему мать своё дозволение не даёт,
 Чтобы исходить все земли,
 Да идти на землю Арабию,
 От печали упал и болен лежит.
 Болен лежит и раздумывает, что же делать,
 100 Что делать, чтобы мать согласилась?
 Материно дозволение бы ему дала,
 Чтобы поехать ему на землю Арабию.
 Послал слугу, чтобы позвал его тётю,
 Она может скажет ему, что делать.

Какъ уть майка прошка да си земе?
 Чиче му е утишла на деветъ планини,
 Да си види ду нехини деветъ керки
 Що си праветь в ний деветъ планини?
 Там е седяла ду недеде время.
 Дурь е сонъ сонила,
 Чи си Орфенъ боланъ лежи,
 Боланъ лежи ще да умрие.
 Тога си Самувила стана
 Та си утиде в Орфенува стара града
 Да си види що ми прави Орфенъ свирелжия? 115
 За три дни на деветъ планини утишла,
 За три часа в Орфенува града стигнала,
 Сички гори уть варкости подроби!
 Лю що си в Орфенува града утиде
 Уть порти се подрукна:
 „Що ти лежишь, Орфенъ младъ свирелжия?
 Та не станешъ да си земешъ тоя свирка,
 Да засвиришь лесна жалустива,
 Дурь и планини оше и жювини да заплачатъ!
 Тога и тоя майка да заплаче, 125
 Прощка майчина да ти даде,
 Да си исфодишь сичка земя,
 Да си идешъ дурь на земя Харабия,
 Таму любу спроти тебе да си наидешъ.»
 Какъ си чу Орфенъ младъ свирелжия
 Що си му чиче Самувила каза,
 Сырце му се уть радость надигна.
 Та си стана уть потстеля
 И си зе ду негува гласна свирка,
 Та засвири песна жалустива,
 Свирка свиреше и песна напеваше:
 „Уть Богъ да найде мое стара майка!
 Що не си ми прошка дава,
 Да си ида на земя Харабия,
 Любу спроти мене да си найда:
 Язь уть майка младу ща си погина!»
 Уть що свирка харну свиреше,
 И песна желостну напеваше,
 Сички пилци окол му се собраха,
 Изъ очи си солзи ронеть,
 Чи Орфенъ ща си погине,
 Дурь тога е и майка му заплакала,
 Сырце хи се умилалу,
 Утмалъ душе приговори:
 „Бре Орфене мили сину!
 Ду ся ти майка прошка не даваше,
 Да си исфодишь сичка земя,
 Да си идешъ дурь на земя Харабия,
 Да си терашъ любу спроти тебе,
 Чи се бояхъ нящу зло да не патишь?
 Оти си е земя Харабия
 На край земя близу ду цырну-ту моря,
 Дека седи фейска краля,

105 Как от матери дозволение взять?
 Тётя его ушла на девятую гору,
 Чтобы увидеть своих девять дочек.
 Что делают они на девяти горах?
 Там жила у них целую неделю.
 110 До тех пор, пока ей сон приснился,
 Что Орфей болен лежит,
 Болен лежит, совсем умирает.
 Тогда Самувила встала
 Да отправилась в старый град к Орфею,
 Чтобы увидеть, что делает Орфей свирельщик?
 За три дня с девяти гор пришла,
 За три часа достигла Орфеева града,
 Все леса из-за спешки подробила!
 Лишь подошла к Орфееву граду
 120 С ворот ему кричит, вызывает:
 «Что ты лежишь, Орфей, младой сврельщик?
 Да не встаёшь и не возмёшь свою свирель,
 Чтобы заиграть легко, жалостливо,
 Даже горы и звери, чтобы заплакали!
 Тогда и твоя мать тоже заплачет,
 Дозволение материно она тебе даст,
 Чтобы исходил все земли,
 Да пришёл бы уже на землю Арабию,
 Там нашёл бы любимую, достойную себя.»
 130 Как услышал Орфей младой свирельщик
 Что ему сказала тётя Самувила,
 Сердце его от радости подпрыгнуло.
 Тут поднялся он с постели
 И взял свою голосистую свирель,
 135 Да заиграл песню жалостливую,
 Свирель играет и песню напевает:
 «Бог накажет мою старую мать!
 Что не давала мне дозволение,
 Чтобы идти на землю Арабию,
 140 Да найти любимую, достойную меня:
 Я у матери ещё младой, чтобы погибнуть!»
 Вот что свирель хорошо играет
 И песню жалостливую напевает,
 Все птицы возле него собрались,
 145 Из очей слёзы роняют,
 Что Орфей может погибнуть,
 Только тогда и его мать заплакала,
 Сердце её подобрело,
 Еле переводя дух, её душа сказала:
 150 «Гой Орфей, родной сын!
 До сих пор мать тебе дозволение не давала,
 Чтобы исходить все земли,
 Да пойти уже на землю Арабию,
 Чтобы привести любимую, достойную тебя,
 155 Но боюсь, ты от всякого зла не пострадаешь?
 Потому что есть земля Арабия
 На краю земли вблизи Чёрного моря,
 Где живёт Фейский король,

Та си сыди на цырнуморски юди;
 Тий юди се мощне песнопольки,
 Лю кой юнакъ видеть,
 Сось песни гу при Фейска краля уткарувать,
 На негу изметъ да си чини,
 Уть дека вейке не се враща.
 Ся си ти прошка давамъ,
 Лю де искашь да си идешъ,
 Язь се уздамъ ти со свирка да навиешь,
 Още и сось песна да
 надвалишь песнопольки юди,
 И пакъ да си дойдешъ на наше стара града,
 Тоя майка сось радость да та дучака,
 Да си види и сныха на дома си.»
 Орфенъ свирелжия си устави песна желустива
 Та засвири песна хорувита,
 Хору Юди да играять,
 Сырце да му се зарадува,
 Чи му майка прошка даде,
 Да исфоди сичка земя,
 Любу спроти негу да си найде.
 Какъ си чули юди свирка хорувита,
 Сички се собраха хору да играять;
 И Орфена млада свирелжия да испратеть.
 Колку Юди хору си играять,
 Още толку планини се люлять,
 Окол' Орфена птици фыркають,
 Ваз негу вейки сивлиевы фырлетъ!
 Играха Юди хору що играха,
 Орфенъ си свирка вейке зепря,
 Песна хорувита вейке не напева,
 На майка си рыка цалуна,
 Та си навырви да си ходи пу сичка земя.
 Вырвя що вырвя дойде на земя Арабия.
 Още в' Харапска града не е фляль
 Песна сладка си засвири,
 Свирка си се слуше дуръ на висе небу!
 Сички велеть и се карба карать:
 Едни велеть чи се цырнуморски Юди,
 Други велеть, чи си е Орфенъ младъ свирелжия
 Що се фалба фали пу сичка земя!
 Сички излягоха да си видеть
 Кой е това свирелжия?
 Излягоха и десеть кралски керки,
 Да си слушетъ тая сладка песна.
 Ду тога тие не беха изляли вонка уть сарая,
 Нит' чувешку оку ги бе виделу.
 Кога уть сарая излягоха
 Изгряха кату десеть сонца!
 На сички очи се заблескаха,
 Се маеха кату в' магла денувита!
 Саму на Орфенъ очи не заблескаха,
 Се почуди за тяхна-та гиздавина,
 Уть сички сонце грееше,

Которому служат Черноморские Юды;
 160 Те Юды очень прекрасные песнопевки,
 Лишь какого юнака они увидят,
 С песней его к Фейскому королю отводят,
 Чтобы ему прислуживать и на него работать,
 Оттуда больше не возвращается.
 165 Я своё дозволение тебе даю,
 Если хочешь туда пойти,
 Я ленточку в твою свирель заплету,
 Ещё тогда и с песней можешь
 завалить песнопевок Юд,
 Между тем, когда дойдёшь в наш старый град,
 170 Твоя мать с радостью будет тебя ждать,
 Чтобы увидеть сноху в своём доме.»
 Орфей свирельщик закончил песню грустную
 Да заиграл песню хороводную,
 Чтобы Юды хороводом танцевали,
 175 Сердце его очень обрадовалось,
 Что ему мать дозволение дала,
 Чтобы исходить все земли
 И найти любимую, достойную его.
 Как слышали Юды песню хороводную,
 180 Все собрались, да хороводом танцуют;
 И Орфея младого свирельщика провожают.
 Сколько Юды хороводом танцевали,
 Ещё столько горы качались,
 Около Орфея птицы порхают,
 185 Возле него ветки кипарисовые бросают!
 Танцевали Юды, хоровод ещё водили,
 Орфей свирель уже приостановил,
 Песню хороводную больше не напевает,
 Матери своей он руку целует,
 190 Да направился идти по всем землям.
 Ехал он ехал и достиг земли Арабии.
 Ещё в арабский град не въехал
 Песню сладкую он заиграл,
 Свирель его слышно даже на высоком небе!
 195 Все говорят и ведут спор:
 Одни говорят, что это Черноморские Юды,
 А те говорят, что это Орфей младой свирельщик
 Что слава о нём дёт по всей земле!
 Все повыходили, чтобы его увидеть
 200 Какой он есть этот свирельщик?
 Вышли и десять королевских дочек,
 Да слушают его сладкую песню.
 До того они совсем не выходили из дворца,
 Ни одно человеческое око их не видело.
 205 Когда они из дворца выходили,
 Сияли как десять солнц!
 Да всем очи ослепили,
 Недоумевают, как во мгле светло!
 Самому Орфею очи не ослепили,
 210 Удивлялся он их красоте,
 От всех солнц сияющих,

Я що бѣше наймалка-та,
 Уть нея ду две сонца грееха!
 На Орфень се молба молеть,
 Да посвири тая свирка,
 Да поиграг хору Арабийску,
 Орфень си засвири песна хорувита,
 Та играха хору десеть кралски керки
 Малу млогу тамамъ две недели;
 Тие си се мычеть Орфена да умореть,
 Орфень си се не уморява,
 Лю си свири песна хорувита посладку.
 Дурь се моми умориха,
 На земя паднаха поклонъ да му се поклонеть;
 Дурь да падне и наймалка-та,
 И тя поклонъ да му се поклони.
 Той я фати за лева-та рыка
 И побягна пу широко поля.
 Я що беха ду нехини деветъ сестри,
 На сестра си мощне каскандисаха,
 Чи ща земе Орфень младъ свирелжия.
 Си утидоха на таткуви сарая,
 На татку си взлетъ и говореть:
 „Ой ли, тате, мили тате!
 Уть Богъ да найде наше наймалка-та сестра
 Що си потапта тоя таткува лакардия;
 Излягохме да си видимее
 Орфень младъ свирелжия
 Какъ си свири мощне сладка песна,
 Се фатихме и хору да играемъ,
 Дурь да хору завъртиме
 Тия си Орфена залюби,
 Та с' негу побягна низъ широко поля.»
 Какъ си чу Арабийска краля,
 Чи е керка му с' Орфень побегнала,
 Си искара ут негуви темни зандане
 ду две люти фыркувити змии,
 Та хми вели и зарыче:
 „Лю де да е моя керка да я фатиге,
 С' ваши утровити уста да я усмыртите,
 Чи тия си потапта моя лакардия!»
 Какъ си чуха ду две фыркувити змии,
 Си фыркнаха низъ висе небу
 Да си гонягъ наймалката кралска керка.
 День фыркаха и я вейке наблизиха.
 Кралска керка си заплака:
 „Уть Богъ да найдешъ, бре Орфене,
 Ти мене млада ща погубишь!
 Мой татку си е пратиль ду негуви люти змии
 Мене с' утровити уста да си усмыртеть.»
 Орфень хи вели ютговори:
 „Ой ти кралска керку моя люблю!
 Ду кога е ОрФень с' тебе,
 Ти що си плачешъ и се боишь?
 Язь за тебе душе ща си загубе,
 А кто была самая наименьшая,
 То от неѣ сияло даже два солнца!
 Орфея она с мольбой просит,
 215 Чтобы поиграл на своей свирели,
 Да станцевать им хороводом Арабеску,³⁷
 Орфей заиграл песню хороводную,
 И танцуют хороводом десять королевских дочек
 Ни много, ни мало там, целых две недели;
 220 Хотят замучить Орфея и уморить,
 Орфей совсем не уморился,
 Лишь ещё слаже играет песню хороводную.
 Наконец, все девушки уморились,
 На землю припали с поклоном ему поклониться;
 225 Даже припала и самая наименьшая,
 Да с поклоном ему поклонилась.
 Он схватил её за левую руку
 И побежал с ней по широкому полю.
 А что было с её девятью сёстрами,
 230 То сестре они очень завидовали,
 Что её взял Орфей младой свирельщик.
 Они отправились в отцовский дворец,
 Да отцу молвят и говорят:
 «Ой ты, папа, родной папа!
 235 Бог накажет нашу наименьшую сестру,
 Что растоптала твой отцовский наказ;
 Появились мы и увидели
 Орфея младого свирельщика.
 Как заиграл он очень сладкую песню,
 Мы взялись и хороводом танцуем,
 240 Только в хороводе закрутились
 Она и влюбилась в Орфея,
 Да с ним побежала по широкому полю.»
 Как услышал это Арабский король,
 Что его дочка с Орфеем убежала,
 245 Он вывел из своих тёмных застенков
 Двух лютых летучих змей,
 Да им велит и поручает:
 «Где будет моя дочка, то схватите,
 Да вашими ядовитыми устами умертвите,
 250 Что она растоптала мой наказ!»
 Как выслушали его две летучие змеи,
 Да сразу взлетели высоко в небо,
 Чтобы догнать наименьшую королевскую дочку.
 День летели и уже приблизились.
 255 Королевская дочка заплакала:
 «Бог накажет, гой Орфей,
 Что меня младую ещё погубишь!
 Мой отец послал своих лютых змей,
 Чтобы меня их ядовитыми устами умертвить.»
 260 Орфей ей говорит, отвечает:
 «Ой ты, королевская дочка, моя любовь!
 Да когда Орфей рядом с тобой,
 То чего ты плачешь и боишься?
 Я за тебя душу свою отдам,

Лю тебе си не уставемъ.»
 Още речъ-та не отрече
 И ду две фыркати змии си дойдоха,
 Уста зинаха мома да погылнать.
 Орфень си обзе ду негува гласна свирка
 Та засвири песна мощне желустива,
 Дурь се ду две змии умаяха,
 Кат' умряли паднаха на земя да се валеть!
 Тога си Орфень свирка запря,
 Та искара ду негува люта сряла
 И усряли на сырце ду две змии,
 Утмалъ змии продумаха:
 „Уть Богъ да найдешъ,
 Орфень младъ свирелжия!
 Що ти ний зло усторихме
 Та си насъ со тоя сряла усряли?
 Наши ясни криви дано тебе да помычетъ!»
 Това змии утмалъ душе продумаха,
 И истекоха уть тяхъ ду две кривави ряки,
 В' цырну моря си течаха
 И си великумъ гласумъ рукаха:
 „Ой ти фейска краля нашъ побратиме!
 Молба гуляма ти се молиме:
 Ега презъ тука мине Орфень свирелжия,
 Сасъ наймалка-та керка на Харапска краля,
 Нему нищу да не усторишь,
 Лю да повелишь на той цырнуморски юди,
 Да си земать тая кралска керка,
 Тя на тебе изметъ да си чини;
 Да не давашъ Орфень да я земе,
 С' нея фалба да се фали,
 Чи е ду две змии усрялилъ.»
 Ду две ряки с' цвикане си рукаха,
 Дэ ги дучу фейска краля,
 Ти си рукна ду деветъ негуви юди
 И имъ вели ютговори:
 „Лю ега презъ тука помине
 Орфень свирелжия,
 Вия свирка да не му слушете,
 Лю да гледате любу да му земете,
 На моя столнина да я дукарате,
 На мен' изметъ да си чини,
 Немой Орфень с' нея фалба да се фали,
 Чи е ду две змии усрялилъ.»
 Лю що чуха ду деветъ цырнуморски юди,
 Утидоха на край цырну моря,
 Да си чакать Орфень младъ свирелжия.
 Да си земать ду негуву любу.
 На Орфена за това му на умъ не дойде,
 Та утиде на край земя на цырну-ту моря,
 Да си види и фейска краля
 Що чулякъ е и той на земята ?
 Та се сички уть негу боеть.
 Лю що си утиде на цырну-ту моря,

265 Никогда я тебя не покину.»
 Ещё свою речъ не отговорил
 А две летучие змеи уже догнали,
 Уста разинули, чтобы девушку проглотить.
 Орфей взял свою свирель голосистую
 270 И заиграл песню очень жалостливую,
 Пока две змеи не заворожались,
 Как мёртвые упали на землю и покатались!
 Тогда Орфей свирель оставил,
 Да достал свою лютую стрелу
 275 И застрелил двух змей в самое сердце,
 Еле переводя дух, змеи проговорили:
 «Бог покарает тебя
 Орфей младой свирельщик!
 Что ты нам зло совершил
 Зачем нас своей стрелой застрелил?
 280 Наша ясная кровь пусть тебя помучит!»
 Это змеи с трудом в душе проговорили,
 И истекли с них две кровавые реки,
 В Чёрное море они потекли
 И громким голосом зывали:
 285 «Ой ты, Фейский король, наш побратим!
 С мольбой тебя очень просим:
 Если мимо тебя пройдёт Орфей свирельщик,
 С наименьшей дочкой Арабского короля,
 Им ничего чтобы не сделал,
 290 Лишь прикажи Черноморским Юдам,
 Чтобы забрали ту королевскую дочку,
 Она тебе будет прислуживать и работать;
 Да не отдавай её Орфею, чтобы забрал,
 Ей он хвалился и хвастался,
 295 Что сразу двух змей застрелил.»
 Возле двух рек со стоном они звали,
 Где их услышал Фейский король,
 Да позвал он своих девять Юд
 И им велит, говорит:
 «Когда здесь мимо будет
 300 проходить Орфей свирельщик,
 Вы его свирель не слушайте,
 Лишь смотрите, только любимую его возьмите,
 Да в мою столицу, чтобы доставили,
 Мне она будет прислуживать и работать,
 305 Не будет Орфей ей хвалиться и хвастаться,
 Что двух змей сразу застрелил.»
 Лишь услышали его девять Черноморских Юд,
 Направились на берег Чёрного моря,
 Да ожидают Орфея младого свирельщика.
 310 Чтобы отнять его любимую.
 Орфей про это дело не догадался,
 Да пошёл на край земли к Чёрному морю,
 Чтобы увидеть и Фейского короля
 Сколько же людей есть на его земле?
 315 Да все его бояться.
 Лишь добрались они на Чёрное море,

- Цырумуморски юди гу посрещь посрещнаха,
Орфень си имъ вели ютговори:
„Богъ помабогъ ви цырнуземски юди!
Дека седи ваше фейска краля ?
Искамъ негу да си виде,
Чи сме млогу побратиме.»
„Даль ти Богъ добро, Орфень младъ свирелжия!
Що та врагъ тука нанесе,
Да погубишь тоя пырву любу,
Тоя пырву любу ясну сонце,
За коя си толку земля исфодиль !
Фейска краля ни е порычка порычалъ:
Лю ега презъ тука минешъ
Тоя любу да си земеме,
Да я уткараме на негува столнина,
На негу изметъ да си чини;
Немой ти с' нея фалба да се фалишь,
Чи си за нея усрялили ду две змии.»
Орфень какъ си чу грабна свирка в' рыки
Да засвири песна желувита,
Дано юди с' песна си умая,
Немой любу да му земать;
Той си свирка свире
Я юди му се присмявать!
Ютговори пырва юда:
„Свири, Орфень, свири лю колку искашь,
Назе ти не можешъ да умаешъ.»
Той си пакъ свирка не уставе;
С' десна рака свирка си дыржи,
Я с' лева си дыржи ду негуву любу.
Немой юди да я грабнаць.
Сички юди се умаха уть негува свирка
И паднаха на земля-та кату мыртви!
Уть Богъ да найде стара юда Самувила,
Що си бэ с' три глави и опашки,
Имаше си и омесь змийовити;
Нит' се умава, нит' на земля пажда,
Лю си гледа какъ да грабне ду негуву любу?
Що се бэше умала уть желувита песна.
Свири Орфень свири тамамъ три месеци,
Дурь му се е вейке дудялу,
Та устави свирка, да почине,
Лю що си свирка застави
И стара юда си закара ду негову любу;
Уши хи запуши с' нехини змийни рыки,
Немой да слуше Орфенува песна
И назади да се враща.
Лю какъ виде Орфень младъ свирелжия,
Чи му стара юда любу грабна,
На земля-та падна и му душе прималя,
Утмалъ душа приговори:
„Уть Богъ нашла стара юда
Стара юда уть змия породена!
Какъ ти на умъ дойде,
- Черноморские Юды им повстречались,
Орфей им молвит, говорит:
«Бог вам в помощь, Черноземские Юды!
Где сидит ваш Фейский король?
Хотим мы его увидеть,
Что нам большой побратим.»
«Дай вам Бог добро, Орфей младой свирельщик!
Какой чёрт тебя сюда принёс,
Ты погубишь свою первую любовь,
Свою первую любовь, ясное солнце,
За которой ты столько земель исходил!
Фейский король нам поручение дал:
Лишь тут ты будешь проходить,
Твою любимую, чтобы мы забрали,
Да отправили в его столицу,
Ему прислуживать и на него работать;
Чтобы ты не хвалился ей и не хвастался,
Что из-за неё застрелил двух змей.»
Орфей как услышал, схватил свирель в руки,
Да заиграл песню жалостливую,
Чтобы Юды с песней заморозились,
Не могли любимую у него забрать;
Он продолжал играть на свирели,
А Юды над ним надсмехаются!
Говорит ему первая Юда:
«Играй, Орфей, играй сколько хочешь,
Нас ты не можешь заморозить.»
Но он опять свирель не оставляет;
В правой руке свирель он держит,
А в левой держит свою любимую.
Не даёт Юдам её схватить.
Все Юды заморозились от его свирели
И попадали на землю как мёртвые!
Бог покарает старую Юду Самувилу,
Что была с тремя головами и хвостами,
Имела она помесь змеиную;
Не заморозилась и на землю не упала,
Лишь глядела, как же схватить его любимую?
Как будто заморозилась она от жалобной песни.
Играл Орфей там играл целых три месяца,
Только ему это уже надоело,
Да оставил свирель, чтобы отдохнуть,
Лишь только свирель он оставил
И тут же старая Юда схватила его любимую;
Уши ей заткнула своими змеиными руками,
Чтобы не могла слышать Орфееву песню
И назад, чтобы не возвратилась.
Как увидел Орфей младой свирельщик,
Что у него старая Юда любимую отняла,
На землю упал и его душа умаялась,
Еле переводя дух, его душа сказала:
«Бог покарает старую Юду,
Старую Юду из змеиной породы!
Как ей ещё на ум пришло,

На лобу да запушишь тенки уши,
 Немой моя свирка да си слуше,
 Да се назади пу меня не вырне;
 Ама язи лобу пакъ си не уставемъ;
 Лю ду де сумъ на тая земля
 За нея ща си мисле какъ да си я зема?»
 Това Орфенъ утмалъ душе си продума,
 Та си стана и утиде при фейска краля,
 Белки си се той желба нажели,
 Да си му даде пырву лобу,
 Пырву лобу уть коя си сонце грея,
 Окол' фейска краля си стояха моми
 Моми все на отбуръ уть кои си сонце грееше!
 Близ' ду негу си стоеше и негуву пырву лобу,
 Лю какъ си гу тя виде сулзи хи затекоха
 И му вели ютговори:
 „Уть Богъ да найдешъ, бре Орфене!
 Що си мене излыга,
 Та си ма уть мои сестри отдели;
 Ти не си билъ врьданъ лобу да си чувашъ!
 Ся тука що да праве
 Що да праве що да сторее?
 Какъ да седе тука сама самичка
 Безъ татку, безъ майка още и безъ сестри
 Кату уть небе паднала!»
 Орфенъ какъ си чу тие желни лакардии,
 Навырви да си иде на негува земля
 На негува земля при стара си майка,
 Белки тя си му лякъ каже,
 Какъ да си лобу куртолиса ?
 Тамамъ уть фейски сарая излезе
 Дойде стара юда Самувила,
 Да се мычи и негу да заприе,
 На фейска краля изметъ да си чини;
 Си искара ду нехина камбуръ сряла
 Да гу усряли в'среди сырце-ту.
 Орфенъ какъ си виде стара юда
 Мощне се разеди, разлюти,
 Та си искара ду негува маламна сряла
 И усряли стара юда в' сырце-ту.
 Та си пырсна да си бяга пизъ широко поля.
 За три дни на негува си града утиде,
 Де си найде стара майка чи си плаче.
 Орфенъ хи вели ютговори:
 „Богъ помабогъ, ти майку стара юду!
 Дали мене плачешъ,
 Оти си се мощне млогу забавихъ?
 Или в' наши сарая нящу е станалу?»
 „Даль ти Богъ добро, Орфенъ мили сину!
 Добре ми дойде, мили сину!
 На мене си, сину, хабаръ дойде,
 Чи е фейска краля тебе младу попленилъ,
 Та за това си язи плака.
 Не ли си найде, сину, лобу спроти тебе

Моей любимой заткнуть тонкие уши,
 Чтобы не могла мою свирель слышать,
 Да назад ко мне не вернулась;
 Но я любимую так не оставлю;
 375 Лишь пока я буду на этой земле,
 Из-за неё, надо придумать, как же её забрать?»
 Это Орфей с трудом в душе сказал,
 Да встал и пошёл к Фейскому королю,
 Авось, он над его печалью сжалиться,
 380 Да отдаст ему первую любовь,
 Первую любовь, от которой солнце сияет,
 Около Фейского короля стояли девушки
 Девушки все на отбор, от которых солнце сияло!
 385 Вблизи его стояла и его первая любовь,
 Лишь как увидела его, слёзы у ней побежали
 И ему молвит, говорит:
 «Бог тебя накажет, гой Орфей!
 Что ты меня обманул,
 Да меня от моих сестёр оторвал;
 390 Ты не был способен любовь почувствовать!
 Здесь будешь что делать
 Что делать, да что предпримешь?
 Как мне быть тут одной одинёшеньке
 Без отца, без матери, да ещё без сестёр.
 395 Как будто с неба свалилась!»
 Орфей как услышал её горькие обвинения,
 Направился идти на свою землю
 На свою землю к старой матери,
 Может быть ему средство скажет,
 400 Как освободить свою любимую?
 Только что вышел из Фейского дворца
 Как появилась старая Юда Самувила,
 Да старалась, чтобы его остановить,
 Фейскому королю чтоб прислуживал и работал;
 405 Она достаёт из своего колчана стрелу,
 Чтобы поразить его в самое сердце.
 Орфей как увидел старую Юду,
 Очень он рассердился, разгневался,
 Да достал свою золотую стрелу
 410 И застрелил старую Юду прямо в сердце.
 Да пустился бежать по широкому полю.
 За три дня добрался до своего града,
 Где нашёл струю мать, которая плакала.
 Орфей ей молвит, говорит:
 415 «Бог в помощь тебе, мама, старая Юда!
 Не обо мне ли ты плачешь?
 Почему очень долго молчишь?
 Или в нашем дворце нечто случилось?»
 «Дай тебе Бог добро, родной сын!
 420 Добро пожаловать, милый сын!
 До меня, сын, весть дошла,
 Что Фейский король тебя младого пленил,
 Так из-за этого я плакала.
 Не нашёл ли, сын, любимую, достойную тебя,

Та си се саму самичку назади вырна!
 Майка ти чакаше сныха да дуведешь
 На стару время изметь да ми устори.»
 Изь Орфенуви очи кату ряка сулзи затякоха.
 Утмалъ на майка си продума:
 „Мале ле, мила мале!
 Язь си найдохъ любу спроти мене,
 Биле още поубаву:
 Уть лику хи две сонца греяха!
 Коси хи се пу земя влачеха!
 Тя моя свирка какъ си дучу
 Сама пу меня навырви,
 Та се западихме низъ поля широкоу,
 Поскору при тебе да си дойдеме.
 Я що си бежа ду нехини деветь сестри,
 На нея си мощне каскандисаха!
 Татку си мощне люту насырчиха,
 Та си прати ду две люти фыркувити змии,
 Да на гонять, да на фатячь,
 Ду негува малка керка съ
 утровити уста да усмыреть,
 Оти му е лакрдия потаптала!
 Ду две люти змии краля услушеха,
 Та си фыркнаха низъ висе небу
 Да на гонять да на фатячь.
 День фыркаха и на наблизиха.
 Моя любу, мале, си заплака:
 „„Уть Богъ да найдешь, бре Орене!
 Ти мене млада ща погубишь.»»
 Кога, мале, вейке змии наблизиха
 Уста зинаха мома да погылнать.
 Язь сиобзехъ ду моя златна свирка
 Та засвирихъ песна мощне желустива,
 Дурь си ду две змии умахъ,
 Кат' умряли паднаха на земя да се валеть!
 Тога си язь свирка запряхъ,
 Та искарахъ ду моя люта сряла,
 Та усрялихъ на сырце ду две змии,
 Утмалъ змии продумаха;
 „Уть Богъ да найдешь,
 Орфень младъ свирелжия!
 Ща ти ний зло усторихме
 Та си назе со сряла усряли?
 Наши ясни криви дано тебе да помычьть!»
 И истякоха, мале, уть тяхъ ду кривави ряки,
 В' цырну моря си течаха
 И си великумъ гласумъ рукаха:
 „Ой ли фейска краля нашъ побратиме!
 Молба гуляма ти се молиме;
 Ега презъ тука мине Орфень свирелжия
 Сась наймалка-та керка на Харапска краля,
 Нему нищу да не сторишь,
 Лю да повелишь на тои цырнуморски юди,
 Да си земать тая кралска керка,

425 Да один одинёшенек назад вернулся!
 Мать тебя ждала, что ты сноху приведёшь
 На старости лет, чтобы уход мне был.»
 Из Орфеевых очей слёзы как река потекли.
 Еле переводя дух, он матери отвечает:
 430 «Ой мама, родная мама!
 Я нашёл любовь, достойную меня,
 Она была самая красивейшая:
 От лика её два солнца сияют!
 Коса у ней длинная до самой земли!
 430 Она как услышала мою свирель,
 Сама ко мне направилась,
 Да двинулись мы по широкому полю,
 Поскорее к тебе, чтобы прийти.
 А ещё были у неё девять сестёр,
 440 Они ей очень завидовали!
 Отец её очень люто осерчал,
 Да послал двух лютых летучих змей,
 Чтобы нас догнать и схватить,
 Да его самую меньшую дочку
 отравленными устами умертвить,
 445 Что она растоптала его наказ!
 Две лютых змеи короля выслушала,
 Да взлетели высоко в небо,
 Чтобы догнать нас и схватить.
 День летели и совсем приблизились.
 450 Моя любимая, мама, заплакала:
 «Бог накажет тебя, гой Орфей!
 Что ты меня младую погубишь.»
 Когда, мама, змеи совсем приблизились
 Уста разинули, чтобы девушку проглотить.
 455 Я достал свою златую свирель,
 Да заиграл песню очень жалостливую,
 До тех пор, пока змеи заворожались,
 Как мёртвые упали на землю и покатались!
 Тогда я свирель запрятал,
 460 Да достал свою лютую стрелу,
 И выстрелил в сердце двум змеям,
 Еле переводя дух, змеи проговорили:
 «Бог тебя накажет,
 Орфей младой свирельщик!
 Зачем ты нам зло совершил
 465 И нас стрелой поразил?
 Наша ясная кровь пусть тебя помучит!»
 И истекли, мама, из них кровавые реки,
 В Чёрное море они потекли
 И с великим голосом взывали:
 470 «Ой ты, Фейский король, наш побратим!
 С большой мольбой тебя просим;
 Если мимо тебя пройдёт Орфей свирельщик
 С наименьшей дочкой арабского короля,
 Им ничего, чтобы не сделал
 475 Лишь прикажи твоим Черноморским Юдам,
 Чтобы забрали ту королевскую дочку,

Тя на тебе изметъ да си чини;
 Да не давашъ Орфенъ да я земе,
 С нея фалба да се фали,
 Чи е ду две змии усярили.»
 Ги дучу, мале, фейска краля,
 Та су порычи на негови деветъ юди;
 Лю кога азъ презъ таму помина
 Моя свирка да не слушетъ,
 Лю да гледать любу да ми земать,
 На негува столнина да я уткаратъ,
 На нег' изметъ да си чини.
 Юди, мале, излягоха да ма чакать,
 Да си земать моя арну любу,
 На мен' това па умъ не си дойде,
 Ам' утидохъ на край земя на цырну-ту моря,
 Да си виде и фейска краля
 Що чувякъ е и той на земя-та?
 Та се сички утъ негу боятъ.
 Лю що си, мале, утидохъ на цырну-ту моря, 495
 Цыруморски юди си ма посрещъ посрещнаха,
 Язъ ги питахъ дека седи фейска краля?
 Тие си ми не казаха дека седи тоя краля,
 Лю си ми рекоха кой та врагъ тук' нанесе,
 Да погубишь тоя пырву любу,
 Тоя пырву любу ясну сонце!
 Какъ си язъ чухъ грабнахъ в' рыки свирка
 Да засвире песна желувита,
 Дано юди со песна се умятъ.
 Немой любу да ми земать.
 Язъ си мале свирка свирехъ
 Я юди ми се присмиваха!
 Та се сички юди утъ моя свирка умаха
 И паднаха на земя-та кату мыртви!
 Утъ Богъ да найде стара юда Самувила,
 Що си бе с' три глави и опашки,
 Имаше си и омесь змийовити;
 Нит' се ума, нит' на земя падна,
 Лю си гледаше какъ да грабне моя любу.
 Свиряхъ, мале, свирка, тамамъ три месеци, 515
 Дуръ си ми се вейке дудя,
 Та уставихъ свирка да почина.
 Лю що си свирка зауставихъ,
 Стара юда си закара моя любу,»
 Уши хи запуши с' нехини змийни рыки,
 Немой да слуше моя желувита песна
 И назади пу меня да се вырне.
 Лю какъ видяхъ, мале, чи ми любу нема,
 На земя-та паднахъ и ми душе прималя,
 Утмалъ душа приговорихъ:
 „Утъ Богъ нашла стара юду
 Стара юду утъ змия породена!
 Што си грабна моя пырву любу
 И хи сась рыки запуши ду тенки уши,
 Немой да слуше моя желувита песна.
 Она тебе будет прислуживать и работать;
 Да не отдавай её Орфею, чтобы забрал,
 Ей он хвалился и хвастался,
 480 Что сразу двух змей застрелил.»
 Где их услышал, мама, Фейский король,
 Да поручил он своим девяти Юдам;
 Когда я здесь мимо буду проходить
 Мою свирель не слушать,
 485 Лишь смотреть, только любимую мою взять,
 Да в его столицу, чтобы доставить,
 Ему она будет прислуживать и работать.
 Юды, мама, пришли, да ожидают,
 Чтобы отнять мою хорошую любимую,
 490 Я про это дело не догадался,
 Да пошёл на край земли к Чёрному морю,
 Чтобы увидеть и Фейского короля
 Сколько же людей есть на его земле?
 Да все его бояться.
 Лишь добрались мы на Чёрное море,
 Черноморские Юды нам повстречались,
 Я спросил их, где сидит Фейский король?
 Они мне не сказали, где сидит тот король,
 Лишь спросили, какой чёрт тебя сюда принёс,
 500 Ты погубишь свою первую любовь,
 Свою первую любовь, ясное солнце,
 Я как услышал, схватил свирель в руки,
 Да заиграл песню жалостливую,
 Чтобы Юды с песней заморозились,
 505 Не могли любимую у меня забрать;
 Я, мама, продолжал играть на свирели,
 А Юды надо мной надсмехаются!
 Все Юды заморозились от моей свирели
 И попадали на землю как мёртвые!
 510 Бог покарает старую Юду Самувилу,
 Что была с тремя головами и хвостами,
 Имела она помесь змеиную;
 Не заморозилась и на землю не упала,
 Лишь глядела, как же схватить мою любимую?
 515 Играл я, мама, там на свирели целых три месяца,
 Только мне это уже надоело,
 Да оставил свирель, чтобы отдохнуть,
 Лишь только свирель я оставил,
 Старая Юда забрала мою любимую;
 520 Уши ей заткнула своими змеинными руками,
 Чтобы не могла слышать мою жалобную песню
 И назад, чтобы не возвратилась.
 Лишь как увидел, мама, что любимой нет,
 На землю упал и моя душа умаялась,
 525 Еле переводя дух, моя душа сказала:
 «Бог покарает старую Юду,
 Старую Юду из змеиной породы!
 Что отняла мою первую любовь
 И руками заткнула ей тонкие уши,
 530 Чтобы не услышала мою жалобную песню.

Да не се назади пу меня вырне.
 Това утмалъ душе мале приговорихъ,
 Та си станахъ и утидохъ при фейска краля,
 Белки, рекохъ, си се желба нажели,
 Да си ми даде пырву любовь 535
 Пырву любовь отъ коя си сонце грея!
 Окол' негув' стола си стояха моми
 Моми все на отбуръ уть кои си сонце греяше!
 Близ' ду негу си стоеше и моя пырву любовь.
 Лю как си ма та виде сулзи хи затекоха' 540
 Изъ очи си сулзи ронеше
 Я съ уста си мощне желувиту ми продума:
 „Уть Богъ да найдешъ,
 Орфенъ младъ свирелжиа;
 Що ма отдели уть татку и уть майка,
 Ти не си биль врьданъ любовь да си чувашъ; 545
 Какъ ща седе ся тука сама самичка
 Везъ татку, безъ майка още и безъ сестри
 Катку уть небе паднала!»
 Какъ си, мале, язи чухъ тези лакардии,
 Не можахъ на ноги да си стое' 510
 Щахъ си падна таму да си умра!
 Лю си ми уть висе небу сила дойде,
 Та си навырвихъ да си дойда при тебе, мале.
 Белки нящу лякъ ми кажешъ,
 Какъ да си любовь кортолисамъ? 555
 Лю що си уть фейски сарая излязохъ
 Дойде стара юда Самувила,
 Да се мычи и меня да заприе,
 И язъ на фейска краля изметъ да си чина;
 Си искара ду нехина камбуръ сряла 560
 Да ма усряли в' средь сырце-ту.
 Какъ си язи видяхъ стара юда'
 Мощне се разедихъ, разлютихъ
 Та си искарахъ ду моя маламна сряла
 И усрялихъ стара юда в' средь сырце-ту, 565
 И си пырнахъ да си бягамъ низъ широку поля,
 Немой фейска краля змии да си прати
 Меня младу да погубять.
 За три дни' мале' си при тебе дойдохъ,
 Белки нящу лякъ си ми кажешъ, 570
 Да си кортолисамъ моя пырву любовь
 Моя пырву любовь' тоя милна сныха.»
 Какъ си Орфенъ на майка говореше
 Душе си му прималя'
 Та си падна' умрялъ на земята! 575
 Майка му се чудила що да прави
 Що да прави що да стори?
 Де си се наумъ науми,
 Та си рука ду три юди все биларки'
 Да си найдать билки лекувити, 580
 Да си дигнать нехинъ миланъ сина.
 Лю какъ чуха юди чи Орфенъ боланъ лежи.
 Утидоха на тяхну берекетлия поля

Та набраха билку лекувити;
 Пырва юда набра билка лекувита
 С коя да гу дигне уть потстели!
 Втора юда набра билка лекувита,
 Кога' иде при фейска краля,
 Пырву любу да си тера,
 Фейски сарая с' нея да утори,
 Трета юда набра билка лекувита'
 Кога грабне ду негуву си пырву любу
 Уть тая лекувита билка да яди,
 Златни криля да му излязатъ,
 Немой фейска краля да гу стигне,
 Пакъ любу му да си земе
 И негу младу да си погуби.
 За день юди утидоха на тяхну берекетля поля
 Я за часъ се вырнаха уть таму
 И си дойдоха при Орфена свирелжия. 585
 Орфенъ си на потстели зле лежи,
 Ниту очи подигнува да погледне,
 Ниту языкъ помырдноува да продума,
 Саму рыки си уть земя удри!
 Пырва юда си искара ду
 нехина лекувита билка,
 Лю що му я ду носъ дупря'
 Орфенъ си очи подигна,
 Да си види стара майка що си прави ?
 Языкъ си помырдна и продума:
 „Да си жюва, юду Самувилу!
 Що си ма уть потстели дигна
 Со тоя билка лекувита;
 Я' що ми трябува такавъ животь,
 Аку не ми кажете лекувита билка,
 Какъ да кортолисамъ моя пырву любу?
 Що си я запря фейска краля,
 На негу изметъ да си чини.»
 Юди си му велеть и говореть!
 Немой за това, Орфене, кахыръ берешь!
 Ний имаме лекувити билки,
 Лю ти се молба молиме,
 Да си земешъ тоя златна свирка,
 Да засвиришь песна желувита,
 Да се чуя дуръ на висе небу
 Дур на висе небу при Вишню Богу,
 И той тебе да пожала;
 Кога идешъ при фейска краля,
 И той да си прати ду негува ангела
 На тебе ардамъ да си утори.
 Орфенъ си услуше ду три юди,
 Та си зе в' рыки златна свирка
 Та засвири тая песна желувита,
 Дуръ и планини-те още и
 камене-ту се разплакаха!
 Песна си се чу дуръ на висе небу
 Дуръ на висе небу при Вишню Богу,
 Чтобы набрать травки лекарственной;
 585 Первая Юда набрала травки лекарственной,
 С которой его поднимет с постели!
 Вторая Юда набрала травки лекарственной,
 Когда придёт к Фейскому королю,
 Первую любовь свою забрать,
 590 В Фейский дворец, чтобы проникнуть,
 Третья Юда набрала травки лекарственной,
 Когда похитит свою первую любовь,
 Ту лекарственную травку надо съесть,
 Златые крылья, чтобы у него вылезли,
 595 Дабы не мог Фейский король его догнать,
 Снова любимую у него забрать
 И его младого, чтобы погубить.
 За день Юды дошли на то плодородное поле,
 Но за час уже вернулись оттуда
 600 И пришли к Орфею свирельщику.
 Орфей на постели плохой лежит,
 Очи не приподнял, чтобы поглядеть,
 Языком не пошевелил, чтобы сказать,
 Свои руки свесил с постели на пол!
 Первая Юда ему преподнесла
 605 свою травку лекарственную,
 Лишь только она дотронулась до его носа,
 Орфей сразу очи приподнял,
 Чтобы увидеть, что же делает его старая мать?
 Языком пошевелил и заговорил:
 610 «Будь здорова, Юда Самувила!
 Что ты меня с постели подняла
 Со своей травкой лекарственной;
 Так как мне нужна ещё такая жизнь,
 А не подскажите мне лекарственную травку,
 615 Как освободить мою первую любовь?
 Которую держит Фейский король,
 Чтобы она ему прислуживала и работала.»
 Юды ему велют и говорят!
 Не надо, Орфей, беспокоится об этом!
 620 Мы имеем лекарственную травку,
 Лишь тебя с мольбой просим,
 Когда возьмёшь свою златую свирель,
 Да заиграешь песню жалостливую,
 Чтобы слышно было аж до высокого неба
 625 Даже до высокого неба до Вышнего Бога,
 И он тебя может пожалеет;
 Когда пойдёшь к Фейскому королю,
 А он пошлёт тебе своего вестника,
 Чтобы помощь тебе оказать.
 630 Орфей выслушал всех трёх Юд,
 Да взял в руки златую свирель
 И заиграл песню жалостливую,
 Даже окружающие горы и
 ещё камни все расплакались!
 Песня была слышна аж до высокого неба
 635 Даже до высокого неба, до Вышнего Бога,

Та и на негу се нажели.
 И си прати ду негува ангела,
 Да си чака Орфена при цырну-ту моря,
 Кога иде при фейска краля
 И той нящу ардамь да му устори.
 Орфенъ си вейке песна свырши,
 Уть юди си тера лекувити билки,
 Тие му велеть и говореть:
 „Ний лекувити билки ща ти дадем',
 Я ти кога с' невяста
 минешь презь наше поля
 Нехинь дувакъ да подигнешь,
 Да хи видим' бялу лику,
 Да ли е тия мома спроти тебе?
 Аку си е тия спроти тебе,
 Ний дарба ща я дарим с' криля фыркати,
 Да си фырка дурь на синю небу,
 Ниту пиле да я стига!
 Тия нишанлия да си биде,
 Да се зная кому люблю си е.
 Аку ли не си е спроти тебе,
 Ний ща я сась сряли усрялиме,
 Ти другу люблю да си найдешь
 Другу люблю спроти тебя.»
 Ютговори Орфенъ младъ свирелжия:
 „Тя си е люблю спроти меня,
 Биле и поубава уть меня!»
 Втора юда си му даде билка лекувита
 И му вели ютговори:
 „Кога идешь при фейска краля
 Тоя пырву люблю да си терашь,
 С' тая билка фейски сарая да уторишь.
 Тоя люблю ду сарайски порти стои,
 Лю какъ ще порти уторишь,
 С лева рыка нея да закарашь,
 Я с' десна рака свирка да засвиришь,
 Тя уть тоя песна да се умая
 И пу тебе да си ходи:
 Дурь да поминешь цырну моря
 Свирка хичь уть рыка да не уставешь,
 Чи лю що ще си свирка оставишь
 Тия пакъ назадъ ща си се вырне!
 Ега идете при цырну-ту моря,
 Вишни Ангель ща си
 дойде ардамь да ви устори.
 Презь широку моря да си ва прикара.
 Трета юда си му даде билка лекувита
 И му вэли ютговори:
 „Кога моря поминете
 Фейска краля тога на умь ща му дойде,
 Чи си нема тоя пырву люблю:
 Ща се мощне разеди, разлюти,
 Та ша стане самъ да си ва гони:
 Той ща може скоро да ва стигне,

Тут он над ним сжалился.
 И послал к нему соего вестника,
 Чтобы ожидал Орфея на Чёрном море,
 Когда пойдут они к Фейскому королю
 640 И он некоторую помощь ему окажет.
 Орфей уже свою песню завершил,
 Да от Юд получил травки лекарственные,
 Они ему велят и говорят:
 «Мы лекарственные травки тебе дадим,
 А ты, когда будешь с невестой
 645 направляться через наше поле,
 Накидку её, чтобы приподнял,
 Да мы бы посмотрели её белое лико,
 И будет ли эта девушка достойна тебя?
 Если она будет достойна тебя,
 650 Мы в дар ей подарим крылья летучие,
 Чтобы долетала она даже на синее небо,
 Да ни одна птица её не догнала!
 Она знаменитая, чтобы была,
 Да мы бы узнали, кому любовь ты отдал.
 655 Ежели она не достойна тебя,
 Мы будем её стрелой устрашать,
 Тогда ты другую любовь найдёшь
 Другую любовь, достойную тебя.»
 Отвечает Орфей молодой свирельщик:
 660 «Она есть любимая, достойная меня,
 Белее и прекрасней, чем я!»
 Вторая Юда дала ему травку лекарственную
 И ему велит, говорит:
 «Когда придёшь к Фейскому королю
 665 Твою первую любовь, чтобы забрать,
 С этой травкой в фейский дворец проникнешь,
 Твоя любимая за дворцовыми воротами стоит,
 Лишь как только ворота отворишь,
 левой рукой её захватишь,
 670 А правой рукой заиграешь на свирели,
 Чтобы от твоей песни заворожились
 И тебе можно было уходить:
 Пока не минуешь Чёрное море,
 Свирель никак из рук не выпускай,
 675 Потому что, если свирель оставишь,
 Ты снова назад можешь вернуться!
 Когда подойдёте к Чёрному морю,
 Вестник Вышнего Бога придёт,
 чтобы помощь вам оказать.
 Через Чёрное море вас переправит.
 680 Третья Юда дала ему травку лекарственную
 И ему велит, говорит:
 «Когда через море будете переправляться,
 Фейский король тогда догадается,
 Что нет твоей первой любви:
 685 Он очень рассердится, разгневается,
 Да будет сам вас догонять:
 Он может очень скоро вас настигнуть,

Чи си е на ноги мощне нишанлия!
 Кога ва вейке наблизи да ва стигне,
 Ядите вий тая лекувита билка,
 Та ща ви излязатъ криля фыркувити,
 Да си фыркате дурь на синю небу;
 Той неще може да ва стигне,
 Чи си нема криля фыркувити,
 Да си фырка дурь на синю небу.»
 Юди си му билки дадоха и си утидоха
 Я Орфенъ не постоя, не почака,
 Ам си зе ду негува златна свирка
 И навырви да си иде при фейска краля,
 Месецъ има ду негува столнина,
 Я той си за день утиде ду цырну-ту моря.
 Де излязоха ду деветъ цырну морски юди,
 Не му даватъ да помине презъ цырну-ту моря.
 Чудиль се е Орфенъ що да прави
 Що да прави що да стори ?
 Де му на умъ дойде що му казаха ду три юди,
 Чи Вишни Ангелъ на ардамъ ща му дойде,
 Гледа пу край моря белки види Вишни Ангела,
 Я не може нийде да гу види!
 Тога си зе златна свирка
 Та засвири песна желустива,
 Свирка свири и си песна напева:
 „Ой ти Боже, Вишню Боже!
 Прати си уть небе ду тоя Вишни Ангела,
 На мене малку ардамъ да устори,
 Саму цырну моря да си помина,
 Чи си ми юди не даватъ това моря да помина.»
 Лю си Орфенъ пеена свырши,
 Си погледа пу край моря,
 Де си виде стара дядя с' брада ду ноги-те:
 Утиде поклонъ да му се поклони,
 Я стари дяду си гу пита:
 „Ти ли, бре юначе, свиреше тая свирка
 И напеваше тая желустива песна ?
 Коя се дурь на висе небу слушеше
 Дурь на висе небу при Вишню Богу,
 Та си прати меня ардамъ да ти сторя:
 Що ардамъ уть меня искашь?»
 „Ой ти, Вишню Ангеле, мой ардамжия!
 Нищу другу неща да ми усторишь:
 Юди не ми даватъ моря да помина,
 Да си ида при фейска краля,
 Та си искамъ презъ моря да ма прикарашь,
 Юди зло да ми не устореть;
 Хемъ ся да ма презъ моря прикарашь,
 Хемъ пакъ тука да на чакашъ,
 Кога се вырнеме пакъ да на прикарашь.
 Стари дяду вишни Ангелъ нищу не устори,
 Лю си седна на край моря
 Та погледна криву каде деветъ юди;
 Юди какъ си видеха вишни Ангелъ

Потому что у него ноги очень скороходные!
 Когда уже близко будет достигать,
 690 Съедите вы эту травку лекарственную,
 Да у вас вылезут крылья летучие,
 Чтобы взлетели аж до синего неба,
 Он никак не мог бы вас догнать,
 Так как не имеет крылья летучие,
 695 Чтобы взлететь аж до синего неба.»
 Юды отдали ему травки и удалились,
 А Орфей не постоял, не подождал,
 Да взял свою златую свирель
 И направился идти к Фейскому королю.
 700 Месяц надо идти до его столицы,
 А он за день дошёл до Чёрного моря,
 Где вышли девять Черноморских Юд,
 Не дают ему переправиться через Чёрное море.
 Размышляет Орфей, что же делать
 705 Что же делать, да что предпринять?
 Где он вспомнил, что ему сказали три Юды,
 Что Вышний вестник придёт ему на помощь,
 Глядит на берег моря, авось увидит вестника,
 Но не может нигде его увидеть!
 710 Тогда взял он свою златую свирель
 И заиграл песню жалостливую,
 Играет на свирели и песню напевает:
 «Ой ты, Боже, Вышний Боже!
 Пошли с неба твоего Вышнего вестника,
 715 Мне небольшую помощь оказать,
 Сам хотел Чёрное море миновать,
 Да Юды не дают через море переправиться.»
 Лишь Орфей свою песню завершил,
 Да поглядел на берег моря,
 720 Где увидел старого деда с бородой до ног:
 Подошёл и с поклоном ему поклонился,
 А старый дед его спрашивает:
 «Ты ли, гой юначик играешь на свирели
 И напеваешь эту жалостливую песню?
 725 Которую слышно даже на высоком небе
 Даже на высоком небе у Вышнего Бога,
 Который послал меня помощь тебе оказать:
 Какую помощь ты от меня хочешь?»
 «Ой ты, Вышний вестник, мой помощник!
 730 Ничего другого не надо для меня делать:
 Юды не дают мне море миновать,
 Чтобы идти к Фейскому королю,
 Хотел я, чтобы через море меня переправил,
 Юды зла мне тогда не сделают;
 735 Однако, если меня через море переправишь,
 То тут меня тогда подождёшь,
 Когда вернёмся, чтобы снова переправить.
 Старый дед Вышний вестник ничего не сделал,
 Лишь сел на берегу моря,
 740 Да поглядел косо, где были девять Юд,
 Юды как увидели Вышнего вестника,

Се скриха в' дыну-ту на море-ту.
 Тога си Орфень моря помина
 И утиде на фейскуви сарая.
 Сарая бежа заторени, заключени,
 Уть пазуфи искара билка лекувита
 Та си с' нея утори фейски сарая
 И си флезе фнетре фафъ сарая.
 Никой си гу не виде,
 Саде любу си му бе на чушмите,
 Вода точеше на фейска краля.
 С' десна рыка си обзе златна свирка
 Та засвири тая желуствива песна,
 Любу му се мощне умаяла,
 Та устави студна вода
 И навырви след млади Орфена.
 Ду кога си Орфень свирка свиреше
 Тя си пу негу ходеше,
 Низъ поля уть лику хи сонце грееше!
 Я лю кога си свирка уставеше
 И тя си се назади вращаще,
 Поля се с' темнилу облячаше!
 За това си Орфень свирка не устави,
 Все си свиреше песна желувита.
 Пилци какъ си слушеха песна желувита
 Сички пу негу ходеха,
 И си сулзи изъ очи ронеха!
 Ду кога стигнаха на цырну-ту моря,
 Фейска краля не обсећи
 Чи си нема млада Орфеница.
 Вишњи ангел си ги чакаше на црну-ту моря,
 Лю какъ си виде Орфена
 Чи си кара ду негуву пырву любу,
 Му вели ютговори:
 „Халаль нека ти е бре, Орфене, мой изметъ,
 Що ти чинихъ тука на цырну-ту моря,
 Чи ти си биль юнакъ надъ юнаци!
 Ду ся не бе никой утишелъ на фейска земя
 Я ти си утиде и на фейски сарая,
 Янкулува керка си си обзель;
 Ти мощне касметлия ща си бидешъ,
 Чи си тя има ду седемъ брата
 Седем брата все духувити,
 Лю що терашъ у тяхъ ща найдешъ.»
 Юди какъ си чуха уть дыну-ту на моря-ту
 Излязоха с' ние очи напырвасали,
 Зыби кырцнаха на Орфень юнака!
 Я вишни Ангелъ пакъ си ги криву погледна,
 И тие си найдоха дыну-ту на моря-ту!
 Та си Орфень цырну моря помина.
 Дуръ да иде на край моря
 Фейска краля си обсети,
 Чи си нема млада Орфеница!
 Самъ си стана да ги гони,
 С' ние нишанлии ноги си ги наблизи,

Сразу скрылись на дно морское.
 Тогда Орфей через море переправился
 И направился в Фейский дворец.
 745 Дворец был закрыт и замкнут на замок,
 Из кармана достал он травку лекарственную
 И с ней отворил Фейский дворец,
 Да вошёл внутрь дворца.
 Никто его так и не увидел,
 750 Сейчас его любимая была возле источника
 И набирала воду для Фейского короля.
 В правую руку взял он золотую свирель
 И заиграл ту жалостливую песню,
 Любимая его очень заворожилась,
 755 Да оставила студеную воду
 И отправилась вслед за младым Орфеем.
 Да когда Орфей играл на свирели,
 Она по пятам за ним ходила,
 На поле от её лика солнце сияло!
 760 Но когда он свирель оставлял,
 То она назад возвращалась,
 Поле сразу в темноту облекалось!
 Поэтому Орфей свирель не оставлял,
 Всё играл песню жалостливую.
 765 Птицы, как слышали песню жалостливую,
 Все за ним по пятам ходили
 И слёзы из очей они роняли!
 Когда они достигли Чёрного моря,
 Фейский король даже не вспомнил
 770 Что нет младой Орфеевой девы.
 Вышний вестник ожидал их у Чёрного моря,
 Лишь как увидел он Орфея,
 Что привёл свою первую любовь,
 Ему молвит, говорит:
 775 «Благославляю тебя гой, Орфей, мой труд,
 Что ты совершил тут на Чёрном море,
 Да будешь ты юнак над юнаками!
 Ещё никто не доходил до Фейской земли,
 Но ты пришёл и в Фейский дворец,
 780 Янкулову дочку ты даже взял;
 Ты очень счастливым будешь,
 Так как у тебя будет семь братьев
 Семь братьев и все остроумные,
 Лишь прибудешь и их найдёшь.»
 785 Юды как слышали со дна моря,
 Вылезли, очи у них налились кровью,
 Зубами щёлкнули на юнака Орфея!
 А Вышний вестник опять косо на них глянул,
 И они очутились на дне моря!
 790 Тут Орфей Чёрное море миновал.
 Только проходя по берегу моря,
 Фейский король опомнился,
 Что нет младой Орфеевой девы!
 Сам стал их догонять,
 795 Со своими скороходными ногами их настигал,

Вейке щеше да ги стигне.
 Орфенъ си искара билка лекувита
 Ти си яде и той и негуву люблю,
 На негу излязоха криля фыркувити,
 Я що беше ду негуву люблю
 криля не излязоха!
 Чудиль се е Орфенъ що да прави
 Що да прави що да стори?
 Де си му наумъ дойде,
 Та си яхна ду негуву люблю на негови рама,
 Та си фыркна дуръ на синю небу.
 Та испя на Вишню Бога песна мощне радувита,
 Чи си гу е той куртолисалъ уть морски юди.
 Фейска краля уть желба си душе придаде,
 Утмалъ душе приговори:
 „Орфене ле младъ свирелжия!
 Мое царсту халалъ нека ти е!
 Тебе наследникъ си уставиъмъ,
 Чи си ти юнакъ надъ юнаци-те !
 Ду ся не бе никой душелъ на моя земя
 Я ти си флезе и в' мои сарая,
 Та си обзе ду тоя пырву люблю.»
 Тога си Орфенъ стана фейска краля!
 Ега утиде на юдинску поля,
 На невяста си подигна алень дувакъ,
 Да си видеть юди ду нехина гиздавина;
 Какъ хи се алень дувакъ подигна
 Изгреяха ду две ясни сонца!
 Юди си я мощне бендисаха,
 На Орфенъ си велеть и говореть:
 „Жива да ти е, бре Орфене!
 Тия си е спроти тебе,
 Биле и поубава уть тебе!»
 Та си я дарба дариха
 Дарба с' фыркувити криля
 И тя си фыркаше дуръ на синю небу,
 Ниту пиле си я стигаше.
 Тога си Орфенъ фыркна с' негуву пырву люблю
 И утиде на негува стара града.
 Вечерь беше полунощи,
 Ниту сонце, ниту месецъ греяше,
 Уть невяста две сонца греяха!
 На негува стара града день си биде.
 Стара му майка на дори излезе,
 Да посрещне ду нехина
 сина сась млада невяста;
 Какъ си виде млада невяста.
 Чи уть лику хи две сонца греять,
 Мощне си я беандиса,
 На Орфенъ си вели ютговори:
 „Халалъ да ти е, сину, мое мляку!
 Уста да ти се позлатеть!
 Чи си нашель люблю спроти тебя,
 Що приличе на наши сарая.»

Уже немного и их настигнет.
 Орфей достал травку лекарственную,
 Да съел сам и дал своей любимой,
 У него вылезли крылья летучие,
 А что было у его любимой,
 800 то у неё крылья не вылезли!
 Раздумывает Орфей, что же делать
 Что же делать, да что предпринять?
 Тут ему на ум пришло,
 Да посадил свою любимую себе на плечи,
 805 И взлетел с ней аж до синего неба.
 Да спел Вышнему Богу песню очень радостную,
 Что он избавил его от морских Юд.
 У Фейского короля душа от печали замерла,
 810 Еле перевода дух, душа его проговорила:
 «Ой ты, Орфей, молодой свирельщик!
 Моё царство тебе я завещаю!
 Тебя наследником хочу оставить,
 Что ты есть юнак над юнаками!
 815 До сих пор никто не дошёл до моей земли,
 А ты зашёл и в мой дворец,
 Да забрал свою первую любовь.»
 Так Орфей стал Фейским королём!
 Когда проходил по Юдинскому полю,
 820 На невесте приподнял алую накидку,
 Чтобы Юды увидели её красоту;
 Как только алую накидку он приподнял,
 Засияло сразу два ясных солнца!
 Юдам она очень понравилась,
 825 Орфею они молвят и говорят:
 «Доброй жизни тебе, гой Орфей!
 Она является достойной тебя,
 Белее и прекрасней, чем ты!»
 Тут ей подарок преподнесли
 830 Подарили ей летучие крылья
 И она вспорхнула аж на синее небо,
 Никто из птиц не мог её догнать.
 Тогда и Орфей вспорхнул к своей первой любви
 И они направились в его старый град.
 835 Вечер близился к полуночи,
 Ни солнце, ни месяц не светят,
 А от невесты два солнца сияют!
 До его старого града днём добрались.
 Старая мать во двор вышла,
 Чтобы встретить своего
 840 сына с молодой невестой;
 Как увидела она младую невесту,
 Что от её лика два солнца сияют,
 Очень она ей понравилась,
 Орфею она молвит, говорит:
 845 «Благославляю тебя, сын, моё молоко!
 Уста твои пусть позлатятся!
 Что нашёл любимую, достойную тебя,
 Она пристойна для нашего дворца.»

На Орфень се уста позлатиха,
И му се ду днешни день позлатени!
Това е Орфень направилъ!
И е устанала тая песна да се пея,
Чи и той си песна миловаше.

У Орфея уста сразу позлатились,
850 И у него сегодняшний день позлаченный!
Это Орфей всё совершил!
И оставил эту песню, чтобы петь,
Потому что это его любимая песня.

ТОЛКОВАНИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

слов и выражений, отмеченных сноской, в порядке следования текста

1. Дунайский король: Слово «король» происходит от славянского слова «корона». Так как Солнце было главное Божество славян, то его рисовали с короной, которая получила символ могущества и власти. Отсюда славянские правители начали называться королями задолго до коронации Карла Великого, от имени которого, как утверждает западная наука пошло название «король». Дунайский король – это дикий балканский автохтонный вождь *хетитянин* из племени хеттов, более ранний пришелец с Малой Азии. Это племя составляли каннибалы, которые съедали своих пленников, как указывается в текстах песен о переселении народов.

2. Читайский король: Правитель славян-антов, который возглавил переселение молодой части своего народа с Край-земли (северная Африка) на Белый Дунай (Балканы).

3. Вышний Бог, Вишна, Вышень: В оригинале песен Вишна есть такой же Вышний Бог в прямом значении слова. Он хранитель небес и поскольку он над небом, то и всего видимого мира, таким образом он самый Вышний. В славянской совокупности Богов Всевышний или Вышний, как и в ведизме, он Верховное Божество над всем видимым и невидимым миром. Вишну и Вышнего связывает название святого дерева вишни. Всевышний или Вышний в одном образе означает и Бога в христианстве. Когда близкие и дорогие благословляли, то обычно говорили такие слова: «Пусть тебя Вышний хранит», или «пусть тебе Вышний подарит счастье». (*Р. Пешич*) Возможно, под именем Вышний славяне подразумевали всех Богов и в этом случае Вышний означал обитателей Неба, просто Бог.

4. Харапская земля: Земля арабов – Арабия, Арабистан или Аравия – полуостров, отделённый от материка Персидским заливом. С Африкой соединён Суэцким перешейком. Кроме Аравии, арабскую землю составляло население Египта и Эфиопии.

5. Коледа Бог, Коляда: Бог нового периода, его имя имеет значение «коло», что по-славянски «круг». Существование круга времени каждый год завершалось, затем начинался новый цикл и это событие праздновалось. Праздник в честь Бога Коледы начинался на День зимнего Солнцестояния и продолжался до Нового года. Коледа дал людям «Ясную книгу» своих заповедей и календарь (Коледы дар) ведения сезонных полевых работ. Как писал литературовед А. Н. Афанасьев, в церковном индексе указывалась запретная книга «Коледник», которая содержала календарные приметы. Имя Коледа согласно со звуковыми законами славянского языка в России изменилось на Коляду. Молитва Коляде вошла в русский словарь как «колядование». Коляде делали продолжительные, всеобщие и великолепные торжества (*С. Ушаков*) С плясками и песнями в его честь, которые назывались «колядки», ходили по домам, желали здоровья и мира, что сохранилось и сегодня. Славяне, жившие на территории Германии в честь Коледы назвали город Koelleda (*А. А. Бычков*). В древней ведической традиции Коледа есть второе воплощение Всевышнего после Кришени.

6. Самувила, Самовила, Самодива: Богини чародеек, которые могут управлять силами Природы, а также могут быть воплощением добрых или злых тёмных сил. В содержании песен Юды являются всемогущими Богинями, а также посредниками между Высшими Богами и людьми. В основном, представлены в образе небесных красивых девушек в нарядной одежде с распущенными косами и приятным голосом.

7. Царь: Правитель страны или народности. Царь – слово славяно-арийского происхождения (це Арь) в переводе с древнеславянского означает – это арий.

8. Сада король: отождествляется с князем Арием Оседнем, героем «Книги Велеса», так как Оседень возглавил свои роды и переселил их из Семиречья на Балканы и Карпаты, как и Сада король. (*А. И. Асов*).

9. Ламия, Сура Ламия: Чудовище в виде огромного ящера, бывает с несколькими головами и хвостами, аналог русского Змея Горыныча. Похищает и съедает девушек, а также юношей. С ним сражаются и побеждают многие герои содержания песен. В греческой мифологии Ламия – дракон с телом змеи, но грудью и головой женщины. Как подтверждается в песнях, в те древние времена ещё водились такие особи. В Псковской летописи XVI века написано: «В лета 7090-е изыдоша коркодили лютии звери из реки и путь затвориша; людей много поядоша...». Некоторым добрым ящерам поклонялись местные жители и поэтому они безжалостно уничтожались церковниками.

10. Огнебог, Огнен Бог, Игне, Агни: представлялся как огненная стихия, существующая на небе и на земле. Поэтому изображался двухголовым существом, также как иранский Бог Огня и Солнца, а также как индийский Бог Агни (*акад. Рыбаков*). Во время проведения праздничных обрядов с огненными требами Огонь становился ясным, то есть священным. Если ясный Огонь погасал, то виновный волхв строго наказывался вплоть до смерти. Бог Огонь был защитником очага и духов Предков.

11. Громовик, Бог Перун: являлся творцом всех воздушных явлений, управлял громом и молниями. Перуну посвящали целые леса и рощи, в которых нельзя было сломать даже веточку, что считалось святотатством. Так с помощью Ведической Веры решалась экологическая проблема общества. Действовали заповедники, где не требовалось никакого штата охранников.

12. Юда: та же самая небесная дева, что и *Самувила* Имя «Юдо» означает «водная», так как изначально Юды считались русалками (*А. А. Бычков*)

13. Треба: Приношения Богам даров, входившие в обряд богослужения. Обряд подношения животных узаконен в библейские времена при богослужении у евреев, а также привнесён в ислам, где в честь памяти жертвы сына – библейского Авраама отмечается праздник Курбан – Байрам с подношениями животных. В ведической традиции, как указано в «Велесовой книге», славяне прославляли Богов и приносили им требы исключительно своего труда: как например, плоды, молоко, фрукты, сурицу, мёд и млечные цветы, а на отдельные праздники и ягнёнка. (*Р. Пешич*) В помакских текстах песен для требы применяется арабский термин «курбан», которого нет в болгарском и славянских языках. А так, как славяне повсеместно занимались охотой и скотоводством, то в связи с этим не были вегетарианцами. Поэтому постепенно лучшая часть обычной пищи, съедаемой на праздники, стала считаться требой Богу. Из «Велесовой книги» также узнаём, что норманны и аланы приносили Богам человеческие жертвы, что потом в истории было приписано славянам. При раскопках древней столицы славяно-ариев Аркаима были обнаружены многочисленные останки жертвенных животных (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот).

14. Белое море: Это может быть любое море, олицетворяющее чистоту Беловодья, так же как Белый Дунай, Белая Гора и тому подобное. Некоторое время в древности Эгейское море называлось Белым морем.

15. Бог, Боже: Одно из имён Верховного небесного Бога славянского пантеона *Сварога*, Славяне верили во Всевышнее Существо, Всемогущее, Всетворящее, собственное наименование которого было просто Бог. (*Г Глинка*). Он есть общий всеродитель, создатель, творец.

- 16. Юнак:** герой, богатырь, добрый молодец, храбрец. Юноша смелый, отважный, удалой.
- 17. Семьдесят королей, царей:** Правители славянских земель в Европе, которые все вместе составляли мощную славянскую державу и несли ответственность за свой народ и подвластную территорию. Среди них выбирался общий главный Правитель.
- 18. Первый король:** Главный Правитель державы всех славянских земель в Европе. Выбирался из числа входящих в державу семидесяти королей, царей или князей (банов).
- 19. Юнак над юнаками:** Самый сильный и смелый герой из героев. Предводитель юнаков.
- 20. Небесная Дева, Дефа:** Пречистая Дева, которая живёт на небесах в чертоге каждого Бога и помогает ему выполнять свои функции. Одета всегда в тонкие белоснежные одежды, имеет крылья, чтобы летать. Этот образ был заимствован и привнесён позднее в христианство..
- 21. Огненный самолёт, огнена кучие:** Поскольку анты-славяне были потомками технократической цивилизации в Атлантиде, то у них остались некоторые технические устройства. Упомянутый в песне огненный самолёт, реактивный ввиду упоминания огня, мог поднять одновременно тысячу коров и в бочках тысячу вёдер вина, что не под силу современным самолётам.
- 22. Дажьбог, Дажна Бог:** Управитель всеми небесными тучами и облаками, податель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. В песнях он добр и даёт дождь в засуху, если только люди помогают детям-сиротам жить без нужды. В Киеве был храм (божница) Дажьбога. Он упоминается в Ипатьевской летописи 1114 г., в которой славяне считали себя внуками Дажьбога. Также себя называли и русичи в «Слове о полку Игореве» и в «Велесовой книге».
- 23. Жива Юда, Жива:** в Ведической традиции Жива является Богиней Жизни, Весны и молодости Она даровала человеку жизнь, от неё зависел и урожай на полях. Но Жива была не только представительница земных урожаев, но и вообще покровительницей брака и любовных наслаждений. Ей были посвящены целые рощи. В начале мая её правьславляли и устраивали в её честь праздник, который был лучшим в году. Девушки и парни готовили венки и ими обменивались. После этого все приступали к хороводным играм. Живу, которую почитали источником жизни, просили о долгом и благополучном здравии.
- 24. Божье имя:** Выбору имени новорожденному придавали огромное значение. Для этого собирались волхвы, родственники и правители во время «полной Луны». Волхвы по звёздам называли «Божье имя», а остальные решали, какими качествами будет обладать ребёнок в жизни.
- 25. Огненная машина, огненная колесница:** Техническое устройство, оставшееся от цивилизации атлантов. Представляло собой автомобиль на реактивной тяге, так как из сопла вырывался огонь и опалял близко стоявших. Из современных аналогов есть только немногочисленные гоночные автомобили.
- 26. Тырнов град:** Тырново с 1186 года столица Болгарии на реке Янтре, притоке Дуная. В 1393 году она захвачена турецким султаном Баязетом.
- 27. Огненный снаряд, огнена музрака:** Боевое оружие, представляющее собой современный аналог ручной противотанковой ракеты, которая при взрыве сжигала объект мощным пламенем.
- 28. Чёрная година:** Во время от Коледова до Сурова праздника наступала Чёрная година и отмечали «Мрачные дни». Тогда верили, что в дома ходят Юды, которых Бог насыплет на людей, которые сделали какое-то зло. В это время запрещалось мужу иметь сношение с женой, а женщины должны были носить чёрные платки.
- 29. Суров праздник:** На Суров праздник всё село собиралось на песнопение и празднование Нового года, когда прошли Мрачные дни. На празднике молились Богу Суру, чтобы он на весь год даровал хорошее здоровье и за это обещали вести праведную жизнь.

30. Водный Бог: Ему были подвластны все земные источники, реки и моря. Особенно его почитали рыбаки и моряки. Во многих местах, где жили славяне, встречались каменные изваяния в виде рыбы под названием *Дагон*.

31. В письме король радостно напевал: В текстах песен неоднократно указывается, что во время молитвы Богу надо петь по книге, также просьбы необходимо напевать, только тогда все молитвы и просьбы исполнятся. Даже в письме король своё приглашение напевал, что говорит о том, что у славян была доступная нотная грамота. Христианская православная церковь переняла пение молитв для своих обрядов.

32. Хоро: хоровод, болгарский национальный танец.

33. Волхв: жрец, астролог, прорицатель, учитель и мудрый человек, который познал тайны Природы. До принятия христианства волхв выступал носителем славянской Православной Ведической Веры. В XVI веке на Руси патриарх Никон назвал христианскую веру Православием, заменив слово «правоверные» на «православные» христиане.

34. Манци: Национальное блюдо у помаков и македонцев, представляющее собой тушёное мясо с приправой. Подавалось на трапезу во время праздничного застолья.

35. Мора Юда, Морана: в Ведической традиции Богиня ночи, зимы, а также смерти. Мора олицетворяет ритуальное умирание природы зимой. Отсюда образовались слова: «мороз, морок, мёрзнуть». В тексте песен по заданию Вышнего Бога Мора прекращает жизнь Чёрного Харапина за нарушение им ведических заповедей. Мора по характеру суровая и дышит холодом. К ней обращаются с молитвами и просят её умерить свою жестокость.

36. Чёрное море: Здесь Чёрным морем называется Красное море, которое омывает Африку и Арабскую землю, то есть Аравию. До своего современного названия Красное море называлось Чермным, что на славянских языках соответствует слову «чёрный». В тексте песен сказано, что когда предки славян прибыли до современного Чёрного моря, то они так рассудили: на Край-земле было Чёрное море, пусть теперь это море называется Чёрным, как на нашей Прародине.

37. Арабеска: Здесь арабский национальный танец, а вообще стиль арабского орнамента.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на Природу. Москва, ЭКСМО, 2005.
2. Бычков А. А. Энциклопедия языческих Богов. Москва. А. О. Издательство «Вече». 2001.
3. ВЕДА СЛОВЕНА. Български народни песни отъ предисторично и предхристиянско доба откриль въ Тракия и Македония и издалъ Стефанъ И. Верковичъ. КНИГА 1. Београд, државна штампария 1874.
4. ВЕЛЕСОВА КЊИГА најстарији докуменат о словенима четврто допуњено и редиговано издање ПЕШИЋ И СИНОВИ БЕОГРАД 2005
5. Гигов Никола. Тайната на Орфей. Изд. Хелиопол. София, 2006.
- Мизун Ю.В., и др. Тайны языческой Руси. Изд. «Вече», Москва 2001.
6. Нажимова Г. Т., Касимов Т. Р. АРКАИМ. Гор. Уфа, 2005.
7. Славянские Веды. / Перевод, пояснения А. И. Асова. – Москва: издательство «Фаир-Пресс». 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие переводчика (<i>Валерий Барсуков</i>)	2
Воскресение древнего Солнца (<i>Никола Гигов</i>).	9
Феномен «Веда Славян» (<i>Георги Михов</i>)	13
Предисловие автора (<i>Стефан Веркович</i>)	16
Отзывы о Родопских песнях	27
I. Переселение народа с Крайней земли на Дунай	36
II. Ещё о переселении, но другое	38
III. Ещё о переселении, но иначе	40
IV. Ещё о переселении, но по другому	42
V. Ещё о переселении, но опять различно	45
VI. Солнцева женитьба на девушке Валкане	51
VII. Женитьба Талатинского короля на дочери Ситского короля	70
VIII. Опять женитьба Талатинского короля, но иначе	99
IX. Женитьба Талатинского короля на дочери Китического короля	106
X. Битва Талатинского короля с Сурой Ламией на Ричной Земле	111
XI. Рождение Орфея	116
XII. Опять о рождении Орфея, но иначе	138
XIII. Снова про рождение Орфея, но по другому	148
XIV. Опять про рождение Орфея, но различно	158
XV. Женитьба Орфея на дочери Арабского короля	169
Толкование слов	185
Использованная литература	188